

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

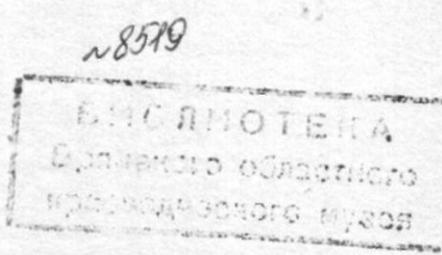
Институт археологии

С А. Плетнева

На славяно- хазарском пограничье

Д м и т р и е в с к и й
а р х е о л о г и ч е с к и й
к о м п л е к с

Ответственный редактор
академик Б. Л. РЫБАКОВ

МОСКВА
«НАУКА»

1989

ББК 63.4(2)
ПЗ8

Рецензенты:

доктор исторических наук **И. П. Гусанова**,
доктор исторических наук **Т. И. Макарова**

Плетнева С. А.

ПЗ8 На славянско-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). — М.: Наука, 1989. — 288 с: ил.

TSBJN 5-02-009447-1

В монографии подняты важные для историков-медиевистов вопросы сложения новых этносов и экономических и культурных систем на землях, граничащих с одной стороны с оседлым славянским населением (Русью), с другой со степенными кочевниками (Хазарским каганатом). Из-за почти полного отсутствия письменных свидетельств о взаимоотношениях этих двух государств особое значение придается археологическим исследованиям. Основная часть книги построена на тщательно исследованных материалах археологического комплекса. Системный подход к материалу позволил сделать ряд интересных исторических выводов, а также создать четкую хронологическую шкалу степных древностей конца VIII—начала X в.

Для археологов, историков.

„ 0504000000- 048 ,лл м
042(02) 89 182_89, кв_ 1

ББК 63.4(2)

ISBN 5-02-009447-1

© Издательство «Наука», 1989

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошло более 20 лет с выхода в свет моей книги «От кочевий к городам» (1967), посвященной максимально полной для того времени характеристике салтово-маяцкой культуры, принадлежавшей населению восточно-европейских степи и лесостепи во второй половине VIII - начале X в.

После публикации трех томов Трудов Волго-Донской экспедиции в 1958, 1959, 1963 гг. (МИА, № 62, 75, 109) и фундаментального исследования М. И. Артамонова «История хазар» (1962) книга «От кочевий к городам», подводя итоги изучению салтово-маяцкой культуры, суммировала материалы, подтверждающие высказанные ранее рядом ученых мысли о делении этой культуры на локальные (и этнические) варианты и в то же время об общности ее на громадной территории от Крыма до Волги, от предгорий Кавказа до верховий Дона и Донца. Эта целостность культуры, возрастающая во времени, позволила утверждать, что она являлась культурой какого-то сильного государственного объединения. Поскольку в те столетия в степях царил Хазарский каган, справедливо отождествить салтово-маяцкую культуру с «культурой Хазарского каганата».

Богатейшая и еще слабо изученная культура, сам Хазарский каганат, его общественная значимость и трагическая гибель, естественно, привлекали в прошедшее двадцатилетие многих ученых. Археологическое изучение культуры каганата продолжалось весьма активно. Большие работы были проведены в Дагестане. М. Г. Магомедов обобщил их в книге «Образование Хазарского каганата» (1983). Она явилась как бы пространным и доказательным ответом не небольшую полупопулярную книжечку Л. Н. Гумилева «Открытие Хазарии», в которой автор назвал Хазарию Атлантидой, т. е. страной, ушедшей под воду. На самом деле страна не утонула, осталась даже в Прикаспийской низменности, а памятники времени существования каганата исследованы, описаны и интерпретированы М. Г. Магомедовым. Даже если и не все выводы этого автора будут подтверждены, книга его не потеряет значения, так как он впервые попытался конкретные памятники Дагестана связать с собственно хазарами.

Не менее интересны и перспективны результаты работ И. А. Баранова по исследованию крымских поселений, синхронных расцвету каганата (и немного более ранних). К сожалению, его весьма ценный труд до сих пор не опубликован. Однако даже по отдельным вышедшим из печати статьям (*Баранов И. А.*, 1981 и др.) ясно, что проделанная им работа по хронологизации и интерпретации раскопанных памятников заслуживает самого пристального внимания всех медиевистов, занимающихся историей населения Юго-Восточной (степной) Европы.

В 1986 г. вышла из печати книга В. К. Михеева «Подонье в составе Хазарского каганата». В ней автор отразил только малую часть своих очень больших и плодотворных полевых исследований салтово-маяцких

памятников бассейна Северского Донца. Открытые им могильники с трупосожжениями, совершенными в «салтовских» сосудах, являются буквально шагом в неизведанное. Пока полностью не обработаны и не изданы материалы этих могильников, нет и не может быть достаточно убедительных обобщений о них (об их этносе, социально-экономических отношениях и пр.). Работа с этим материалом впереди и она может дать совершенно непредсказуемые выводы, особенно в отношении этнической интерпретации памятников. Что касается той части работы, в которой В. К. Михеев характеризует и по возможности анализирует экономику каганата, то здесь автору необходима была бы какая-то единая концепция. Она должна была бы связать все выявленные им факты в единое целое. Концепции, однако, не получилось, во всяком случае она не «прозвучала» в книге и потому можно только констатировать (что и сделано автором) наличие развитых ремесел и еще более развитой сельскохозяйственной экономики у жителей западных окраин Хазарского каганата.

На 70-е годы падает расцвет полевых изысканий К. И. Красильникова, проводившего свои тотальные разведки и серьезные раскопочные работы на поселениях в районе среднего течения Северского Донца, где им открыто свыше 200 новых памятников (кочевий, поселений, могильников). Результаты работ ему удалось сконцентрировать в нескольких обобщающих статьях (*Красильников К. И.*, 1976, 1979, 1981, 1980). Тем не менее громадный материал, добытый его трудами, так и остается неопубликованным.

Почти такую же большую работу по поискам и описанию памятников по верхнему и среднему Осколу провел учитель Волоконовской школы А. Г. Николаенко. В отличие от археолога К. И. Красильникова А. Г. Николаенко краевед-энтузиаст. Весь свой материал (около ста памятников) он щедро передал Г. Е. Афанасьеву, естественно заинтересовавшемуся этим буквально «золотым банком» сведений о мало до того изученном районе. Г. Е. Афанасьев попытался обобщить эти материалы (*Афанасьев Г. Е.*, 1987), но без проведения на обнаруженных памятниках раскопок вряд ли будут верными и фундированными не только исторические, но даже и методические построения, которыми изобилует книга Г. Е. Афанасьева. Впрочем, то обстоятельство, что материалы эти изданы хотя бы в первой степени изученности и ими можно пользоваться, является, несомненно, достижением, которого не могут добиться десятки археологов.

Изучением классического салтово-маяцкого памятника — Маяцкого городища, а вернее Маяцкого археологического комплекса (городища, селища и могильника), в течение семи сезонов занималась Советско-Болгаро-Венгерская экспедиция (1975—1982 гг). Первый сборник трудов этой экспедиции вышел в 1984 г., второй — в 1989 г. Они внесли существенный вклад в изучение салтово-маяцкой культуры, однако еще неизданных материалов с этого памятника по-прежнему остается очень много. Надо сказать, что на другом классическом памятнике этой культуры — Верхне-Салтовском могильнике — также спорадически в течение последних десятилетий ведутся исследования, пополняющие огромный вещевой комплекс этого сложного памятника. Но издание этих материалов не готовится и они остаются неизвестными исследователям.

Четверть века (с выхода в свет последнего тома в 1963 г.) лежат в Государственном Эрмитаже без движения материалы замечательного памят-

пика хазарской и древнерусской культуры Саркела—Белой Вежи (раскопки 1949—1951 гг.). Их надо публиковать, пока еще живы участники раскопок. Однако закрытие серии МИА фактически уничтожило возможность публикации таких широкомасштабных, многоплановых работ.

Положение с изданием материала настолько тяжелое, что многие исследователи отказываются от надежды увидеть результаты своих изысканий опубликованными, тем более что подготовка материалов к печати (имеется в виду не перепечатка полевых отчетов, которая когда-то практиковалась в специальной археологической литературе) дело чрезвычайно трудное, требующее большой затраты сил и времени. Поэтому готовятся и выходят из печати книги и статьи несколько «облегченного» (от археологии) типа. В них поднимаются очень серьезные вопросы, часть из них решается очень убедительно, но археологические материалы в них фигурируют только в качестве подсобных (типичным примером такого типа работ может быть книга А. В. Гадло, 1979 г.). Не обработанный и не изданный материал не может, конечно, давать полноценную историческую информацию отдельно от других источников (письменных, лингвистических, антропологических и пр.).

Таким образом, огромные залежи превосходных археологических материалов, готовых быть историческими источниками, остаются невостребованными, стареют в архивах и музеях, нередко теряются, рассыпаются в прах, погибают.

Именно эта судьба грозила и многосезонно раскапываемому Дмитриевскому археологическому комплексу — синхронному и расположенному всего на 50 км севернее знаменитого Верхне-Салтовского комплекса. Нет сомнения, что материалы Дмитриевки много скромнее Верхне-Салтова, по «Салтовский комплекс», как и Саркел—Белая Вежа, требует многотомного издания, в подготовке которого должны участвовать практически десятки специалистов самых различных профессий. Дмитриевский комплекс можно издать в одной, сравнительно небольшой книге. Правда, в ней не удалось издать вещевой материал комплексами, так как это почти вдвое увеличило бы количество рисунков, в нее не вошли также абсолютно необходимые приложения. Книга должна была завершаться обширной статьей—публикацией антропологических материалов могильника, подготовленной Т. С. Кондукторовой. Следует сказать, что эта необычайно кропотливая исследовательница создала на базе Дмитриевского и нескольких других салтово-маяцких могильников ценнейшую антропологическую коллекцию (Музей антропологии МГУ), которую по величине, сохранности и степени обработки можно сравнить только с антропологической же коллекцией Саркела—Белой Вежи (Музей этнографии в Ленинграде). Поскольку обе коллекции представляют население Хазарского каганата с разных его территорий, они особенно интересны археологам и историкам-медиевистам. Саркельская коллекция была издана полностью (МИА, № 109), коллекции Т. С. Кондукторовой повезло меньше. Она издается частями, нередко в малоизвестных изданиях, поэтому особенно жаль, что в этой книге отсутствует приложение в виде статьи о всестороннем антропологическом исследовании «Дмитриевского» населения.

Вторым приложением могла быть статья М. М. Толмачевой о металлографическом анализе железных предметов, обнаруженных на Дмитриев-

ских поселении и могильнике. Однако и она по чисто техническим причинам не могла быть включена в данную книгу.

Все перечисленные дополнения необходимы были для большей информативности (документированноеTM) представленных в книге источников. Тем не менее и в настоящем виде публикация материалов дает нам ценнейшие, как правило, новые сведения о жизни пограничного населения лесостепи в IX начале X в.

Одной из наиболее важных проблем, поднятых в книге, является хронологизация салтово-маяцких древностей. Дело в том, что отсутствие даже простых публикационных материалов по ряду ключевых комплексов, почти полное отсутствие работ об их хронологии привело к тому, что многие памятники как салтово-маяцкие, так и соседних с ними культур достигают двух-трех веков, что для средневековья, естественно, недопустимо. Как правило, при датировках пользуются общей датой салтово-маяцкой культуры, установленной еще в начале XX в.: VIII — начало X в. Какой из трех веков больше «нравится» исследователю, тот он и выбирает для своего материала. К сожалению, именно так нередко происходит сейчас хронологизация ранпсредневековых древностей Восточной Европы. В результате это ведет к все большей и большей путанице. Примером тому может быть, в частности, вышедшая в 1987 г. в Болгарии книга болгарского археолога Димитрия Димитрова «Прабългарите по Северното и Западното Черноморие», в которой этот принцип «произвольного выбора» даты памятников, расположенных на территории СССР, превалирует.

Следствием свободного отношения к хронологии является прямое искажение исторического процесса, смещение во времени, да и в пространстве исторических фактов. Ведь из археологических работ эти искажения переходят и в исторические (с соответствующими ссылками на «достижения» археологов), а затем и в учебники. Так появляются и внедряются ошибки, которые очень трудно исправить, так как они усваиваются еще в школе. Поэтому, чтобы устранить «белые пятна», а вернее «черные дыры» в средневековой истории, надо относиться к ней столь же бережно и ответственно, как призывают историков относиться к устранению ошибок и фальсификаций в современной истории. Однако же для историка, занимающегося историей любой эпохи, нужны материалы — факты.

Мы археологи, добывающие эти факты из земли, должны их публиковать, обрабатывать и интерпретировать, опираясь на добросовестно и всесторонне обработанный на современном уровне науки материал.

Предлагаемая книга — первый шаг и первый опыт публикации и обработки пока только одного археологического комплекса салтово-маяцкой культуры.

К новому большому и фундированному обобщению всех «салтовских» материалов можно будет приступить только после аналогичного анализа (или возможно более глубокого) десятков памятников уже раскопанных и ждущих своих исследователей или разрушающихся и требующих спасательных раскопок с последующими затем публикацией и обобщением.

Тогда, очевидно уже в XXI в., можно будет ждать написания новой, опирающейся на значительно более совершенный комплекс источников, истории Хазарского каганата.

ВВЕДЕНИЕ

Стопы и лесостепи донского бассейна были в VIII — начале X в. заняты населением, создавшим одну из наиболее ярких и высоких культур раннего средневековья — так называемую салтово-маяцкую культуру. Особенно богатые и выразительные памятники этой культуры расположены в лесостепной полосе — в верховьях Дона, Северского Донца, Оскола. Именно здесь, в лесостепи были открыты оба памятника, давшие имя всей культуре в целом: Салтовский могильник на Северском Донце и Маяцкое городище на Дону (*Плетнева С. А.*, 1967. С. 3). В настоящее время границы лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры определены с достаточной точностью. Общая площадь его около 100 000 кв. км. На всех трех крупных пересекающих эту территорию с севера на юг реках (Дону, Северскому Донцу, Осколу), а также на берегах более или менее полноводных их притоков постоянно встречаются остатки укрепленных и неукрепленных поселений — городищ и селищ. На территории лесостепного варианта их известно уже около 300. Несомненно, особый интерес возбуждают при первом же знакомстве городища: величественные развалины белокаменных замков, расположенные на высоких прибрежных меловых мысах. Сейчас известно 10 таких городищ, причем семь сосредоточено в верховьях Северского Донца (рис. 1). Бассейн верховий этой реки можно назвать «землей белокаменных замков». Крепости располагаются там на расстоянии 10—20 км одна от другой и создают по существу целостную линию мощных укреплений. Вплотную к этой линии с севера и запада подходили городища и поселения славян (роменцев, боршевцев).

Городище у с. Дмитриевское на Короче (нравом притоке р. Нежеголь, впадающей слева в Северский Донец) представляет собой крайний северо-западный пункт в белокаменной системе донецких укреплений. На восток от него известно еще два: Олыпанское на Тихой Сосне и Маяцкое — на Дону. Последнее является угловой северо-восточной крепостью этого рода. Таким образом, Дмитриевское и Маяцкое городища были узловыми пунктами, соединяющими западную, северную и восточную пограничные линии обороны.

Белостенные крепости, стоявшие на высоких мысах, с которых река контролировалась иногда на десятки километров, были, несомненно, очень удобными пунктами для наблюдения за водными дорогами, за проходившими по ним торговыми караванами и военными отрядами. Недаром развалины этих крепостей были отмечены при составлении карты Московского государства в XVII в. (Книги Большому Чертежу). Московские дьяки-географы с большим вниманием отнеслись к этим древним крепостям (КБЧ, 1950. С. 70—72), а позднее первые русские поселенцы начали

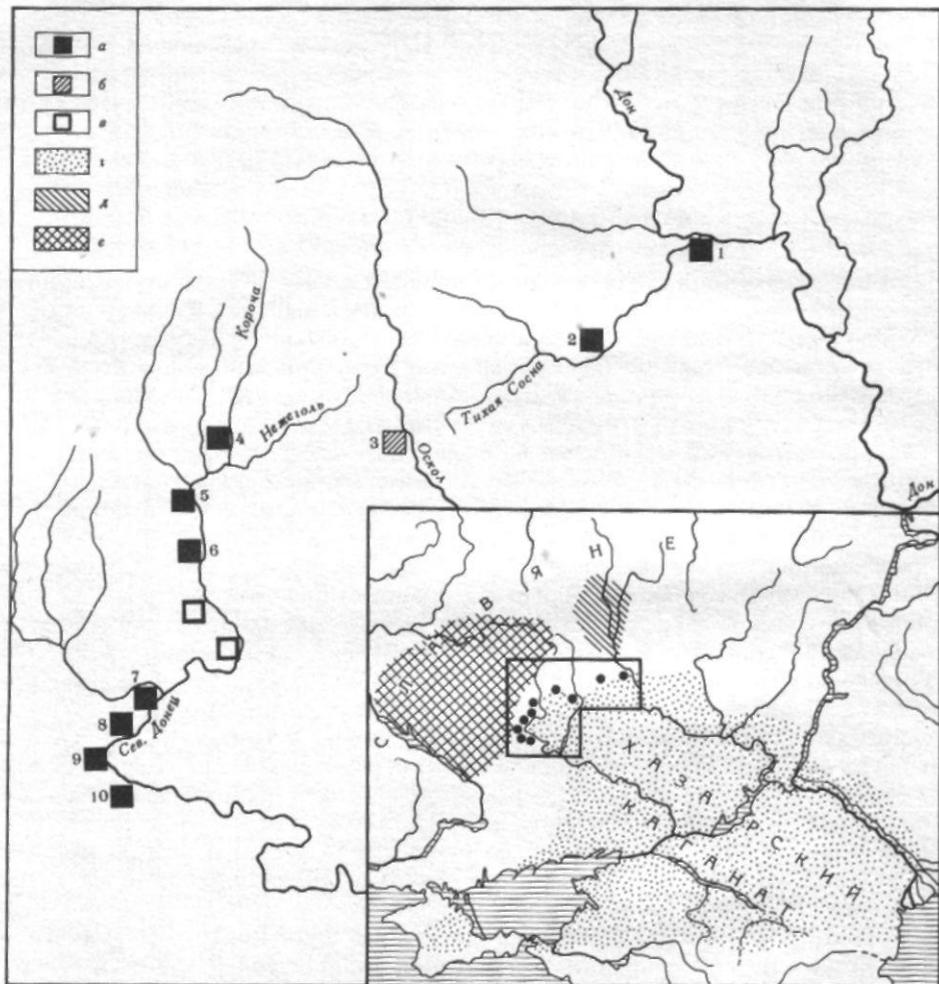

Рис. 1. Схема расположения городищ салтово-маяцкой культуры в верхьях Северного Донца, Оскола и Дона

1 — Маяцкое; 2 — Ольшанское; 3 — Ютановское; 4 — Дмитриевское; 5 — Архангельское или Нежегольское; 6 — Верхне-Салтовское; 7 — Кабаново (Эсхар); 8 — Коробовы хутора; 9 — Мохначеское; 10 — Сухо-Гомольшанское. Условные обозначения: а — городища с белокаменными стенами; б — с земляными укреплениями — валами; в — городища, известные в XVII в. и не сохранившиеся до наших дней; г — территория Хазарского каганата; д — боршевская культура; е — роменская культура

селиться вблизи от них или даже, подновив старые укрепления, использовать крепости в качестве опорных пунктов против татарской кочевой степи.

Однако, несмотря на сравнительно подробное изучение берегов, не все белостенные донецкие замки были замечены географами XVII в. Не попало

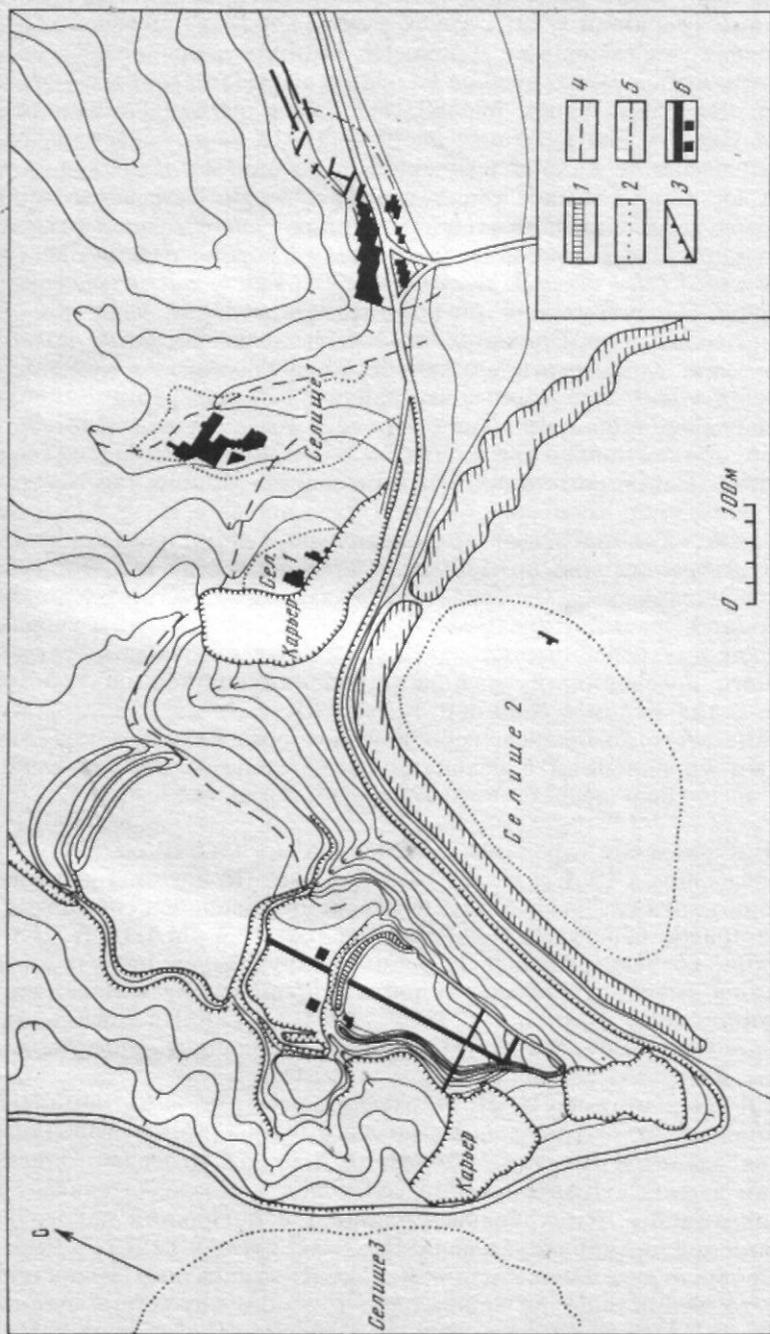

Рис. 2. Городище, селища и могильник у с. Дмитриевское Шебекинского р-на Белгородской обл.

Условные обозначения:

1 — следы каменных стен;

2 — границы селища;

3 — эскарпированный склон городища;

4 — предполагаемая древняя дорога с городища на селище 1;

5 — границы могильника;

6 — раскопы на городище, селищах, могильнике

в их описания одно густо заросшее лесом и поэтому, вероятно, просто незамеченное ими городище у Коробовых хуторов и Дмитриевское городище, расположенное в стороне от Донца. По-видимому, крепости, стоявшие на немагистральных реках, вообще мало интересовали военных географов Московии. Впрочем, через 50—60 лет после составления карты р. Короча была уже освоена русскими поселенцами и на ее берегу, у подножья крепости возникло в XVII в. несколько небольших поселков.

В VIII—IX вв. вокруг замков также селились люди. Так, около городища Мохнач было зафиксировано нашей разведкой 1954 г. девять синхронных ему селищ вдоль обоих берегов Донца, причем некоторые из них достигали в длину 3—5 км (*Плетнева С. А.*, 1967. С. 30). Рядом с Дмитриевским городищем мы также обнаружили три небольших поселения VIII—IX вв.

В окрестностях поселений должны были быть и погребальные памятники — могильники. Однако могильники раннего средневековья в бассейне Донца — бескурганые, а это значит, что найти их очень трудно. Именно поэтому на всей громадной территории верхнего Подонья известно всего 13 могильников, причем только три из них были открыты в непосредственной близости от белокаменного замка. Это Салтовский, Маяцкий и Дмитриевский.

Таким образом, Дмитриевский археологический комплекс представляет большой интерес именно потому, что включает в себя все три типа памятников, характерных для лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры: городище (развалины замка с белокаменными стенами), небольшие, примыкающие к городищу или расположенные в непосредственной близости от него поселения, и могильник, раскинувшийся на пологой нижней части холма рядом с селищем 1 (рис. 2).

Исследование этого комплекса, городище которого является крайним северо-западным укреплением с белокаменными стенами, весьма важно для изучения не только лесостепного варианта, но и всей культуры в целом.

Впервые Дмитриевские городище, селище 1 и могильник были археологически обследованы в 1951 г. И. И. Ляпушкиным. До него мы располагали лишь очень краткими сведениями о городище, расположенном «над р. Корочью, на правом берегу, па горе» (Архив ИА. Ф. 4 /МАО/. Д. 168). И. И. Ляпушкин, обследовав берег Корочи, обнаружил на нем, помимо городища, селище «между горами Толиной и Мироновской» и могильник на склоне Толиной горы (*Ляпушкин И. И.*, 1961. С. 71). На могильнике он осмотрел одну катакомбу, вскрытую случайно небольшим карьером для добычи белой глины.

В своих отчетах и статьях И. И. Ляпушкин называет весь комплекс в целом Добринским (или Козеевским) по двум ближайшим к городищу современным населенным пунктам — деревням Доброй и Козеевка. Однако обе эти деревни входят в Дмитриевский сельсовет, а Козеевка считается даже южной окраиной с. Дмитриевки. Селище 1 и могильник находятся уже непосредственно на территории села. Поэтому, когда в 1957 г. в Дмитриевку прибыл наш отряд, мы назвали комплекс Дмитриевским. В научной литературе в то время еще не появилось название городища, данное И. И. Ляпушкиным. Только в 1958 г. вышла его работа, в которой он назвал комплекс Добринским.

Однако мы уже не могли менять данное нами название, поскольку в отчетах Северо-Донецкого отряда за 1957 и 1958 гг. (Архив ИА. № 1025, 1742—43) оно уже фигурировало как Дмитриевское .

Итак, впервые Северо-Донецкий отряд обследовал Дмитриевский археологический комплекс в 1957 г. Далее работы на нем велись почти ежегодно в течение 11 сезонов с 1957 по 1973 г. За эти годы на городище была вскрыта площадь около 1600 кв. м, на селище 1—2000 кв. м, на селище 2—100 кв. м, на могильнике — более 3000 кв. м.

Итоги работ отряда за шесть сезонов были подведены мною в книге «От кочевий к городам». Однако характер того издания не позволил познакомить читателя с комплексом в такой мере, в какой он был исследован. Кроме того, за пять последующих сезонов нами было раскрыто вдвое больше материалов, чем за шесть первых. Эти новые материалы, обнаруженные на обоих селищах и могильнике, позволяют пересмотреть некоторые выводы, сделанные мной ранее, и вновь обратиться к вопросам хронологии этого археологического памятника, а вместе с ним и всей салтовомаяцкой культуры.

Эту книгу я посвящаю всем товарищам, друзьям и коллегам, вместе со мной исследовавшим этот очень сложный памятник. Неизменными и неустанными моими помощниками были Т. И. Макарова, Т. С. Кондуктова, Л. Н. Петров, И. Н. Мартынова, В. С. Флеров, шофер автобазы АН СССР И. Д. Кушнарев и многие другие. Их живой интерес к работе, добросовестность и постоянный оптимизм дали мне возможность провести многотрудные исследования Дмитриевского комплекса.

¹ Следует сказать, что в 1957 г. комплекс был назван Дмитровским. Так он фигурирует и в отчетах и в изданиях. Однако позднее выяснилось, что село называется Дмитриевка и мы решили внести это незначительное исправление в название исследуемого в данной книге комплекса. К сожалению, ошибки вкрадываются иногда в работы археологов и нередко их уже невозможно исправить. Так, памятники у с. Борщево названы «боршевскими», отчего неверно названа целая культура.

БЕЛОКАМЕННЫЙ ЗАМОК (ГОРОДИЩЕ)

Городище, как уже говорилось, расположено на крутосклонном меловом мысу правого берега р. Корочи (рис. 2). Мыс треугольный в плане, вытянутый по оси север—юг. Обращенный к реке склон мыса (восточный), несмотря на крутизну, густо зарос кустарником. У подножья его идет узкая дорога, связывающая д. Добрую с селом, а ниже дороги параллельно ей тянется глубокая старица реки (современное русло проходит на 100—150 м восточнее). Высота мыса над уровнем старицы достигает 50 м. У подножья мыса с западной стороны раскинулась д. Добрая (на территории селища VIII—IX вв.). Западный склон мыса менее крутой, изрезан старыми и новыми меловыми карьерами и местами сильно задернован. В отличие от восточного этот склон из-за малой крутизны был дополнительно укреплен: в верхней части на высоту около 5 м он был эскарпирован. На образовавшейся в результате эскарпирования ступени был вырыт ровик, имеющий сейчас вид чуть вогнутой ложины. Ровик этот упирается в ров, пересекающий мыс с напольной стороны.

С напольной стороны мыс пересечен несколькими оборонительными линиями. Первая (с юга) состоит из глубокого (2 м) рва и высокого (3,5 м) вала с россыпями меловой щебенки по гребню, свидетельствующими о том, что вал представлял собой осыпавшуюся белокаменную стену. И вал и ров перерезаны длинным идущим наискось въездом.

Мощная напольная каменная стена соединяется с менее массивной тоже каменной стеной, идущей вдоль западного края мыса. Вдоль восточного края она прослеживается только местами (из-за сильных осыпей края).

Площадь укреплений каменными стенами территории равна 200X40—100 м.

Поверхность этой площадки слегка поката к югу, оконечность мыса до появления в селе нашего отряда довольно активно разрабатывалась как меловой карьер. 30 лет назад на самом мысу находился фруктовый сад, а в 1957 г. городище распахивалось под бахчу. Таким образом, культурный слой здесь фактически уничтожен, хотя в настоящее время поверхность городища сильно задернована.

Вторая напольная линии обороны проходит на 80 м севернее первой. Она также состоит из рва и вала. И ров и вал примерно в два раза меньше вышеописанных. Вал был насыпан из земли (глины и чернозема). Поэтому он сильно оплыл и затянул параллельный ему ровик. Эти вал и ров окружают площадку, примыкавшую к белокаменному замку. Они прорезают и укрепляют мыс не только с северной стороны, но и со стороны западного склона. Ров на западном крае вливается в большой ров первой напольной

линии обороны. Вал с западной стороны сильно распахан и сейчас почти не виден. Вся площадка, окруженная земляным валом, задернована.

Следует отметить особенность, свойственную мысовым городищам данного типа. Рвы, перерезающие мысы от края до края, обычно к нашему времени превращаются на склонах в сильно размытые промоины—овраги. На Дмитриевском городище также издали бросаются в глаза глубокие белые промоины на восточном склоне у обеих описанных нами линий обороны. Третья широкая промоина, значительно более расплывшаяся и задернованная, прослеживается на расстоянии 230 м от второй. Происхождение ее то же, что и двух первых, но ров, из-за которого она образовалась, почти сравнялся с поверхностью, а вал, тянувшийся вдоль него, расплылся. Все это дает нам основание говорить о том, что происхождение вала, рва и промоины значительно более раннее, чем двух первых укреплений.

Эскарпирование западного склона идет вплоть до этой третьей линии обороны. Это, очевидно, означает, что сооружение эскарпа относится ко времени постройки последней.

Площадка городища, окруженная этой линией обороны, сплошь заросла лесопосадками (в основном сосной) и орешником. Севернее вала и рва на несколько километров тянется густой естественный лиственный лес. Свободные от лесопосадок небольшие полянки на городище заросли густой и высокой травой. Тем не менее уже при первом знакомстве с этим памятником стало возможным определить по незначительному, но выразительному подъемному материалу, в какие эпохи мыс был обитаем.

На первых двух распаханных в 1957 г. отсеках городища находки лежали прямо на поверхности. В части, окруженной каменным валом, попадались обломки характерных скифских лепных горшков VII—VI вв. до н. э. и небольшое количество мелких обломков средневековых амфор, датирующихся концом VIII—IX в. Во втором отсеке находок обеих эпох было больше, причем вместе с обломками амфор VIII—IX вв. встречались и обломки другой средневековой, синхронной амфорам посуды: грубых толстостенных горшков и лощеных сосудов.

На третьем отсеке, заросшем лесом, на поверхности, естественно, находок не было. Несколько обломков скифских сосудов было найдено только в размыве рва — в овраге, стенки которого хотя и заросли сейчас травой, но из года в год овраг понемногу вгрызается в мыс и размывает культурный слой. Вода вымывает из него обломки керамики (исключительно скифской), камни и кости животных.

Таким образом, уже внешний осмотр городища дает представление о времени заселения мыса и о его укреплениях. Первыми его обитателями были скифы. Они занимали весь мыс вплоть до третьей линии обороны. Вал и ров этой линии были сооружены в скифское время. Вторично мыс был заселен более чем через 1000 лет населением, создавшим салтово-маяцкую культуру. Судя по распространению подъемного материала, в эту эпоху обитаемы были только два южных отсека городища. Аналогии с другими белокаменными замками позволяют уверенно говорить о том, что каменные стены были поставлены в VIII—IX вв.

Эта особенность — освоение древнего скифского укрепления характеризует, помимо Дмитриевской, еще две белокаменные донецкие крепости,

относящиеся к тому же времени: Мохначевскую и Коробовы хутора (*Плетнева С. Л.*, 1957. С. 33).

О всех средневековых городищах среди современного населения сохраняются легенды, связанные в основном с «золотом», надежно спрятанным на них: золотой каретой или телегой, золотыми воротами или же золотыми конями. Интересно, что все эти городища называются в народе «турецкими». При этом скифские или славянские городища, расположенные рядом, никогда так не называют. Очевидно, народная традиция донесла до нас через тысячелетие память о владельцах этих замков — подданных Хазарского каганата, говоривших, возможно, на тюркском языке и даже именовавших себя тюрками.

На городище нами было заложено несколько длинных раскопов-траншей и три сравнительно небольших раскопа (рис. 2).

КОНСТРУКЦИЯ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ МЫСОВОЙ ЧАСТИ ГОРОДИЩА

Разрез вала, идущего вдоль западного склона, дал возможность судить о конструкции укреплений и о времени их постройки.

Следует сказать, что я уже дважды писала об этих конструкциях, анализируя разрезы Мохначевского и Дмитриевского валов (*Плетнева С. Л.*, 1960. С. 9; 1967. С. 27). В обоих случаях я пришла к выводу, что каменные укрепления были сооружены на невысоких валиках скифского времени, сложенных из земли (дерна, песка, глины) с деревянными конструкциям и-ка ркасом.

В настоящее время раскопки стен Маяцкого городища (*Афанасьев Г. Е.*, 1984а. С. 26—55) позволили пересмотреть эти выводы и изменить их. На Маяцком городище сердцевина белокаменной стены оказалась сооруженной в значительной степени из глины, связанной деревянными клетями. Дерево там без доступа воздуха самовозгорелось и обуглилось. Глина, прилегающая к дереву, также оказалась обожженной до ярко-оранжевого цвета.

Те же процессы протекали, очевидно, и в стенах Мохначевского и Дмитриевского городищ: деревянные конструкции самовозгорелись, обожгли глину и песок и все это было принято нами за специально обожженное ядро скифского вала, немного подправленное в эпоху средневековья при строительстве новых укреплений.

На самом деле все происходило иначе: вся конструкция была построена единовременно или почти единовременно. Сначала была сооружена нижняя часть из дерева и земли. Для этого был использован дерновый слой скифского времени, срытый на ширину от 5 до 10 м (рис. 3, 1, 2) вдоль всего «вала» до иредматерикового слоя или даже до материка. Впрочем, там, где вал был более мощный, использовался и материковый слой. Так образовался в северо-западном углу крепости как бы внутренний «ровик», видимый на поверхности и обнаруженный нашим раскопом, в котором выемка в материке достигала глубины 1 м (рис. 3, 3, 4).

На исследованном нами участке стены выемка только в одном месте дошла до материка, по тем не менее она прослеживается достаточно отчет-

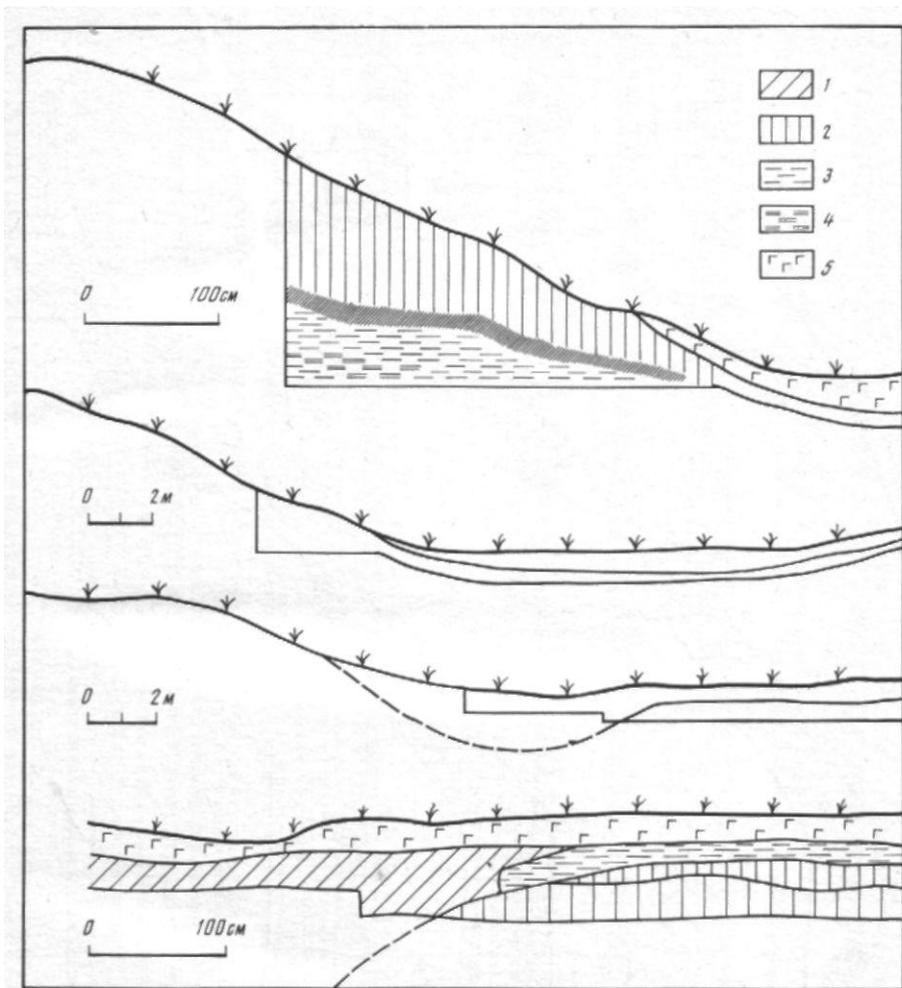

Рис. 3. Разрезы слоя у северного и западного налов городища

1 — разрез внутренней насыпной (северного) вала; 2 — схема разреза внутренней насыпи и прилегающего к ней культурного слоя, заполнившего древнюю выемку грунта, взятого для насыпки вала; 3 — схема разреза внутренней насыпи западного вала и примыкающей к нему выемки; 4 — северный профиль раскопа, на котором хорошо виден слой выкинутой на край выемки глины, перекрывающей скифский культурный слой. Условные обозначения: / — 2 — гумусированный слой различных оттенков; 3 — глина; 4 — обожженная глина; 5 — дерновой современный слой пахоты

ливо (рис. 4, 1). Земля насыпалась на самый край мыса и даже частично на его склон. Совершенно очевидно, что земля не удержалась бы на нем без специально выстроенных для этого креплений из нескольких рядов довольно массивных дубовых плах и столбов (рис. 5, 1, 2).

Трудно сказать, каковы были конструкции этих деревянных креплений, так как они потеряли свой первоначальный вид и местонахождение, превратившись в россыпи углей. Однако есть основания думать, что весь завал

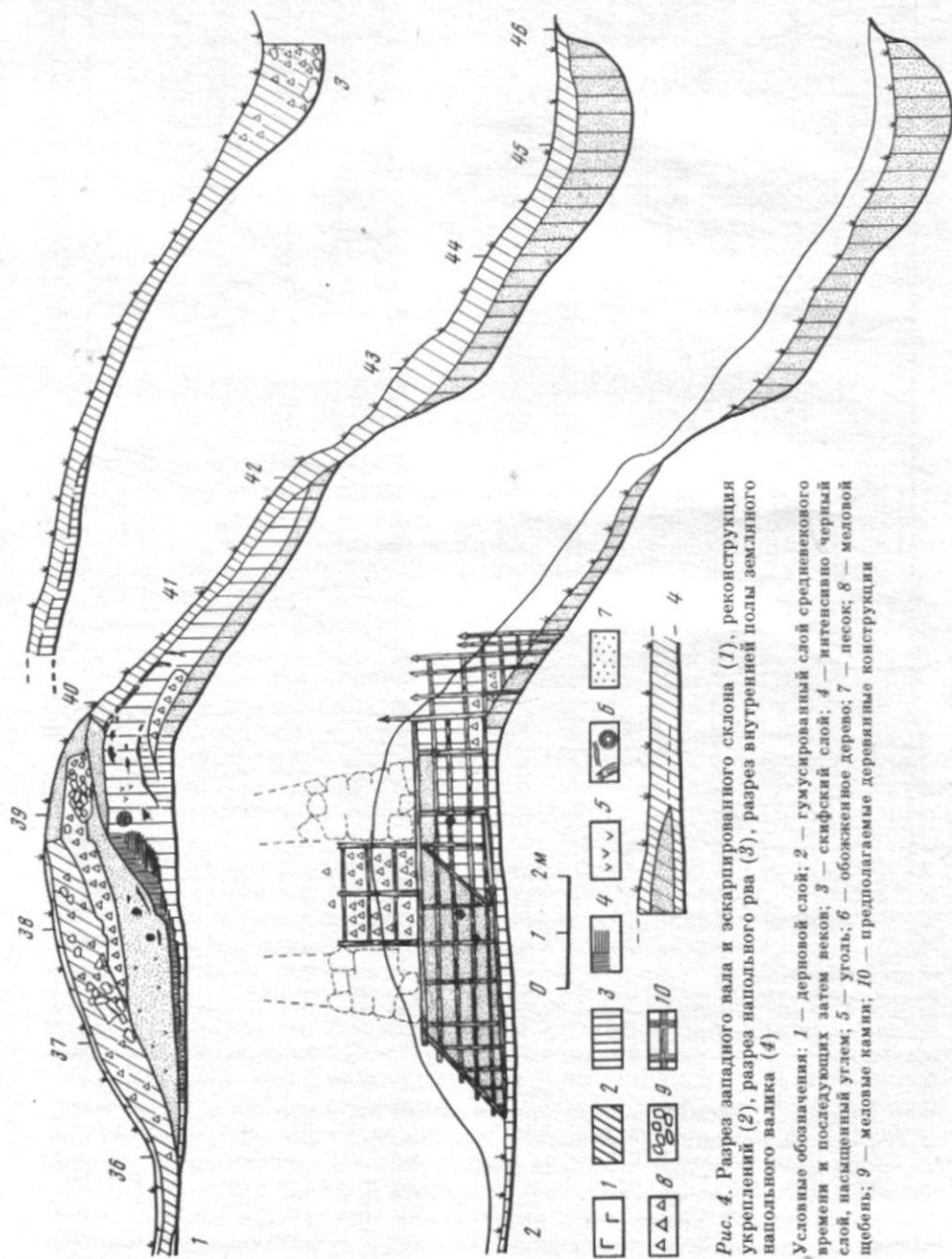

Рис. 4. Разрез западного вала и эскарпированного склона (1), реконструкция укреплений (2), разрез напольного рва (3), разрез внутренней поля земляного напольного валика (4)

Условные обозначения: 1 — дерновой слой; 2 — гумусированный слой средневекового времени и последующих затем веков; 3 — скифский слой; 4 — интенсивно черный слой, насыщенный углем; 5 — уголь; 6 — обожженное дерево; 7 — песок; 8 — меловой щебень; 9 — меловые камни; 10 — предполагаемые деревянные конструкции

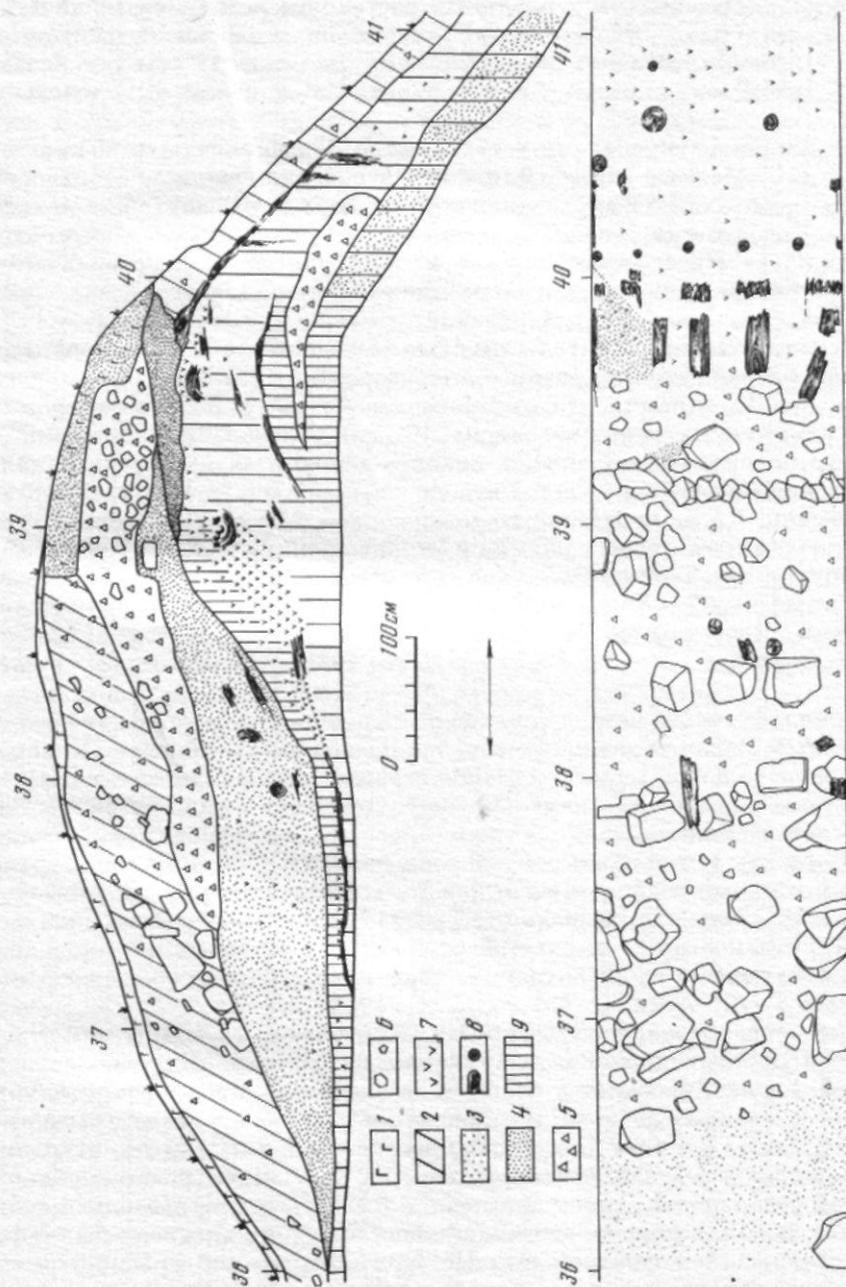

Рис. 5. Разрез (1) и план (2) западного вала

Условные обозначения: 1 — дерновой слой; 2 — серый гумусированный слой; 3 — песок; 4 — обожженный песок; 5 — меловой щебень; 6 — меловые камни; 7 — уголь; 8 — обожженное дерево; 9 — насыпной гумусированный слой различных оттенков; от черного — углистого до светло-серого

был пронизан деревянными «клетями». Со стороны склона завал был облицован несколькими рядами деревянных частоколов различной мощности. Благодаря им склон стал в верхней части практически недоступным (рис. 4, 2). Таким образом, строители земляного завала ставили целью укрепить самый склон мыса со стороны, где этот склон был довольно покатым.

Далее земляные укрепления необходимо было расширить, чтобы поставить на них каменную стену. Для этого строители, видимо, соорудили дополнительные клетки с внутренней стороны земляного завала и засыпали их песком (слой песка буквально пропитан угольками — остатками обуглившихся плах). Песок взяли тут же — на оконечности мыса, уровень которого в настоящее время значительно ниже остальной поверхности городища.

Следующим этапом строительства было возведение каменных стен: двух панцирей, сложенных из рваного, но, вероятно, слегка подтесанного снаружи мелового камня, добываемого из соседних (сейчас заросших травой) карьеров на западном склоне. Кстати, эти карьеры, заложенные в наиболее пологих местах склона, явились дополнительными укреплениями, сделавшими его в этих местах недоступным. Толщина панцирей достигает примерно 1,5 м, пространство между ними 1,75 м. Оно было забито мелкими обломками мелового камня и утрамбованным щебнем (рис. 5, 2). Это щебневое заполнение было, как и сооружения под ним, заключено в деревянный каркас. Аналогичные крепления сердцевины стены прослежены нами, в частности, на Маяцком городище и в Плиске (*Афанасьев Г. Е.*, 1984а. С. 36 — 39; *Плетнева С. Л.*, 1988). Общая ширина стены 4, 75 м.

Сохранилась только нижняя сильно разрушенная часть стены (не более 0,6 м высоты). Верхняя давно осыпалась и превратилась в щебень. Какими были первоначальная высота и конфигурация стены, неизвестно. Возможно, стены несколько сужались кверху. Это увеличивало устойчивость и к тому же расширяло зону обстрела. Высота стен не могла быть очень большой, так как камни панцирей сложены насухо и деревянные конструкции под ними недостаточно крепки для того, чтобы выдержать значительную тяжесть стены. К сожалению, развалы стены осыпались вниз по склону и восстановить ее высоту невозможно. На Маяцком же городище завалы стены лежали вдоль сохранившейся части стены по обе ее стороны (*Афанасьев Г. Е.*, 1984а. С. 49).

Тем не менее, очевидно, что стены Дмитриевского городища представляли собой достаточно внушительную линию обороны. К тому же она усиливалась эскарпированным склоном. Эскарп находился на расстоянии около 3 м от крайних деревянных креплений склона, крутизна его достигала 70°, а высота 2 м (рис. 4, 1, 2). Разрез склона показал, что на ступени, образовавшейся в результате эскарпирования, был вырыт ровик глубиной от древней поверхности склона примерно в 1 м. В нижнем слое заполнения ровика нет щебня, который неизбежно попал бы на его дно, если бы стены и ровик сооружались одновременно. По-видимому, эскарп и ровик отрыты были еще в скифское время. Недаром они прослеживаются на западном склоне вплоть до скифского вала. Но не исключено, что в средневековые эскарп немного подновили, а ровик оставили заполненным сползшей со склона землей.

Несмотря на плохую сохранность остатков белокаменной стены, можно сделать некоторые выводы о принципах ее конструкции. Во-первых, это была настоящий стена, а не вал с каменным ядром. Во-вторых, кладка стены состояла из двух щитов, сложенных из крупных камней всухую, и засыпи обломков и щебня между ними, урелненных деревянным каркасом. В-третьих, стена была поставлена без фундамента.

Остается неясным, для какой цели соорудили под каменной стеной довольно трудоемкую конструкцию из земли и дерева. Может быть, она играла роль своеобразной антисейсмической прослойки между материковым массивом мыса и каменной стеной. Возможно и другое: земляная стена была сооружена несколько раньше каменной и какое-то время служила владельцу крепости. Позднее он пожелал прямо на ней поставить каменную стену, которая была не только более надежной оградой, но и более «представительным» сооружением.

Приемы, по которым Дмитриевская крепость была построена, связывают ее со всеми остальными белокаменными крепостями Подонья. Все они сложены двухпанцирной кладкой, всухую, без фундаментов. На Мохначевском городище и Коробовых хуторах прослеживается и подстилающая белокаменную стену земляная подушка. Уже сама конструкция укреплений свидетельствует о том, что сделаны они были примерно в одно («салтовское») время — в конце VI или в IX в.

В гумусной части земляной насыпи найдены были обломки скифских горшков. По ним можно было сделать первоначальное заключение о ранней дате земляной «подушки». Однако наличие скифских обломков объясняется вполне логично тем, что насыпана гумусная часть была из скифского культурного слоя. Па вершине поверхности «подушки» среди обуглившихся деревянных плах были обнаружены обломки кухонного салтовомаяцкого горшочка, изготовленного из глины с примесью речного песка и орнаментированного мелким, глубоко врезанным линейным орнаментом по стенкам и наколами штампа (гребенки) по венчику. Подобные горшочки совершенно не свойственны жителям лесостепного варианта салтовомаяцкой культуры. Они характерны для слоев VIII—IX вв. всех южных городов (Фанагории, Таматархи, Саркела) и всех одновременных им степных поселений. Видимо, в строительстве крепости участвовали и выходцы из степных поселков. Впрочем, основные архитектурные принципы были одинаковы и у северных, и у южных жителей Донского бассейна (*Плетнева С. Л.*, 1967. С. 43).

Как уже говорилось, каменный вал с напольной стороны не разрезался. Однако внутренняя пола вала немного задета центральной траншеей и в профиле довольно четко видно, что нижняя его часть насыпана из глины, вынудой, видимо, из рва. Глина была заложена в деревянные конструкции, которые позднее, при разрушении вала рухнули, были засыпаны высыпавшейся глиной и самовозгорелись без доступа воздуха (рис. 3, 1). «Подушка» также была насыпана из гумусного слоя скифского времени, поскольку гумус и даже частично материк вдоль вала на ширину примерно 15 м были сняты его строителями (рис. 3, 2). За прошедшие 1000 с лишним лет гумус, естественно, затянул образовавшуюся рытвину, но в профиле хорошо заметно небольшое углубление материка и современной поверхности.

Глубина напольного рва 4 м (рис. 4, 3). Внешняя стенка его довольно пологая. На дне найдены обломки камня, а это значит, что вырыт он был одновременно со строительством каменной стены и функционировал (ежегодно очищался) вплоть до ее разрушения.

Центральная траншея врезалась и в полу вала второй линии обороны (рис. 4, 4). Очевидно, этот второй вал был просто выкидом земли из идущего снаружи ровика (*Флавий Вегеций*. С. 280—284). Земляные валы-«выкиды» характерны для салтово-маяцкой культуры даже более, чем каменные стены (*Плетнева С. А.*, 1967. С. 22—24). Они чаще встречаются на стенных поселениях, являясь единственной или второй (внешней) линиями обороны (Карнаухово, Средний, Маяки, Саркел). Однако известны они и на лесостепных поселениях. Причем часто в виде единственной линии обороны, отсекающей мыс от остального поселения. Раскопки пяти линий таких валов на Ютановском городище (*Афанасьев Г. Е.*, 1987. С. 96—99. Рис. 58—59) позволяют говорить о том, что валы были сооружены в последний период существования поселения, поскольку они перекрывали несколько жилищ. Вполне возможно, что эти земляные валы на поселениях лесостепного варианта стали ставить в самое позднее время, в конце существования культуры. На Дмитриевском городище это было как бы дополнительное укрепление, возведенное вокруг поселения, возникшего непосредственно у стен каменной крепости.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ НА ГОРОДИЩЕ

Культурный слой на городище по существу отсутствует. Темный гумусированный слой (толщиной до 0,6 м) является просто черноземом, в котором изредка (в отдельных квадратах, преимущественно над выявившимися в материке пятнами ям и построек) попадались обломки скифских горшков. Обломков средневековой посуды в слое вообще не было.

Все обнаруженные на городище жилые и хозяйственные комплексы были открыты на уровне материка в виде темных гумусированных пятен.

Оказалось, что в части городища, огражденной каменной стеной, комплексов, которые можно было бы связать с эпохой средневековья, не было. В центральной траншее раскрыто 18 скифских хозяйственных ям и углубленные в материк остатки двух синхронных им жилищ. В северном отсеке, окруженном земляным валом, была расчищена всего одна скифская хозяйственная яма. Видимо, в скифское время эта часть городища была заселена слабее. Зато здесь открыты средневековые сооружения: два жилища, хозяйственная наземная постройка, очажок, четыре хозяйственные ямы (рис. 6, 1).

Первое жилище представляет собой углубленную в материк на 1,2 м полуземлянку (рис. 6, 2—4). Котлован полуземлянки был заполнен черной углистой землей, что свидетельствует, видимо, о гибели постройки от пожара. Его размеры: 3,8X2,8 м. Пол жилища — ровный песчаный. Стенки оригинальной конструкции, ни разу не встреченной в салтово-маяцких жилищах: в них по всему периметру жилища врезан подбой, а в южном углу врыта отдельная полукруглая в плане ниша. Для предохранения от обвала подбой и ниша поддерживались столбиками, ямки от которых

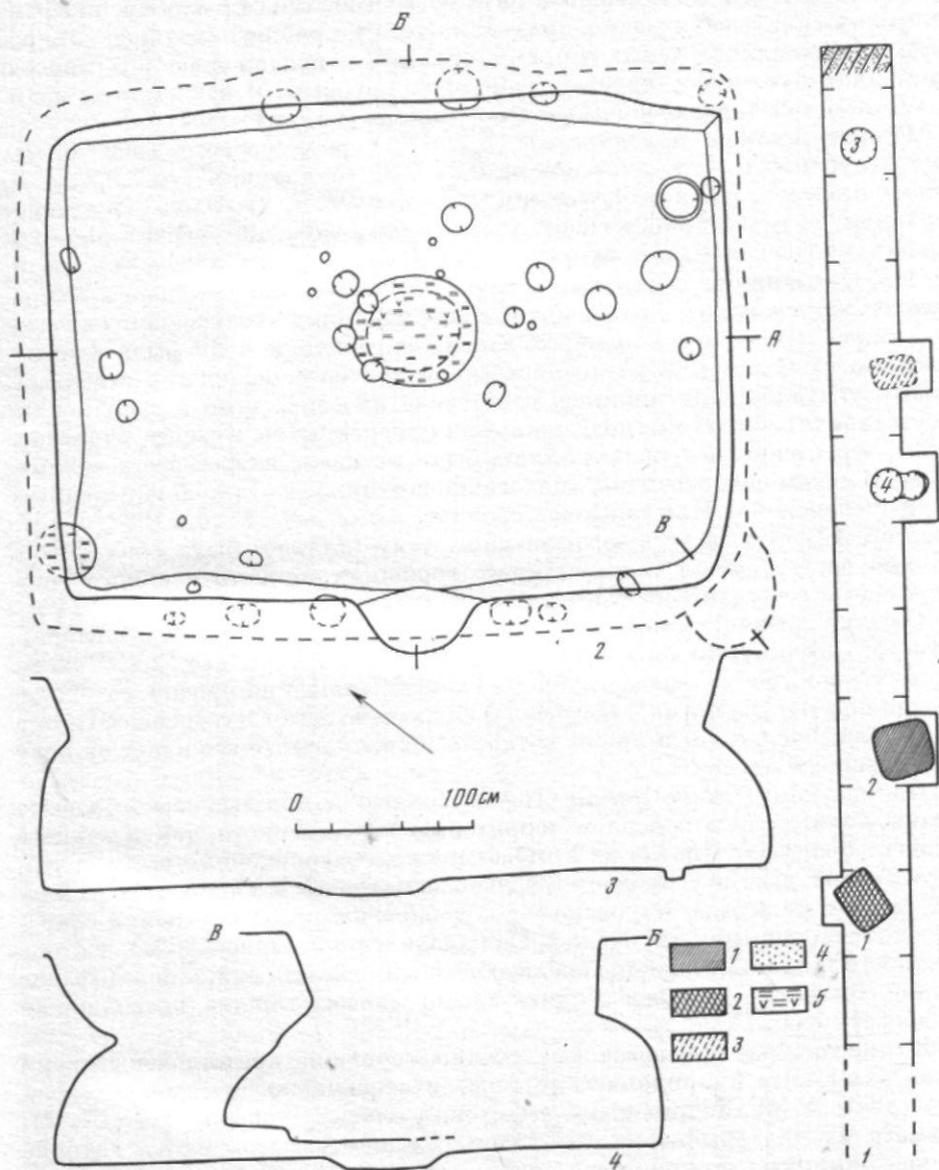

Рис. 6. План расположения вскрытых комплексов в северном отсеке городища (1) и планы и разрезы полуземлянки 1 (2-4)

Условные обозначения: 1 - серый гумусированный слой; 2 - черный, насыщенный углями гумусированный слой; 3 - светло-серый гумусированный слой; 4 - песок; 5 - обожженная глина

прослеживаются в полу. Подбой служил своеобразным стенным шкафом, в который складывали вещи и продукты. Вход в жилище находился на середине юго-западной стены. Ямки от столбиков, поддерживавших кровлю жилища, отсутствуют. Вероятно, оно было срубным. В центре пола находился простой тарелкообразный очаг (диаметр 0,7 м).

Второе жилище находилось в 5,5 м севернее первого (рис. 6, 1). Оно углублено в материк всего на 0,2—0,25 м. Размеры его 2,8X2,4 м, форма прямоугольная с округлыми углами (рис. 7, 3). Вход — в северо-западном углу жилища. Такое угловое расположение характерно для жилищ салтово-маяцкой культуры (Винников А. «9», 1984. Рис. 6, 9, 10, 11). Нол жилища глинистый неровный. В центре его помещался очаг — круглое обожженное докрасна пятно с вкраплениями угольков и предочажная ямка, заполненная золой. У западной стенки в иолу была вырыта довольно глубокая (0,6 м) хозяйственная яма со скошенными стенками. Слабая углубленность жилища, отсутствие прослоек угля в заполнении, отсутствие столбовых ям, поддерживавших перекрытие, говорит, очевидно, о том, что стенки и кровля жилища были легкими, скорее всего войлочными. В целом оно, очевидно, аналогично жилищам-юртам, обнаруженным на правобережном Цимлянском городище (Плетнева С. А., 1967. С. 57. Рис. 11, 12). На иолу в юго-западном углу жилища была обнаружена нижняя часть грубого толстостенного горшка, типичного для поселений лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры.

Остатки хозяйственной постройки были обнаружены в виде углисто-золистого прямоугольного пятна на материке. Размеры его: 2,7X2,35 м. Ясно, что постройка была углублена в землю только до уровня материка, и, судя по фактуре пятна, построена из какого-то легкого сгоревшего дотла материала: луба, коры и пр., от которого сохранился только налет на полу от сгоревшего дерева.

По-видимому, такие легкие хозяйственные и простые юртообразные жилища занимали в основном территорию как северного, так и южного отсеков городища. Многие из них, возможно, совершенно не были углублены в грунт, другие углублялись только до материка и обнаружить их удастся далеко не всегда. Вероятно, от подобной наземной постройки сохранился расчищенный нами очажок. Он находился примерно в 30 м к востоку от второго жилища. Очажок тарелкообразный, обмазанный дополнительно глиной. В обматке попался обломок средневекового горшка, позволивший датировать очаг IX в.

Хозяйственные средневековые ямы на городище представлены двумя типами: простые цилиндрические (две) и «восьмеркообразные» — сложные (две). У цилиндрических ям стенки слегка скошены (рис. 7, 3). Диаметр их дна обычно на 10—15 см больше диаметра устья, глубина меньше ширины (соотношение глубины и ширины примерно 1 : 1,2 м).

Сложные ямы состоят из двух частей (рис. 7, 1—2): одна углублена в материк на 1—1,2 м, вторая, примыкающая к ней, — мелкая (20—30 см). Она была как бы входом в основную яму-погреб.

Несмотря на сравнительно небольшую вскрытую на городище площадь (примерно 1/20 его часть), можно сделать ряд предварительных выводов о жизни на этом мысу.

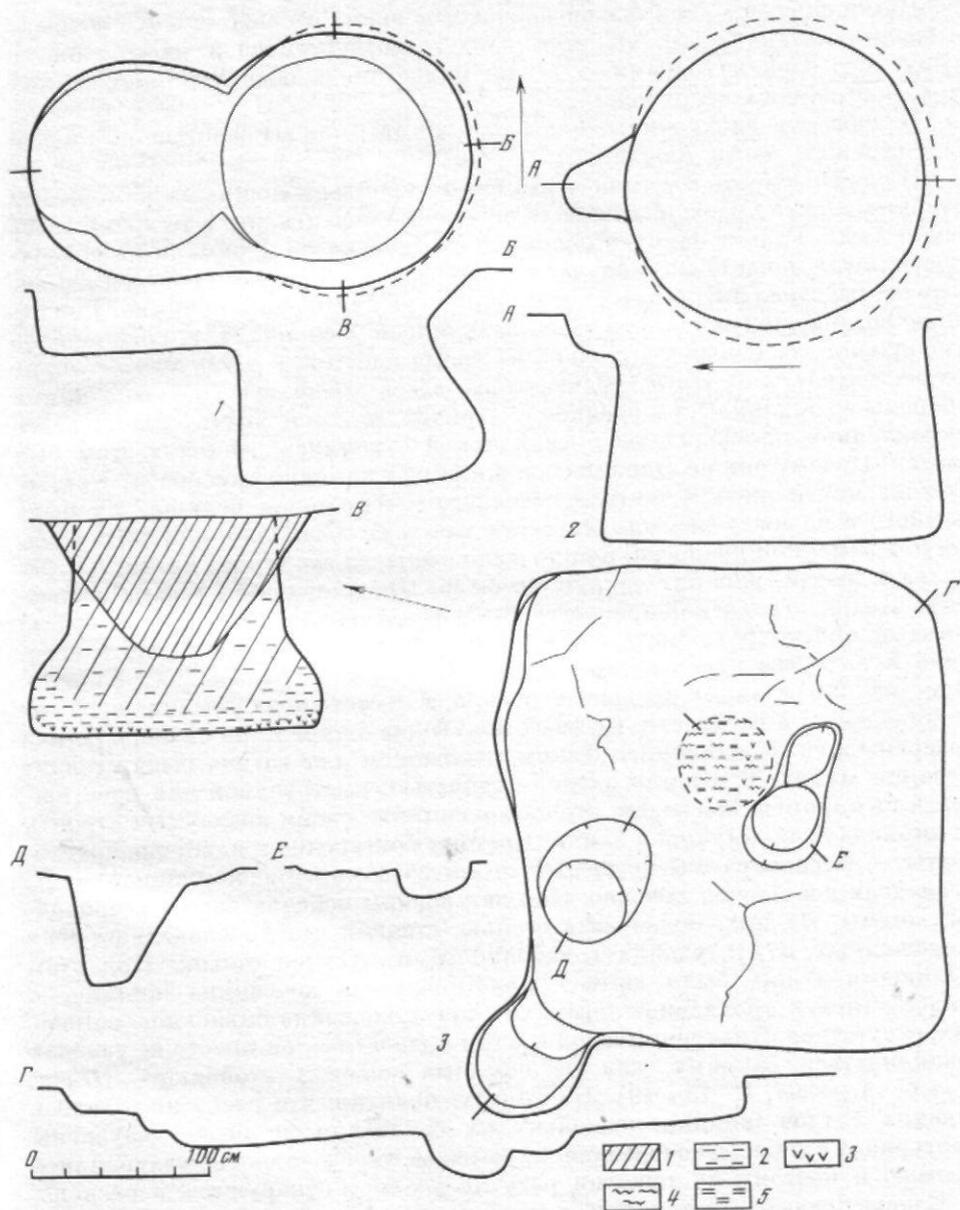

Рис. 7. Планы и разрезы ям и жилища 2, открытых на городище

1 — «восьмеркообразная» яма; 2 — конусовидная яма; 3 — наземное жилище 2 — полуюрта. Условные обозначения: 1 — гумусированная серая земля; 2 — глина; 3 — уголь; 4 — зола; 5 — обожженная глина

Как в скифское, так и в средневековое время заселение мыса не было особенно интенсивным. Об этом свидетельствует слабая насыщенность гумусного слоя находками, а также малое число обнаруженных жилых и хозяйственных сооружений.

В скифскую эпоху жилые постройки и ямы были сосредоточены в мысовой (южной) части городища.

В средневековье мысовая часть была укреплена мощными каменными стенами. Однако раскопки не дали оснований считать, что в то время здесь жили люди. Редкие находки обломков средневековой керамики на поверхности могли попасть сюда случайно. Для чего же были воздвигнуты каменные стены? Вряд ли для того, чтобы окружить пустое пространство. Можно, конечно, предположить, что здесь находилось убежище, т. е. специальное укрепление, заселявшееся только на время набегов. Против этого говорит то обстоятельство, что в средневековье здесь появилась еще одна линия обороны — земляная (с ровиком). Причем на этой значительно слабее укрепленной площадке люди селились и строились. Какой в этом был смысл? Почему они не ставили свои жилища в каменной крепости? Кстати, там же могли жить и жители соседнего с городищем селища. Их было немного и на мысу хватало бы места для всех. Очевидно, для того чтобы жить в каменной крепости, нужно было иметь на это особое право. Л этого права у людей, живших вокруг, не было. Представляется весьма вероятным, что право владения крепостью было феодальным, т. е. хозяином ее был богатый аристократ. Знать в Хазарском каганате кочевала еще в середине X в., о чем писал каган Иосиф (*Кокочов П. К., 1932. С. 85—87*). Простой народ много раньше, особенно в лесостепных землях, перешел к земледелию и оседлости. На зиму кочующие с апреля по октябрь богачи возвращались на зимовища. Таким зимовищем для кагана была столица Хазарии Итиль. Там каган владел крепостью, выстроенной для престижности из кирпича. Мы знаем, что каган запретил своим подданным строить из кирпича свои жилища и замки. Поэтому болгарские и аланские аристократы — вассалы кагана возводили стены из камня. Белокаменные стены выглядели достаточно красиво. Они как короны венчали высокие приречные холмы. На них, подкочевав осенью, ставили ставки владельцы этих огороженных и пустующих в течение семи месяцев ставок. При этом жилищами у них были юрты — привычное для кочевника жилище — теплое зимой и прохладное летом. Это предположение объясняет, во-первых, отсутствие культурного слоя внутри крепости — он просто не успевал накапливаться за зиму, как не обычных кочевых стойбищах (*Плетнева С. А., 1967. С. 13—19*). Во-вторых, понятно, что здесь не осталось никаких следов жилищ, поскольку их основания не были углублены в материк, а стены легко снимались с каркаса. Очаги также не углублялись в землю и поэтому их тоже ни разу не удалось обнаружить в раскопе.

Следует сказать, что жилищ в каменных замках было обычно немного. Даже на хорошо обжитом (с фундаментально выстроенными полуземлянками) Маяцком городище их было сравнительно с площадью, огражденной стенами, мало (*Плетнева С. А., 1984. С. 10. Рис. 7; Афанасьев Г. Е., 1984б. С. 67. Рис. 1*). На аналогичном ему правобережном Цимлянском городище большинство юрт было поставлено на мысу до постройки стен.

Судя по почти полному отсутствию находок и культурного слоя на остальных каменных городищах, там также можно предполагать слабую и к тому же сезонную заселенность внутрисканной площадки.

Если на Маяцком городище немногочисленные стационарные постройки были построены внутри каменной крепости, то на Дмитриевском такие постройки, в которых жили, вероятно, остававшиеся круглый год на городище люди строились рядом с каменными стенами. Только в последний период жизни этого поселения, с приходом печенегов, эти жилые и хозяйственные сооружения были ограждены дополнительным земляным укреплением.

Таким образом, есть основания говорить о том, что средневековая белокаменная крепость была зимовищем полукуличевого феодала. Его слугами и вассалами были жители не только самого городища, но и трех окружающих селищ. Наши раскопки были сосредоточены на селище, расположенном на соседнем с городищем холме правого берега Корочи.

ПОСЕЛЕНИЯ

К северо-востоку от городища, в логу, между соседней с городищем Мироновской горой и следующей — Толиной расположено синхронное городищу селище.

Осмотр всей территории лога и обеих «гор» позволил с большей точностью определить границы этого поселения: оно занимало склон Мироновской горы и вершину (здесь его несколько срезал меловой карьер). На склон Толиной горы поселение не распространялось. Таким образом, примерные размеры селища 100—150X200 м, т. е. 20000—30000 кв. м (рис. 2). По дну ложка в древности протекал небольшой ручеек — приток Корочи. В настоящее время вода по нему течет только весной — в половодье.

Расстояние между городищем и селищем — от средневекового земляного валика до вершины Мироновской горы — не превышает 400 м. Интересно, что дорожка на городище с подножья Мироновской горы идет по ступени обрывистого берега, как бы специально местами прорубленной для этой цели. Ступень эта огибает с северо-запада Мироновскую гору, полого поднимаясь по крутому склону на вершину холма. Поверхность поселения была сильно задернована, но в 1960-х годах на территории селища была поставлена усадьба, большой огород которой занял около 2000 кв. м. Кроме того, тогда же был засажен сосновыми лесопосадками весь склон Мироновской горы, что помешало вести планомерные работы на селище. Но распашка склона глубокими (до материка) полосами позволила убедиться в том, что наиболее крутая часть склона была в древности нежилой.

Культурного слоя на селище нет, толщина дернового слоя нигде не превышает 0,3 м. Он слабо насыщен находками, сосредоточенными исключительно над пятнами построек в материке. Материк на территории, занятой селищем, различный. Около ручья, вдоль него — это твердая темно-коричневая «клейкая» глина. Видимо, в древности берег ручья был заливной. Выше (до крутой части склона) материк — постепенно светлеющая до светло-желтого цвета плотная глина, в которой легко можно было выдалбливать жилые и хозяйственные сооружения. На вершине холма этот глинистый слой или совсем отсутствует, или толщина его не превышает 0,2 м. Там он перекрывает основу холма — белый, хорошего качества мел.

Обломки керамики, обнаруженные на поверхности, принадлежали к двум эпохам: VIII—IX вв. (грубые кухонные горшки и лошенные сосуды) и XVII—XVIII вв. (ангобированные с красной росписью, лошенные, красноглиняные с зеленой поливой). Первые преобладали на вершине и

отлогом склоне Мироновской горы, вторые — у подножья Толиной горы и вдоль ручейка.

Раскопками на селище вскрыто более 2300 кв. м. Из них на вершине горы — 380 кв. м, на берегу ручейка 160 кв. м, остальные раскопы располагались на пологой части Мироновской горы (рис. 2).

Раскопы, заложенные на берегу ручейка, подтвердили сделанное на основании анализа подъемного материала заключение о том, что в VIII—IX вв. здесь не селились совершенно. По-видимому, в то время ручей был довольно большим, а берега его недостаточно сухими для какой-либо постройки. К XVII в. ручеек стал уже пересыхать, и русские переселенцы начали ставить свои жилища на его берегу. Всего открыто четыре постройки, относящихся к позднему времени. Одна из них находилась у берегового среза, три остальные были поставлены примерно на расстоянии 25—40 м от берега.

Пологая часть Мироновской горы и ее плоская вершина были заняты постройками VIII—IX вв. На площади свыше 2000 кв. м раскрыто полностью 15 жилых построек (три раскопаны частично), три гончарные мастерские и рядом с ними две сушилки, коптильня, пять погребов, 44 хозяйственные ямы разных типов, две «закладные» тризны.

ЖИЛЫЕ ПОСТРОЙКИ

Полуземлянки. К этому виду построек относится шесть жилищ. Все они в плане прямоугольные или квадратные. В углах и на середине двух противоположных (а иногда и всех четырех) сторон прослеживаются ямки от массивных столбов для крепления стен и кровли. Солипипство жилищ располагалось на склоне холма, поэтому заглубленность каждого из них в материк с одной стороны достигает 0,8—2 м, с другой (ниже по склону) — не превышает 0,4—1 м. Заполнение котлованов полуземлянок двуслойное. Примерно до половины глубины оно темно-серое, рыхлое с примесью меловой крошки (по составу аналогично дерновому слою). Все находки, как правило, сосредоточены в этом слое. Под ним прослеживается тонкая линза обуглившейся кровли, а под пей — слой чистой желтоватой глины, которой, видимо, была утеплена крыша сверху. Несмотря на угольную прослойку крыши, стены жилищ не несут следов пожара, а это значит, что постройки не горели, а разрушались постепенно. Глинистое покрытие вначале просыпалось сквозь полусгнившее дерево кровли, затем она рухнула и, затянута гумусным слоем, окружавшим жилище и насыщенным кусками костей и битой посуды, без доступа воздуха обычно самовозгоралась. Впрочем, иногда самовозгорания не случалось — деревянная часть крыши истлевала полностью и тогда от нее сохранялась только тонкая (1—5 см) коричневая прослойка тлена.

По расположению и конструкции очагов полуземлянки можно разделить на несколько типов. К первому относятся две полуземлянки с очагом в центре пола.

Полуземлянка 1 (2—1957)². Котлован был вырыт на верхней границе

² Здесь и далее в скобках дается номер сооружения в полевой документации и год раскопок.

распространения темно-коричневого глинистого материка. Прослеживается дополнительное утепление стен постройки: между деревянной облицовкой и стенками котлована в пространство шириной в 0,15—0,8 м забита желтая с кусочками мела глина (рис. 8, /). Таким образом, размеры котлована значительно больше реальных размеров жилища — соответственно: 4,8X3,3 м и 3,7X2,75 м. Крыша была двускатной. Конек ее опирался на массивные столбы. Вместо угловых столбов, судя по форме ямок, были поставлены довольно массивные плахи. Вдоль стен прослеживаются ямки от кольев, которыми, видимо, закреплялись поперечные доски облицовки стен. Вход находился, в западной стене жилища. Он выявляется благодаря ямкам от столбов, на которых держалась дверь, и некоторой стертости порога. Пол ровный, в центре расположен большой для этого помещения слегка углубленный в пол очаг (относится к типу тарелкообразных). В отличие от обычных круглых очагов этого типа он имеет неопределенную форму. Однако очаг был «окантован» маленькими ямками от столбиков ограды. Кроме того, с четырех сторон очага были вбиты массивные колья для подвешивания над ним котла или для вертела. Величина очага и вследствие этого непригодность постройки для жизни заставляют предполагать, что это было специализированное помещение для приготовления пищи (кухня).

Полуземлянка 2 (20—1972). Размеры котлована 3,1X2,7 м (рис. 8, 2). Стенки и пол тщательно выровнены. С северо-востока к котловану прирезана большая круглая яма — ниша в степе. Пол жилища ровный, в нем в углах и на середине обеих длинных сторон прослежены ямки от крупных столбов. Судя по их размерам, кровля была весьма тяжелой, утепленной толстым слоем глины и дерна. В центре пола находился простой «кострообразный», т. е. не углубленный в материк очаг с предпочажной круглой ямой. Примерно в полуметре от очага был установлен гончарный круг, от которого осталось в полу чашевидное углубление диаметром 0,2 м с небольшой, но глубокой ямкой на дне от осевого столбика.

Второй тип представлен двумя полуземлянками с очагом, расположенными у одной из стенок.

Полуземлянка 3 (3—1957). Размеры помещения по июлю 3,85X2,7 м (верхний край котлована сильно оплыл и разрушился). Пол глиняный, ровный, стенки — с выдолбленными нишами и полками (рис. 9). В углах и на середине сторон — ямки от больших столбов. Срединные столбы, поддерживавшие тяжелую кровлю, двойные, глубоко врытые. Очаг обычного тарелкообразного типа расположен у пристенного столба. Вокруг столба и вдоль ступы прослежены размывы глины, которой, видимо, были обмазаны деревянные покрытия стены у очага, защищавшие их от огня. В полу врезаны две ямки от гончарных кругов, аналогичные описанной выше. Возможно, одна из них служила опорой для ручного жернова, который, как и гончарный круг, должен был закрепляться. На полу жилища обнаружены обломки толстостенных кухонных горшков, стенка лошеного сосуда, костяная проколка, пряслице из обломка лошеного сосуда и мелкие косточки животных.

Полуземлянка 4 (12—1960). Размеры жилища 3,35X2,75 м (рис. 10). Стенки котлована вертикальные, довольно сильно изрезанные полукруглыми нишами-полками. Пол глинистый материковый без подмазки.

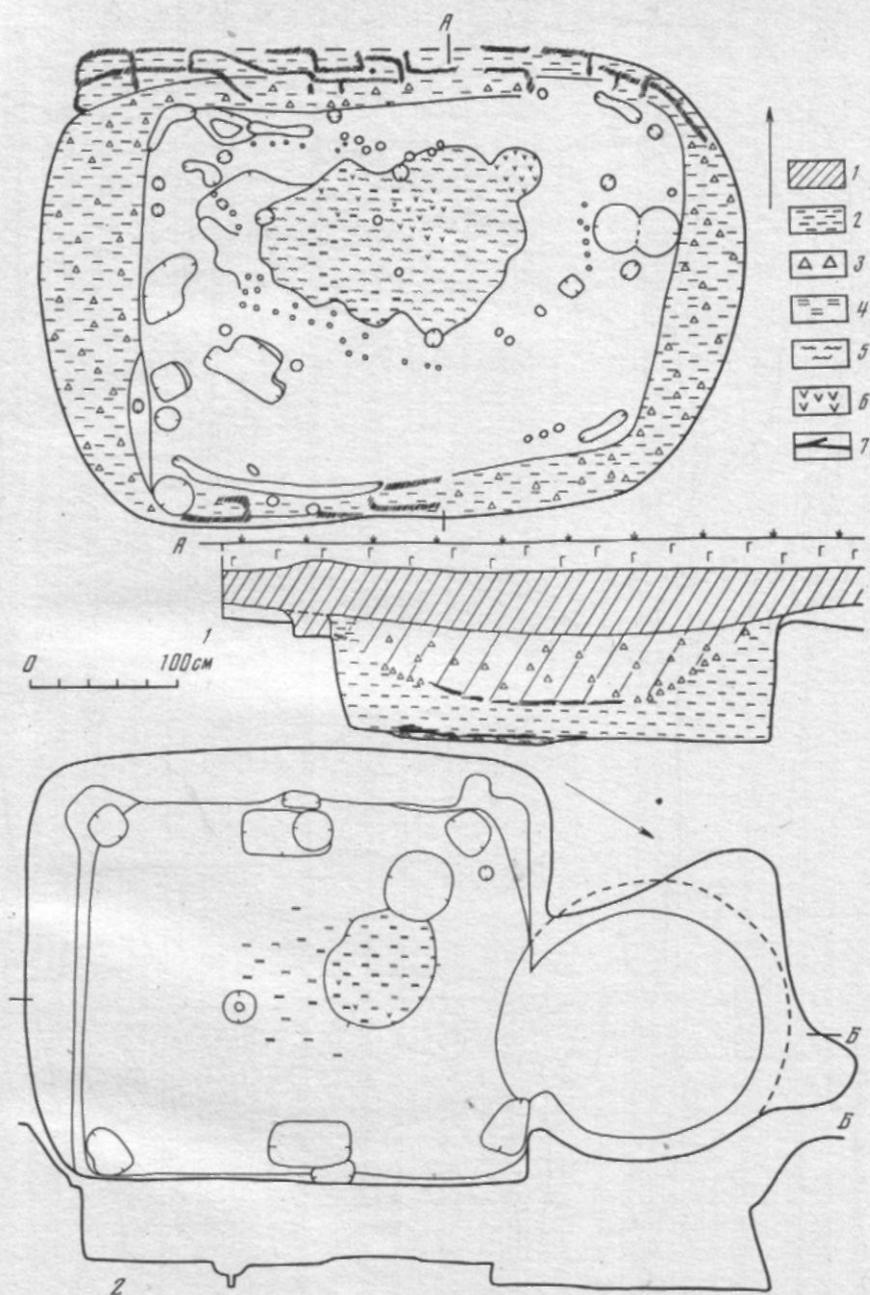

Рис. 8. Жилища первого типа, открытые на селище 1

1 — план и профиль полуземлянки 1 (2—1957); 2 — план и разрез полуземлянки 2 (20—1972).
 Условные обозначения: 1 — гумусированная серая земля различных оттенков; 2 — глина; 3 — меловой щебень; 4 — обожженная глина; 5 — зола; 6 — уголь; 7 — слой обожженного дерева

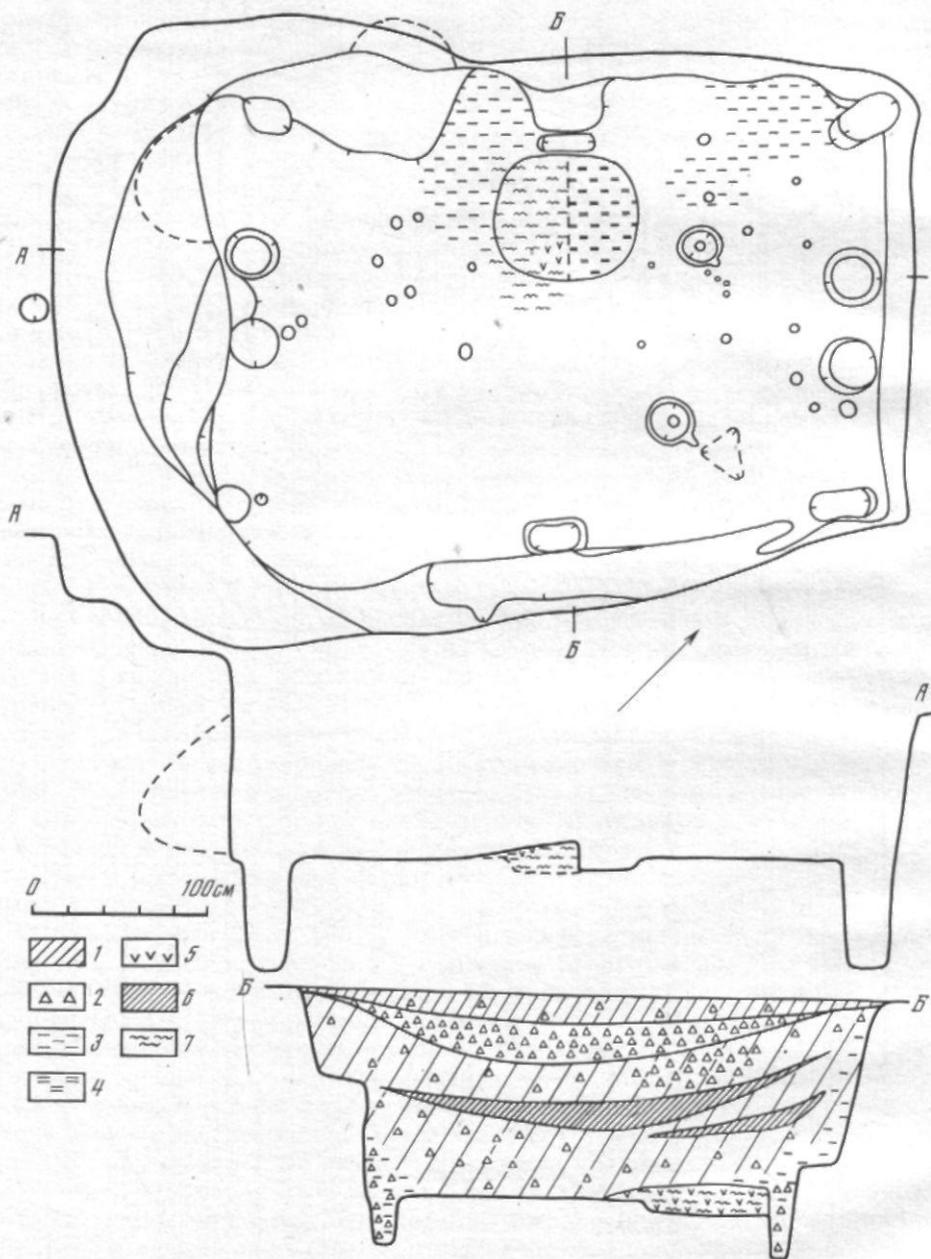

Рис. 9. План, разрез и профиль полуземлянки 3 (3—1957) второго типа

Условные обозначения: 1 — гумусированная серая земля различных оттенков; 2 — меловой щебень; 3 — глина; 4 — обожженная глина; 5 — уголь; 6 — слой обожженного дерева; 7 — зола

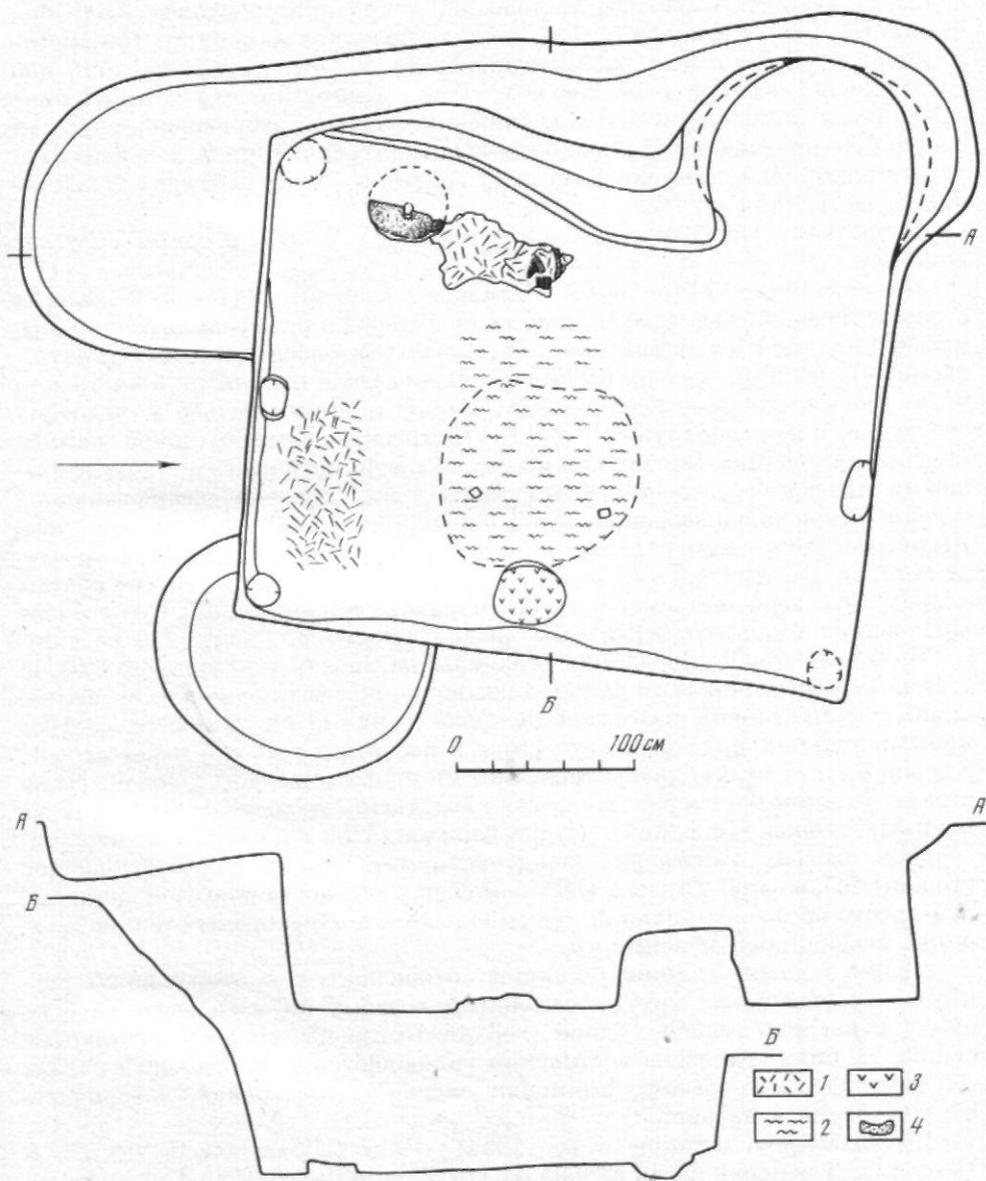

Рис. 10. План и разрезы полуземлянки 4 (12—1960) второго типа

Условные обозначения: 1 — производственная глина с примесью шамота и крупной дресвы; 2 — зола; 3 — уголь; 4 — половина жернова

Угловые столбы и столбы на середине каждой из сторон врыты в пол неглубоко. Крыши таких «восьмистолбовых» жилищ скорее всего были четырехскатными, видимо, более легкими, чем двускатные кровли. Очаг большой «кострообразный» расположен у срединного столба восточной стены. На полу у западной стены лежала половина каменного (нижнего) жернова и рядом с ним расплывшийся ком глины, приготовленной для изготовления горшка с шамотом в тесте. Интересно, что в этой глине выделяется наполовину изготовленный и, видимо, забракованный сосуд с орнаментированным гребенчатым штампом венчиком. В юго-западном углу жилища был прослежен на полу тонкий натопанный слой такой же производственной глины.

К третьему типу отнесены полуземлянки с очагом в одном из углов жилища.

Полуземлянка 5 (7—1958). Размеры котлована 3,6X2,65 м, пол и стенки тщательно выровнены (рис. 11, /). В углах и на середине всех сторон прослеживаются глубокие ямы от толстых столбов (в двух ямках — двойных). Видимо, крыша была двускатная. Очаг находился в восточном углу. Форма его «корытообразная». В части, примыкавшей к угловому столбу, в очаге обнаружено много растрескавшихся от жара камней местного песчаника. Очевидно, ими был обложен край очага для предотвращения перегрева углового столба. Вход в жилище — в северо-западной стенке. Дверь держалась на угловом и дополнительном срединном столбе. Ширина ее 0,6 м. Особенностью жилища является поперечная перегородка, от которой в полу сохранились три небольшие глубокие ямки (от вбитых кольев). У северо-восточной стены помещался гончарный круг (неглубокая чашевидная ямка с центральным квадратным колом, вбитым в ее дно).

Полуземлянка 6 (10—1960). Размеры котлована жилища 3,9X3,1 м, стенки неровные, местами сильно оплывшие, пол без подмазки, но на нем видны следы черной натопанной грязи (рис. 11, 2). Ямки от столбов прослеживаются, видимо, в двух углах и посередине всех четырех сторон. Кровля была, видимо, двускатной, причем опорные столбы конька крыши стояли у длинных сторон жилища, вход также находился на одной из длинных сторон (западной). Дверь держалась на срединном и дополнительном столбах, расстояние между которыми 0,65 м. Порог с внешней стороны двери сильно оплыл. Очаг помещен в юго-восточном углу жилища. Это просто обгорелое пятно на полу, обложенное со стороны стен обгоревшими песчаниковыми камнями.

Полуназемные жилища. Жилища, относящиеся к этому виду, расположены обычно на крутых склонах и поэтому их котлованы глубоко врыты в материк только с одной (верхней) стороны. По мере понижения склона глубина котлована постепенно уменьшается и практически сходит на нет. Таким образом, примерно половина постройки совершенно не заглублена в материк.

Полуназемное жилище 7 (6—1958). Размеры котлована 4X3,8 м (рис. 12). В верхней части склона он углублен в материк на 1 м, противоположная сторона и отходящий от нее вход (сенцы) только слегка «прочищены» в материке. По обеим сторонам входа в полу жилища были вбиты столбы от дверного проема шириной в 0,55 м. Ямки от аналогичных столбов прослеживаются в углах жилища и у боковых (относительно

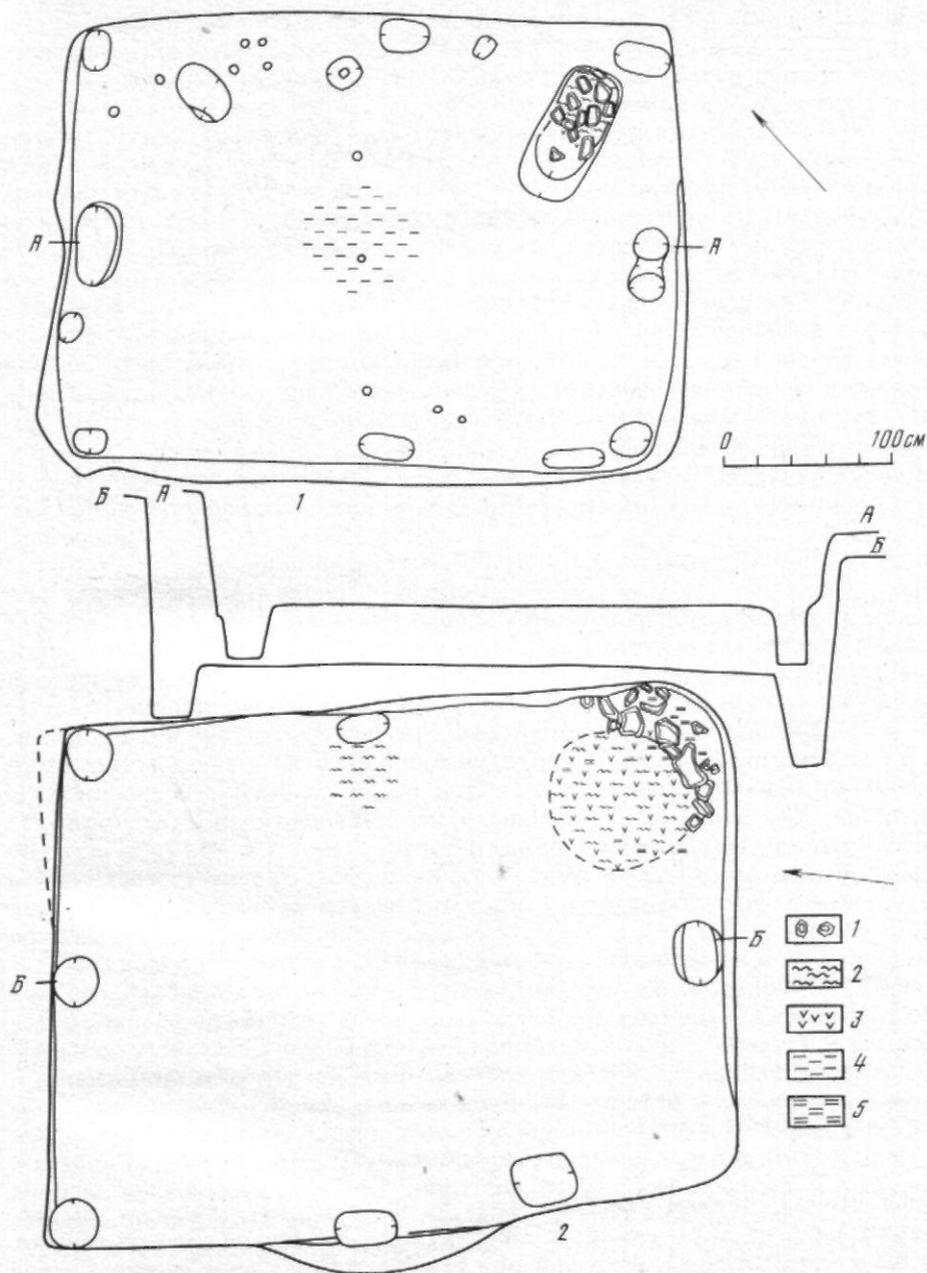

Рис. 11. Жилища третьего типа

1 — план и разрез полуземлячки 5 (7—1958); 2 — план и разрез полуземлячки 6 (10—1960).
Условные обозначения: 1 — камни очага; 2 — зола; 3 — уголь; 4 — глина; 5 — обожженная глина

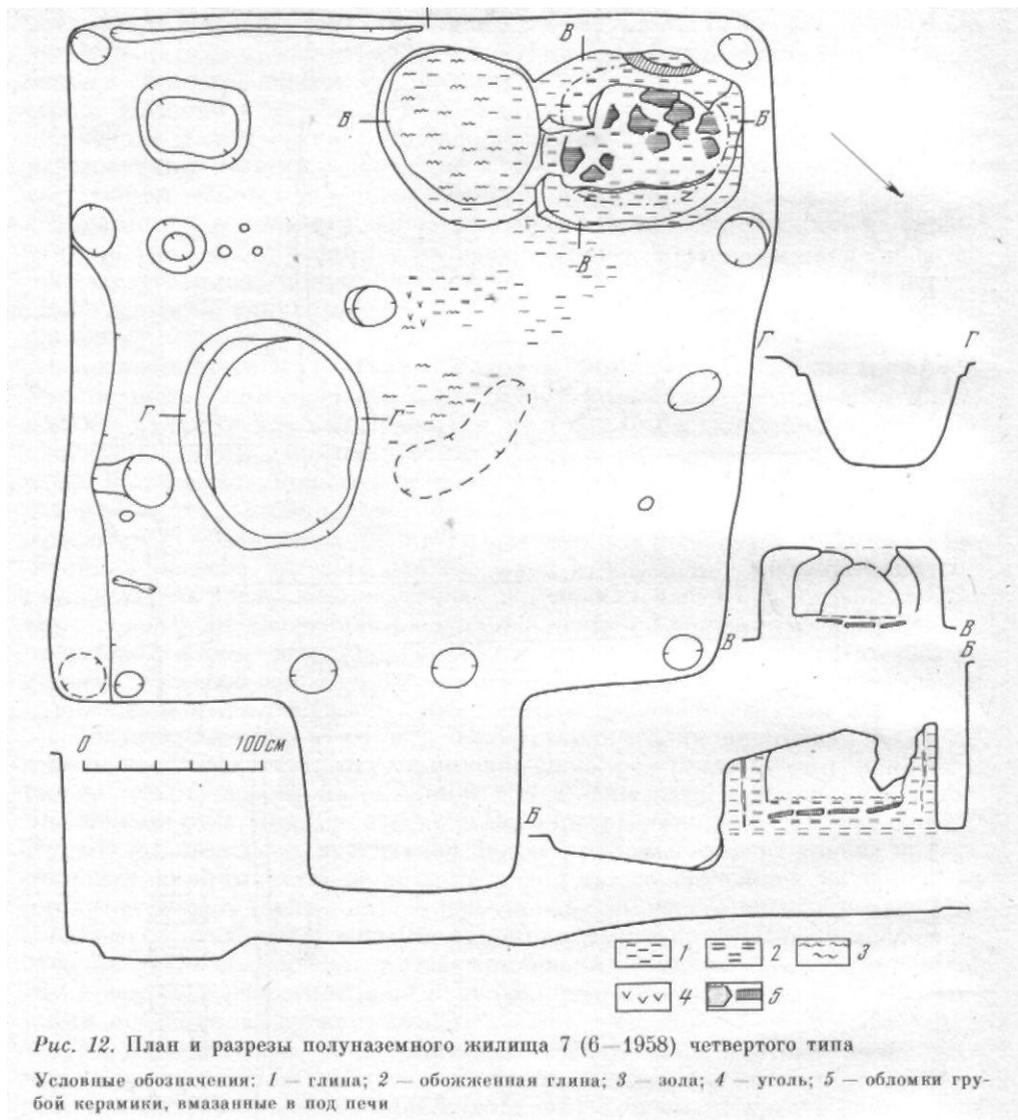

Рис. 12. План и разрезы полузаземного жилища 7 (6—1958) четвертого типа

Условные обозначения: 1 — глина; 2 — обожженная глина; 3 — зола; 4 — уголь; 5 — обломки грубой керамики, вмазанные в под печи

входа) стенок, причем столбы врыты не на середине длины, а на расстоянии 1,2 м от задней стенки. Конструкция крыши неясна (возможно, она была односкатной). Меловой пол был подмазан слоем светло-желтой глины. Вместо очага здесь поставлена глинобитная на деревянном (из прутьев) каркасе печь с неглубокой припечной ямкой у устья. Печь находилась у заглубленной в материк стенки, справа от входа. Под печи выстлан обломками лощеной и кухонной керамики и сверху неоднократно

подмазывался жидкой глиной. Слева от входа в полу была вырыта неглубокая (0,6 м) яма, видимо, хозяйственная.

Полуназемное жилище 8 (8—1958). В верхней части склона жилище углублено в материк на 0,7 м, к противоположной стороне оно сходит на нет: стенка прослеживается только по столбам вдоль стены и по обеим сторонам входа, аналогичного входу предыдущего жилища (рис. 13, 1). В углах и на середине всех четырех сторон в меловой пол котлована были вкопаны столбы. Судя по парным столбам, врытым на противоположных сторонах напротив друг друга, кровля была двускатной. Пол без подмазки, очаг располагался справа от входа. Он был сложен из камней с глиняной обмазкой, перед устьем находилась припечная неглубокая яма. Конструкция очага неясна, так как он сильно разрушен из-за близости к поверхности. Среди камней было обнаружено донце большого лощеного сосуда. Около очага располагался гончарный круг (пиалообразная ямка с вбитым в нее колом). Поперек жилища перед входом была вырыта продолговатая корытообразная яма (2X0,6X0,25 м), наполненная углями и золой. Вероятно, она играла роль своеобразного теплового заслона, поскольку именно со стороны входа жилище было наземным, т. е. стенка была самой холодной.

Полуназемное жилище 9 (146—1966). Углубленность котлована в верхней части 1 м, а в нижней — всего 0,2—0,3 м (рис. 14, 1). Именно здесь зафиксирован вход в жилище, близкий по конструкции вышеописанному (вход—сенцы). Размеры жилища 2,6X2,2 м. Жилище находилось в районе гончарных мастерских, при строительстве которых было разобрано и засыпано (заполнение в нем серое однородное с мелкими кусочками керамики). Один из его углов срезан постройкой, приспособленной под мастерскую. Печь в этом жилище была помещена напротив входа, от нее сохранилась частично подмазка пода. Вполне возможно, что это остатки такой же глинобитной печи, как в жилище 7. Рядом с ней обнаружен обломок лощеной кружки. В углах и на середине каждой из сторон были вкопаны массивные столбы. В полу, в одном из углов вырыта небольшая ямка (0,38X0,24X0,15 м), заполненная косточками козы. Вероятно, это остатки «строительной жертвы».

Полуназемное жилище 10 (9—1960) вскрыто частично, но расположение его на склоне и сравнительно небольшая заглубленность открытой части говорят о том, что оно вполне могло быть полуназемным (рис. 13, 2). Поскольку котлован вырыт в сырой коричневой глине, между его стенками и деревянной облицовкой был засыпан меловой сухой щебень. Эта прослойка сближает жилище с помещением 1, служившим, как мы предполагаем, кухней. Печь здесь глинобитная на плетеном каркасе (как в жилище 7), в заднюю стенку вмазано дно большого кухонного горшка, под обмазан несколькими слоями глины (он выше пола на 0,3 м), а с внешней стороны печь подмазана белой жидкой глиной — белилкой.

Бесстолбовые жилые постройки. К ним относятся юртообразные жилища. По степени углубленности в материк их можно разделить на два типа.

Первый характеризуется значительным углублением в материк (на 0,8—1 м), сближающим его с обычными полужемлянками. Он представлен двумя постройками.

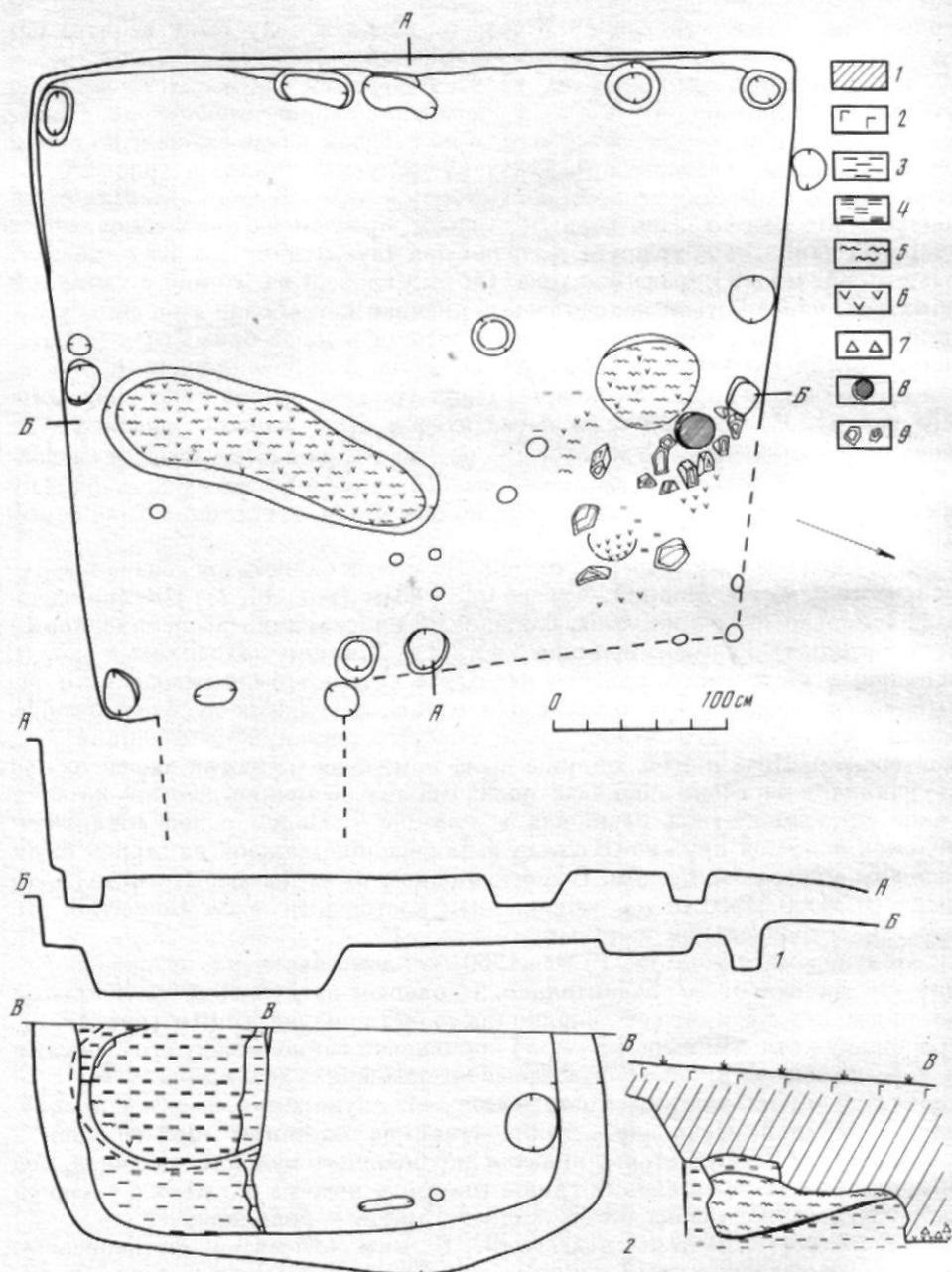

Рис. 13. Жилища четвертого типа

1 — план и разрезы полузаземного жилища 8 (8—1958); 2 — план и профиль печи полузаземного жилища 10 (9—1960), вскрытого частично. Условные обозначения: 1 — гумусированная серая земля; 2 — дерновой слой; 3 — глина; 4 — обожженная глина; 5 — зола; 6 — уголь; 7 — меловой щебень; 8 — днище большого горшка; 9 — камни разрушенного очага (печи?)

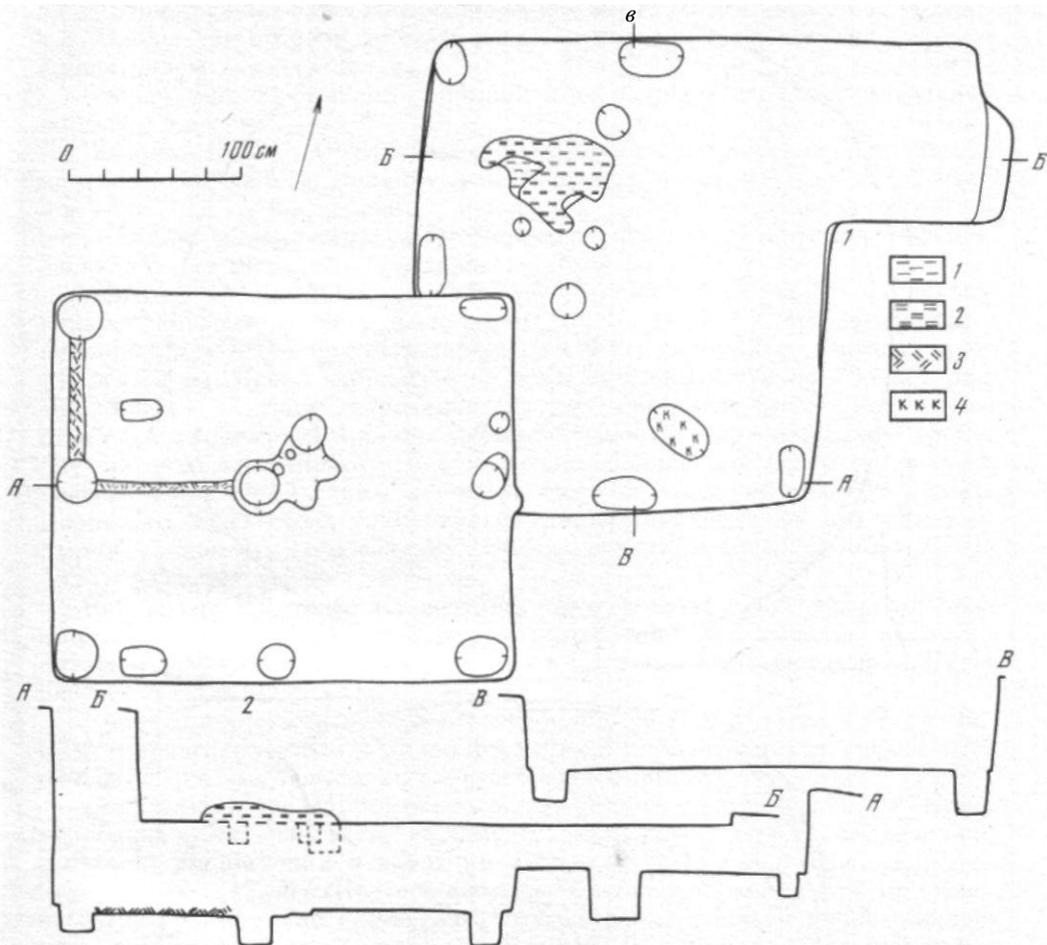

Рис. 14. Планы и разрезы полузаземного жилища 9 (146—1966) четвертого типа и врезавшейся в него углом мастерской II (14а—1966)

Условные обозначения: 1 — глина; 2 — обожженная глина; 3 — производственная отмученная глина; 4 — кости козы

Жилище 11 (13—1960). Котлован жилища в плане овальный (3,6X4,15 м). Стенки его слегка наклонены вовнутрь (рис. 15,7). В центре пола расположен тарелкообразный очаг, окруженный ямками от небольших колышков. По периметру жилища ни на полу, ни вокруг на материке следов от кольев каркаса не прослежено: очевидно, они были вбиты в дерн вокруг углубленной части юрты.

Жилище 12 (23—1973) находилось на самой вершине Мироновской горы, примерно треть его срезана меловым карьером (рис. 15,2). Однако форма котлована в плане легко восстанавливается — она была овальная, как у предыдущего жилища, размеры его 3,7X3,1 м. В центре пола

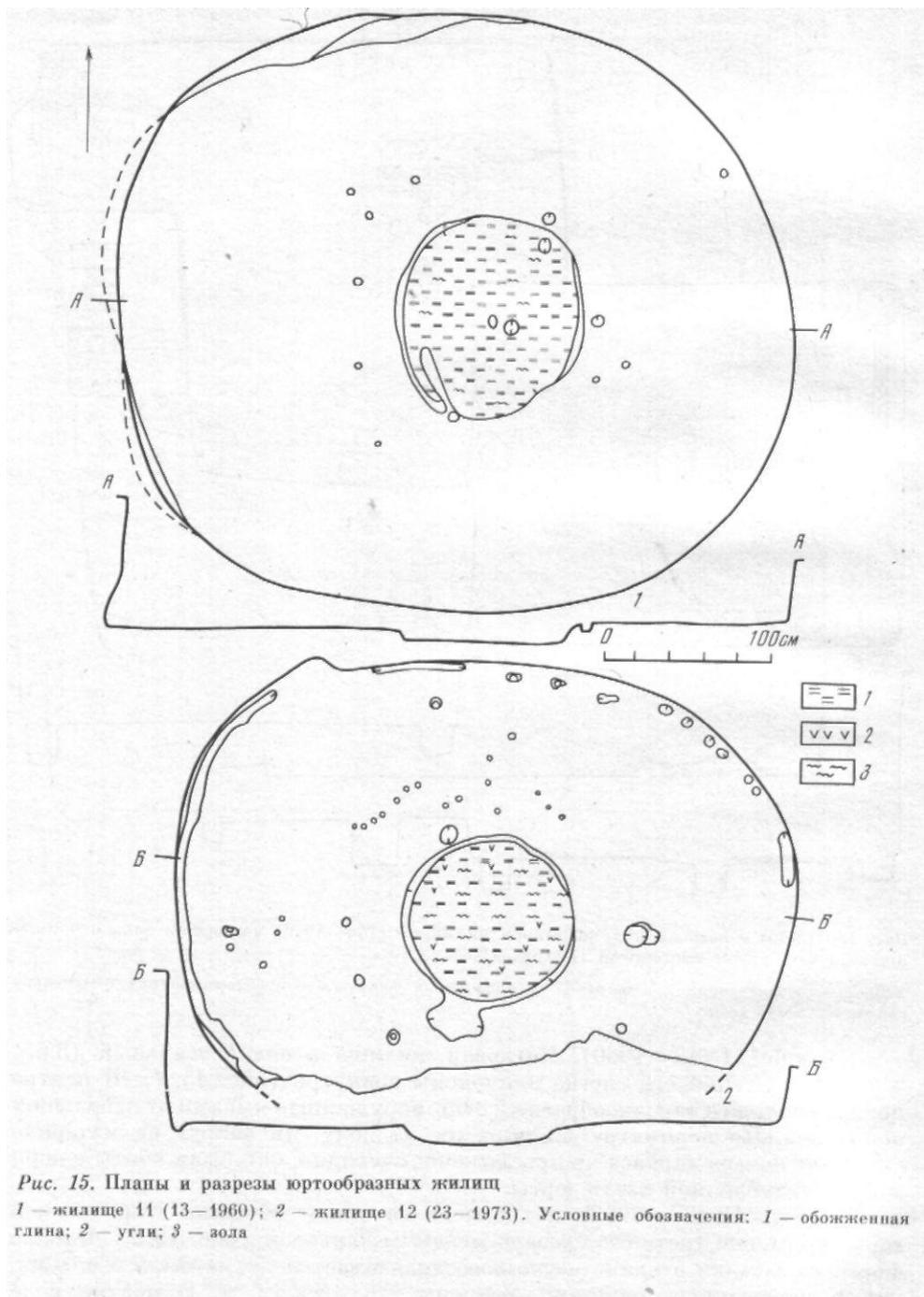

Рис. 15. Планы и разрезы юртообразных жилищ

1 — жилище 11 (13—1960); 2 — жилище 12 (23—1973). Условные обозначения: 1 — обожженная глина; 2 — угли; 3 — зола

находится круглый тарелкообразный очаг, окруженный ямками от колышков. Вдоль стен по полу прорыта узкая мелкая канавка, местами сменяющаяся рядом ямок от кольев.

Второй тип бесстолбовых жилищ характеризуется малой углубленностью в материк.

Жилище 13 (24—1973) врезано в материк на 0,05—0,1 м. В плане оно круглое с небольшим полукруглым выступом (входом?), диаметр около 3 м (рис. 16, 1). Пол неровный, меловой, в центре его — тарелкообразный очаг с сильно обожженным дном. Ямок от кольев по периметру жилища нет, очевидно, они были вбиты в дерновый слой.

Жилище 14 (19—1966) углублено в материк на 0,2—0,4 м, форма его в плане округлая, диаметр около 2,2 м (рис. 16, 2). Пол и стенки постройки неровные. От основного помещения отходил широкий и длинный вход (1,7X1,35 м). Дверь держалась на двух массивных столбах, от которых сохранились по обеим сторонам входа глубокие ямки. Следов кольев или столбов по периметру жилища не было. В центре пола находился глинобитный очаг, от которого остались только обожженная поверхность пола, развал обожженной глины и четыре ямки от довольно толстых кольев. Возможно, здесь стоял глинобитный тандыр, аналогичный высоким тандырам, раскрытым на поселениях Среднедонетчины (*Красильников К. И.*, 1985).

Все четыре бесстолбовых жилища представляют собой обычные более или менее углубленные в материк юрты, наиболее близкие аналогии которым известны на Правобережном Цимлянском городище (*Плетнева С. Л.*, 1967. Рис. 11; 12).

Еще две постройки неясного назначения следует отнести к бесстолбовым, слабоуглубленным. Однако форма их в плане прямоугольная и этим они отличаются от остальных юртообразных жилищ.

Постройка 15 (18—1966) расположена рядом с жилищем 14 и, как и оно, углублена в материк всего на 0,05—0,1 м. В плане она трапециевидная с отходящим широким и коротким входом. Размеры очень небольшие — 2,5X2 м (рис. 17, 1). «Кострообразный» очаг расположен напротив входа. Вплотную к постройке, врезаясь в ее стенку, вырыта большая конусовидная яма, закрывавшаяся деревянной крышкой, от которой в верхней части заполнения сохранился след горелого дерева. Заполнение самой постройки также углисто-золистое, рыхлое. Очевидно, она погибла от пожара.

Постройка 16 (25—1973) углублена в материк на 0,15—0,2 м. Она прямоугольная с закругленными углами, размеры ее 3,1X2 м (рис. 17, 2). Пол ровный, глинистый, сильно потрескавшийся. Посередине северной стенки в июле вырыта продолговатая ямка для массивного столба. Относился ли этот столб к конструкции кровли или к «мебелировке» — неясно. В юго-западном углу помещена большая круглая яма с отходящим от нее длинным и широким «языком» входом. Яма заполнена золой и углями, однако поверхность ее не обожжена. Видимо, это остатки какого-то неясного пока отопительного устройства.

Раскопками частично были раскрыты еще два жилища этого же вида (бесстолбовых). Жилище 17 (26—1973) — типичная большая юрта с дополнительным помещением и тарелкообразным очагом в центре. В при-

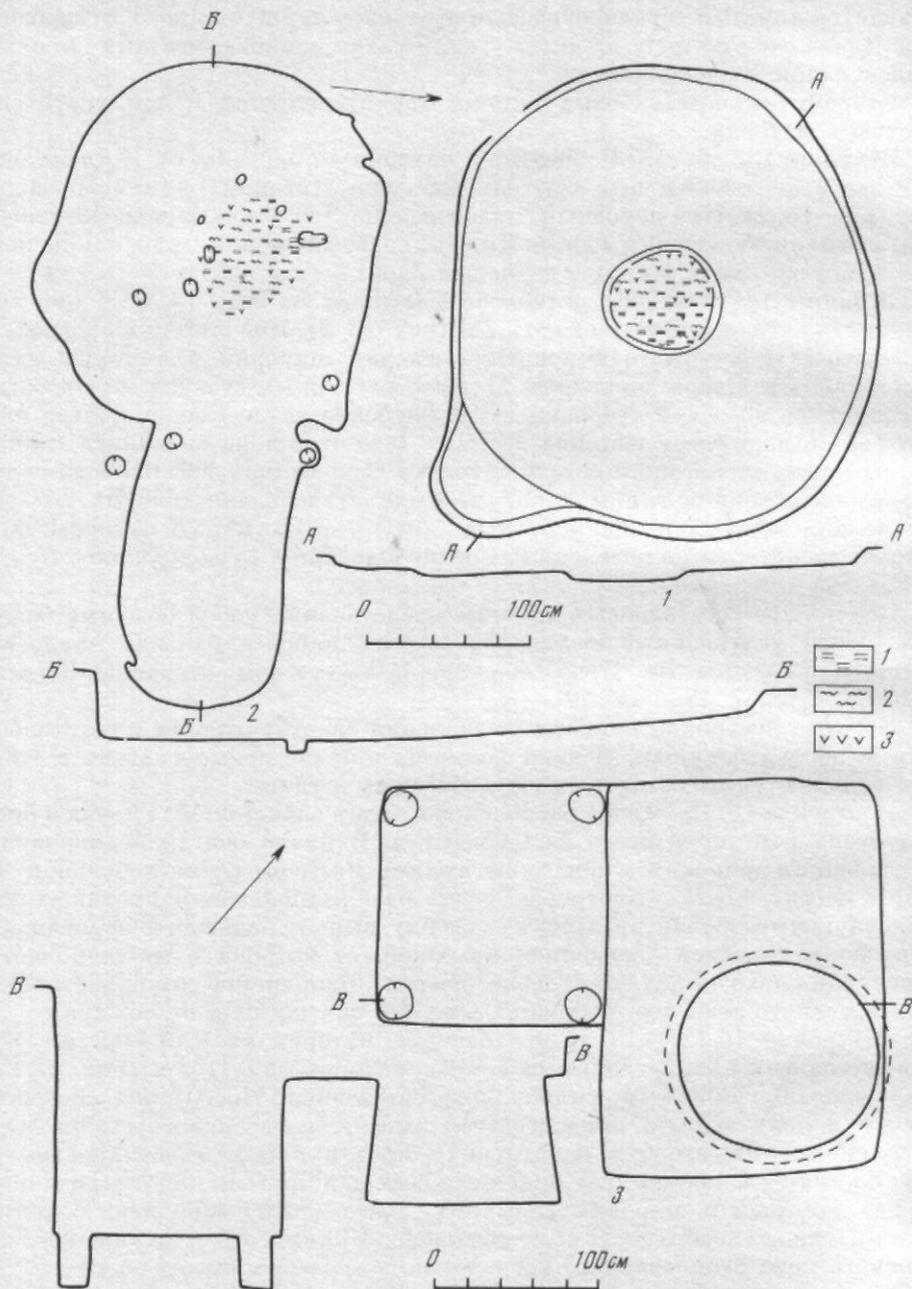

Рис. 16. Бесстолбовые жилища (юрты) и погреб

1 — план и разрез жилища 13 (24—1973); 2 — план и разрез жилища 14 (19—1966); 3 — план и разрез погреба III (Я—1966). Условные обозначения: 1 — обожженная глина; 2 — зола; 3 — угли

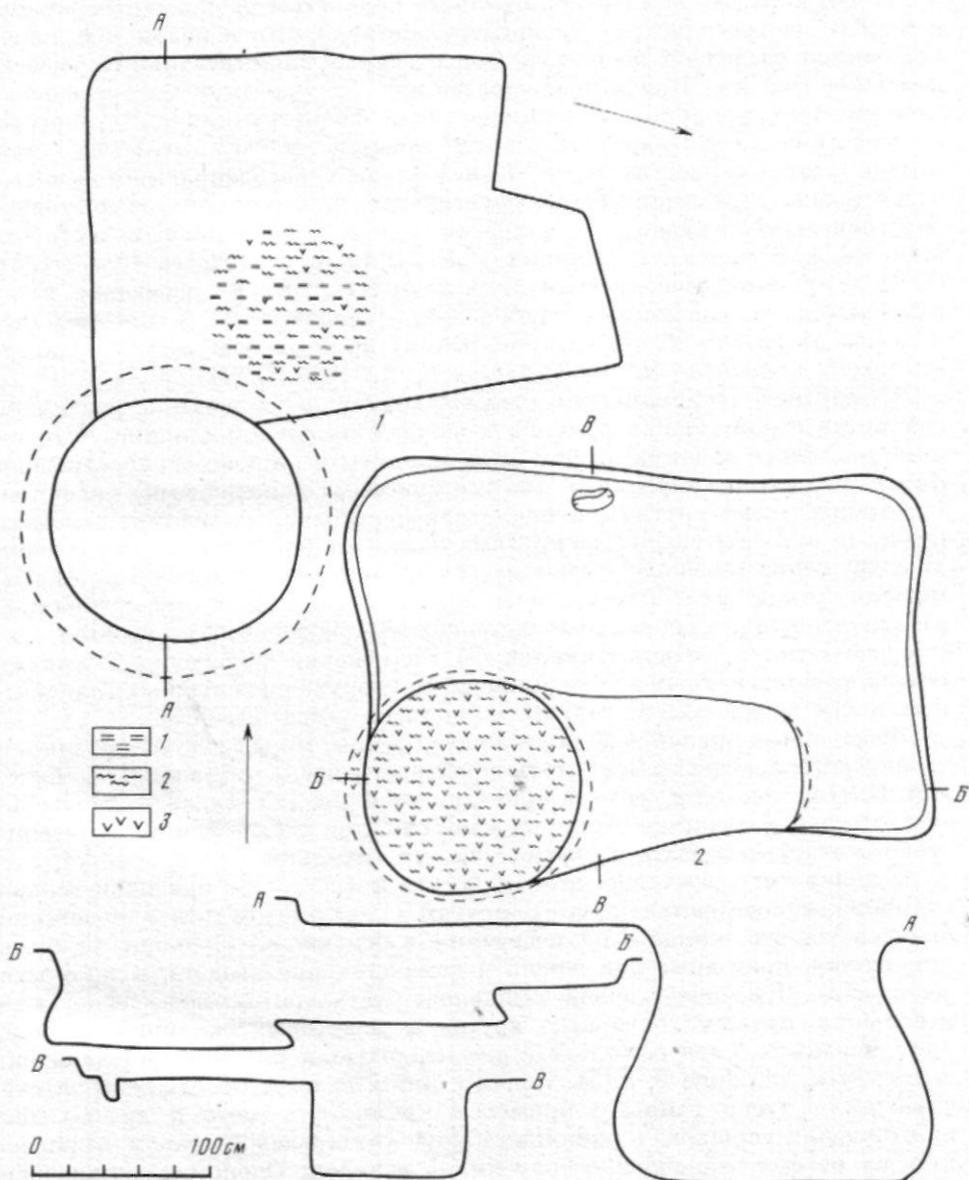

Рис. 17. Бесстолбовые жилища второго подтипа

1 — план и разрез жилища 15 (18—1966); 2 — план и разрез жилища 16 (25—1973). Условные обозначения: 1 — обожженная глина; 2 — зола; 3 — угли

стройке находились две большие хозяйственные ямы. Жилище 18 (21 — 1972) также снабжено большими ямами, вырытыми в июлу.

Таким образом, нами рассмотрено 15 полностью раскопанных жилищ и жилых построек и три — вскрытых частично. Это в целом небольшое количество разделено по весьма существенным конструктивным особенностям на три вида. При этом каждое жилище отличается от всех остальных многочисленными оригинальными деталями в конструкции или интерьере.

Неустойчивость конструктивных приемов в строительстве стен, входов, очагов свидетельствует об отсутствии у населения многовековых строительных традиций. Такая неустойчивость характеризует не только Дмитриевское поселение, но и другие лесостепные селища, в частности Маяцкое и Ютановское (*Винников А. З.*, 1984; *Афанасьев Г. Е.*, 1987. С. 38—75). Этой особенностью лесостепные салтовские поселения резко отличаются от славянских (роменских, боршевских), в которых все жилища построены по существу по одному принятому в данной культуре стандарту (*Русанова Н. П., Тимощук Б. А.*, 1984. С. 34).

Отсутствие стандартизации выражалось прежде всего в различном сочетании строительных приемов в каждом отдельном жилище. Что же касается самих приемов, то они были приняты и широко распространены по всему «салтовскому миру». Такими приемами (признаками) являются: 1) строительство круглых в плане слабоуглубленных жилищ с легким покрытием; 2) строительство круглых полуземлянок с легким покрытием; 3) сооружение тарелкообразных и (реже) кустообразных очагов; 4) размещение открытых очагов в центре пола или у одной из стенок жилища; 5) строительство специальных длинных входов-сеней; 6) строительство столбовых построек-полуземлянок; 7) сооружение обложенных камнями очагов, расположенных в углу жилища; 8) сооружение сложных глинобитных печей на плетневом каркасе в одном из углов жилища.

Выделенные признаки делятся на две группы. Первые четыре являются характерными кочевническими приемами строительства жилых помещений. Пятый, шестой и восьмой признаки типичны для оседлого строительства, а седьмой является уже продуктом слияния двух традиций: кочевнического открытого очага и славянской печи-каменки.

В конкретных жилищах кочевнические и «оседлые» признаки весьма гармонично сочетаются друг с другом. Результатом этого сочетания явилось то, что жилища на поселении в основном — большие удобные помещения, пригодные для жизни и домашних производств, в частности гончарства. Последнее хорошо выявилось благодаря находкам оснований небольших ручных гончарных кругов в некоторых жилищах в виде «пиаловидных» ямок с вбитым в дно квадратным колом — неподвижной осью круга (жилища 2, 3, 5). Рядом с ними на полу прослежены затеки глины или куски глины с примесью крупного шамота и дресвы для изготовления горшков. В жилище 4 круг установлен в старом жернове, т. е. он не был закреплен в полу ямкой и колом. Около сохранившейся половинки жернова обнаружен большой запас производственной глины, на которой сверху был брошен полностью сделанный, но необожженный и потому сплюснутый горшок. находка говорит, по-видимому, о том, что производственный процесс был неожиданно прерван. Глина и горшок так и остались неприбранными. Также на месте оказалась глина вокруг

других кругов. Известно, что женщины делали посуду, как правило, осенью, когда кончались летние работы (*Нещерева Е. М.*, 1959). Очевидно, поселение прекратило существование довольно неожиданно и люди были вынуждены поспешно эвакуироваться осенью. Эвакуацию следует связывать с появлением в степях печенегов. 1? границам Руси печенеги подкочевали первый раз в 915 г. По-видимому, именно этим временем — началом X в. следует датировать конец Дмитриевского комплекса и бегство жителей с насиженного и вполне освоенного уже места.

Выше уже говорилось, что все вещи, почти все обломки керамики и костей животных были обнаружены в верхнем гумусированном слое заполнения жилищ. Об их составе и количестве дает представление табл. 1.

Массовый, в основном керамический, материал подтверждает общую дату Дмитриевского селища салтовским временем, но не дает возможности сделать выводы об относительной хронологии исследованных комплексов. Из табл. 1 следует, что различная насыщенность находками жилищ разных видов (и типов) объясняется степенью углубленности их: в глубоких котлованах находок больше, чем в мелких.

ПОГРЕБА

Эта категория хозяйственных сооружений наиболее близка по строительным приемам к столбовым жилищам, поскольку, как и у последних, кровли и деревянная обшивка стен опирались на угловые, а иногда — угловые и «срединные» массивные столбы. Погреб — типичнейшая постройка лесостепных салтовских поселений. Особенно много их на Маяцком селище (*Ванников А. З.*, 1984. С. 124 -130). Там конструкция их однотипна: это вырубленные в мелу прямоугольные (примерно 3X3 м) столбовые помещения, разделенные на две половины поперечной стенкой из крупных плах. В отличие от маяцких каждый из трех открытых на Дмитриевском поселении погребов представляет собой особый, иногда весьма сложный тип сооружения.

Погреб I (5—1958) углублен в материк как обычное жилище — на 0,6—1 м (рис. 18, 1), в плане прямоугольный (3X1,8 м). В углах и на середине длинных сторон были глубоко врыты массивные столбы. Следов отопительных устройств нет, что и дает основания считать эту постройку погребом.

Погреб II (11—1960) представляет собой сложный комплекс, состоящий из глубокого (1,75 м) прямоугольного помещения (2,5X2 м) и такой же глубокой конусовидной ямы (диаметр дна 1,25 м), объединенных переходом и общим перекрытием (рис. 18, 2). В углах прямоугольного погреба были врыты толстые столбы, на которые, видимо, опиралась крыша.

Погреб III (Я—1966), как и предыдущий, представляет собой довольно сложное Г-образное сооружение (рис. 16, 3). Основная его часть — небольшой квадратный погребок (1,5X1,55 м), углубленный в материк на 1,2 м. В его углах были врыты столбы для перекрытия. На них же, видимо, опирался один край и другой части погребка, углубленной в материк всего на 0,2 м. В этой части вырыта обычная конусовидная хозяйственная яма глубиной 0,8 м.

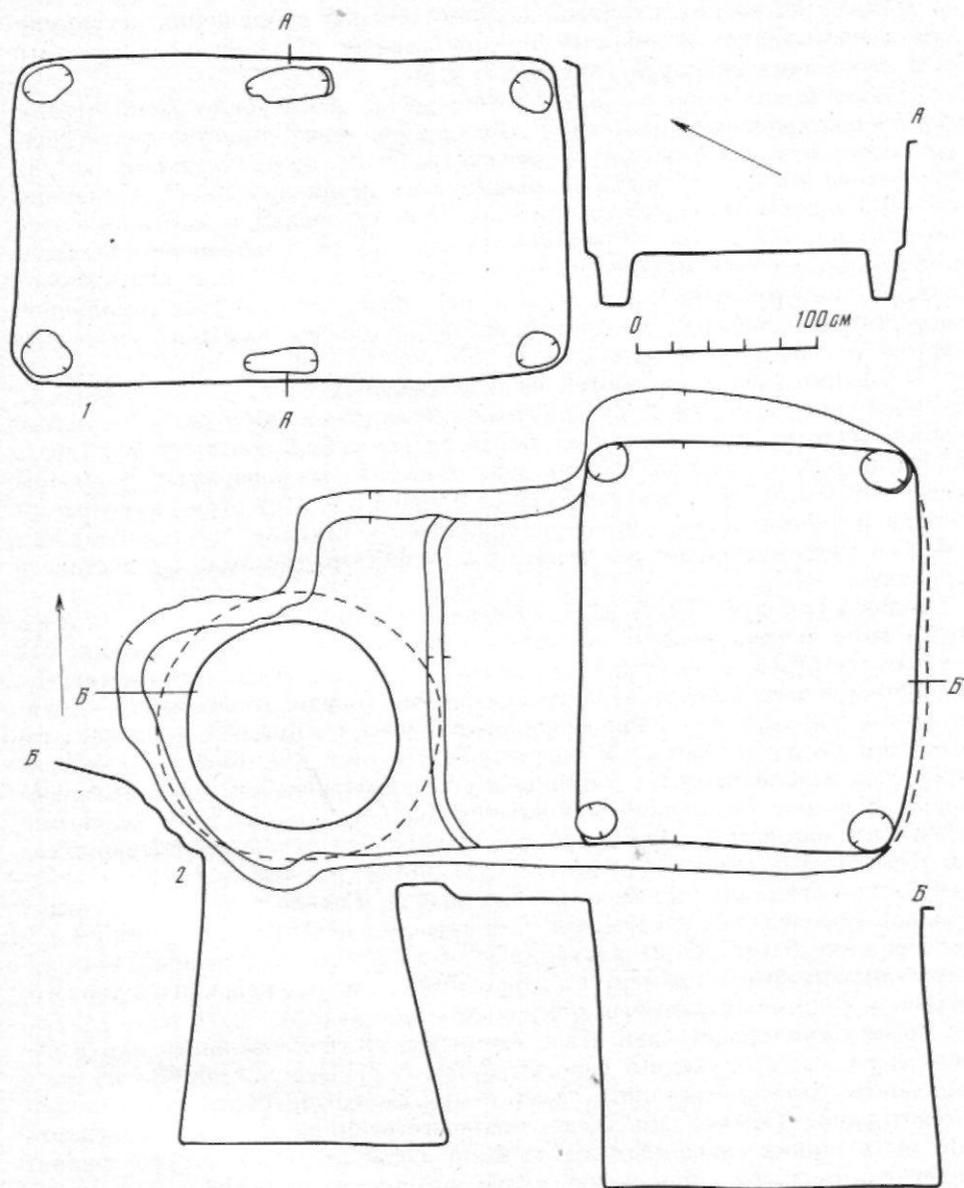

Рис. 18. Погребя

1 — план и разрез погребя I (5—1958); 2 — план и разрез погребя II (11—1960)

Помимо погребков, входивших в комплексные сооружения, на поселении выкапывались отдельные прямоугольные в плане хозяйственные ямы небольших размеров (рис. 19, 1, 2, 6).

Однако прямоугольные погреба и погребки не получили распространения на Дмитриевском поселении. Подавляющее большинство хозяйственных сооружений-хранилищ — круглые в плане ямы. Стенки и пол ям выровнены, на полу нередко сохраняется углистая прослойка от упавшей на него деревянной крышки, которую сверху завалило плотным слоем перекрытия. Последние строились, видимо, в виде плетневого шалаша, обмазанного глиной. Вышетлинистого слоя заполнения ямы, как правило, рыхлое, гумусированное с примесью меловой крошки. В этом заполнении сосредоточено обычно подавляющее большинство находок — обломков посуды и костей животных.

По форме ямы разделяются на три основных типа.

К первому (рис. 19, 3, 4) относятся цилиндрические и так называемые «конусовидные» ямы, у которых стенки слегка расширяются ко дну (всего 17 ям, 41,5 %). Размеры и пропорции таких ям разнообразны: диаметры колеблются от 0,7 до 1,6 м, глубины от 0,6 до 1,5 м. При этом диаметры ям далеко не всегда прямо пропорциональны их глубине, однако слишком узких и глубоких ям не рыли, так как из них трудно было доставать продукты.

Второй тип (рис. 19, 5; 20, 1, 2) отличается своеобразием формы. Ямы этого типа можно назвать округлобокими или кубышкообразными. Их на поселении 21, т. е. 51,5 %. В разрезе они напоминают приземистые, расширяющиеся в нижней части салтовские сосуды (более всего — кувшинчики и кубышки). Люди, соорудившие ямы, специально придавали им этот характерный облик. У некоторых из них для полного сходства с сосудом выдалбливался в материке у устья ямы желобок, напоминающий носик кувшина. Он служил ступенькой, на которую вставали коленями, чтобы, наклонившись, достать со дна нужное. Подавляющее большинство ям этого типа потеряли первоначальную форму, поскольку стенки в верхней части обвалились из-за глубокого подбоя. Только в нескольких ямах удалось проследить соотношение ширины дна и устья: 1 : 1,5 или 1 : 2, соотношение диаметра дна с глубиной — 1:1 (кубышкообразные) и 1 : 1,5 (кувшинообразные). Размеры ям второго типа в целом те же, что и первого, только в некоторых диаметр дна доходит до 2 м.

Третий тип представлен всего тремя ямами. Это овальные или восьмеркообразные сооружения (рис. 20, 3; 21, 1,2). Все они состоят из двух отделений: двух соединенных друг с другом обычных ям первого или второго типов. Обычно одна из ям меньшего размера. Впрочем, стандарта при рытье таких вдвоенных ям не было. Одна из трех ям представляет интерес потому, что в меньшей ее части совершено погребение (рис. 21, 2). Дно «погребальной камеры» выше иола основной ямы на 0,1 м, оно посыпано углем и золой и на этой подсыпке было совершено захоронение женщины 18—20 лет скорченно на левом боку, лицом к стенке, без вещей. Комплекс напоминает обычную небольшую катакомбу с круглой входной ямой и погребальной камерой с обвалившимся или прорезанным сверху сводом. Аналогии катакомбам с круглыми входными ямами известны на Маяцком селище, где открыто около 10 таких вооружений.

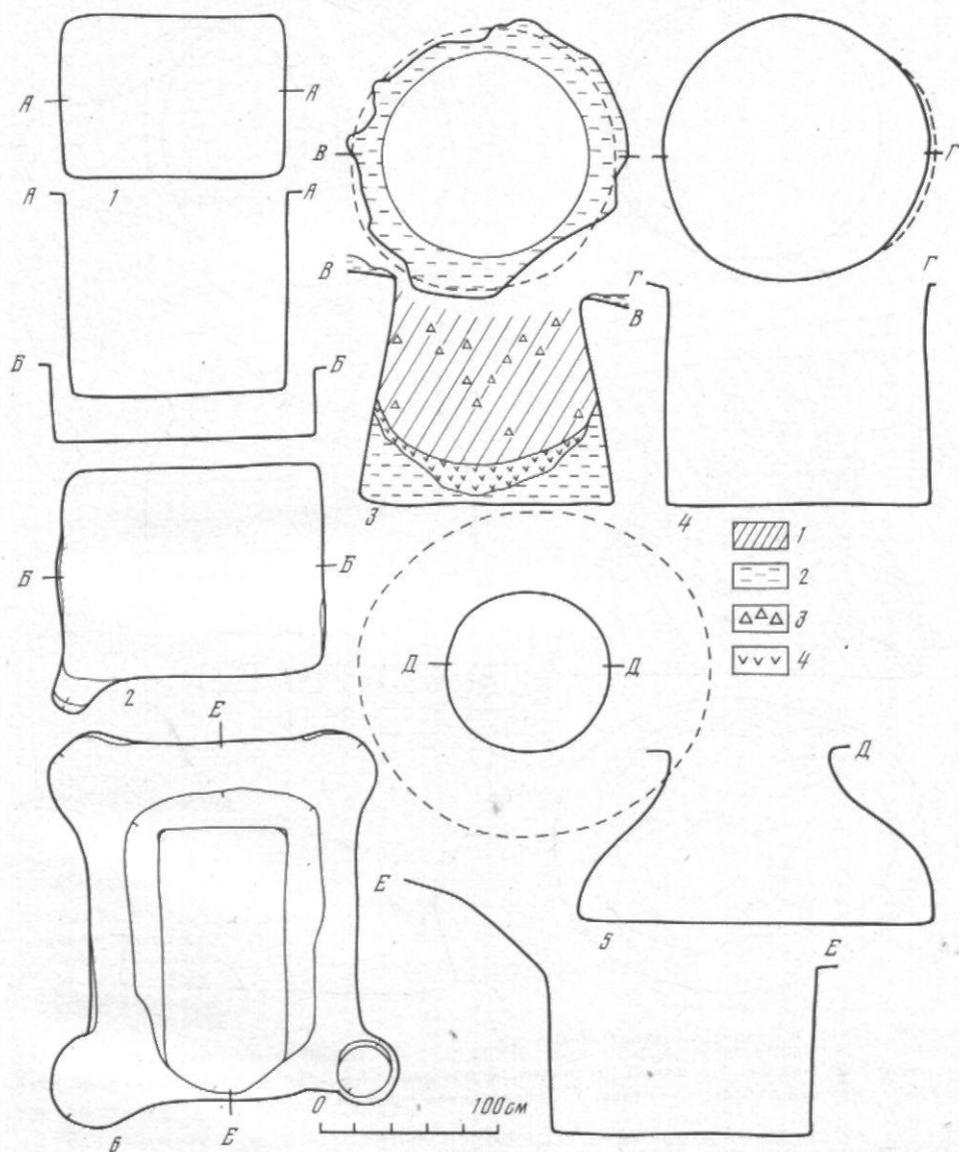

Рис. 19. Планы и разрезы хозяйственных ям

1 — яма М₁; 2 — яма Ю; 3 — яма А₁; 4 — яма П₁; 5 — яма У₁; 6 — яма В₁. Условные обозначения:
 1 — серая гумусированная земля; 2 — глина; 3 — меловой щебень; 4 — уголь

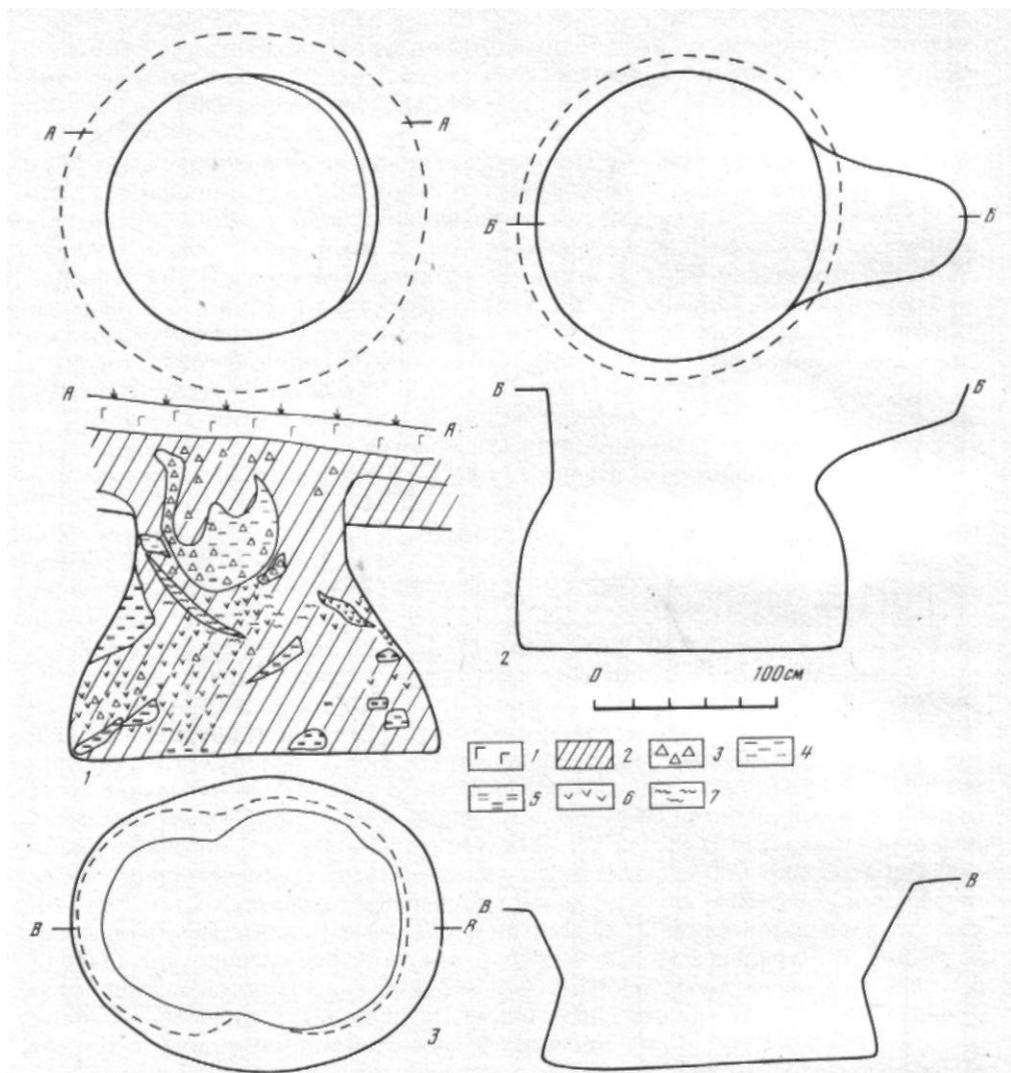

Рис. 20. Планы и разрезы хозяйственных ям

1 — яма У; 2 — яма К; 3 — яма П. Условные обозначения: 1 — дерн; 2 — гумусированная серая земля; 3 — меловой щебень; 4 — глина; 5 — обожженная глина; 6 — уголь; 7 — зола

Характерно, что на Маяцком могильнике (как и на Дмитриевском) катакомб с круглыми входами нет, видимо, их размещали только на поселениях, среди жилищ и настоящих хозяйственных ям.

Ямы третьего типа были, очевидно, перекрыты общей длинной кровлей — шалашиком. Соединение нескольких ям в одном комплексе, под одной крышей — редкость для Дмитриевского поселения. Помимо сдвоенных ям третьего типа, такое соединение встречено только один раз. Две ямы

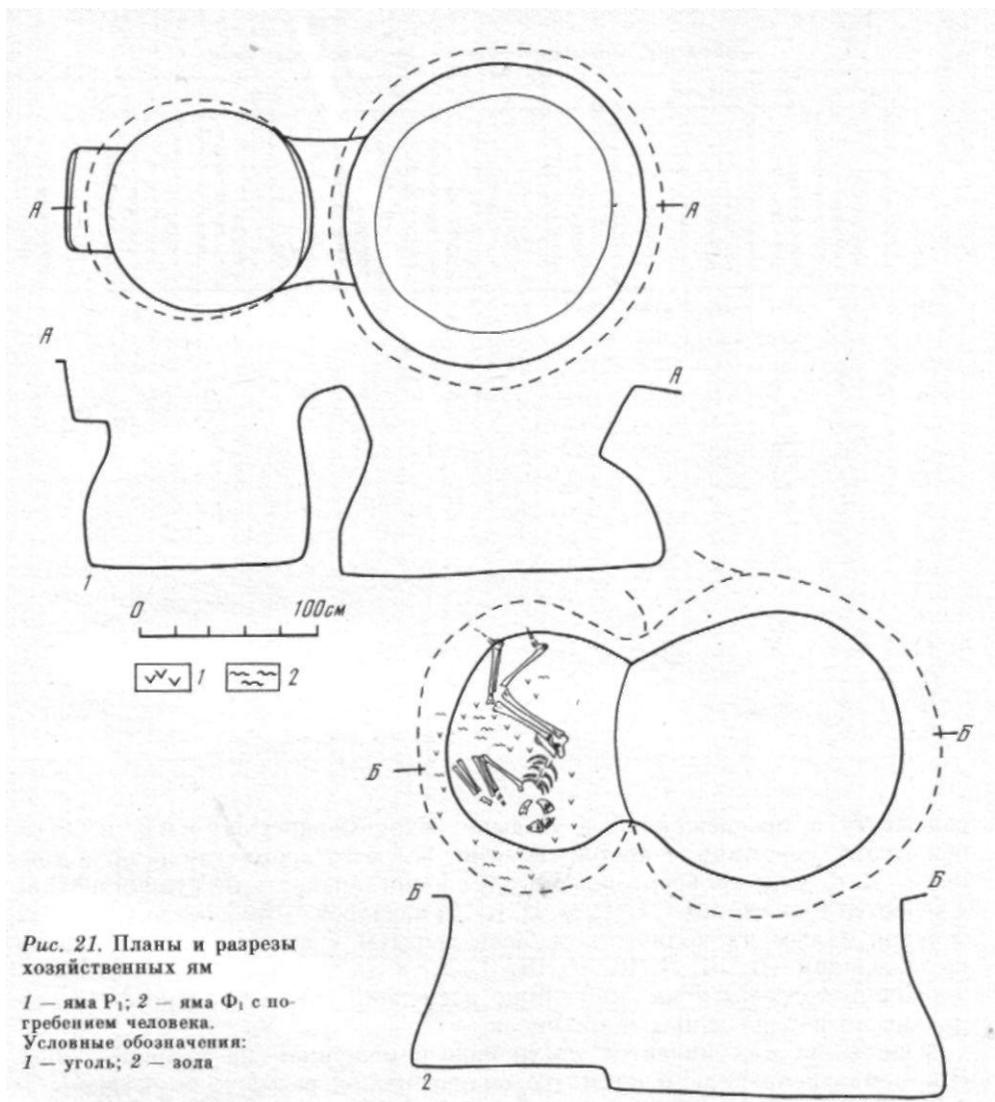

Рис. 21. Планы и разрезы хозяйственных ям

1 — яма Р₁; 2 — яма Ф₁ с погребением человека.

Условные обозначения:

1 — уголь; 2 — зола

(Н и О) помещены были под общим навесом, державшимся с одной стороны на толстых плахах, врытых в материк, с другой — на круглых также массивных столбах.

Что касается распределения находок в ямах, то в отличие от жилых построек насыщенность заполнения находками не зависела от типа постройки, от ее размеров и глубины (табл. 2, 3, 4). Очевидно, в данном случае следует поискать иное объяснение этому факту. При исследовании славянского поселения Кодын (Русанова И. П., Тимощук Б. А., 1984. С. 28) было замечено, что ранние жилища, как правило, были заполнены «мусорным слоем». В жилищах последнего периода жизни поселения такого завала не было. Подсчеты находок в ямах с большой вероятностью можно

Таблица 2. Находки в заполнении ям первого типа

Ямы	Керамика					Кости животных							
	кухонные горшки	грубые горшки — пифосы	лощеные	амфоры	общее кол-во	лошадь	крупный рогатый скот	мелкий рогатый скот	лиса	свинья	птица	общее кол-во	астрагалы овец-ягнят?
А	11	470	95	10	586	1/1	2/1	3/1	1	—	1	8	—
В	—	1	20	8	29	—	—	—	—	—	—	3	—
Е	42	37	6	35	120	—	—	—	—	—	—	—	—
И	36	8	6	6	56	—	—	—	—	—	—	47	—
Л	5	5	1	2	13	—	—	—	—	—	—	3	—
М	146	276	3	38	463	—	55/1	—	—	—	—	313	—
Н	72	24	2	5	103	—	—	—	—	—	—	—	54
О	6	5	1	2	14	25/1	—	—	—	—	—	25	—
Т	2	—	1	1	4	—	—	—	—	—	—	10	—
Ц	7	15	2	5	29	—	—	—	—	1	—	10	—
Щ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ч	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Б ₁	—	5	—	—	5	—	—	—	—	—	—	5	—
О ₁	7	4	—	—	11	—	—	—	—	—	—	—	—
П ₁	8	80	6	6	100	—	—	—	—	—	—	20	—
Э ₁	9	—	—	—	9	—	—	1	—	—	—	15	—

связывать с прослеженной в Кодыне закономерностью. Ямы, забытые обломками керамики и костей, видимо, какое-то время служили помойками, т. е. уже во время жизни поселения прекратили существование в качестве хранилищ (А, Б, Е, М, Ц, Я). И наоборот — ямы без находок или с очень малым их количеством были вырыты в последние годы жизни на поселении (Д, Ж, Л, Ш, Ч, Щ, Э^Б, и др.).

Кроме погребов и ям, на селище раскопано еще несколько функционально не вполне ясных комплексов.

Одним из них является постройка, помещенная на вершине горы. Постройка неправильно прямоугольная в плане, размеры ее 4,4X2,75 м (рис. 22). В материк она углублена всего на 0,05 м, меловой иол выровнен и подмазан глиной. Северная половина постройки занята большой цилиндрической ямой (2 м в диаметре и 2 м глубиной), вырытой в меловой скале. Пол и стенки ямы обгорели, закоптились и растрескались под действием сильного и длительного огня. Трещины в мелу неоднократно замазывались глиной, следы которой хорошо видны на стенках и в полу. На дне ямы лежал слой углей и золы толщиной более 0,3 м, вокруг нее в помещении и в заполнении самой ямы было обнаружено большое количество мелких и крупных обломков костей животных (лошади, козы, свиньи) и несколько свиных черепов. Назначение комплекса неясно. Скорее всего это была общественная «коптильня». Возможно и иное объяснение: расположенная на вершине горы постройка была местом жертвоприношений, во время

Таблица 3. Находки в заполнении ям второго типа

Ямы	кухонные горшки	Керамика						Кости животных				
		грубые горшки-пифосы	лощенные	амфоры	общее кол-во	разбитые кух. горшки	разбитые лощеные кувшины	лошадь	крупн. рог. скот	мелкий рог. скот	свинья	общее кол-во
Б	17	213	20	4	264	—	—	2/1	12	1	—	15
Г	—	—	5	—	5	4	—	—	—	—	—	—
Д	—	2	1	—	3	—	—	—	—	—	—	2
Ж	—	—	—	—	—	10	—	—	—	—	—	—
З	13	13	4	4	34	—	—	—	—	—	—	—
К	32	19	9	6	66	1	—	1	—	—	11/6	12
Р	2	13	1	3	19	—	—	—	—	—	—	30
С	9	15	10	3	37	—	—	—	—	—	—	33
У	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ш	—	5	—	3	8	—	—	—	—	—	—	10
А ₁	21	60	—	16	97	—	1	—	—	—	—	15
Д ₁	7	3	1	—	11	—	—	—	—	—	—	15
Е ₁	7	3	1	3	14	—	—	—	—	—	—	8
И ₁	13	—	—	—	13	—	—	—	—	—	—	24
К ₁	—	3	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—
С ₁	4	8	2	1	15	—	—	2/1	1	—	—	3
Т ₁	15	—	2	11	28	—	—	—	—	—	—	—
У ₁	3	2	—	—	5	—	—	—	—	—	—	+
Ц ₁	29	166	2	12	209	—	—	—	—	—	10/1	10
Щ ₁	16	—	—	1	17	—	—	—	—	—	—	20
Я ₁	6	105	—	4	115	—	—	—	—	2	—	+

Таблица 4. Находки в заполнении погребов, прямоугольных ям и ям третьего типа

Вид и тип хоз. постройки	Обозначение в полевой описи	Керамика						Кости животных				
		кухонные горшки	грубые горшки-пифосы	лощенные	амфоры	общее кол-во	разбитый лощ. кувшин	лошадь	крупн. рог. скот	мелкий рог. скот	свинья	собака
Погреб	5	11	9	3	9	32	—	—	—	—	—	23
	11	12	26	1	—	39	—	8/1	1/1	—	—	9
	Я	—	3	—	1	4	—	—	—	—	—	2
Прямоуг. ямы	М	7	—	—	7	14	—	—	—	—	—	+
	Ю	—	—	1	3	4	—	—	—	—	—	—
Ямы типа 3	П	—	—	3	—	3	—	—	—	—	—	13
	Р ₁	12	75	8	3	98	1	3/1	—	226/6	76/4	303
	Ф ₁	14	26	4	6	50	—	—	—	26/3	38/1	64

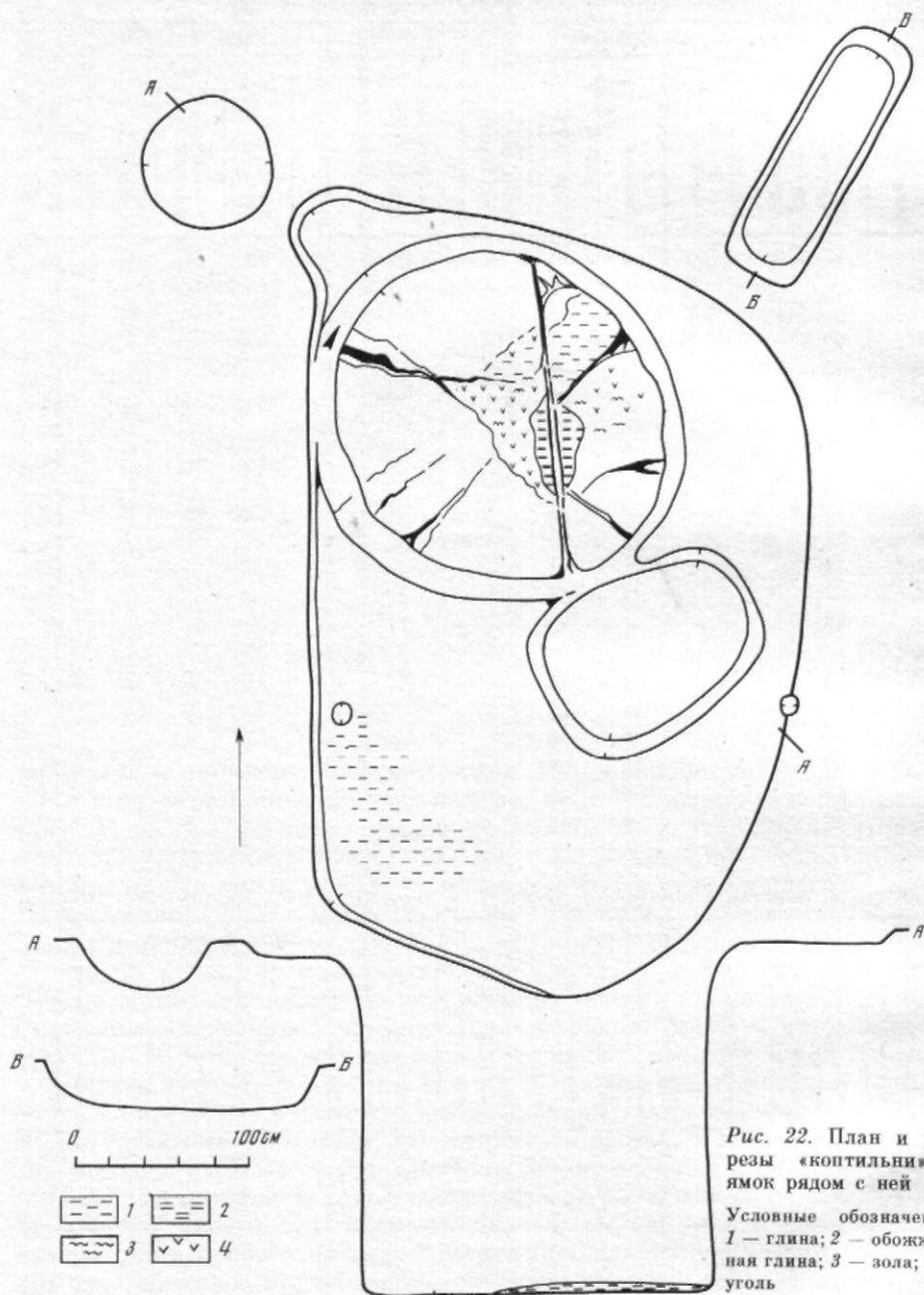

Рис. 22. План и разрезы «копитильни» и ямок рядом с ней

Условные обозначения:
 1 — глина; 2 — обожженная глина; 3 — зола; 4 — уголь

которых жертвенные животные частично съедались (этим объясняются находки обломков костей вокруг помещения и «жертвенной ямы»).

Назначение следующих двух построек также весьма непонятно. Обе они относятся к виду бесстолбовых, углублены в материк на 0,2—0,3 м и в поперечнике не превышают 2 м. Первая (Тi) расположена среди гончарных мастерских (см. ниже). Она неправильно округлая в плане (рис. 23,7). У наиболее углубленной части ее стенок (постройка находится на косогоре) обнаружена ямка от массивного столба (диаметр и глубина 0,25 м), а в центре пола — следы кострового очажка. Вторая постройка (Зi) помещена среди ям на вершине горы (рис. 23,2). Она круглая, с ровным полом, в котором вырезана ямка, имеющая в разрезе форму кубышки с носиком (глубина 0,5, диаметры горла 0,5, дна — 0,7 м).

Постройки не были жилищами — они малы для этого, к тому же у второй не было даже очага. Поэтому возможно, что и это были какие-то «вотивные» сооружения. В первом, очевидно, стоял столб-идол, перед которым временами зажигали огонь (обжиг пола незначителен, следовательно, костер горел не постоянно). Во втором же находился «подземный» сосуд для специальных жертвоприношений—возлияний.

Поблизости от этой постройки на вершине Мироновской горы были обнаружены два захоронения коней, несомненно, бывшие остатками ритуальных действий, скорее всего — «закладных» жертвоприношений, произведенных при сооружении первых жилищ этого поселения.

Первое захоронение (рис. 23, 3) совершено в узкой, длинной прямоугольной яме (101). Размеры ее: 2,6X0,5 м, глубина 1,3 м. Стенки и пол ямы тщательно выровнены, ориентирована она по длинной оси с северо-запада на юго-восток. Конь был буквально втиснут в яму — он уложен головой на юго-восток, на брюхе (в левом повороте), с подогнутыми ногами и изогнутой шеей (морда коня касалась колена левой ноги). Возраст коня около двух лет.

Второе погребение (яма Нi) помещено в яме (1,8X0,7 м), ориентированной по длинной оси с севера на юг. В отличие от первой яма по мере углубления резко расширяется в стороны у передних и задних ног коня так, что в плане она выглядит восьмеркообразной (рис. 23, 4). Глубина ее 0,7 м. Конь ориентирован головой на юг, уложен на брюхо (в правом повороте), ноги и шея согнуты. Возраст коня два-три года.

Оба ритуальных захоронения интересны не только своей вероятной связью с основанием на Мироновской горе поселения, но и из-за легенды, рассказанной о конях местными жителями. В ней говорится, что давным-давно местный князь зарыл на горе «золотых коней». Наши раскопки всеми жителями связывались с поисками именно этих коней. Очевидно, мы можем считать, что нашли их. Факт жертвоприношения коней огненной рыжей масти передавался из поколения в поколение как память об искупительной жертве и постепенно (уже у русского крестьянства) перерос в легенду о золотых конях.

Как сказано выше, в нескольких жилищах были обнаружены остатки гончарных кругов. На них хозяйки делали постоянно бившиеся грубые горшки-пифосы, служившие, видимо, для хранения продуктов (воду они пропускали и быстро от нее размокали).

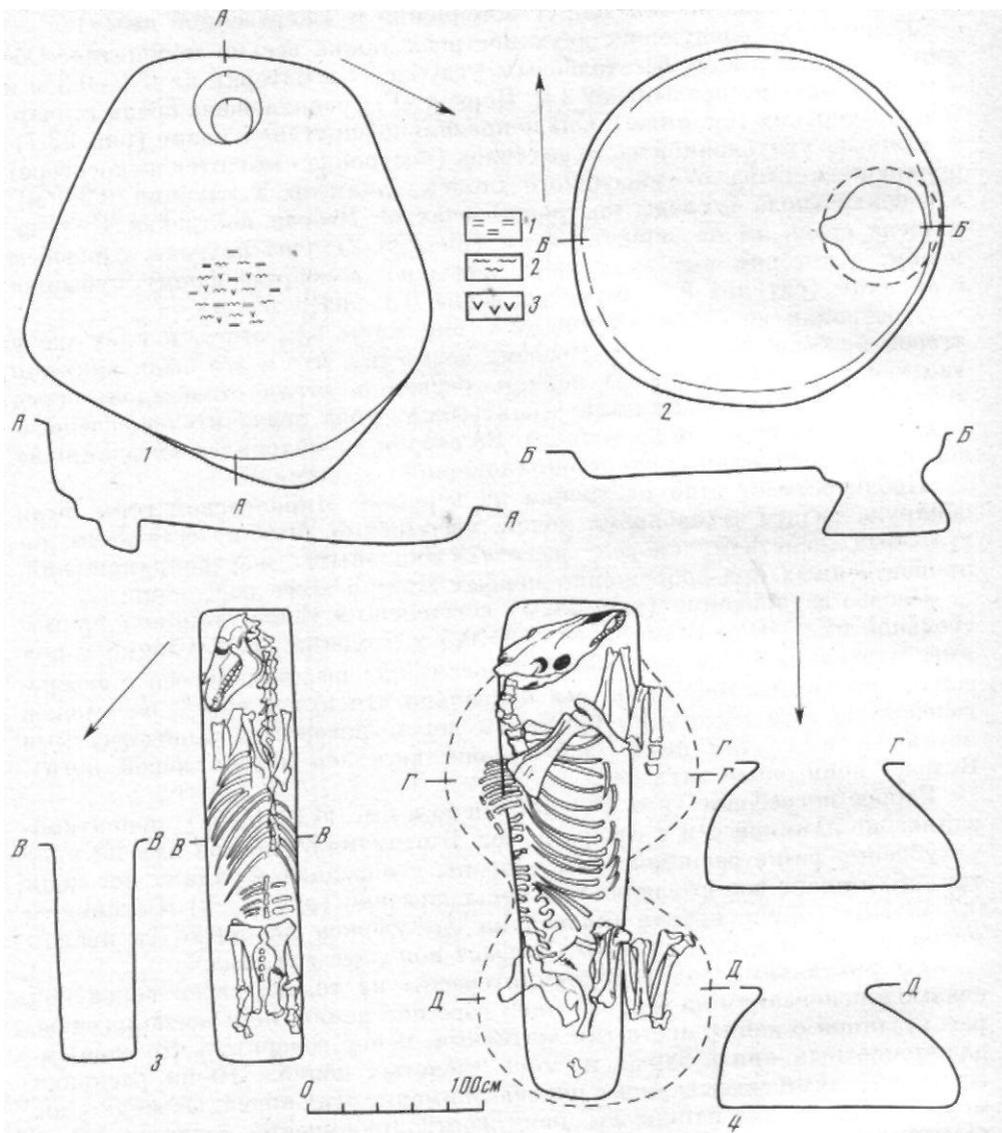

Рис. 23. Планы и разрезы жертвенных комплексов и закладных жертв

1 — жертвенник, расположенный в районе Гончарных мастерских (Г₁); 2 — жертвенник с ямкой-кувшинчиком, расположенный на вершине горы (З₁); 3 — закладная жертва коня — яма Ю₁; 4 — закладная жертва коня — яма И₁. Условные обозначения: 1 — обожженная глина; 2 — зола; 3 — уголь

Однако в хозяйстве постоянно требовалась и более совершенная посуда. Ее изготовляли в специализированных мастерских, располагавшихся компактной группой у подножья Мироновской горы.

ГОНЧАРНЫЕ МАСТЕРСКИЕ

Мастерская I (15 1966) является наиболее выразительным рабочим сооружением, наполненным остатками гончарного производства. Постройка состоит из двух помещений разной величины, соединенных между собой довольно широким проходом (рис. 24). Большее помещение прямоугольное (3,5X3 м), углубленное в материк на 0,5—0,7 м. Конструкция постройки столбовая: в углах и на середине трех стен в пол врезаны ямки для овальных в сечении столбов. В одном из углов находилась круглая в плане «подушка» (диаметр 1,2 м) коричневой отмученной и вязкой глины, приготовленной специально для формовки кухонных горшков. Вероятно, глина сохранила форму стоявшего здесь круглого жбана для промешивания глиняной массы. Жбан поддерживался несколькими крупными, глубоко врытыми в пол (на 0,25 м) столбами. От него вдоль стены шло овальное углубление (глубина 0,08 м), бывшее, вероятно, основанием для какого-то примыкающего к жбану корытца. Аналогичное углубление и у противоположной стены, только посередине его помещалась, видимо, ступка для дробления дресвы и шамота, от которой сохранилась ямка диаметром 0,3 м, глубиной 0,12 м, наполненная мелкой битой дресвой из камня и обожженного мела. Обжиг мела до нужной кондиции проходил в этом же помещении в двух соединенных в виде восьмеркообразной фигуры очагах, основания которых прослеживаются в полу. Очаги были соединены желобком (поддувалом?) с каким-то также немного углубленным в пол сооружением, примыкающим к стене. В центре пола располагалось несколько ямок, бывших основаниями гончарных кругов. Одна из них и участок пола вокруг покрыты обожженной глиной, способствовавшей, по-видимому, закреплению иола и круга от стирания и расшатывания.

Расположенное рядом с этой постройкой второе помещение носило явно вспомогательный характер. В плане оно почти квадратное (2,5X X2,1 м). Пол его выше пола первого помещения на 0,6 м, но так как оно находится выше по склону, углубленность его в материк превышает 1 м. Постройка эта также столбовая: в углах и на середине длинных сторон прослежены ямки от круглых и овальных столбов, врезанных в материк на 0,2—0,3 м. Около одной из стен — какое-то врезанное в пол на 0,1 м неправильно прямоугольное сооружение с глубоко вбитыми в дно колыями (назначение его непонятно). Следов очага в этом помещении не было. Вполне возможно, что оно служило сушилкой. Аналогии такому сочетанию мастерской и сушилки открыты нами на Маяцком городище, где гончарные мастерские-полуземлилки делились примерно на две равные части: нижнюю, где стояли гончарные круги, и верхнюю — сушилку.

Отсутствие благоустроенного очага в обоих помещениях свидетельствует о том, что в них не жили. В заполнении мастерской не было никаких находок, что может быть косвенным свидетельством этого.

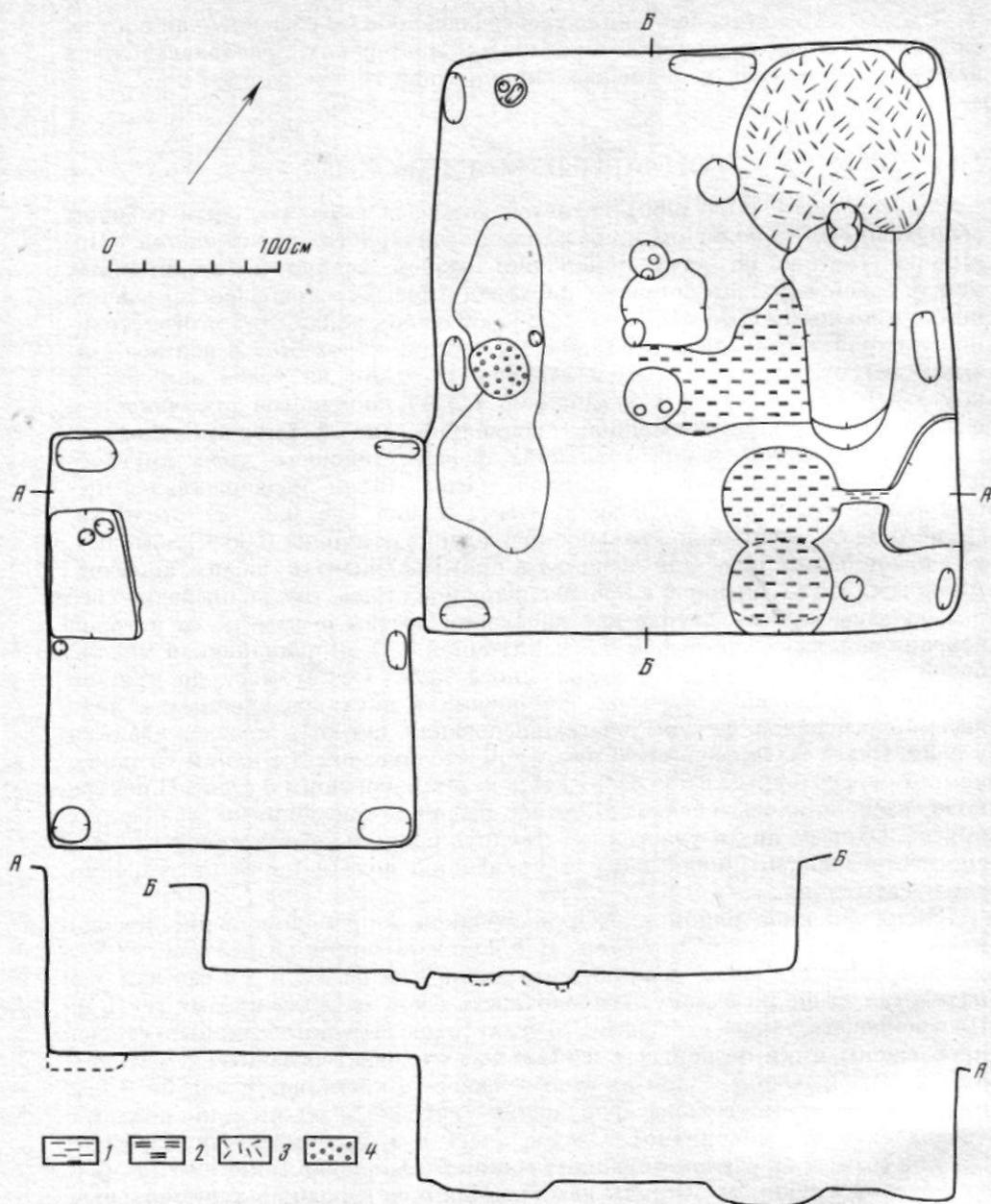

Рис. 24. План и разрезы гончарной мастерской I

Условные обозначения: 1 — глина; 2 — обожженная глина; 3 — производственная глина с примесью шамота и крупной дресвы; 4 — дробленая дресва

Мастерская II (14а—1966) по сравнению с первой выглядит менее выразительной (рис. 14). Котлован ее врезался углом в жилище 9 (14б—1966), глубина его в материке более 1 м. В плане он прямоугольный (2,75X2,2 м). Постройка столбовая: в углах и на середине коротких сторон прослежены ямки от довольно больших круглых и овальных столбов (глубиной до 0,2 м). Кроме того, у одной из стен стояли еще два дополнительных столба, служивших, видимо, косяками двери. В центре пола в неглубокой с неровными краями выемке были вырыты две довольно глубокие ямки для круглых столбов. От выемки к срединному столбу стенки прорезан неглубокий и узкий желобок, такой же желобок соединял срединный столб с угловым. Оба они заполнены желтой отмученной глиной. В ограниченном канавками пространстве была врыта в пол продолговатая массивная плаха. Назначение этой конструкции, как и всего комплекса в целом, неясно. Отсутствие очага говорит о том, что сооружение было нежилым.

Мастерская III (17—1966) — столь же функционально невыразительна. С уверенностью можно утверждать, что здесь не жили (рис. 25). Помещение расположено на довольно крутом склоне, по существу оно полуназемное, так как в материк углублена одна (верхняя по склону) сторона. Конструкция постройки столбовая: круглые и овальные столбы стояли в углах и на середине всех четырех ее сторон. В плане помещение квадратное (3,2X3 м), в две стороны от него отходят «коридоры»: длинный (3X1 м) и маленькая почти квадратная (0,9X0,8 м) пристройка, в которой обнаружены были следы от сгоревших досок (дверцы или крыши?). В центральной части пола основного помещения была вырыта ступенчатая яма для очень массивного столба. Возможно, что в ней закреплен был тяжелый гончарный круг, однако вокруг ямы на полу не было никаких следов производственной глины.

Все описанные постройки располагались вокруг большого почти квадратного в плане сооружения (5X5,2 м). Котлован его был углублен в материк в верхней части склона на 1,45 м, а в нижней — на 0,6 м. Пол и стенки тщательно выровнены. Ям от столбовой конструкции не было, видимо, сооружение было срубным (рис. 26). На середине низкой стены котлована прослеживается ступенька входа шириной в 1,25 м. Напротив входа у противоположной стены был врыт столб диаметром 0,25 м, а в стене перед столбом на высоте 1 м от пола выдолблена небольшая ниша, в которой были аккуратной кучкой уложены кости козы (жертва?). Очага в этом помещении не было. На полу в центре лежала разбитая амфора крымского типа (VIII—начала IX в.). Несмотря на нежилой характер постройки, в ее заполнении было обнаружено большое количество обломков керамики (кухонных горшков и горшков-пифосов, лошечных и амфор), костей животных (лошадей, коров, свиней, коз и собаки).

Рядом с этим сооружением находилось аналогичное ему, не полностью исследованное нами. Назначение обоих непонятно. Отсутствие обогревательных конструкций свидетельствует о том, что в них во всяком случае зимой не жили.

Итак, на поселении отчетливо выделился район, плотно застроенный нежилыми, очевидно, производственными сооружениями, среди которых помещалась и круглая небольшая постройка со столбом и костром перед

Рис. 25. План и разрезы гончарной мастерской III

Условные обозначения: 1 — остатки стругавших досок

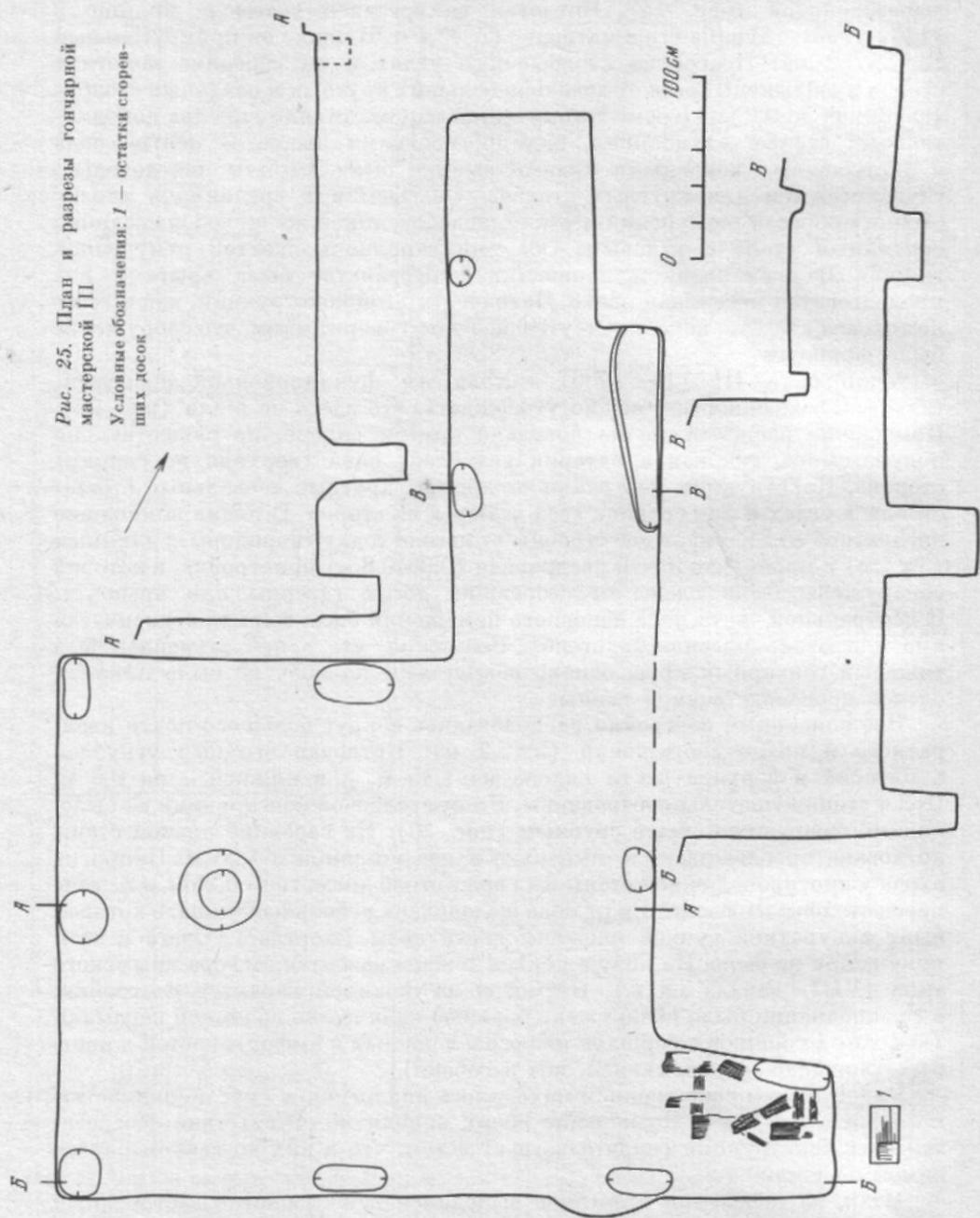
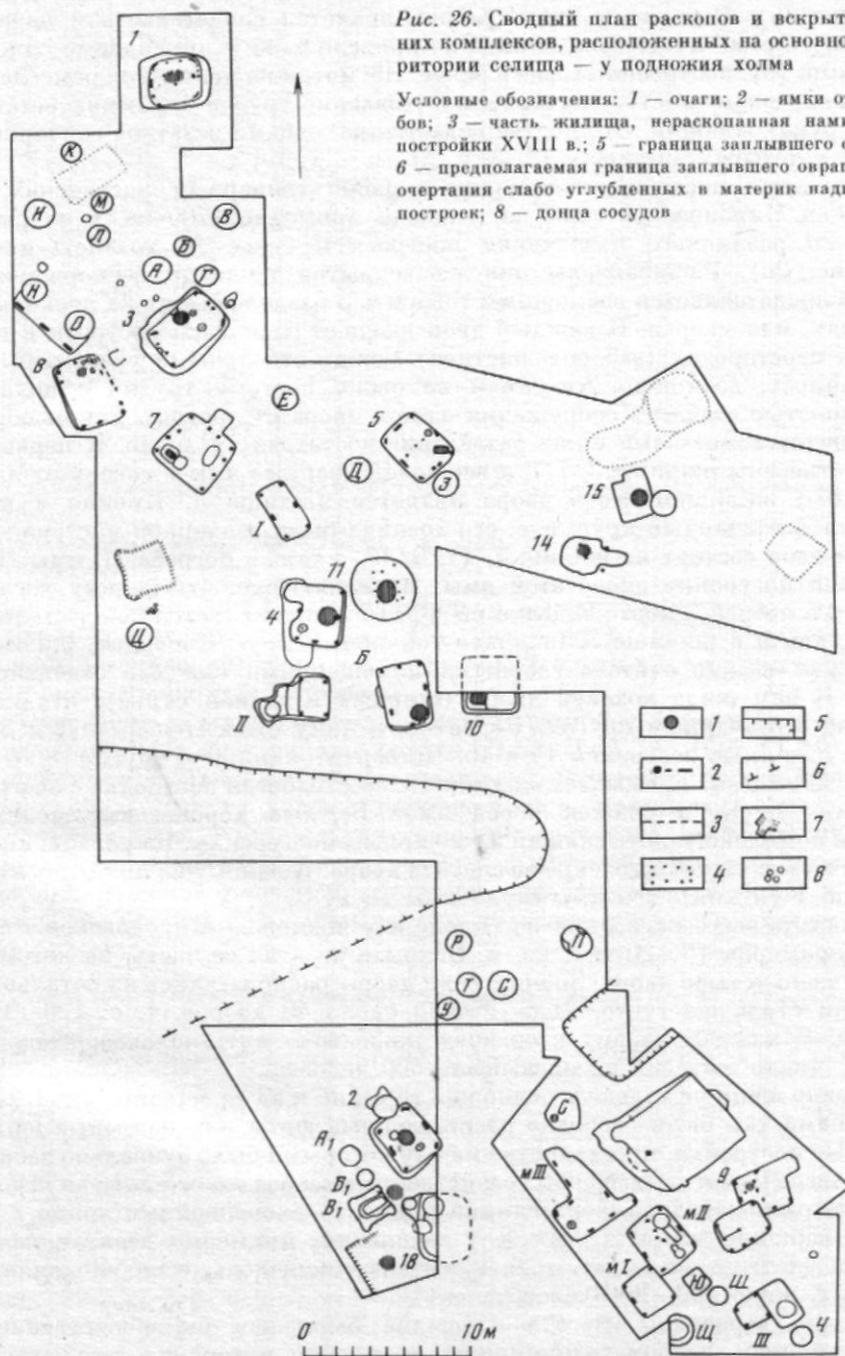

Рис. 26. Сводный план раскопов и вскрытых на них комплексов, расположенных на основной территории селища — у подножия холма

Условные обозначения: 1 — очаги; 2 — ямки от столбов; 3 — часть жилища, нераскопанная нами; 4 — постройки XVIII в.; 5 — граница залившегося оврага; 6 — предполагаемая граница залившегося оврага; 7 — очертания слабо углубленных в материк надворных построек; 8 — донца сосудов

ним, которая, возможно, была местом жертвоприношений (маленьким святилищем). Выделение этого района является свидетельством начала гончарного ремесла на поселении. Оно привело даже к ликвидации одного из жилищ (9), построенных здесь ранее. Несмотря на появление ремесла и, возможно, специалистов-гончаров, изготовление грубой керамики оставалось в руках женщин. Это подтверждается находками остатков гончарных кругов в четырех жилищах (2, 3, 4, 5).

Не считая построек, входивших в район гончарных мастерских, у подножья Мироновской горы на площади примерно 1700 кв. м открыто около 20 различного назначения построек и более 30 хозяйственных ям (рис. 26). Расположены они на вскрытой площади беспорядочно, однако представляется возможным говорить о разделении их на несколько «кустов», или дворов. В каждый двор входило несколько построек и ям. Следов перегородок (заборов, плетней) между отдельными участками не сохранилось, возможно, что их и не было, поэтому трудно с полной уверенностью отделить сооружения одного двора от другого. Таким образом, предлагаемое нами ниже разделение достаточно условно. К первому двору отнесены жилища 3, 7, 8 и все хозяйственные ямы к северу от них. Основным жилищем этого двора является жилище 3. Именно в нем находился гончарный круг, т. е. его хозяйка была гончаркой-мастерицей. Второй двор состоит из жилищ 4, 11, 6, 10, а также погребов П, ямы Ц и наземной постройки около этой ямы. Не исключено, что к нему же относятся и погреб I, и яма Е. Жилище 4 этого двора является центральным. В нем, как и в жилище 3, помещен гончарный круг. Очевидно, жилища с кругами можно считать главными помещениями каждого отдельного двора. В нем жила хозяйка двора (старшая в данной семье). Жилище 5 также с гончарным кругом. Вероятно, к нему относятся ямы Д и 3 и легкие наземные постройки 14 и 15. Четвертое жилище с кругом № 2. К нему явно тесно примыкает жилище 18, бесстолбовая постройка с очагом, ямы А₁, В₁, В₂ и очажок перед ямой В₃. Это хорошо выраженный единый комплекс, примыкавший к гончарным мастерским. На раскопанном нами участке частично раскрыто еще два двора. К одному из них относится жилище I (кухня), а к другому — ямы П, Р, С, Т, У.

Площадь всего поселения на склоне и у подножья Мироновской горы равна примерно 15—20 тыс. кв. м. Вскрыта десятая ее часть, на которой обнаружено четыре двора. Значит, если двory располагались на остальной площади столь же густо, здесь стояло около 40 дворов, т. е. 120—160 жилищ. В каждом из них в среднем жило три—пять человек, следовательно, число жителей не превышало 500 человек.

Однако жили не только у подножья горы, но и на ее вершине (рис. 27). Жилищами там были свободно расставленные юрты или наземные юртообразные постройки, пространство между которыми было буквально забито хозяйственными ямами. Среди хозяйственных ям без какого-либо видимого порядка располагались жертвенники и ямы с захоронениями коней.

На вершине вскрыта, как и у подножья, примерно десятая часть поселка (четыре жилища), т. е. и здесь размещалось около 40 жилищ, а значит, жило 120—200 человек.

Вполне вероятно, что эта площадку была как бы общественным хозяйственным двором-хранилищем, поскольку материк в этой части

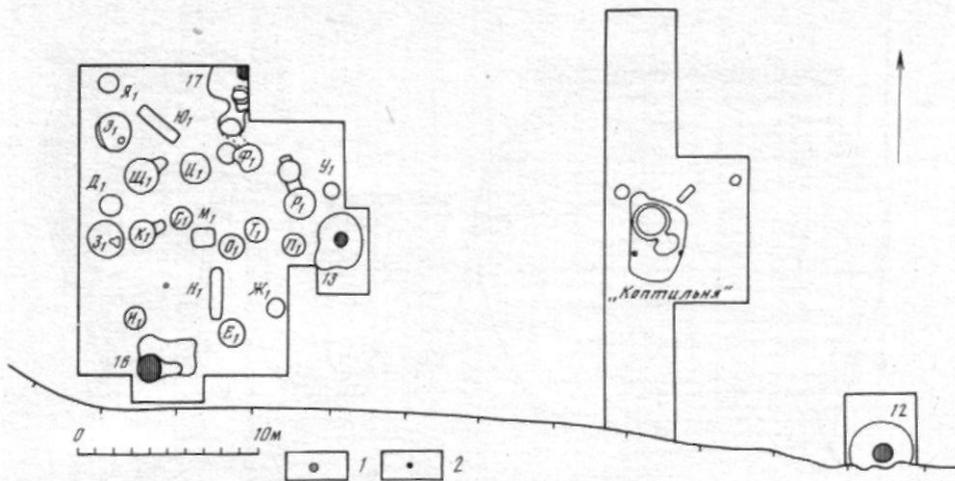

Рис. 27. Сводный план раскопок и вскрытых на них комплексов, расположенных на вершине холма

Условные обозначения: 1 — очаги; 2 — ямки от столбов

горы — сухой крепкий мол значительно больше подходит для хранения зерна и других продуктов, чем ямы, вырытые в глине, которую за год сплошь истачивали мыши и другие грызуны. Юрты в этом дворе ставились, возможно, только для сторожей.

Поселение датируется прежде всего керамикой, характерной для всех салтово-маяцких поселений лесостепи (Плетнева С. А., 1967. С. 110—128). В ней преобладающими типами являются кухонные горшки для варки нищи, сделанные из хорошо промешанной с примесью мелкой дресвы глиняной массы, и горшки для хранения продуктов (пифосы) из глины с примесью крупнодробленой дресвы и шамота. Кроме того, попадаются обломки лощеной парадной (столовой) посуды разных типов и амфор (табл. 5). Тех и других меньше, чем кухонной посуды примерно в пять раз.

Таблица 5. Количественное и процентное соотношение керамики разных групп на поселении (в скобках %)

Общее кол-во	Кухонные горшки	Горшки — пифосы	Лощенные сосуды	Амфоры
5375 (100)	1687 (31)	2747 (51)	540 (10)	442 (8)

На селище в нескольких комплексах встречались изредка и целые сосуды: четыре кухонных горшка (в яме Г), лощеный кувшин (яма Р1), амфора из керамической мастерской (рис. 28).

Количество и ассортимент индивидуальных находок очень ограничены (рис. 29—30). В основном это пряслица и заготовки их, сделанные из обломков амфор и лощеных сосудов, точильные бруски, сильно сточенные при употреблении небольшие ножики. Интерес представляют серп

Рис. 28. Сосуды, обнаруженные на селище

1—4 — деревянные, подправленные на кругу, кухонные горшки из ямы Г; 5 — дощечный черный кувшин с клеймом в виде креста на дне, яма Р₁; 6 — привозная крымская амфора из обширного сушильного помещения у гончарных мастерских

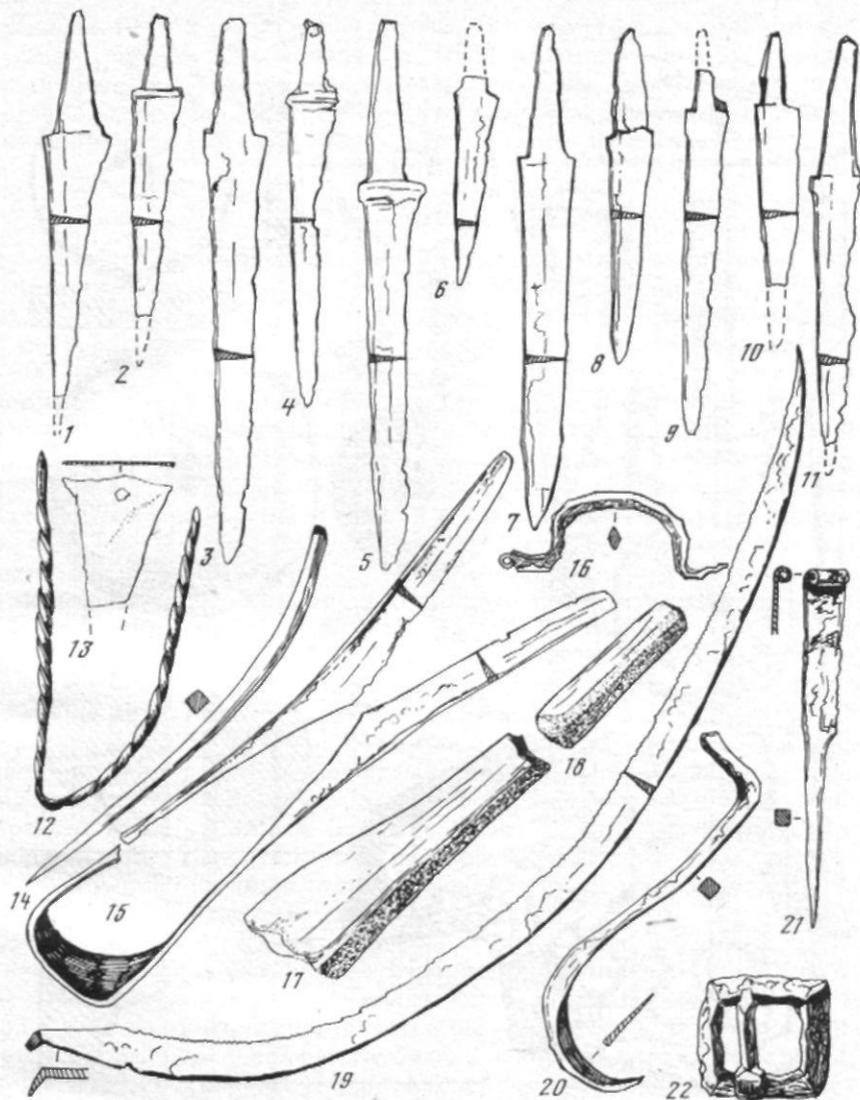

Рис. 29. Вещи из культурного слоя и комплексов селища 1

1-3 — железные ножи из слоя у жилища 3; 4-6 — железные ножи из слоя у жилищ 6 и 10; 7-9 — железные ножи из слоя на берегу ручья; 10 — железный нож из гончарной мастерской III; 11 — железный нож из культурного слоя у жилища 6; 12 — витой стержень (шампур?) из заполнения жилища 4; 13 и 16 — бронзовая пластинка и железная фибула из слоя у жилища 6; 14 — железное острие из заполнения жилища 10; 15 — железные ножницы из заполнения жилища 3; 17-18 — точильные камни из слоя у жилища 1; 19 — железный серп из слоя у жилища 1; 20 — железный ложкарь из очажной ямы жилища 16; 21 — железный «пробой» из большого сушильного помещения у гончарных мастерских; 22 — железная пряжка из заполнения ямы II

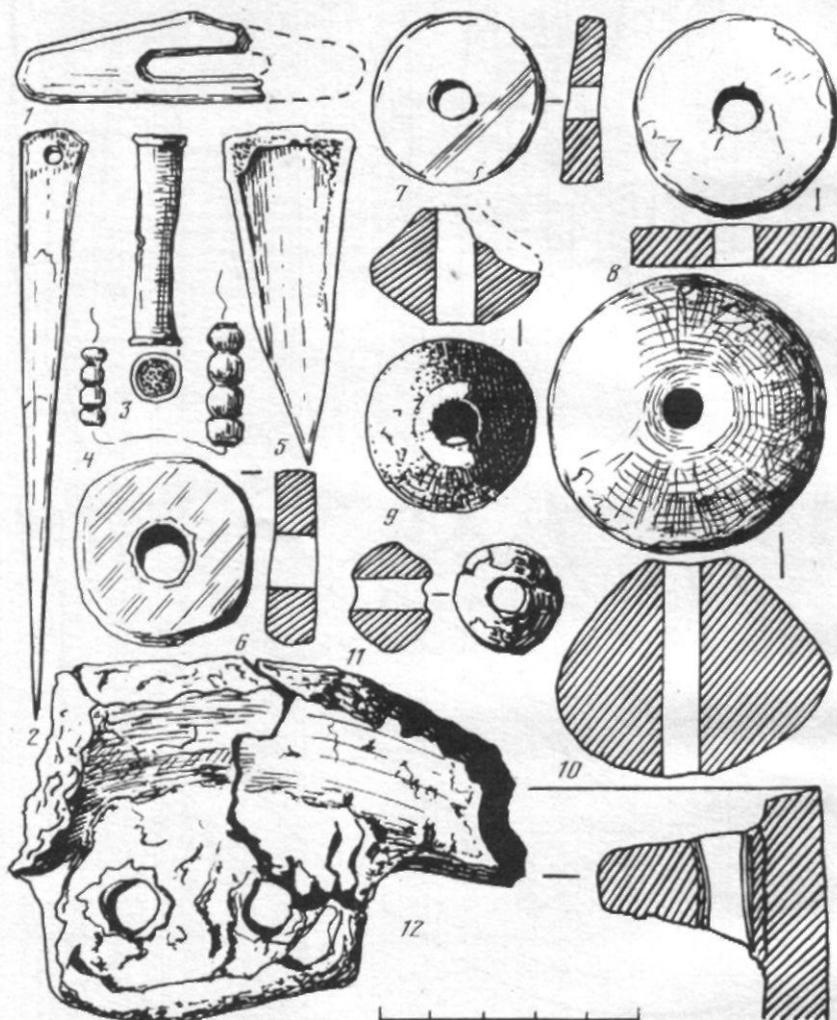

Рис. 30. Вещи из культурного слоя и комплексов селища 1

1 — костяная петля (обломок) из заполнения жилища 4; 2 — костяная игла из заполнения жилища 3; 3 — бронзовая ручка туалетной кисточки из жилища 2; 4 — бусины с бронзовой прокладкой из слоя у жилища 1; 5 — костяная проколка из заполнения гончарной мастерской I; 6 и 7 — пряслица из стенки лощеного сосуда и амфоры из слоя у жилища 1; 8 — пряслице из стенки амфоры из слоя у жилища 3; 9 — лепное биконическое пряслице из культурного слоя у жилища 1; 10 — лепное биконическое грузило (пряслице?) из слоя у жилища 13; 11 — железное пряслице (?) из слоя у жилища 1; 12 — обломок стенки с внутренним ушком от глиняного котла из слоя у жилища 1

с насечками по рабочему краю (рис. 29, 19) и внутреннее ушко от глиняного котла (рис. 30, 12). Наряду с юртообразными жилищами, тарелкообразными очагами, расположенными в центре жилищ, обломок котла — единственная находка на поселении, свидетельствующая о наличии кочевнических традиций у населения Дмитриевского поселения.

* * *

Помимо описанного селища, расположенного на высоком правом берегу Корочи, напротив городища, на левой первой надпойменной террасе древнего русла этой небольшой речки находилось еще одно поселение. Судя по распространению обломков керамики, примерные размеры его 400X200 м. Поверхность селища вся распахана многолетними огородами. В настоящее время на нем стоит хутор с. Дмитриевского — Козюлино (козюля—змея), основанный здесь в XVIII в. Культурный слой VIII—IX вв. практически уничтожен распашкой. Толщина гумусного слоя на селище около 0,5 м, он рыхлый, песчанистый, с редкими вкраплениями мелких обломков керамики. Его подстиляет сероватый предматериковый песок, в котором уже отчетливо выделяются пятна сооружений. Материк — желтый песок.

В заложенной на расстоянии 190 м от берега старицы траншее (рис. 2) был обнаружен комплекс, состоящий из жилого и хозяйственного сооружений (рис. 31). Жилище прослеживается на уровне предматерикового слоя интенсивно черным с вкраплениями угля заполнением с прослойкой рухнувшей (сгоревшей) крыши. Глубина котлована жилища 0,5 м, размеры его 2,15X1,6 м, стенки вертикальные, осыпающиеся (песчаные). В одной из них прорыт полукруглый выступ, бывший, видимо, входом.

Жилище столбовое — ямки от столбов прослеживаются в углах и на середине длинных сторон (глубина их 0,1—0,25 м). Все они обмазаны раствором глины. Вероятно, этим раствором забивалась ямка, после того как в нее ставился столб, который в песчаном грунте без дополнительного укрепления глиной очень быстро расшатался бы.

Пол жилища ровный, без подмазки. Только вдоль южной стенки был зафиксирован слой глиняного раствора, под которым местами видны были следы золы и угольков. Эта же глина с песком заполняла весь «выступ» южной стены жилища. При расчистке было выяснено, что этот «выступ» является длинной и довольно глубокой, закрытой сверху нишей (1,8X X0,8 м) в ступе (подбоем). Дно подбоя ниже уровня пола на 0,12—0,15 м. Весь ОИГ находится за основной линией стены, обозначенной столбами, тем не менее при его сооружении был разрушен круглый тарелкообразный очаг (диаметром 0,80 м), находившийся тоже за линией столбов, в южном углу жилища, справа от входа. На дне подбоя лежал скелет, ориентированный головой на северо-восток, ногами на юго-запад (ноги на очаге), лицом в глубь подбоя, на левом боку с согнутыми в коленях ногами. Руки также согнуты в локтях, кисти у лица. Скелет сильно истлел, особенно кости черепа и таза. По сросшимся швам черепа и стершимся почти до основания зубам можно судить, что принадлежал скелет человеку старческого возраста. Поза погребенного дает основание предполагать, что это была женщина.

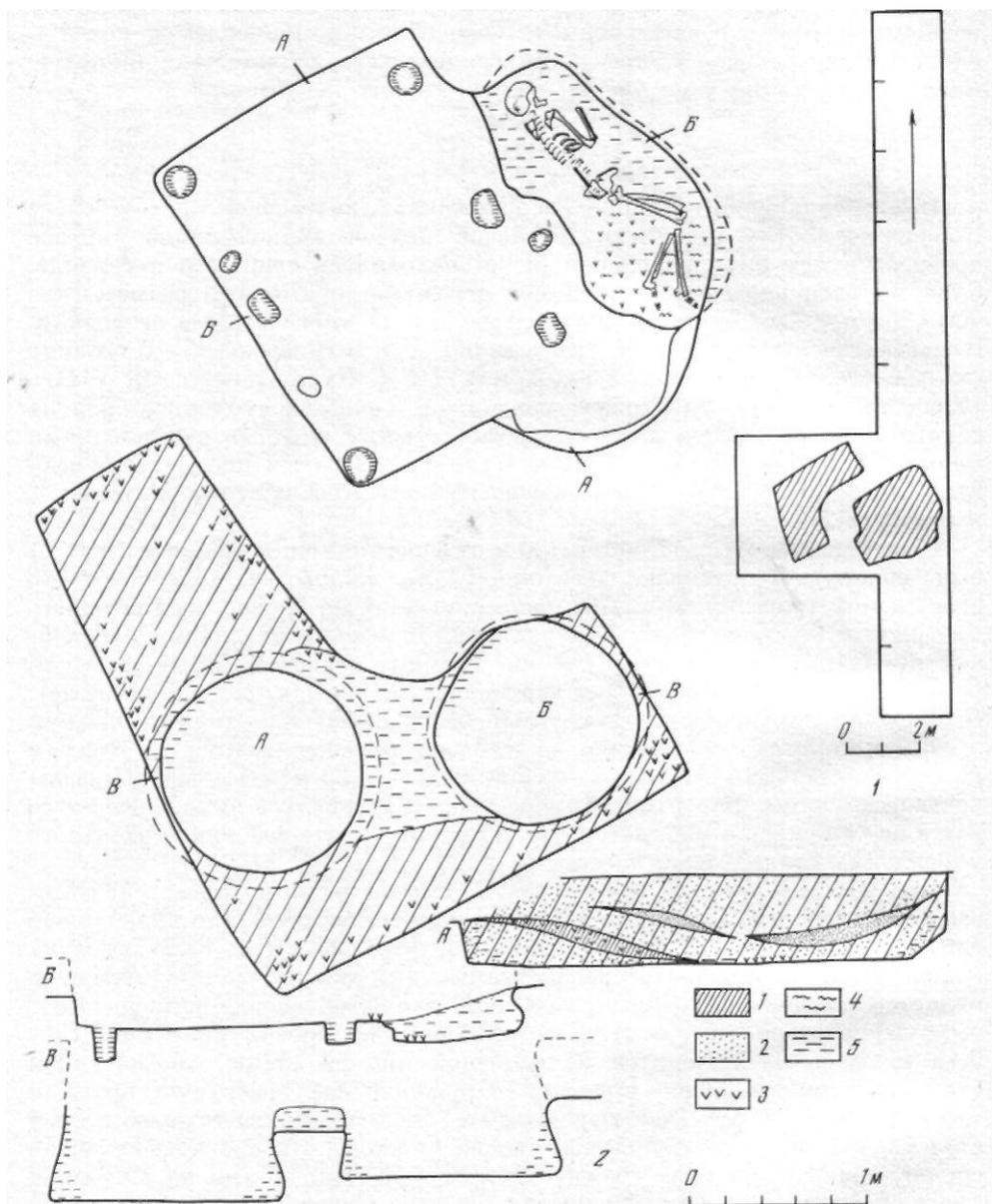

Рис. 31. Жилой и хозяйственный комплексы, открытые в раскопе на селище 2
 1 — план раскопа; 2 — планы и разрезы жилища и хозяйственной постройки с ямами. Условные обозначения: 1 — серая гумусированная земля; 2 — песок; 3 — уголь; 4 — зола; 5 — глина

На поясе (у таза) был найден небольшой сильно проржавевший ножик. Подбой весь был забит раствором глины и песка, покрывшим погребение, перекрывшем очаг и часть пола. Это заполнение предохранило подбой от обвала. Погребения в жилищах известны в Саркеле и на Маяцком городище (*Белецкий В. Д.*, 1959. С. 48—49; *Плетнева С. А.*, 1967. С. 96; *Винников А. З.* 1984. С. 99). Естественно, что жилище после произведения в нем погребения забрасывалось. Это наблюдение было сделано при работах и на Маяцком селище, одно из жилищ которого было перерезано глубоким дромосом (*Винников А. З.*, 1984. С. 101. Рис. 4). Столь же выразительно это прослеживается и на Дмитриевском селище: подбой для погребения разрушил стену и очаг.

Обитатели поселков в общем редко погребали своих мертвых в жилищах. Это происходило в случаях, когда жители (соседи, родственники) решали со смертью хозяина (хозяйки) забросить жилище. Возможно, подобное решение приходило из соображений религиозных или общественных: владелец дома был человеком, недостойным для похорон на общественном кладбище (колдун, изгой, предатель и пр.).

Рядом с жилищем находилась хозяйственная постройка, состоявшая из двух ям, помещенных внутри наземного сооружения, от которого на поверхности предматерикового слоя остался слой (0,1 м толщиной) из углей, золы и глины. В плане сооружения Г-образное, аналогичное погребу ТП на первом селище. Жилище как бы «вписывается» во внутренний его угол. Вспорядочно перемешанный слой глины и мелких углей позволяет предположить, что постройка была легкая, вероятно, плетневая, обмазанная глиной. Ямы в ней конусовидные, глубиной 0,8—0,9 м. Стенки ям и пространство между ними обмазаны глиной (толщина обмазки около 5 см), предохранявшей вырытые в песке ямы от осыпи.

Керамика, обнаруженная в заполнении жилища и ям, идентична керамике с первого селища. В одной из ям обнаружены были два разбитых сосуда — горшок и амфора (тип амфоры — рис. 28, б*), в другой обломок точила, череп козы и половина крицы.

В подъемном материале на селище, кроме обломков посуды обычных групп и типов, попадались обломки ленных горшков, которые относятся к пеньковской группе кухонных сосудов. Однако в открытом нами комплексе не было обнаружено ни одного обломка этой группы керамики.

ТИПОЛОГИЯ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ

В предыдущих главах мы видели, что находок на городище и поселениях было очень **немного**. Это в подавляющем большинстве — обломки различных керамических сосудов, по которым нередко трудно составить ясное представление о целых формах. Что касается остальных вещей, то они единичны. По ним невозможно представить даже приблизительно то громадное количество и разнообразие предметов, которыми пользовались жители городища и поселений. Тем более этот скудный материал не позволил ставить вопросы, касающиеся хронологии исследуемого археологического комплекса. Выше мы констатировали только, что городище и поселения не выходят за установленные ранее хронологические рамки салтово-маяцкой культуры: вторая половина VIII — IX в.

Основная роль в исследовании материальной и духовной культур, в частности в хронологизации памятника, принадлежит несомненно катакомбному могильнику, расположенному, как говорилось, рядом с селищем, на нижней части склона Толиной горы — мелового высокого правобережного холма.

Почти все салтово-маяцкие катакомбные могильники буквально заполнены вещами. Исключение составляет Маяцкий могильник, отличающийся от остальных не только весьма скромным инвентарем, но и своеобразными чертами погребального обряда (*Флеров В. С.*, 1984).

Дмитриевский могильник богат находками. Основная масса вещей сосредоточена в 152 катакомбах. В девяти ямных погребениях находок почти не было, а девять труносожжений и 52 тризны дали нам только разнообразный керамический материал. Вещи в катакомбах распределены неравномерно: в некоторых нет совсем, в других они ограничиваются двумя-тремя плохо сохранившимися предметами — железными ножиками, мотыжкой, пряжкой. Однако в большинстве катакомб вещи попадают в достаточном количестве, а некоторые из них отличаются особым разнообразием и многочисленностью инвентаря.

В данной главе попытаемся, опираясь на типологию основных наиболее распространенных категорий вещей, предложить относительную хронологию Дмитриевского могильника и уточнить его абсолютную хронологию. Типичность Дмитриевского **Могильника** в ряду синхронных и аналогичных памятников позволяет, **как** нам кажется, использовать наблюдения и выводы, сделанные **на** материале этого могильника, при изучении других салтово-маяцких древностей.

В работах над материалом (2234 предметов различного назначения, 4000 бусин и 1500 бисерин, более 400 сосудов) при разделении его на

группы, отделы, виды, типы и пр. прежде всего учитывалось назначение предметов.

Так, были выделены следующие группы инвентаря: оружие, конская сбруя, орудия и бытовые предметы, амулеты, принадлежности туалета, предметы одежды, украшения, керамические сосуды.

ОРУЖИЕ

Для любого жителя степной и лесостепной пограничной полосы оружие было наиболее важным «орудием производства», поскольку оно служило и при защите своего имущества, и для обогащения за счет грабежа соседей.

Оно представлено в основном остатками луков и колчанов, наконечниками стрел и боевыми топориками. К этой же группе можно присоединить остатки воинских поясов, поскольку принадлежали они людям, носившим оружие и, как правило, похороненных с ними.

От луков сохранились в шести катакомбах костяные накладки (рис. 32). Типологией накладок и луков занималось несколько исследователей (*Гаврилова А. А.*, 1965. С. 87—88; *Федоров-Давыдов Г. А.*, 1966. С. 25; *Медведев А. Ф.*, 1966; *Худяков Ю. С.*, 1980. С. 66—75). Наиболее совершенной и обоснованной представляется типология, предложенная Ю. С. Худяковым. Накладки по функциональному назначению делятся на три вида: 1 — срединные боковые; 2 — плечевые фронтальные; 3 — концевые фронтальные с вырезом для тетивы.

Срединные накладки по форме делятся на два типа: овальные и изогнутые (дуговидные), плечевые — различаются только величиной. Форма их устойчива — это длинные узкие треугольные пластины с фронтальным изгибом. Концевые пластины овальные в плане, фронтально изогнутые, в разрезе треугольные. На острой верхней (наружной) грани сделана прорезь для тетивы. Накладки всех трех видов с внутренней стороны снабжены частой и глубокой нарезкой для лучшего скрепления с деревянной основой.

Аналогии первому типу срединных накладок и концевым фронтальным накладкам известны в памятниках IX—X вв., а концевые накладки доживают до XII в. (*Медведев А. Ф.* 1966. С. 12. Табл. 4). Аналогии плечевым накладкам известны только в Саркеле, где они датируются не позже середины IX в. Назначение плечевых накладок определилось после находки в могильнике; Мощевая балка почти полностью сохранившегося лука с костяными и роговыми накладками. Плечевые накладки на этом луке были наклеены на внутреннюю поверхность плеча, придавая луку большую упругость и силу (*Милованов Е., Иерусалимская Л.*, 1976. С. 40—43. Рис. 1; *Каминский В. Н.*, 1982. С. 49).

Сохранность накладок плохая, многие из них почти полностью истлели. Однако представление о конструкции луков они дают.

К первому типу луков относятся луки со срединными боковыми овальными накладками (катакомбы 5 и 148). Второй тип характеризуется одной непарной плечевой фронтальной накладкой (катакомбы 140, 143), что давало асимметрию плеч, прослеженную на нескольких алтайских луках IX в. (*Худяков Ю. С.*, 1980. С. 74). К третьему типу относятся луки, укрепленные всеми тремя видами накладок (катакомбы 106, 169, 173):

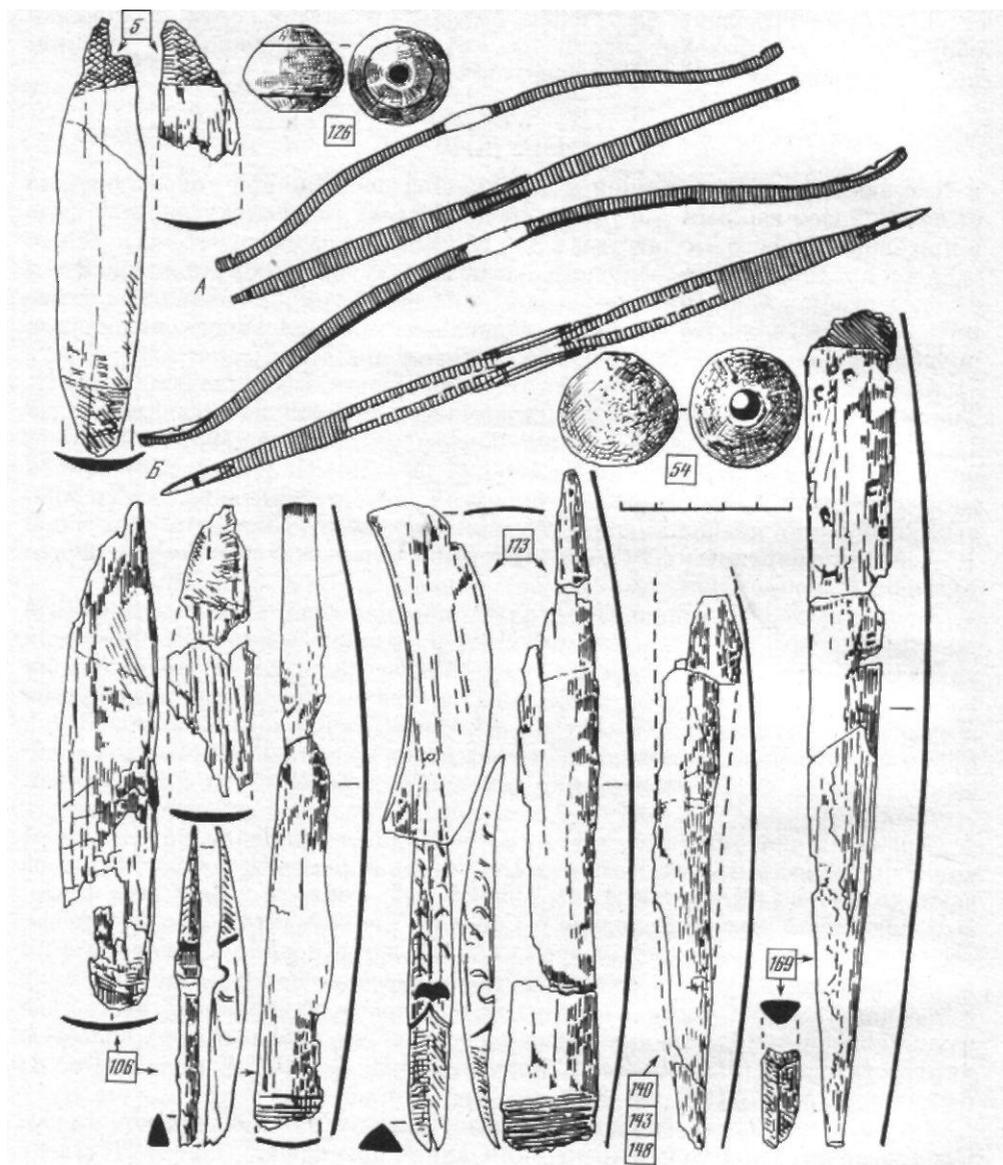

Рис. 32. Костяные срединные, кощевые и фронтальные плечевые накладки луков, реконструкция двух типов луков (А, В), бронзовые кистени (катакомбы 54, 126)

Здесь и далее в квадратных рамках даны номера погребальных комплексов, в которых найдены представленные на таблицах вещи. Обозначение ряда номеров около одного изображения означает, что в перечисленных катакомбах найден данный тип предметов

срединными первого и второго типов, плечевыми и концевыми. Это наиболее сложный и мощный тин лука.

В восьми катакомбах было обнаружено 28 более или менее сохранившихся железных трехлопастных треугольных наконечников стрел (рис. 33). Аналогичные наконечники были распространены от Забайкалья до Дуная в стенных и лесостепных памятниках VIII—IX вв. (*Медведев А. Ф.*, 196В. С. 59).

Находки стрел в катакомбах сопровождаются остатками колчанов. Они представлены скобами разной формы, обрывками ремней, скрепленных «гвоздиками», остатками железных крючков (рис. 33). В катакомбе 5 найдена С-овидная накладка, возможно, от низа кожаного колчана. Ширина ее всего 6 см. Судя по сохранившимся более поздним колчанам (*Плетнева С. А.*, 1958. С. 171), по реконструкциям колчанов, сделанным Г. Ласло (*Laslo G.*, 1955. С. 223), Генинго.: и Халиковым (*Генинг В. Ф.*, *Халиков А. Х.*, 1964. С. 47—49), ширина колчанов равнялась примерно 10—15 см. Нижняя часть колчана, открытого в Больше-Тарханском могильнике, укреплялась костяной дуговидной накладкой (*Генинг В. Ф.*, *Халиков А. Х.*, 1964. Табл. XIII. Рис. 20). Близкие по форме накладки были обнаружены в катакомбах 106 и 169 (рис. 33). В катакомбе 55 были обнаружены остатки колчана с 11 стрелами. От колчана хорошо сохранился черный тлен от кожи и истлевший коричневым тлен донца. Ширина колчана 12 см, длина 85 см. Стрелы были помещены Наконечниками вверх, все они лежали выше устья колчана, который представлял собой кожаный футляр с деревянным донцем. Шов был, видимо, прошит кожаным шнуром и скреплен двумя скобами, через которые продевался ремень для подвешивания колчана к поясу. Нижнего ремня, снабженного крюком, у данного колчана, видимо, не было. Впрочем, он мог полностью проржаветь и рассыпаться — все железо в камере катакомбы 55 очень плохой сохранности.

Одной из самых редких находок в средневековых могильниках являются сабли. Исследователи объясняют это обстоятельство дороговизной клинков, передававшихся обыкновенно по наследству - от отца к сыну (*Мерперт Н. Я.*, 1955. С. 139; *Плетнева С. А.*, 1963. С. 240). В Дмитриевском могильнике найдено всего четыре клинка: три сабли и один меч (рис. 34).

Два клинка фактически идентичны (катакомбы 5 и 126). Длина их 68—69 см, ширина 3 см. Оба прямые с раскованным на два лезвия концом (длина расковки — 12 см). Рукояти сабель параллельны клинку, перекрестия напускные с пирамидальной шишечкой в центре. Перекрестие сабли из катакомбы 126 — с расплюснутыми трехлепестковыми концами.

Третья сабля (катакомба 109) сильно отличается от вышеописанных. Длина ее клинка 78 см, ширина 3 см. Клинок плавно изогнут и раскован в конце на два лезвия (длиной до 20 см). Кривизна сабли 12—13 мм. Рукоять немного отклонена в сторону лезвия (не более 5°). Перекрестие напускное прямое.

Деревянные рукояти сабель крепились на железной основе гвоздиками. Рукоять сабли из катакомбы 5 была снабжена железным овально-цилиндрическим коротким навершием высотой не более 1,5 см. Ширина

¹ Кривизна определяется мною при измерении наибольшего расстояния от прямой, проведенной между наиболее выдающейся точкой у рукояти и концом сабли, до спинки клинка (*Плетнева С. Л.*, 1973. С. 17).

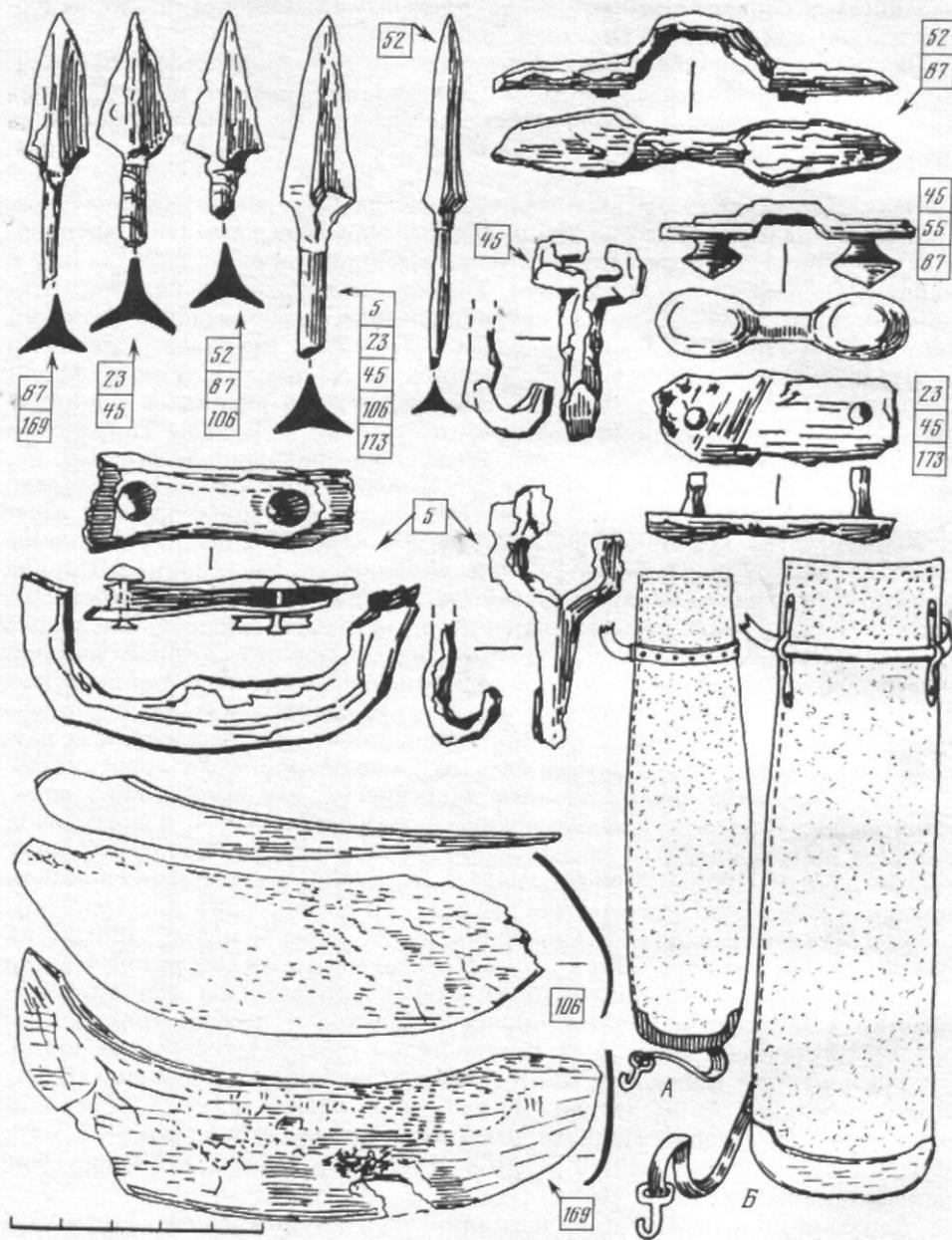
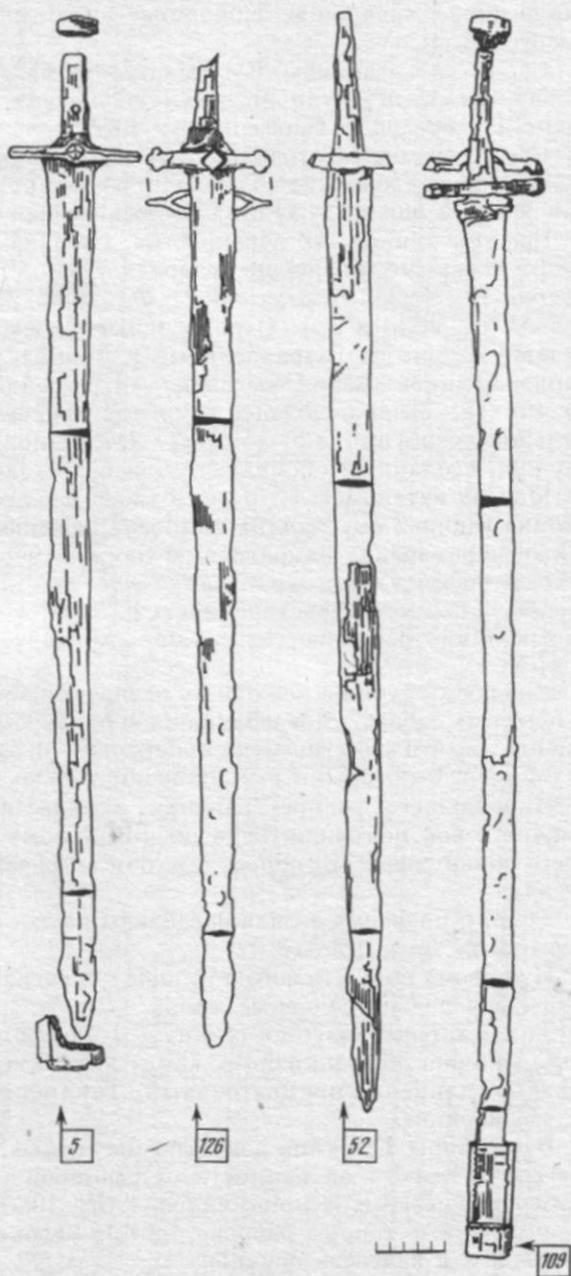

Рис. 33. Железные наконечники стрел и железные детали колчанов. Костяные детали колчанов (катакомбы 106, 169)

А, Б — реконструкция колчанов (очевидно, кожаных)

Рис. 34. Железные сабли (катакомбы 5, 109, 126) и двулезвийный клинок (катакомба 52)

навершия 3 см — такова была ширина рукояти. Ножны этой сабли имели аналогичное навершию окончание: сплюснутый невысокий цилиндрик высотой 2 см.

Сабля из катакомбы 109 была более богатой: навершие и окончание ножен, несмотря на типологическую близость (сплюснутые цилиндрики), были из серебра с вырезанными полукруглыми фестончиками краями.

Самые ножны изготовлялись из дерева и кожи. Скоб для подвешивания сабель к поясу обнаружено не было: возможно, нередко их делали из дерева или кожи и они не сохранились в погребальных камерах.

Все три клинка, их перекрестия, крепления рукоятей и ножен имеют многочисленные аналогии в древностях VIII—IX вв. (*Zakharow A., Arndt W.*, 1934; *Корзухина Г. Ф.*/ 1950; *Мерперт Н. Я.*, 1955; *Худяков Ю. Б.*, 1980 и др). Однако явным своеобразием двух первых сабель являются прямые (параллельные клинкам) рукояти и очень небольшая длина клинков. Сабли выглядят «игрушечными». Интересно, что одна из них (5) была положена в могилу девушки-воина, а другая (126) — мальчику-горбуну (12—15 лет). Очевидно, это был облегченный тип оружия, сделанный специально для более слабой руки.

Меч из катакомбы 52 очень близок саблям первого типа: ширина его клинка также 3 см, а длина немного превышает их длину: 74 см. Рукоять также параллельна направлению клинка, тип перекрестия, хотя и плохо сохранившегося, тот же — напускное прямое. Единственным отличием от сабель является двусторонность клинка, т. е. он раскован на два лезвия на всю длину. По существу оружие это следует скорее называть не мечом, а шпагой.

По своему рубяще-колющему назначению он практически не отличался от обычных сабель, употреблявшихся одновременно с ним. Представляется вероятным, что этот тип меча происходит от сабли, а не от обычных тяжелых мячей, с которыми его сближает только двусторонность лезвия.

Наибольшее распространения в качестве наступательного оружия ближнего боя получили, судя по могильному инвентарю, боевые топоры. Всего обнаружено 72 топора, т. е. они встречались почти в каждой второй могиле.

Топоры по форме лезвия разделены на два вида, а по форме обуха виды делятся на типы (рис. 35).

К первому виду относятся топоры с треугольным лезвием (35 экз.). Они разделены на три основных типа.

Тип 1 характеризуется оттянутым плоским обухом. Примерно у половины топоров обух по форме, как и лезвие, треугольный, у другой половины — удлиненно-прямоугольный. Таким образом, первый тип делится на два варианта.

Все топоры 1-го типа довольно массивные, тяжелые. А. Н. Кирпичников считает, что в зависимости от размеров топоры можно считать рабочими или боевыми (*Кирпичников А.* //., 1966. С. 36). Судя по размерам, рассмотренные топоры рабочие, но при необходимости они могли использоваться и в качестве оружия.

Тип 2 представлен всего шестью экземплярами. Это топоры с оттянутым уплощенным обухом. Топоры с обухом, у которого ширина в два раза меньше высоты, отнесены к первому варианту, а топоры с обухом, равным

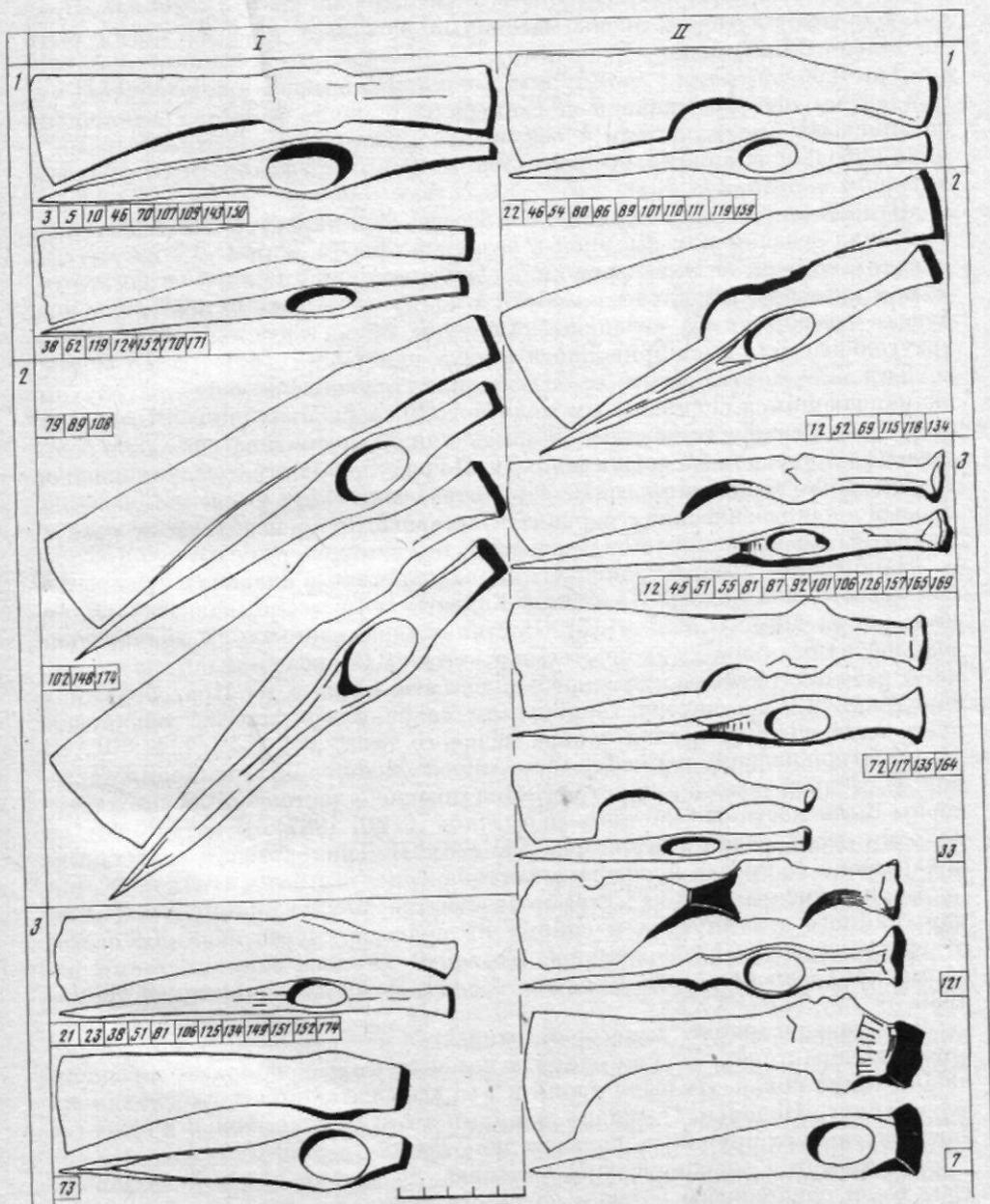

Рис. 35. Виды (обозначены римскими цифрами) и типы (арабскими цифрами) железных тошоров

в высоту и ширину (квадратным в разрезе), — ко второму варианту.

Эти топоры также очень массивные и, как и первые, могли быть не только боевыми, но и рабочими.

Тип 3 — топорики с оттянутым, расширяющимся к концу обухом, что придает ему форму чекана. Топоры небольшие, явно боевые, в бою использовались обе части: лезвие и обух-чекан. К этому типу отнесен нами и один небольшой, видимо, боевой топорик с коротким квадратным в разрезе обухом (катакомба 73).

Второй вид топоров представлен 37 экз. Они характеризуются оттянутым вниз лезвием или выемкой в лезвии у проуха. Тип 1 — с оттянутым плоским обухом, немного расширяющимся к концу. Тип 2 — с заметным, хотя и плавным, расширением обуха-к концу. В остальном оба типа очень близки по форме: оба массивные, тяжелые, обухи у обоих, как и лезвия, треугольные или расширяющиеся в двух измерениях.

Тип 3 — с оттянутым овальным или круглым в сечении обухом, оканчивающимся специальным молотковидным расширением. Это настоящие боевые топорики-чеканы. Они, как и первые два типа, довольно большие, но тонкие, как бы «облегченные». По ряду дополнительных признаков в этом типе выделяются пять вариантов (рис. 35). Особенно известен первый — «классический» вариант. Остальные — производные от него — выкованы по индивидуальным заказам.

Наибольшее распространение топоры получили в аланских древностях как лесостепной полосы Восточной Европы, так и в Предкавказье (*Плетнева С. Л.*, 1967. С. 137—143). В степных памятниках их значительно меньше, в могильниках их нет, в хазарском слое Саркела найдено несколько явно рабочих тяжелых короткообушковых топоров, а на Правобережном городище, в слое которого прекрасно сохранилось железо, обнаружен всего один обломок лезвия топора неясного типа.

Обратное явление мы наблюдаем относительно распространения кистеней. В степной полосе они встречаются довольно часто — особенно характерны были костяные кистени (*Крыганов А. В.*, 1987). В катакомбах их находки очень редки (катакомбы 54, 126). В Дмитриевском могильнике обнаружено всего два бронзовых кистеня (рис. 32).

Бронза прекрасного качества — золотистая. Форма кистеней шаровидная, немного «оттянутая» к одному из полюсов. Через сквозное осевое отверстие пропускается ремешок. Костяные аналоги этим кистеням известны в хазарском слое Саркела—Белой Вежи (*Кирпичников А. Я.*, 1966. С. 59. Табл. XXX).

Все перечисленные категории относятся к группе наступательного оружия. Характерно, что ни в одной из камер не было обнаружено ни одного наконечника копья. Не было копий и в других катакомбных могильниках лесостепного Подонья. Очевидно, аланами этого региона копья в качестве наступательного оружия использовались крайне редко.

Что касается оборонительного доспеха, то только в одной катакомбе (55) были обнаружены остатки кожаного шлема на железном каркасе и с железным шишаком. Кожа сохранилась в виде черного тлена, а тонкие прутья каркаса и шишак превратились в коричневую труху. Шлем был полусферическим с восемью ребрами, закрепленными на обруче и на железном кружке основы шишака.

К воинскому убору следует отнести и остатки воинских поясов (Плетнева С. А., 1967. С. 161 — 166 и др.). От поясов в могилах сохранились пряжки, бляшки и наконечники.

Пряжки разделены на 10 типов по принципу сложности конструкции и орнаментации или отсутствию ее на щитках (рис. 36).

Тип 1 — простейшие прямоугольные (обычно немного трапециевидные) бесщитковые литые пряжки (катакомбы 3, 7, 11, 71, 101, 106, 135).

Тип 2 — литые овальнорамчатые и треугольнорамчатые пряжки со щитком в виде прямоугольной рамки, равной по ширине рабочей части пряжки (катакомбы 5, 54, 83, 88, 98, 143).

Тип 3 по конструкции аналогичен 2-му и формально является вариантом типа 2, отличающегося от него только малой величиной «щитковой» части, в которую продевался соответственно более узкий ремешок (катакомбы 81, 87, 148).

Тип 4 — треугольнорамчатые литые пряжки с пятиугольным гладким щитком (катакомбы 21, 98, 121).

Тип 5 — штампованные пряжки на проволочном каркасе. Они треугольнорамчатые (каркас — овальный) с пятиугольным щитком, орнаментированным сухим геометрическим или схематизированным растительным узором (катакомбы 3, 10, 54).

Тип 6 — треугольнорамчатые литые с пятиугольным щитком, орнаментированным сильно схематизированным растительным узором: три- и пятилистником (катакомбы 45, 51, 101, 142, 165).

Тип 7 — треугольнорамчатые литые с пятиугольным щитком, орнаментированным сдвоенным лотосовидным узором (катакомбы 22, 23, 143).

Тип 8 — треугольнорамчатые литые пряжки со щитком в виде более или менее схематизированного трилистника (катакомбы 33, 55, 70, 72, 80, 108, 111, 115, 118, 164).

Тип 9 — треугольнорамчатые литые с пятиугольным щитком, украшенным умело вписанной в заданную форму шестилепестковой вьющейся ветвью (катакомбы 89, 106).

Тип К) — треугольнорамчатые литые с небольшим пятиугольным щитком, орнаментированные пятилепестковым «древом». Рисунок сухой, мелкий. Рамка пряжки также украшена пятью трилистниками (катакомбы 126, 169).

Бляшки разделены по конструкции на три вида: простые, с подвижным и иногда неподвижным колечком, бляшки с поперечной прорезью (бляшки-рамки).

Первый вид разделен по способу изготовления, форме и орнаментации на восемь типов. Типы по деталям узора и формы делятся на варианты (рис. 36).

Тип 1 — штампованные сердцевидные или «трилистные» бляшки со схематическим геометрическим узором (катакомбы 3, 55, 106, 119, 143).

Тип 2 — штампованные разной величины и формы бляшки, украшенные сложным геометрическим или схематизированным звериным и растительным узором (катакомбы 3, 22, 54, 55, 79, 119, 143).

Тип 3 — литые круглые или сердцевидные бляшки плоские без орнамента (катакомбы 3, 5, 54, 71, 83, 88, 143).

Тип 4 — литые фигурные (лепестковидные и пр.) бляшки с гладкой поверхностью (катакомбы 70, 86, 106, 108, 111, 142, 153).

Тип 5 — литые фигурные в виде схематизированного трилистника бляшки (катакомбы 21, 51, 72, 80, 81, 89, 101, 108, 115, 121, 157, 164, 165).

Тип 6 — литые фигурные бляшки со сложным и четким растительным узором (катакомбы 51, 87).

Тип 7 — литые маленькие бляшки, орнаментированные пышным растительным узором, состоящим из нескольких фигурных мелких лепестков (катакомбы 121, 148, 169).

Второй вид бляшек разделен по форме и конструкции на шесть типов. Каждый представлен различными вариантами, вычлняющимися по деталям формы и орнаментации (рис 36).

Тип 1 — литые сердцевидные гладкие или схематизированные трехлепестковые бляшки с колечком, украшенным нередко шаровидными выступами (катакомбы 46, 72, 86, 108, 142, 153, 157, 165).

Тип 2 — литые пятиугольные или пятилепестковые пальметовидные бляшки с шарнирно соединенным с ними небольшим колечком, слегка заостренным книзу (катакомбы 70, 106, 115).

Тип 3 — литые трехлепестковые и пятилепестковые пальметки с небольшим гладким колечком (катакомбы 51, 80, 87, 89, 101, 111, 121, 164).

Тип 4 — литые в виде трехлепесткового растения с ветвями, нередко с дополнительным узором на лепестках. Колечко гладкое простое (катакомбы 21, 51, 87).

Тип 5 — литые, близкие по форме типу 4 маленькие трехлепестковые бляшки с симметричным узором из мелких ветвей и листьев. Колечко гладкое простое (катакомба 169).

Тип 6 — литые, с неподвижным кольцом бляшки, гладкие или в виде трехлепестковой пальметки, более или менее схематизированной (катакомбы 62, 118, 124).

Третий вид бляшек делится на три типа (рис. 36).

Тип 1 представлен простыми прямоугольными литыми «рамочками» (катакомбы 51, 80, 106, 118, 115, 157, 164).

Тип 2 — литые бляшки с трехлепестковым схематизированным орнаментом по верхнему краю (катакомбы 21, 51, 89, 153).

Тип 3 — литые в виде трех- или пятилепестковой «развернутой» пальметки, обрамляющей прямоугольное отверстие (катакомбы 51, 87, 89, 165).

Наконечники делятся на семь типов (рис. 36).

Тип 1 представлен наконечниками из двух гладких штампованных тонких прямоугольных пластинок (с заостренным концом) или же наконечники, свернутые из одной тонкой пластинки (катакомбы 7, 54, 71, 81, 88, 143).

Тип 2 — наконечники из двух штампованных орнаментированных геометрическим узором пластинок (катакомбы 3, 5, 11, 55, 65).

Тип 3 — литые, без орнамента с резным верхним краем и заостренным или кончающимся схематическим бутонотом лотоса концом (катакомбы 62, 72, 86, 153).

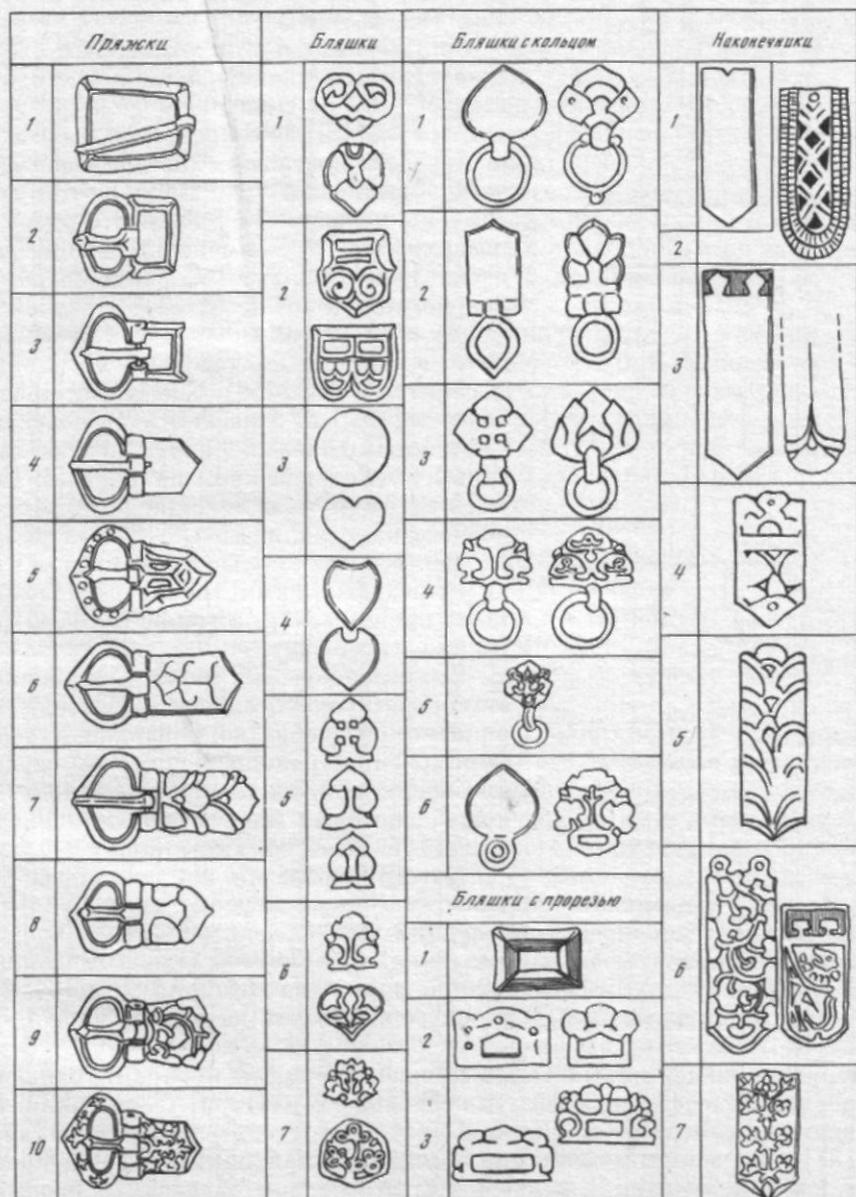

Рис. 36. Типы бронзовых пряжек (1–10), типы и варианты бронзовых и серебряных бляшек (1–7), бляшек с кольцом (1–6), бляшек с прорезью (1–3) и наконечников (1–7)

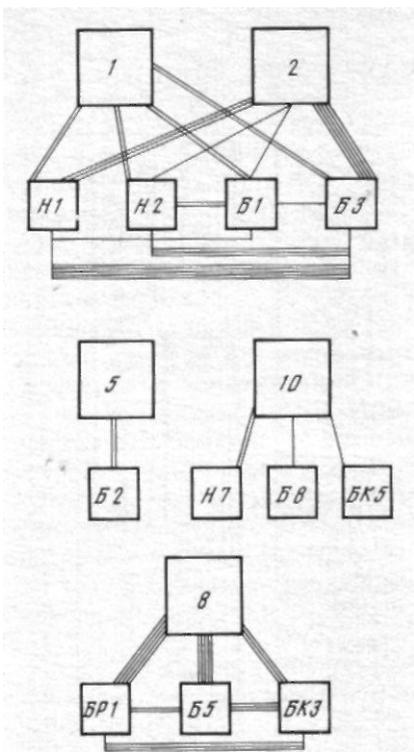

Рис. 37. Сочетания типов пряжек (1, 2, 5, 8, 10) с видами и типами бляшек и типами наконечников

Условные обозначения: Б — бляшки; БК — бляшки с кольцом; БР — бляшки-«рамки»; Н — наконечники

Тип 4 — литые, с растительно-геометрическим узором (катакомбы 21, 87, 121, 124, 142, 157, 165).

Тип 5 — литые с растительным схематизированным узором (катакомбы 89, 111, 118, 143, 157, 165).

Тип 6 — литые с прекрасно выполненным узором: ветвью с листьями-пальметками (катакомбы 101, 106). К этому же типу мы условно (но сложности узора на поверхности) относим литой наконечник, на котором изображен какой-то зверь, вероятно, лев (катакомба 51). Близкий по форме и рисунку наконечник был обнаружен в Верхне-Салтовском могильнике (хранится в ГЭ. 2053). Сделан он, правда, более тщательно и на нем ясно виден лев с когтистыми лапами и крутыми завитками гривы. Дмитриевский наконечник мог быть не очень качественной отливкой подобного наконечника.

Тип 7 — тоже литые с орнаментом в виде «деревца» с симметрично расположенными на нем мелкими трилистниками (катакомбы 126, 169).

В составе поясных наборов можно констатировать значительное типовое и вариатное разнообразие. Очевидно, в степях было распространено множество различных форм пряжек, бляшек и наконечников, с которых постоянно оттискивали в глине и затем отливали копии.

Нет единообразия и в штампованных бляшках. Их, видимо, оттискивали из тонкого серебра прямо с литого подлинника, причем нередко последний бывал очень ранним.

Наиболее выразительным и постоянным элементом пояса были пряжки. Некоторые из них отлиты в одной форме (из катакомб 80 и 164, 72 и 111 — тип 8; из катакомб 89 и 106 — тип 9; из катакомб 23 и 143 — тип 7).

Корреляция некоторых типов пряжек с видами и типами бляшек и наконечников позволила выявить несколько характерных сочетаний, или «блоков», свидетельствующих о сложении в степях различных стилей (рис. 37). Так, в первом сочетании объединены пряжки типов 1 и 2, бляшки типов 1 и 3, наконечники типов 1 и 2. Эти наборы отличаются простотой как технической, так и стилистической: пряжки — «рамчатые», бляшки — штампованные или небрежно отлитые, гладкие, наконечники всегда штампованные.

Второе сочетание — «стилистический блок» представлен пряжкой типа 8, бляшками типа 5, бляшками с кольцом типа 3, бляшками — прямо-

угольными рамочками. Особенно распространены среди бляшек этого блока бляшки с четырьмя симметричными отверстиями в центре.

Для установления относительной хронологии этих двух блоков весьма существенным является тот факт, что бляшки второго блока встречены почти во всех обнаруженных в могильнике наборах. Это, очевидно, свидетельствует об их появлении в период возникновения данного памятника. Их нет только в наборах первого блока, отдельные элементы которого ни разу не использовались в поясных наборах, не входивших в первый блок. Последнее может означать, что они получили распространение среди населения в самое позднее время существования поселения и могильника.

Помимо этих двух очень определенных и неоднократно повторенных стилистических блоков, можно говорить о возникновении и бытовании еще двух наборов, представленных, правда, пока малым количеством повторений, но с явными и яркими техническими и стилистическими особенностями. Это блоки с пряжками типов 5 и К). Пряжки типа 5 с проволочным каркасом и штампованным шитком сопровождаются исключительно штампованными же бляшками с простым геометрическим узором, а для литых пряжечек типа 10 со шитком, украшенным растительным узором (побегом с мелкими листочками), характерны бляшки с наконечниками, покрытые аналогичным орнаментом.

КОНСКАЯ СБРУЯ

От оголовья, как правило, сохраняются в катакомбах железные двух-составные удила с железными псалиями. По форме псалий удила разделены на два типа: 1-й — с прямыми, так называемыми гвоздевидными псалиями; 2-й — с S-овидными псалиями. Оба типа по размерам, деталям конструкции (дополнительным петлям на псалиях и их форме), тщательности отделки делятся на варианты (рис. 38). Наиболее распространенными из них являются два, относящиеся к первому типу: 1-й — с простыми псалиями-стерженьками (5 экз.) и 2-й — с псалиями, имеющими в середине прямоугольное раскованное от основного стержня расширение с продолговатым отверстием для ремня (3 экз.). Остальные шесть экземпляров удил представляют собой шесть вариантов, что свидетельствует прежде всего об отсутствии стандартизации производства этой группы предметов.

Оба типа удил были широко распространены в степях в VIII — IX вв.

Помимо удил от оголовья, в катакомбах 52 и 173 были найдены наборы различных бляшек и наконечников, украшавших ремennую сбрую.

Набор из катакомбы 173 состоит из бронзовых литых блях, обтянутых тонкой серебряной фольгой (рис. 39). Бляхи относятся к трем типам: круглые гладкие большие и малые бляхи (вид 1, тип 3), геометризированные сердцевидные тоже гладкие (вид 1, тип 4), лотосовидные с неподвижным кольцом (вид 2 тип 6). Пряжки типа 2, наконечники типа 1. В целом набор по форме пряжек и бляхам можно связать с первым «стилистическим блоком» поясов.

Металлические части этого набора сохранились с остатками ремней, поэтому реконструкция его в виде большого налобного ремня и спускающихся от него наносного и нащечных ремней, соединенных пряжками с поводом, представляется нам вполне обоснованной.

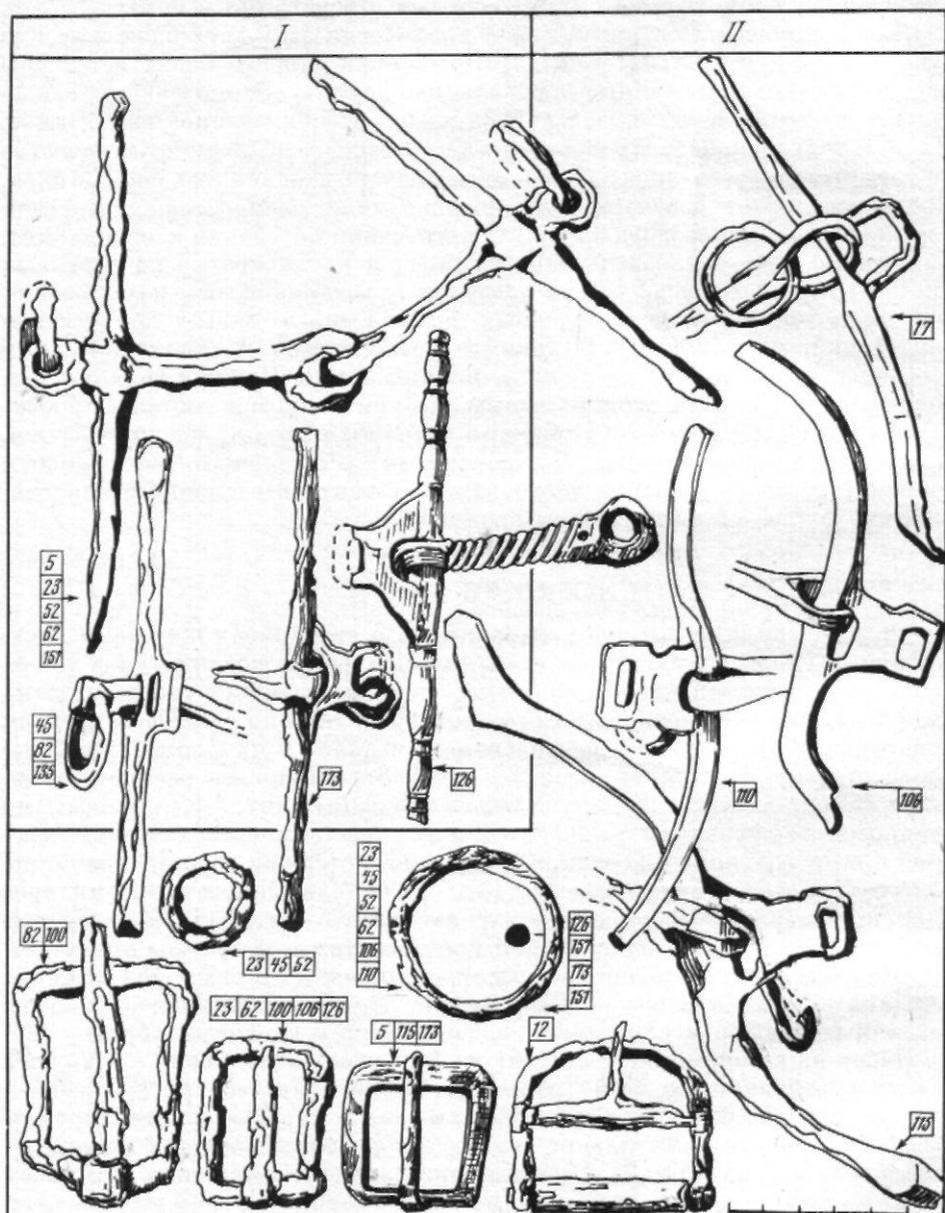

Рис. 38. Железные удила двух типов, сбруйные железные кольца и железные подпругные пряжки

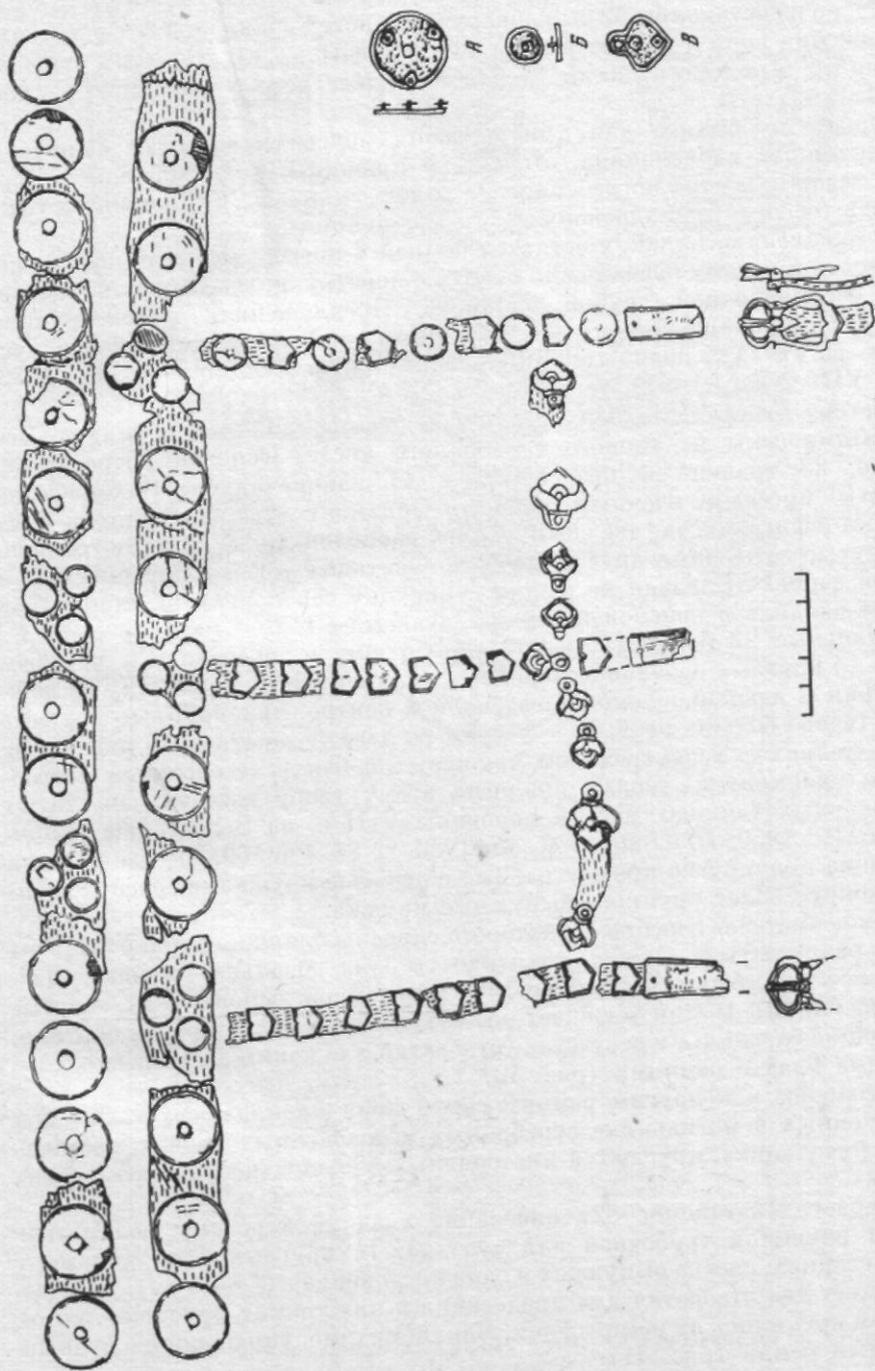

Рис. 39. Оголовые с остатками ремней, украшенные бронзовыми, обтянутыми серебряным листом бляхами.

А, Б, В — вид блях всех трех типов с обратной стороны (катакомба 173)

Набор из катакомбы 52 был обнаружен в ногах воина вместе с остатками снаряжении коня и лежавшей там же саблей (рис. 40). Поэтому первоначально он был принят нами за поясной (*Плетнева С. А., 1967. С. 164. Рис 45*).

Однако необычное для Дмитриевских поясов количество бляшек и наконечников, их величина, отсутствие нряжки и расположение набора не на тазовых костях погребенного, а рядом с удилами и стременами говорит как будто о принадлежности его к сбруйному.

К сожалению, никаких остатков ремней в погребальной камере не сохранилось и потому невозможно судить о конструкции оголовья по лежавшим беспорядочной грудой бляшкам. Предложенная реконструкция (рис. 40) сделана по аналогии с дошедшими до нас русскими и кочевническими богато украшенными оголовьями (*Кирпичников А. Н. 1973. Табл. VII—XI*).

Состоит набор из 45 блях различной формы и 11 наконечников. Все они штампованы из тонкого серебряного листа. Основой убора были, видимо, 23 трапециевидные бляхи и 11 наконечников. Наконечники покрыты простым елочным узором. Орнамент трапециевидных блях наоборот очень сложен: две симметрично расположенные конские головки, повернутые затылками друг к другу, с завитками вместо передних ног и ложной зернью. Близкая по форме и рисунку серебряная штампованная бляшка входила в поясной набор из катакомбы 143.

Остальные 22 бляшки относятся по форме и орнаменту к четырем типам: 14 круглых небольших бляшек с орнаментом по периметру из ложной зерни и девятиконечной звездочкой в центре; три крупные круглые бляхи (вдвое больше первых) с узором из девяти завитков по периметру и трех мелких — в центральном кружке; три бляхи со сложным лотосовидным орнаментом, точные аналогии этому узору известны на литых двухконечных бляшках первой половины VIII в. из Вознесенки (*Гринченко В. А., 1950; Приходнюк О. М., 1980. С. 88. Рис. 56, 7*); две бляшки небольшие полукругло-прямоугольные с девятью кружками, расположенными вокруг более крупного выпуклого кружка.

Тонкое листовое серебро, из которого сделаны бляшки, должно было бы быстро разрушиться. Однако сохранность блях довольно хорошая. Очевидно, все они были закреплены на деревянной основе (как золотые гуннские бляхи). В этом убеждает нас объемность блях, широкие бортики, образующие боковины, и отсутствие отверстий или каких-либо иных следов крепления блях с ремнями (рис. 40).

К оголовью и к другим ремням сбруи коня принадлежат также два обнаруженных в могильнике серебряных позолоченных набора, состоявших из начельника, круглых и листовидных больших неорнаментированных блях.

У первого (катакомба 82) начельник гладкий с резным волнистым краем и впаянной трубочкой для султана, 14 круглых блях (диаметр 6,5 см), гладких, слегка выпуклых и одна листовидная (8—7,5 см). Каждая бляха имеет два отверстия для продевания в них тонких ремешков, которые затем крепились на ремне сбруи. Бляхи, видимо, украшали нагрудный и шлейный ремни (рис. 41).

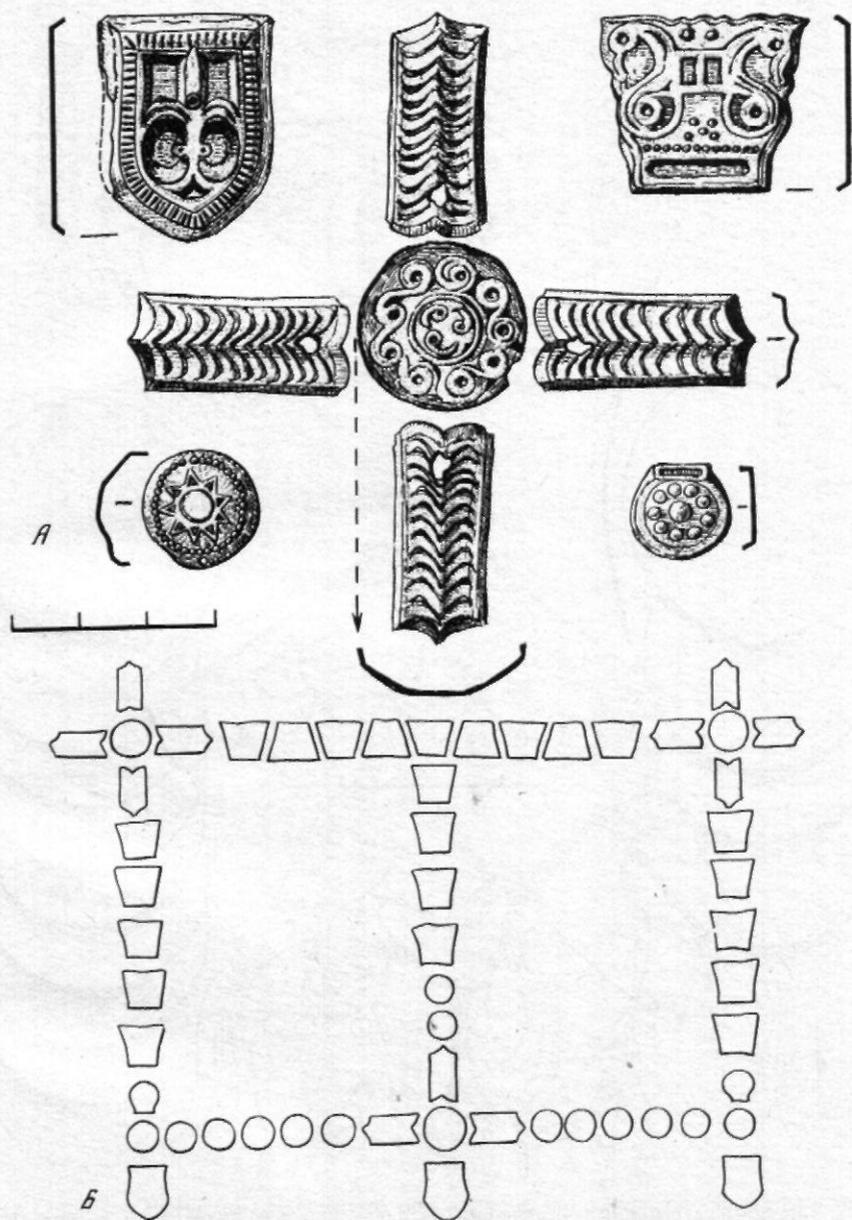

Рис. 40. Варианты штампованных серебряных бляшек и наконечников от оголовья (А).
Возможная реконструкция оголовья (Б) (катакомба 52)

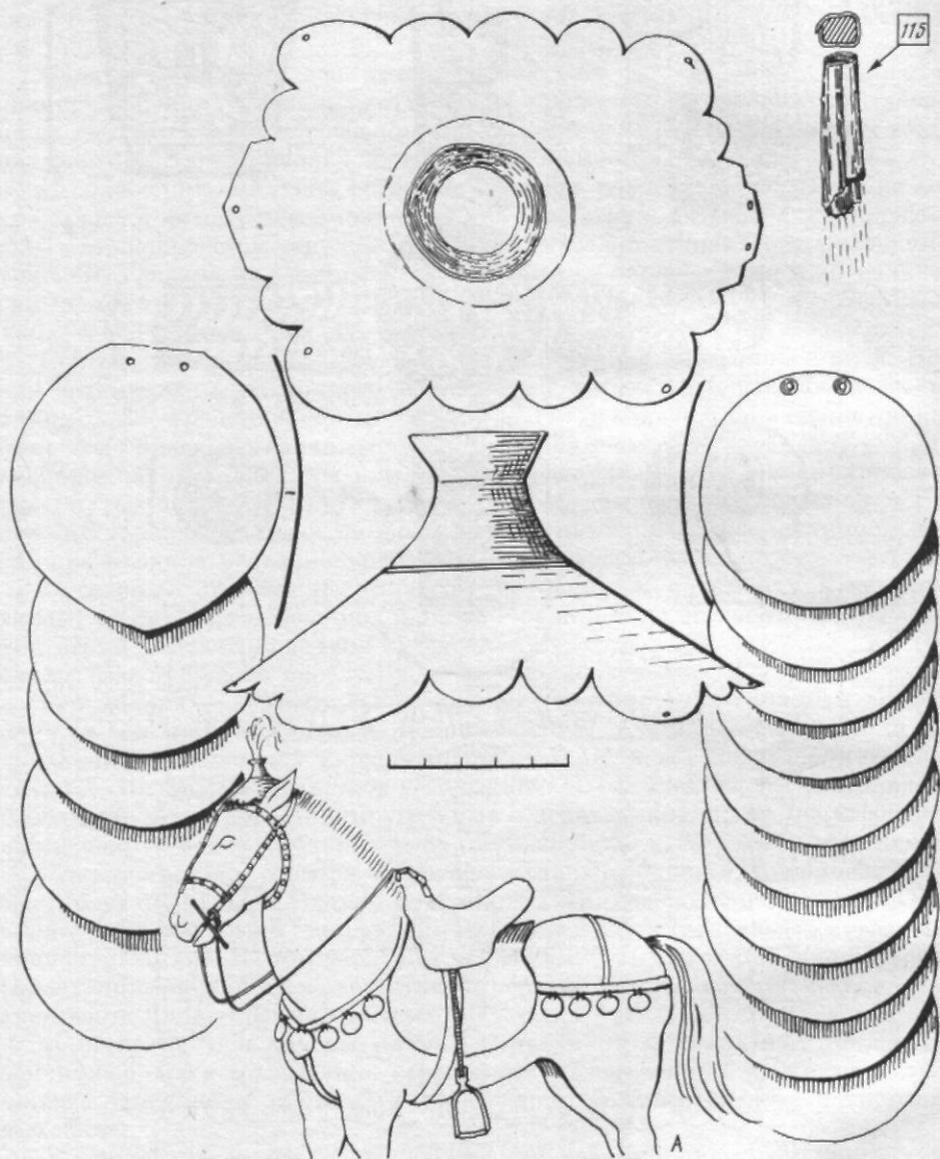

Рис. 41. Сбруйные серебряные украшения из катакомбы 82: налобник с трубочкой для султанчика; 14 круглых и одна листовидная бляхи

А — предположительное расположение блях на сбруе

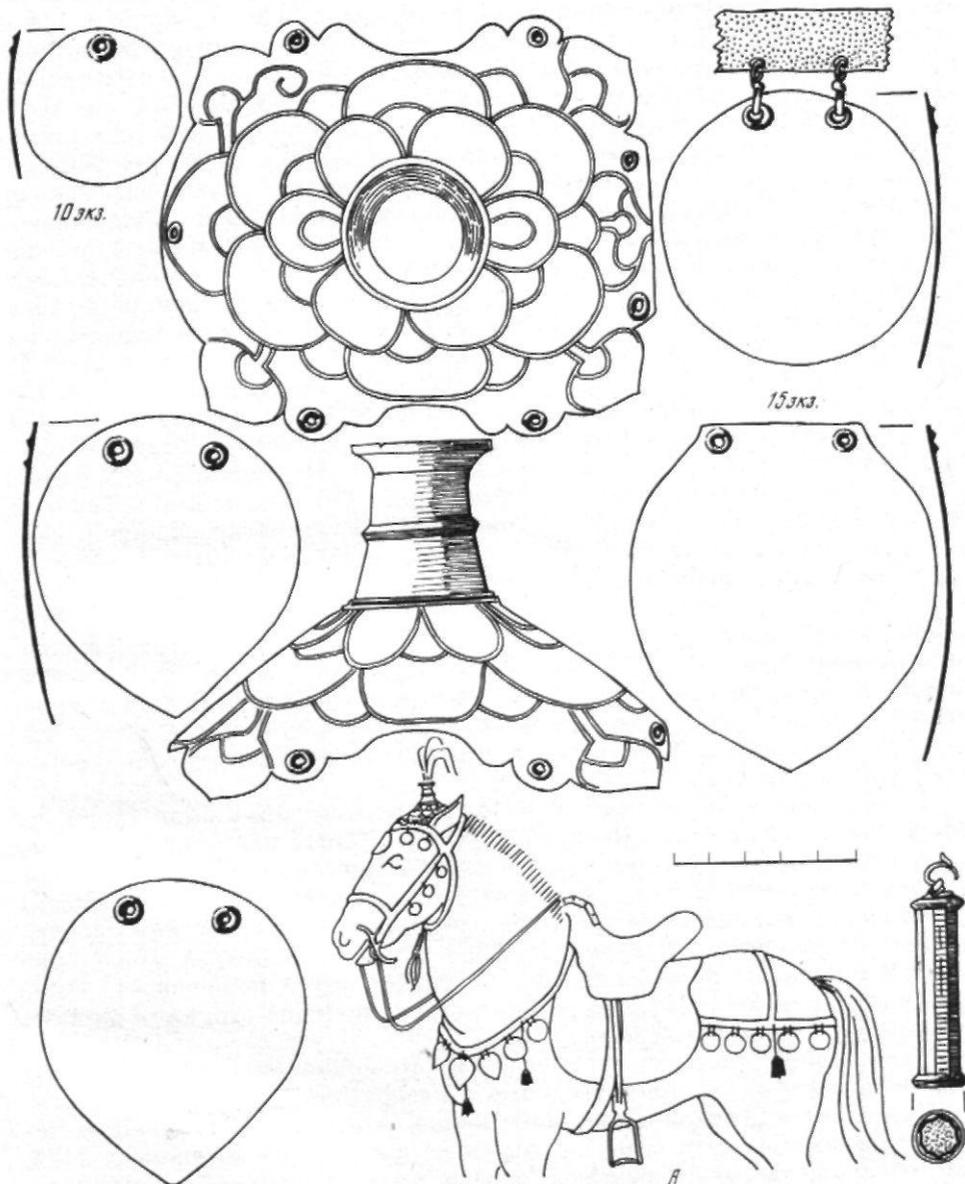

Рис. 42. Сбруйные серебряные с позолотой украшения из катакомбы 106: налобник с трубочкой для султанчика, 10 небольших круглых блях; 15 крупных круглых и 3 крупные листовидные бляхи, небольшая граненая трубочка для подбородочной кисти

А — предположительное расположение блях и ботал на сбруе

Пачельник второго набора (катакомба 106) сделан гораздо тщательнее первого (рис. 42). Край его тоже волнистый, но поверхность покрыта орнаментом из полукруглых и остролистных (типично салтовских) лепестков, прочерченных довольно широким резцом. Помимо начельника, в набор входит три листовидные бляхи, 15 больших круглых (диаметр 7,5 см) и 10 круглых небольших (диаметр 4,3 см) блях. Небольшие бляхи подвешивались к ремням оголовья, крупные — к нагрудному и шлейному ремням. Одной из существенных частей убора была десятигранная серебряная позолоченная трубочка с крючком на одном конце, заполненная коричневатой трухой, в которой можно было различить отдельные нити. Трубочка была ворваркой для шейной* чаще всего шелковой кисти, прикреплявшейся к подбородочному ремню. Кисти были одной из характернейших черт убора кочевнических боевых коней. Такая кисть изображена под подбородком коня на знаменитом сентмиклошском кувшине (*Ldszlo Cy., Rdcz J., 1977. Tabl. 1, 2*). Кроме того, подбородочные кисти неоднократно упоминаются в эпосе кочевых народов (*Luneц P. C., 1984. С. 193*). Остатки ворварки в виде простой, свернутой из серебряного листа трубочки были найдены еще в одном конском уборе в катакомбе 115 (рис. 41). Помимо подбородочных кистей, в состав сбруи нередко входили многочисленные бубенчики и колокольчики. В катакомбе 106 вместе с бляхами и начельником было найдено пять железных довольно крупных ботал (рис. 43).

Роскошные серебряные позолоченные конские уборы встречаются в погребениях крайне редко и несомненно свидетельствуют о богатстве семьи погребенного воина (*Luneц P. C., 1984. С. 192—202*). Изредка в рядовых могилах находят отдельные бляхи от таких наборов. Так, в катакомбе 124 круглая (диаметр 10,3 см) большая бляха лежала у таза одной из погребенных женщин и, вероятно, служила подвеской к поясу, поскольку вещь эта считалась даже в отрыве от набора достаточно дорогим и красивым украшением.

Кроме удила, наиболее частой находкой в катакомбах были стремена, являвшиеся частью седла. Всего обнаружено 20 более или менее сохранившихся стремян (рис. 44). Все они относятся к одному виду — с выделенной в виде лопаточки петлей для путалища. Подножка, как правило, укреплена тремя жгутами и снабжена треугольными и круглыми прорезями (исключения — стремяна из катакомб 52, 82, в которых подножка имеет один жгут, и стремя из погребения 12 с узкой без жгута подножкой). Большинство подножек прямые или слегка вогнутые (одно стремя — из катакомбы НО — с выгнутой подножкой).

Как правило, вместе со стремянами в катакомбах находились большие подпружные пражки, прямоугольные и квадратные (рис. 38).

Поскольку в Дмитриевском могильнике очень плохо сохраняется дерево, деревянные части седла не дошли до нас. В двух катакомбах (126, 135) обнаружены только железные оковки лук седла (рис. 43): в первой — передней и задней, во второй — только передней. В катакомбе 110 вместе с другими частями сбруи лежал странный предмет, не имеющий аналогий в синхронных и более поздних кочевнических древностях. Это длинная (22Х6,3 см) железная пластина, соединенная шарниром с железным же плоским кругом (диаметр 14,5 см). К какой части сбруи и как был прикреплен этот предмет — непонятно.

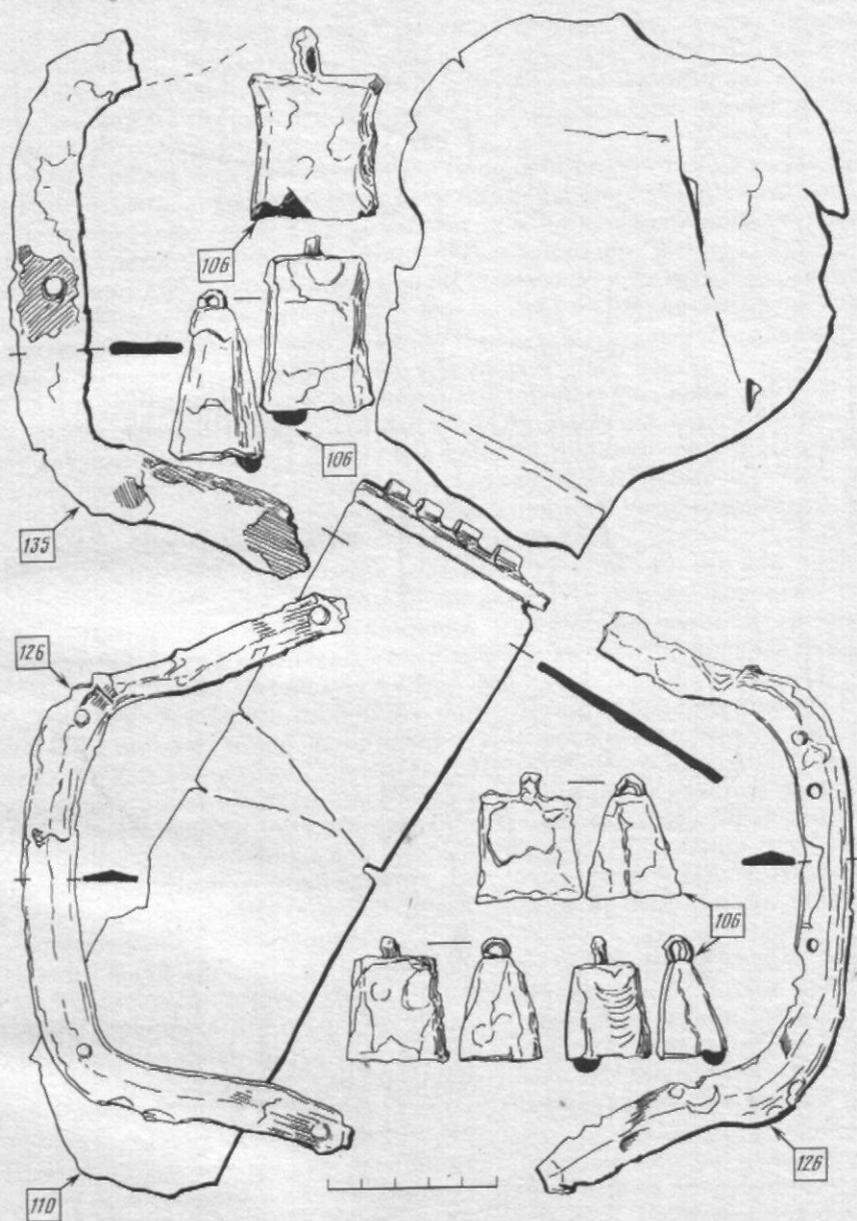

Рис. 43. Железные оковки седла (катакомбы 126, 135), непонятный железный предмет, найденный на месте седла, рядом со стременами (катакомба 110), железные ботала из катакомбы 106

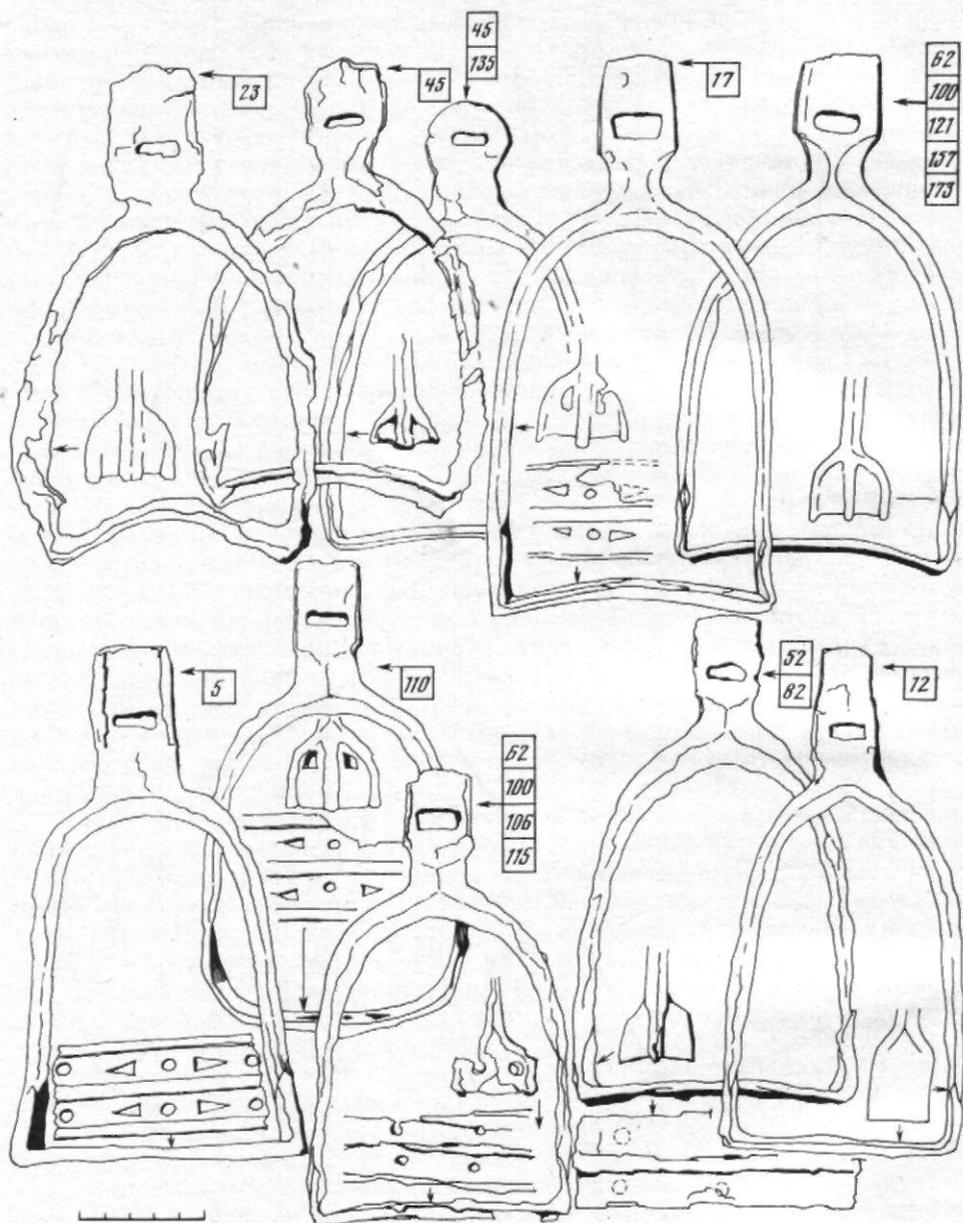

Рис. 44. Железные стремена

ОРУДИЯ ТРУДА

Эта группа инвентаря в могилах представлена неполно: ножи, мотыжки, кресала, точила, ножницы, пряслица. Более крупные орудия труда (сельскохозяйственные, ремесленные) отсутствуют в могилах, вероятно, потому, что они не сопровождали человека в повседневной жизни, не были предметами его личной собственности.

Ножи сохраняются очень плохо, но попадают часто: в 64 катакомбах и четырех ямных погребениях, причем в 19 могилах обнаружено по два ножа, в шести — по три и в 12 — наборы ножинок, объединенных общими ножнами по два—четыре экземпляра. Таким образом, в могильнике было найдено около 100 ножей (рис. 45). Все они — с остатками деревянных обтянутых кожей ножен на лезвиях и деревянных рукоятей на черенках (в виде коричневого ржавого тлена). По функциональному назначению (весьма условно) ножи делятся на три вида.

К первому, самому распространенному, относятся ножи длиной 12—14 см. У них прямые спинки, острые концы и выступы, отделяющие черенок от лезвия. Одни из них снабжены дополнительным напускным хомутом у основания рукояти для лучшего закрепления ее на черенке. Другие — без хомутка. Ножи этого размера мы считаем хозяйственными, хотя они могли использоваться и на войне и на охоте.

Второй вид ножей — по форме аналогичный первому, но, как правило, без хомутка, отличается от него размерами. Длина их довольно стандартна — 16—17 см. Это ножи-кинжалы или боевые ножи. Встречаются они значительно реже первых. К этому же виду относится коленчатый нож, длиной около 25 см (катакомба 143).

Третий вид — ножики длиной не более 10 см. По форме они не отличаются от остальных и нередко попадают в могилах в одном экземпляре. В таких случаях, видимо, это были обычные рабочие ножики. Однако именно такие ножи объединялись общей «обоймой» в наборы, составленные, как говорилось, из двух, трех и даже четырех ножинок (*Миносян Р. С.*, 1980. С. 72). Такие наборные ножики, очевидно, были боевыми. Их бросали в цель как дротики или томагавки на сравнительно небольшое расстояние. При удачном попадании в глаза в два броска враг мог быть ослеплен, т. е. обезврежен.

Ножны были сделаны из тонких дощечек и обтянуты кожей. Иногда они дополнительно закреплялись и украшались серебряными оковками на конце, у рукояти, на середине длины. Рукояти — легкие, деревянные, в редких случаях их покрывали листом серебра (катакомба 23) или же делали костяными. В последнем случае кость насаживали не непосредственно на железный стержень, а на его деревянную обкладку и затем закрепляли гвоздиком или хомутом.

Другой столь же распространенной категорией находок являются мотыжки. Они встречены в 63 катакомбах и одном ямном погребении, в катакомбах 62, 74, 81, 92, 101, 106, 108, 110, 119, 124, 134 было обнаружено по две мотыжки, а в катакомбе 174 — три. Таким образом, всего найдено 77 мотыжек. Орудие это очень широко распространено в степных ранне-средневековых древностях. Это железная «кельтовидная» лопаточка с прямым краем и незамкнутой втулкой. Насаживалась она на Г-образную

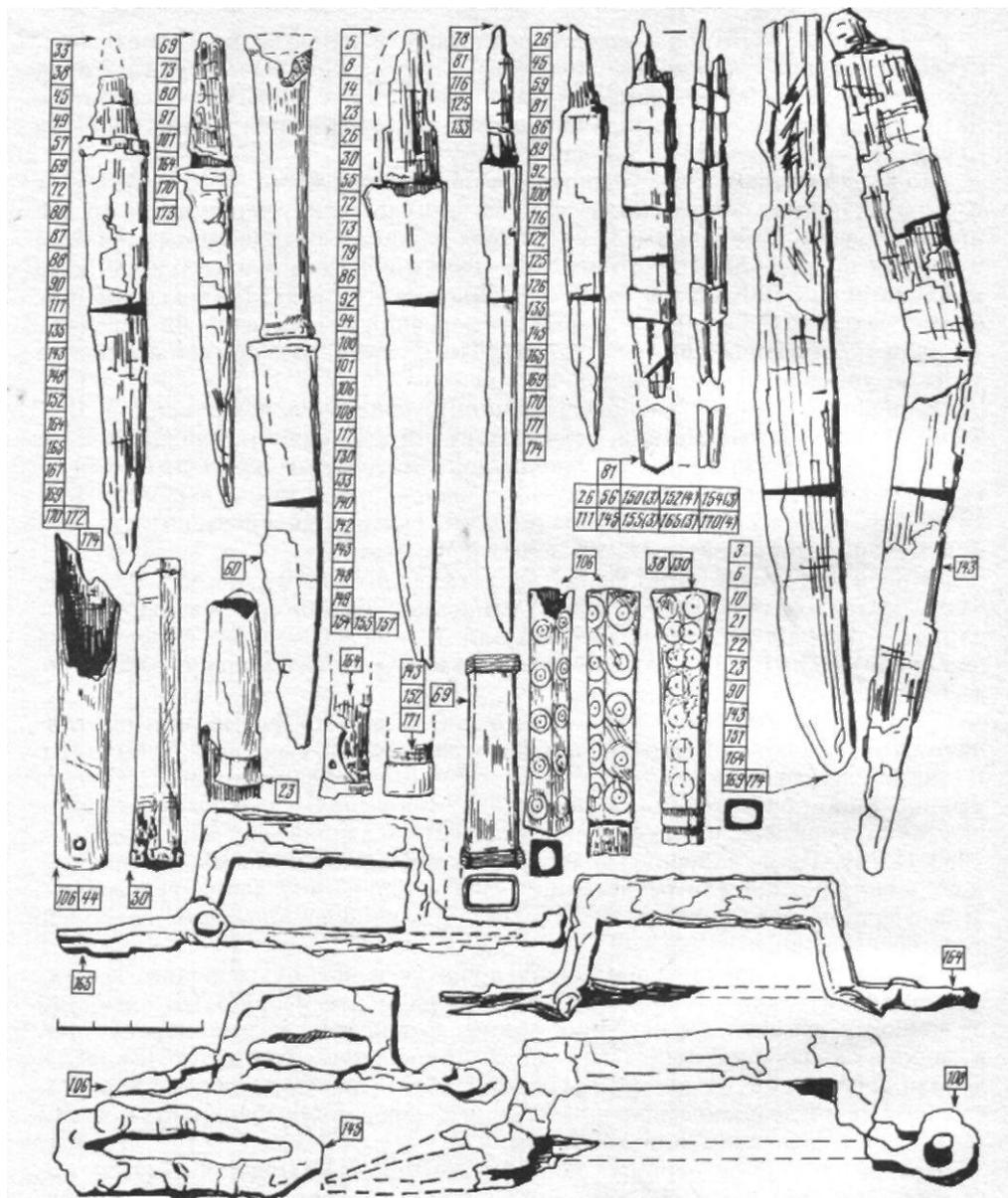

Рис. 45. Железные ножи, костяные рукояти ножей (катакомбы 30, 38, 44, 69, 106, 130), серебряная оковка рукояти (катакомба 23), серебряные оковки нижнего конца ножен (катакомбы 143, 152, 164, 171), железные кресала (катакомбы 106, 108, 145, 164, 165)

рукоять и использовалась в основном в земляных работах. Мотыжками выдалбливали в твердом материке полуземлянки, хозяйственные ямы и катакомбы, на стенках которых хорошо прослеживались следы от работы этим орудием. По-видимому, в катакомбу, как правило, попадала мотыжка, которая использовалась при сооружении данного погребального комплекса. Этим и объясняется частота нахождения данных орудий в погребальных камерах.

По размерам, пропорциям (длины и ширины рабочей части), наличию или отсутствию плечиков 46 Дмитриевских мотыжек разделено на девять типов (рис. 46). Однако в целом материал этот очень однообразен и небольшая разница, выявленная при типологии, говорит только о том, что орудия изготовлялись на поселении несколькими кузнецами.

Кресала встречены всего в пяти катакомбах (рис. 45). Все они принадлежат к очень сложному по конструкции типу кресал-«щипцов», или «фибул». Какой цели служило такое затейливое устройство этого очень простого по применению орудия — неясно. У волжских болгар эти кресала в течение долгого времени находили довольно широкий спрос (*Генинг В. Ф., Халиков Л. Х.*, 1964. С. 44. Табл. X; *Халикова Е. А., Казаков Е. Я.*, 1977. С. 72—92. Табл. XXXVIII). Они исчезли там из употребления только в первые десятилетия X в.

Другой тип кресал представлен всего одним экземпляром (катакомба 145). Оно обычной овальной формы (рис. 45). Такие кресала были особенно распространены в более позднее время (в XII—XIII вв.). Данная находка свидетельствует о том, что появились они много раньше.

Частой находкой на поселении были обломки точильных камешков. В могилах они встречаются редко — всего три раза (рис. 46). Форма их нестандартна, но на всех отверстие для продевания ремешка, прикреплявшегося, очевидно, к поясу.

Восемь обнаруженных в катакомбах ножниц принадлежат к одному виду — пружинных или «овечьих» (рис. 47). По размеру их можно разделить на два типа: 1-й — большие, длиной 25—26 см, с лезвиями 10—12 см; 2-й — меньшего размера, длиной 19—21 см, с лезвиями не более 9 см.

Очень редко попадают в катакомбах при женских погребениях пряслица (рис. 47). Все они сделаны из стенок керамических сосудов (амфор и лошенных). Следует сказать, что некоторые из них так малы и легки, что, возможно, не были пряслицами. Это скорее всего керамические пуговицы. Однако о пяти из девяти найденных керамических кружочков с отверстием в центре все-таки можно уверенно говорить, что они служили пряслицами (катакомбы 8, 11, 19, 109, 154).

В катакомбе 79 было обнаружено довольно массивное сильно проржавевшее шило с остатками на нем деревянной рукояти и футляра. Конец его обломан, предполагаемая длина не менее 6 см. Таким шилом пользовались при сшивании древесной коры или толстой твердой кожи.

Дополнением каких-то бытовых предметов являются полые костяные трубочки (катакомбы 44, 79). Они не были рукоятями ножей, так как поверхность внутри у них так же хорошо отшлифована, как и снаружи (рис. 47). Скорее всего трубочки использовались в качестве футляриков для небольших шилец, иголок и других мелких и тонких предметов.

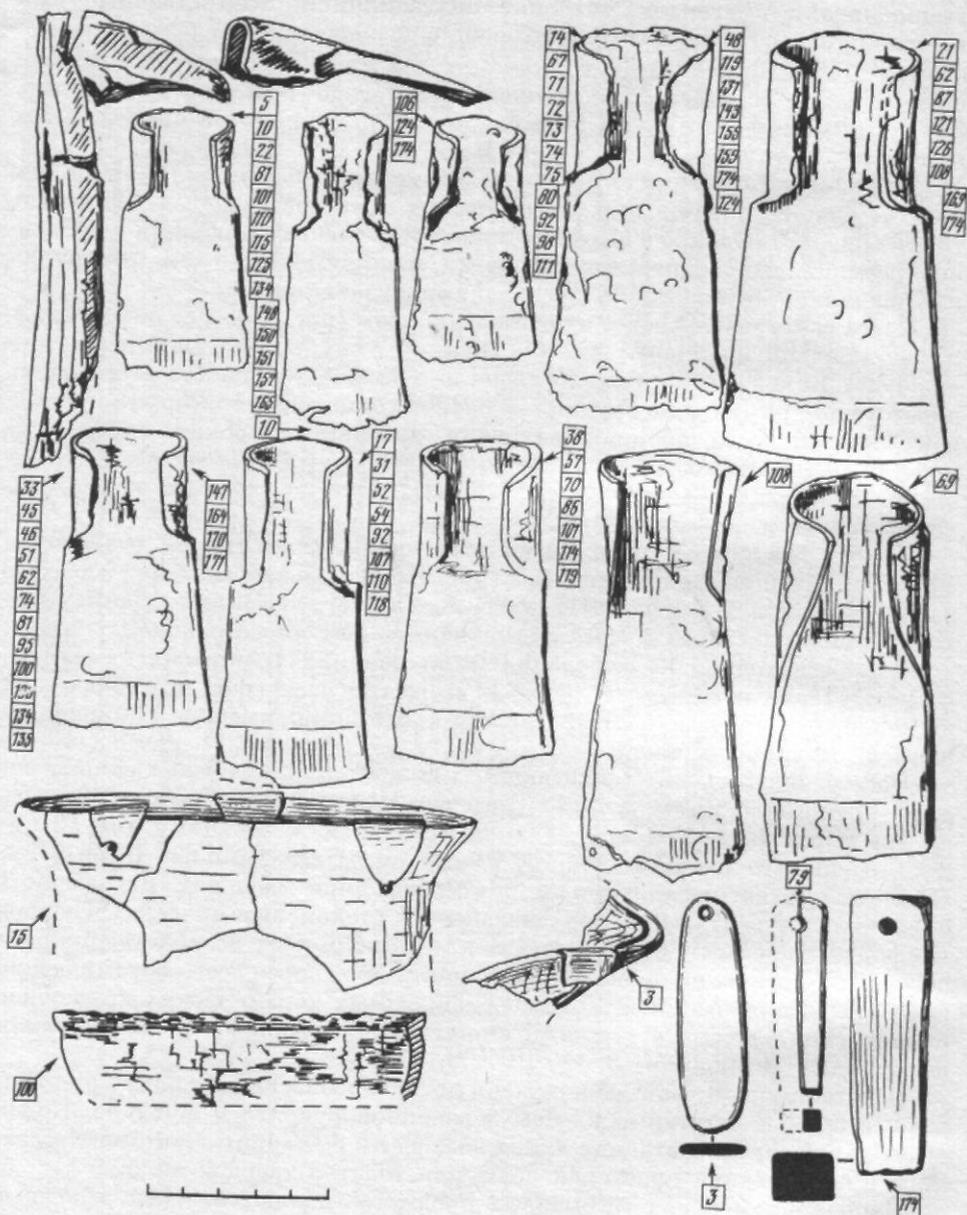

Рис. 46. Железные мотыжки, остатки коленчатой деревянной рукояти от мотыжки из катакомбы 5, остатки деревянных сосудов (катакомбы 3, 15, 100), каменные точила (катакомбы 3, 79, 174)

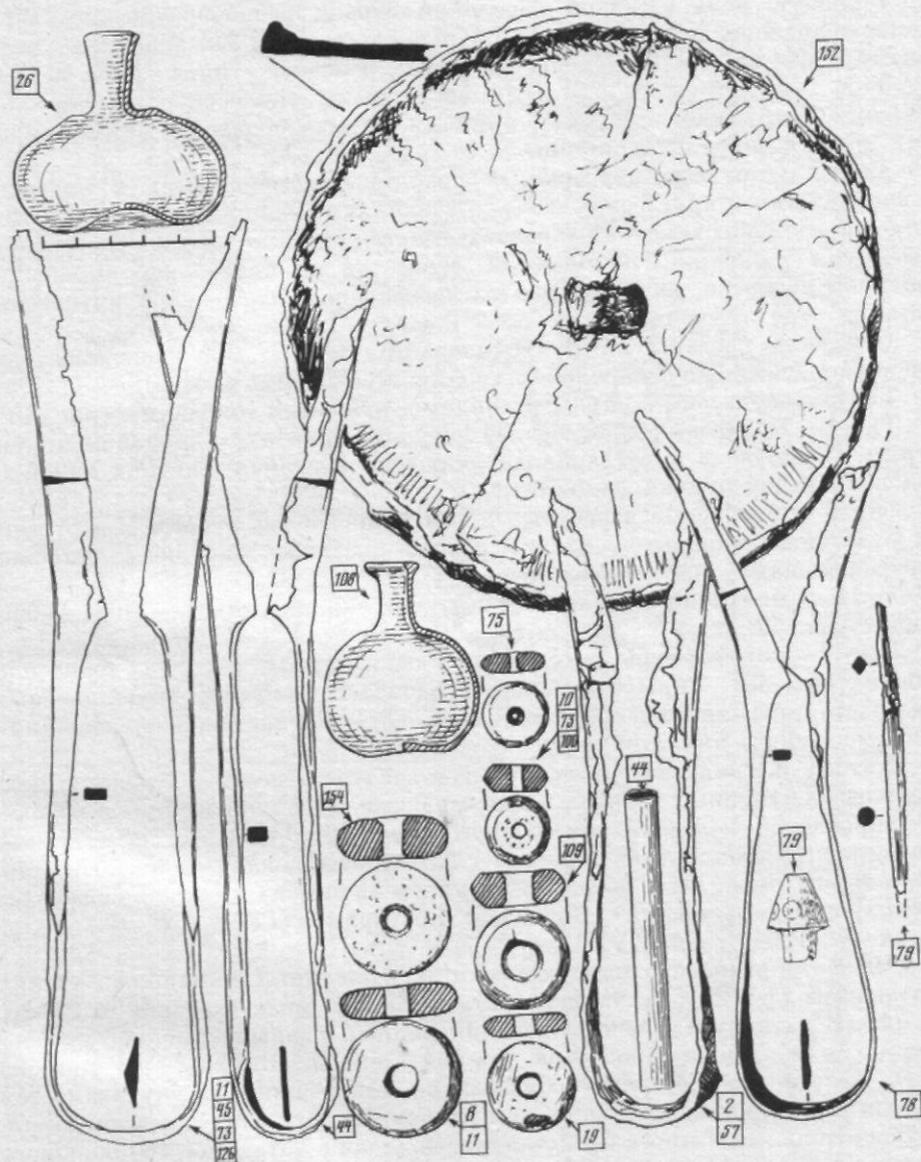

Рис. 47. Железные ножницы, глиняные пряслица, костяной игольник (катакомба 44), костяная фигурная трубочка (катакомба 79), железное шило (катакомба 79), железное зеркало (катакомба 152), стеклянные флаконы (катакомбы 26, 108)

АМУЛЕТЫ

Большую роль в жизни населения играли разнообразные амулеты, сопровождавшие людей при жизни и после смерти. По значению, материалу и форме они разделены на десять основных типов (рис. 48, 49).

Тип 1 представлен круглыми бронзовыми «колесообразными» подвесками с четырьмя или семью спицами. В двух подвесках спицы имеют вид крутых спиралей (рис. 48).

Тип 2 - круглые подвески «с соколиными головками» и подвески с вписанными в круг грифонами со всадниками (рис. 48). Фигуры всадников предельно схематичны: голова — петля амулета, широко расставленные руки — окружность подвески. Несмотря на предельное упрощение фигурки человека, на бедре одного из грифонов изображена интересная деталь — трехзубое тавро.

Оба типа названы нами «солнечными» амулетами, поскольку они, очевидно, связаны с солнечной символикой (*Плетнева С. А.*, 1967. С. 175).

Тип 3 — подвески с парными, видимо, птичьими головками (рис. 48).

Тип 4 — бронзовые барельефные фигурки животных — коней и хищной птицы. Сюда же в виде варианта включена костяная фигурка какой-то водоплавающей птички (рис. 48).

Тип 5 — бронзовые изогнутые когти хищного животного. В этот тип, но отдельным вариантом входит резная костяная фигурка, возможно, изображающая фаллос (рис. 48).

Тип 6 — мелкие просверленные косточки лап животных — лисы, бобра, зайца (рис. 49).

Тип 7 — когти и зубы, в основном клыки лисы и иногда — волка или собаки (рис. 49). Типы 6 и 7, как и бронзовые изображения животных и их частей, играли роль оберегов, входя составной частью в ожерелья или поясные наборы амулетов и бус.

К этому же виду костяных оберегов следует отнести и сложную подвеску из соединенных бронзовыми штырьками рыбьих позвонков и небольшой бронзовой колесовидной фигуры (рис. 49, катакомба 170). Какое значение придавалось этой подвеске и что она изображала, неясно. Видимо, все-таки она также была оберегом. Амулеты из рыбьих позвонков известны в синхронных древностях Волжской Болгарии (*Генинг В. Ф.*, *Халиков А. Х.*, 1964. Табл. XVIII).

Тип 8 — разнообразные подвески из различных камешков: янтаря (катакомбы 11 и 26), песчаника (катакомба 26), мела (катакомбы 22, 26, 73, 74). В катакомбе 8 обнаружен яйцевидный ровный камешек, крестообразно охваченный бронзовой тонкой лентой. Камень, по мнению В. И. Цалкина, естественное образование, извлеченное из внутренностей лошади или коровы. Возможно, камень служил амулетом-оберегом скота.

Значительный интерес представляет находка в катакомбе 154 большого гагатового кольца (диаметр 6 см) с отверстием диаметром 2,5 см. С внешней стороны кольцо тщательно отшлифовано, с плавными гранями, а с внутренней оно ровное и плоское. Толщина его 0,5 см (рис. 50, 3). Кольцо также играло роль амулета или иного votивного предмета, употреблявшегося при гаданиях, врачевании, заговорах и пр.

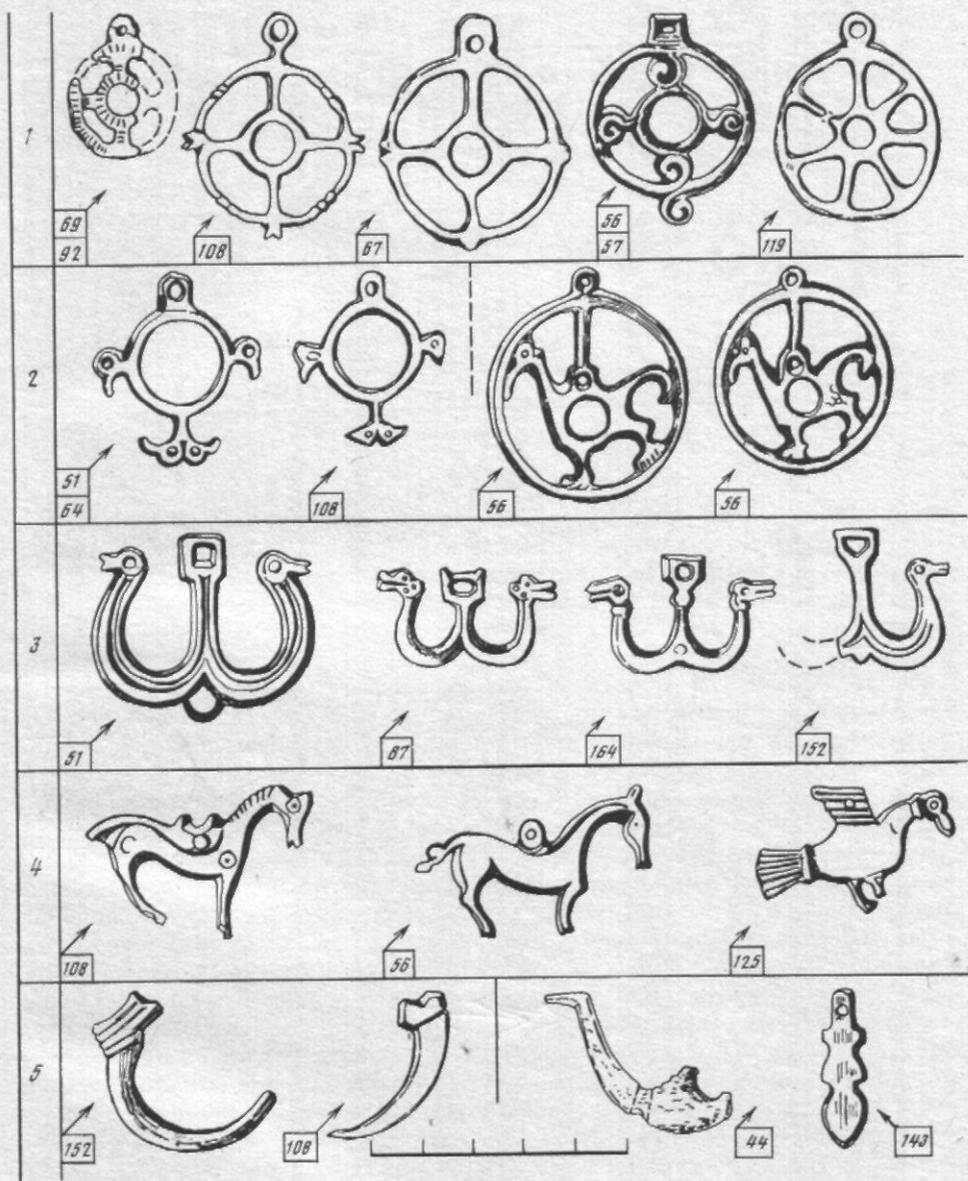

Рис. 48. Бронзовые амулеты (типы 1—5). Костяная птичка и антропоморфная фигурка (катакомбы 44, 143).

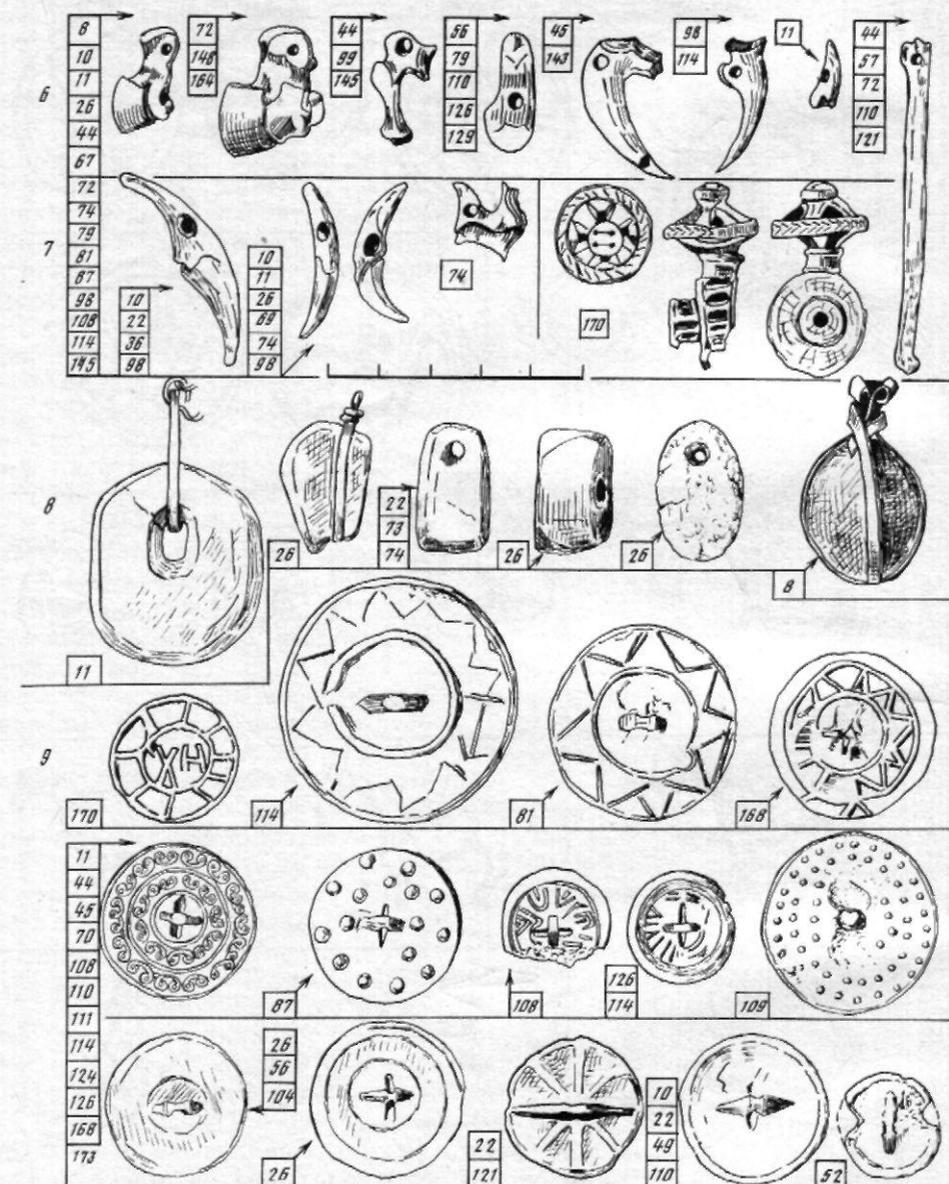

Рис. 49. Амулеты из костей животных (типы 6, 7), из камня (тип 8), бронзовые маленькие зеркала-амулеты (тип 9).

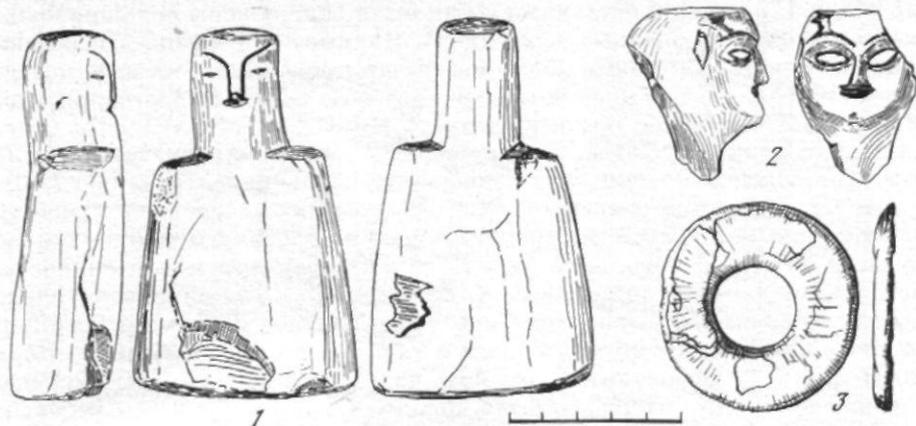

Рис. 50. Амулеты

1 — фигурка мужчины из воска; 2 — женская головка из воска; 3 — гагатовой кольцо

К типу 9 мы отнесли маленькие зеркальца (рис. 49). В специальной археологической литературе их обыкновенно называют «детскими». Однако попадают они, как правило, не в детских, а, как и все остальные амулеты, в женских погребениях. Рассмотреть в этих зеркалах (диаметр 2—3,5 см) свое отражение невозможно, тем более что и шлифовка поверхности у них очень небрежная. Только два из 32 зеркалец могли служить и в качестве настоящих зеркал (катакомбы 81, 114). Интересно, что и орнамент на обратной стороне этих двух экземпляров аналогичен орнаменту, изображенному на большинстве настоящих зеркал: concentрические круги и зигзаг.

Наиболее типичным орнаментом на зеркальцах-амулетах являются concentрические; круги и парные сливающиеся друг с другом завитки (12 экз.). Другой вариант зеркалец (11 экз.) характеризуется неорнаментированной (со слабо выраженным бортиком, тяжами и пр.) оборотной стороной. Третий вариант представлен всего тремя экземплярами очень маленькими (диаметр 2 см) с орнаментом в виде каких-то «руновидных» повторяющихся знаков. Разобрать, что это за знаки, трудно, так как они небрежно отлиты и сильно стертые. Остальные варианты орнаментов единичны. Особый интерес представляет зеркальце с двумя греческими буквами в центральном кружке — X и H (катакомба 170). Использование греческих букв в качестве тамг было широко распространено в Хазарском каганате — они прочерчивались на амфорах, изображались на гончарных клеймах (Щербак Л. М., 1959. С. 306, 367. Табл. XVII-XX; Плетнева С. А., 1959. С. 259. Рис. 44).

Тип 10 — обычные железные ботала тех же типов, которые были обнаружены в конской срубе катакомбы 106 (рис. 43). Они прикреплялись к поясу умерших. Возможно, ботала приобретали сакральное значение не только благодаря значительному шуму, производимому ими, но и по принадлежности их «посвященным» животным, так называемым изыхам (Плетнева С. А., 1967. С. 174). Интересно, что в дромосах ката-

комб 20 и 173 рядом с останками собак были обнаружены большие бронзовые бубенчики (у шейных позвонков). Видимо, при жизни эти собаки также были изыхами. Таким образом, обычай привязывать на шею посвященного животного звенящие крупные предметы получает благодаря этой находке дополнительное подтверждение.

Рядом с одним из детских разрушенных погребений (катакомба 65) были обнаружены остатки двух небольших идольчиков (рис. 50, /, 2), вырезанных из местного мягкого мела. Один из них изображает мужчину в шапке с плоской тульей и с трапециевидным туловом (мужчина как бы закутан в бурку). Черты лица передают некоторую его монголоидность: глаза узкие, немного раскосые. От второго идола сохранилась только головка, по-видимому, женская. Лицо у нее круглое с прямым носиком, большими глазами под дугами бровей и глубоко прорезанным ртом. Верх головы плоский. Вероятно, на головку надевалась матерчатая шапочка. Не исключено, что оба идола были просто куклами умершего ребенка: провести грань между обычной игрушкой и магической фигуркой-оберегом не представляется возможным.

ПРЕДМЕТЫ ТУАЛЕТА

К этой группе относятся прежде всего зеркала, коноушки и ногте-чистки, затем — туалетные ложечки, пинцетики, кисточки, маленькие туалетные ножницы, различные бронзовые коробочки, предназначенные для хранения благовоний.

Бронзовые круглые литые зеркала по величине разделены на два вида, а по орнаменту на оборотной стороне — на типы.

К первому виду относятся зеркала, диаметр которых не превышает 6 — 7 см.

Тип 1 — зеркала, украшенные концентрическими выпуклыми кругами (рис. 51). Количество кругов позволяет делить их на варианты. К первому относится зеркало с двумя кругами (катакомба 171), ко второму — с тремя (катакомбы 86, 87, 154).

Тип 2 зеркала с концентрическими кругами и зигзагами. Вариабельность этого типа зеркал очень значительна (рис. 51), но весьма существен тот факт, что три варианта зеркал встречаются в катакомбах сравнительно часто (4—6 раз) и, что особенно важно, отлит каждый из вариантов зеркал в катакомбах 19, 26, 79, 126 и 152, 153, 154, 164 по одному образцу (и даже в одной литейной форме). В орнаментацию вариантов, представленных зеркалами из катакомб 6 и 114, помимо круга и зигзага, включены дополнительные элементы: диаметральные выпуклые валики и круглые «жемчужевидные» шарики, расположенные также по концентрической окружности.

Тип 3 — с орнаментом, состоящим из сочетания концентрических кругов и четырех-пяти, иногда очень неровных (катакомба 74) сегментов (рис. 52).

Тип 4 представлен шестью зеркалами (рис. 52), в орнаменту которых входит волна (девятилучевая розетка), диаметральные тонкие валики, «жемчужники», сочетающиеся с концентрическими кругами или же просто расположенные по двум концентрическим окружностям (катакомба 119).

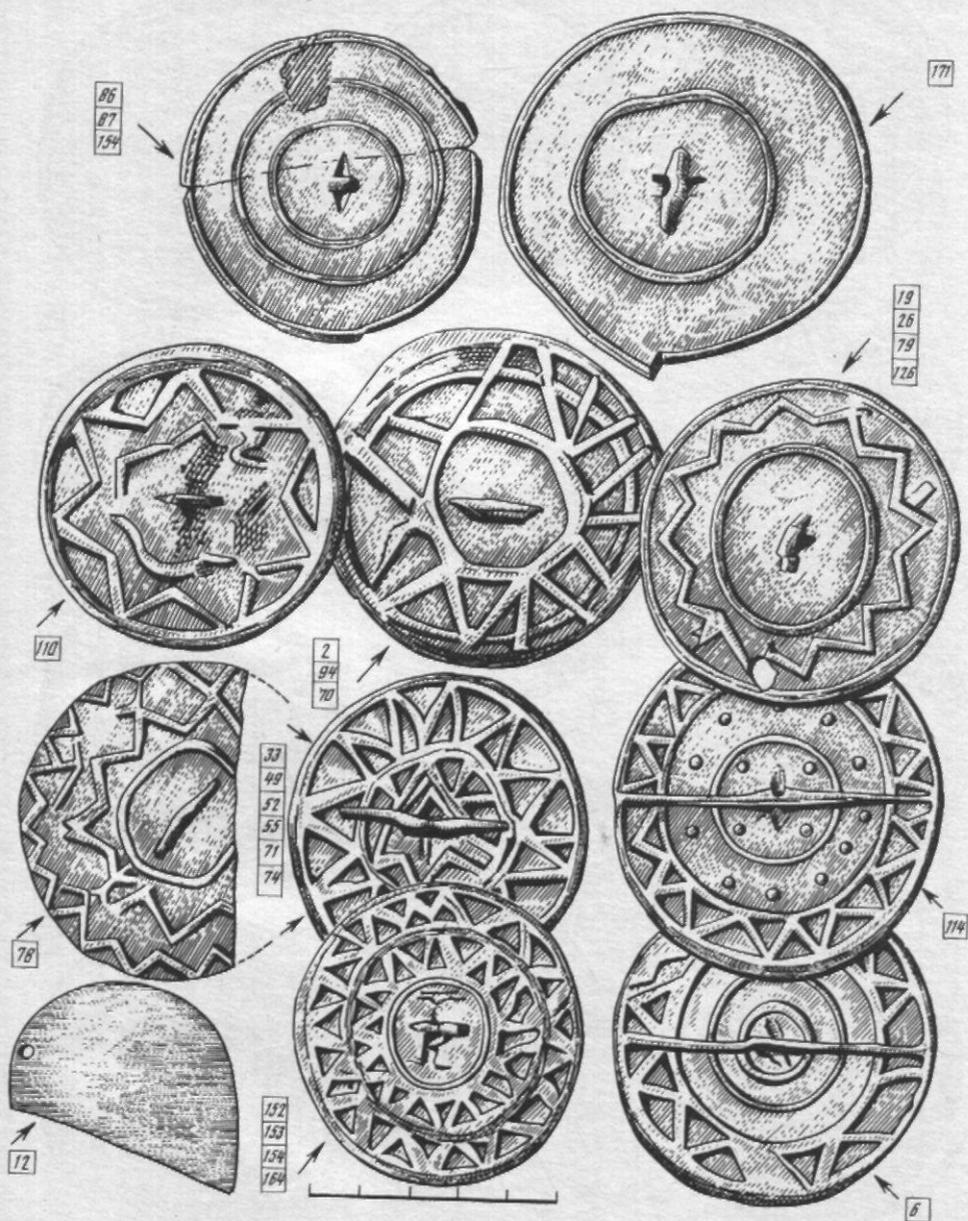

Рис. 51. Бронзовые зеркала I вида

Тип 1 (катакомбы 86, 87, 154, 171), тип 2 (катакомбы 2, 6, 12, 19, 26, 33, 49, 52, 55, 70, 71, 74, 78, 79, 94, 110, 114, 126, 152, 153, 154, 164)

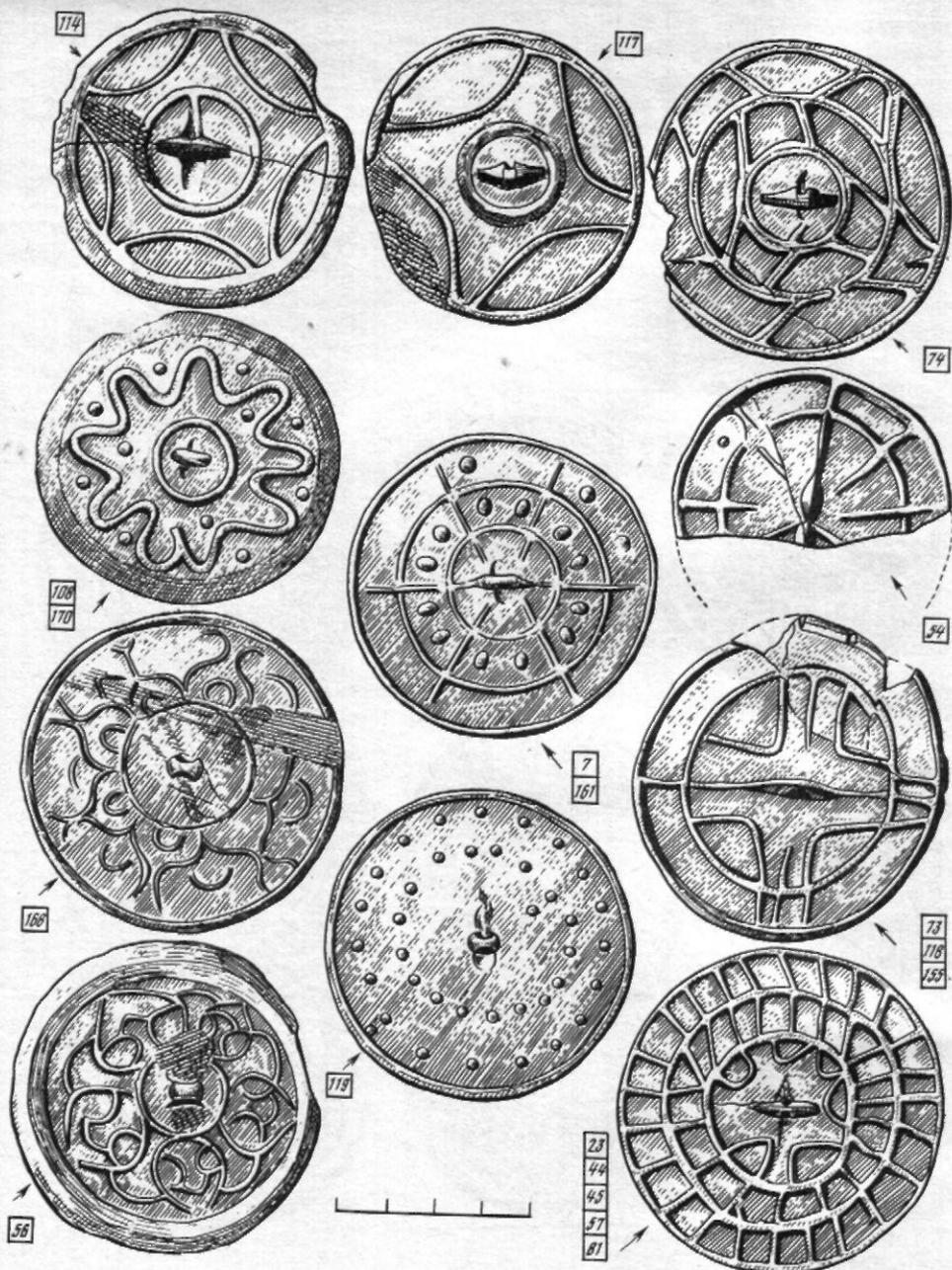

Рис. 52. Бронзовые зеркала I вида

Тип 3 (катакомбы 14, 74, 117), тип 4 (катакомбы 7, 54, 108, 119, 161, 170); тип 5 (катакомбы 56, 168), тип 6 (катакомбы 73, 118, 155); тип 7 (катакомбы 23, 44, 45, 57, 81)

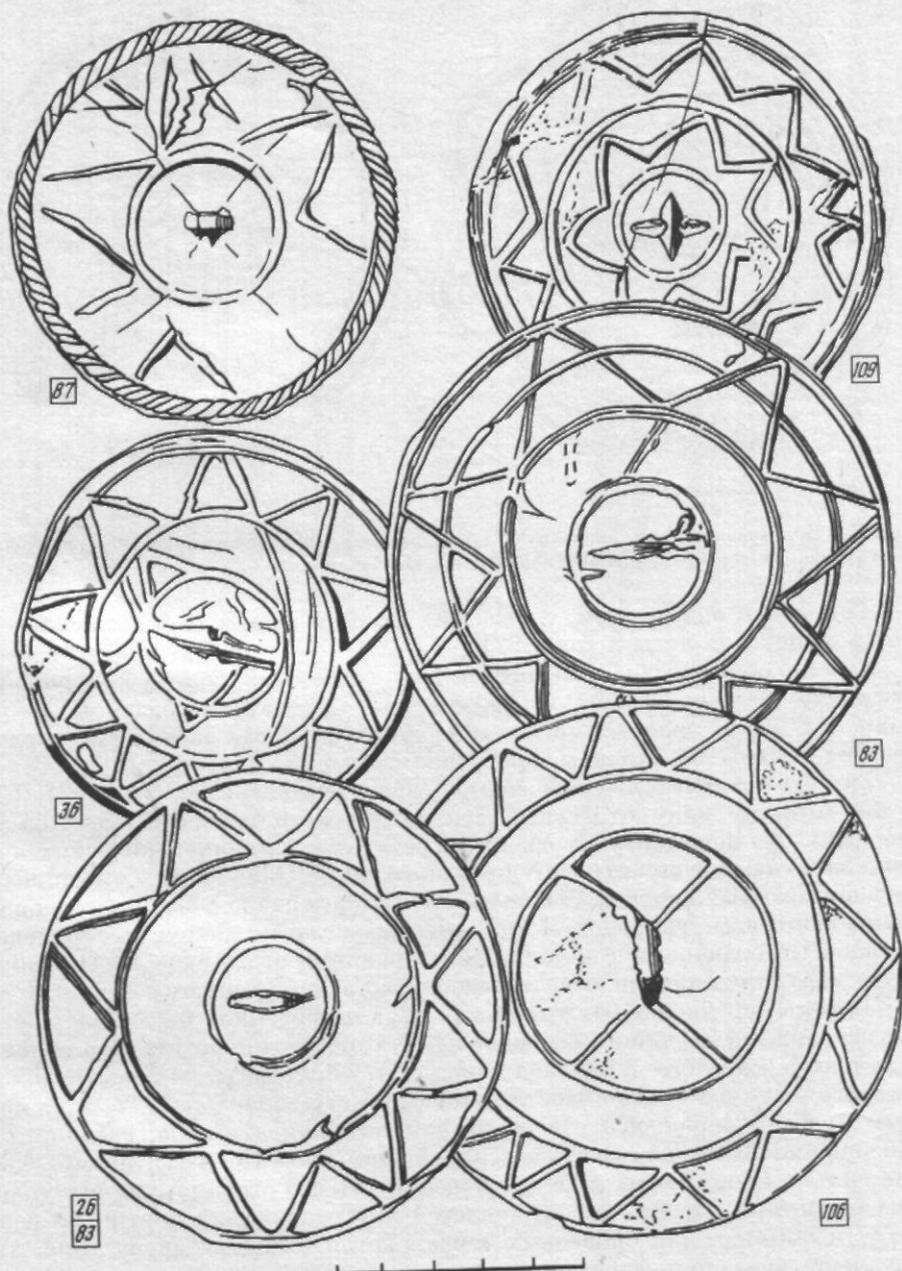

Рис. 53. Бронзовые зеркала II вида

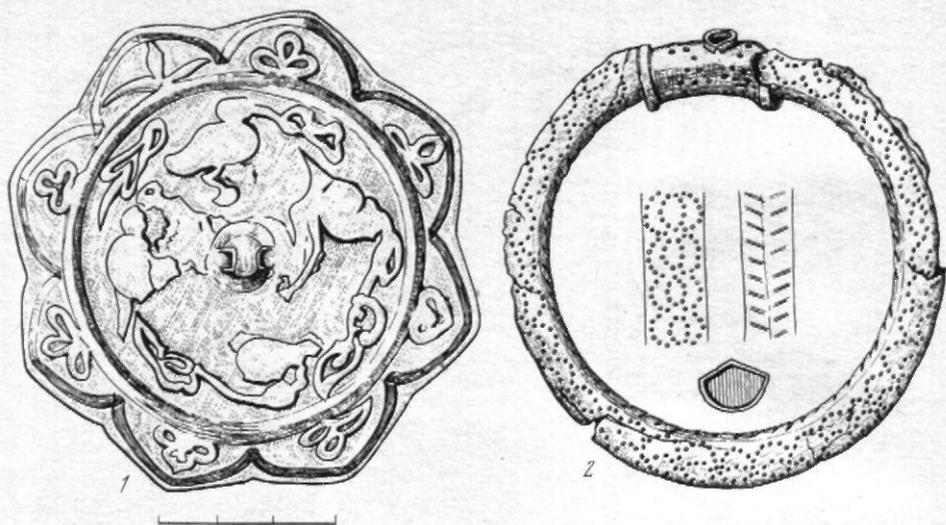

Рис. 54. Бронзовое танское зеркало VIII в. (катакомба 11), деревянный обтянутый орнаментированной серебряной пластиной браслет (катакомба 79)

Тип 5 — с орнаментом, состоящим из пяти—семи расположенных по кругу лепестков лотоса (рис. 52).

Тип 6 с орнаментальной композицией, состоящей из двух concentрических кругов и вписанной во внутренний круг крестообразной фигуры (рис. 52). Таких зеркал в могильнике обнаружено три экземпляра, причем все они отлиты по близким, но разным моделям.

Тип 7 — отлитые в одной форме «ячеистые» зеркала (рис. 52).

Ко второму виду отнесены зеркала, диаметр которых 7,5—10,5 см (рис. 53). По орнаменту на обороте, состоящем из concentрических кругов и зигзагов, все они относятся к одному типу. Одно из них можно выделить в отдельный вариант (катакомба 87). Это зеркало с выпуклым ложновитым бортиком, украшенное небрежным зигзагом вокруг центрального кружка. По сравнению с остальными зеркалами этого вида оно выглядит более «архаичным» или отлитым неопытным литейщиком.

Помимо перечисленных типов зеркал, в погребениях было обнаружено три зеркала, не входящих в предложенную нами типологию. Это обломок маленького круглого зеркальца (рис. 51), обратная и лицевая стороны которого были одинаково блестящими. Диаметр зеркальца 4,7 см, у края было пробито небольшое отверстие для подвешивания (погребение 12). Совершенно необычно железное зеркало диаметром 18 см (катакомба 152). Оно сильно проржавело, лицевая поверхность его стала слегка выпуклой, а на оборотной хорошо прослеживается двуступенчатый бортик по периметру и обычная для бронзовых зеркал петля в центре диска (рис. 47). Аналогий железному зеркалу в салтовских древностях не известно.

Особый интерес представляет зеркало из катакомбы 11. Оно отлито из превосходной серебристой бронзы, по форме восьмилопастное с круглой шишкой-петлей в центре (рис. 54). В орнаменте — птицы и цветочные

Рис. 55. Предметы туалета

Бронзовые копоушки (1—4); костяная копоушка (катакомба 143); бронзовая ногтечистка (катакомба 11); бронзовый туалетный набор из копоушки и ногтечистки (катакомбы 79, 115); такие же железные наборы (катакомбы 143, 169); туалетные бронзовые ложечки (катакомба 154); бронзовые пинцеты (катакомбы 81, 98, 95); бронзовые трубчатые ручки от туалетных кисточек (катакомбы 3, 11, 56, 71, 72, 83, 87, 107, 114); железные ножницы (катакомбы 92, 95); различные типы туалетных коробочек для ношения благовоний (катакомбы 11, 54, 108, 125, 150, 152, 154)

побеги. Аналогия ему хранится в Минусинском музее и издана Е. И. Лубо-Лесниченко (*Лубо-Лесниченко Е. //.*, 1975. С. 55. Рис. 28). Датируется оно периодом Тан — VIII IX вв.

Копоушки делятся на четыре типа (рис 55).

Тип 1 — простые коромыслообразные с выемкой на середине длины для завязывания ремешка. К этому типу относится и большая костяная копоушка, абсолютно повторяющая форму бронзовых (катакомба 143).

Тип 2 — коромыслообразные с выделенной петлей на середине длины.

Тип 3 — с ручкой в виде овальной прорезной лопаточки. Прорези и углубления создают сложный растительно-геометрический узор. Лопаточка-ручка у копоушки из катакомбы 83 соединена с основной частью шарниром.

Тип 4 — копоушка с различными, простейшими геометрическими ручьями (иногда просто колечком).

Нередко на одном колечке с копоушкой была надета и идентичная ей по форме ногтечистка (катакомбы 11, 79, 115).

подавляющее большинство коноушек и ногтечисток — бронзовые. Однако встречаются и железные, тонко выкованные из железных прутьев (катакомбы 143, 169). Сохранность их, как правило, очень плохая (рис. 55, катакомбы 143, 169).

Иногда в погребениях попадаются тщательно сделанные из тонкой листовой бронзы трубочки — ручки от кисточек, предназначенных, видимо, для сурмления бровей.

Бронзовые пинцетики (иногда с подвижным хомутиком) также являлись туалетной принадлежностью женщин (катакомбы 81, 95, 98).

Очень редкой находкой в салтовских древностях являются бронзовые туалетные ложечки с дырками (типа дуршлячков). В Дмитриевском могильнике две такие ложечки найдены в катакомбе 154.

В двух катакомбах обнаружены были маленькие явно туалетные железные ножницы, относящиеся к виду пружинных (катакомбы 92, 95).

К этой же группе инвентаря относятся маленькие бронзовые коробочки различных типов, служившие, видимо, для хранения благовоний. Носили их на груди или на поясе. Одна — простая плоская круглая (катакомба 54), вторая — в виде бронзового кошелька из двух штампованных половинок с изображением львов (катакомба 154), две — «бубенчикообразные», из двух литых граненых половинок (катакомбы 11, 150), наконец, три «самоварчика» — подвески-коробочки из двух половинок, стянутых тонким ремешком (катакомбы 108, 125, 152).

Очевидно, резервуаром для благовоний были и стеклянные шаропидно-сплюсненные с вогнутым внутрь дном и узким высоким горлышком флакончики (рис. 47). Они найдены на могильнике дважды (катакомбы 26 и 108), а в катакомбе 51 найдено отбитое горлышко от такого сосуда, превращенное, видимо, в своеобразную подвеску-бусинку. Обломки аналогичных сосудиков — частая находка в средневековых слоях (VIII—IX вв.) крымских и таманских городищ (*Сорокина Н. //.*, 1963. С. 146 и сл.), отсюда они и были привезены на далекую донецкую окраину.

ПРЕДМЕТЫ ОДЕЖДЫ

Одним из самых распространенных элементов одежды, естественно, являются пуговицы. По способу изготовления, форме и материалу их можно разделить на пять типов (рис. 56).

Тип 1 включает в себя литые тяжелые круглые или конусовидные пуговицы с выделенной большой (иногда больше самой пуговицы) петлей для привешивания.

Тип 2 — штампованные пуговицы, близкие по форме литым, состоящие из двух продольных половинок.

Тип 3 — штампованные пуговицы из двух поперечных половинок. Петелька у них, как правило, проволоочная, вставленная в отверстие одной из половинок и закрепленная в нем путем отгиба.

Тип 4 — литые «коромыслообразные» пуговицы, близкие по форме копоушкам 1-го типа.

Тип 5 — перламутровые крупные неровные диски (до 5 см в диаметре) с отверстием в центре.

По форме и способу закрепления на одежде к этому типу принадлежат и немногочисленные керамические пуговицы, которые могли быть и легкими пряслицами (рис. 48, катакомбы 10, 73, 75, 100).

Чаще, чем даже пуговицы, попадаются в могилах бронзовые бубенчики. По способу изготовления и форме они делятся на четыре основных типа (рис. 57).

К типу 1 относятся литые бубенчики с рифленным продольными полосоми-насечкой или же граненым туловом. В этом типе можно выделить по ряду второстепенных признаков варианты и подварианты (по сплюснутости тулова, величине, способу нанесения рифления и пр.).

Тип 2 отличается от 1-го только отсутствием рифления. Все бубенчики этого типа слегка сплюснуты, небольшие.

Тип 3 — бронзовые штампованные бубенчики разной величины. Они составлены из двух поперечных половинок, иногда немного сплюснуты. На одной — крестообразная прорезь, на вершине другой — отверстие для проволоочной или плоской петли. Половинки соединялись довольно слабым припоем и поэтому в могилах часто встречаются разрозненные половинки. Исключения, конечно, были. Так, в катакомбах 83 и 115 обнаружены были круглые позолоченные бубенчики без прорези и почти без следа припоя. Изредка попадались штампованные крупные бубенчики с орнаментированным туловом (катакомбы 92, 110, 152).

В особый тип 4 отнесены обнаруженные в семи катакомбах оригинальные штампованные, составленные из двух трапециевидных продольных половинок бубенчики, покрытые рельефным «елочным» орнаментом.

Назначение бубенчиков в одежде в основном было весьма утилитарным: большинство их было обычными пуговицами. В отличие от последних эти пуговицы звенели. Кроме того, из бубенчиков составлялись звенящие подвески (рис. 58). Большие бубенчики были принадлежностью конской сбруи. Как правило, их находили вместе с остатками снаряжения коня. Возможно, сохраняли бубенчики и роль своеобразных оберегов-амулетов, отпугивающих своим звоном злых духов от всех отверстий в одежде.

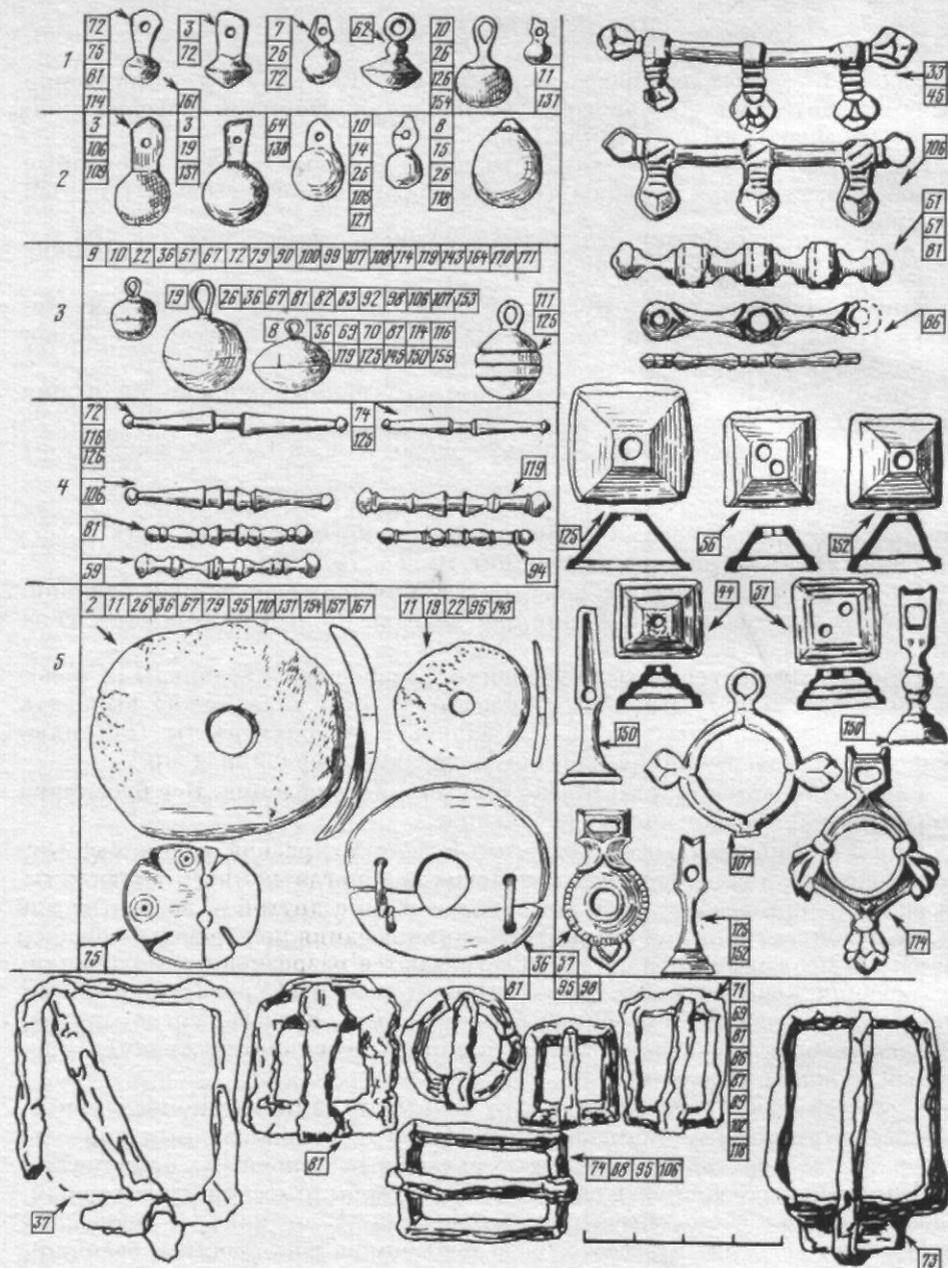

Рис. 56. Предметы одежды

Бронзовые пуговицы (1—4); перламутровые пуговицы (5); бронзовые подвески на пояс: «распределители» (катакомбы 33, 45, 51, 57, 81, 86, 106), «ворварки» (катакомбы 56, 125, 152, 44, 51), «печати» (катакомбы 125, 150, 152), «фигурные кольца» (катакомбы 57, 114), обломок такого же кольца (катакомба 107); железные поясные пряжки (катакомбы 37, 69, 71, 73, 74, 81, 86, 87, 88, 89, 95, 98, 102, 106, 118)

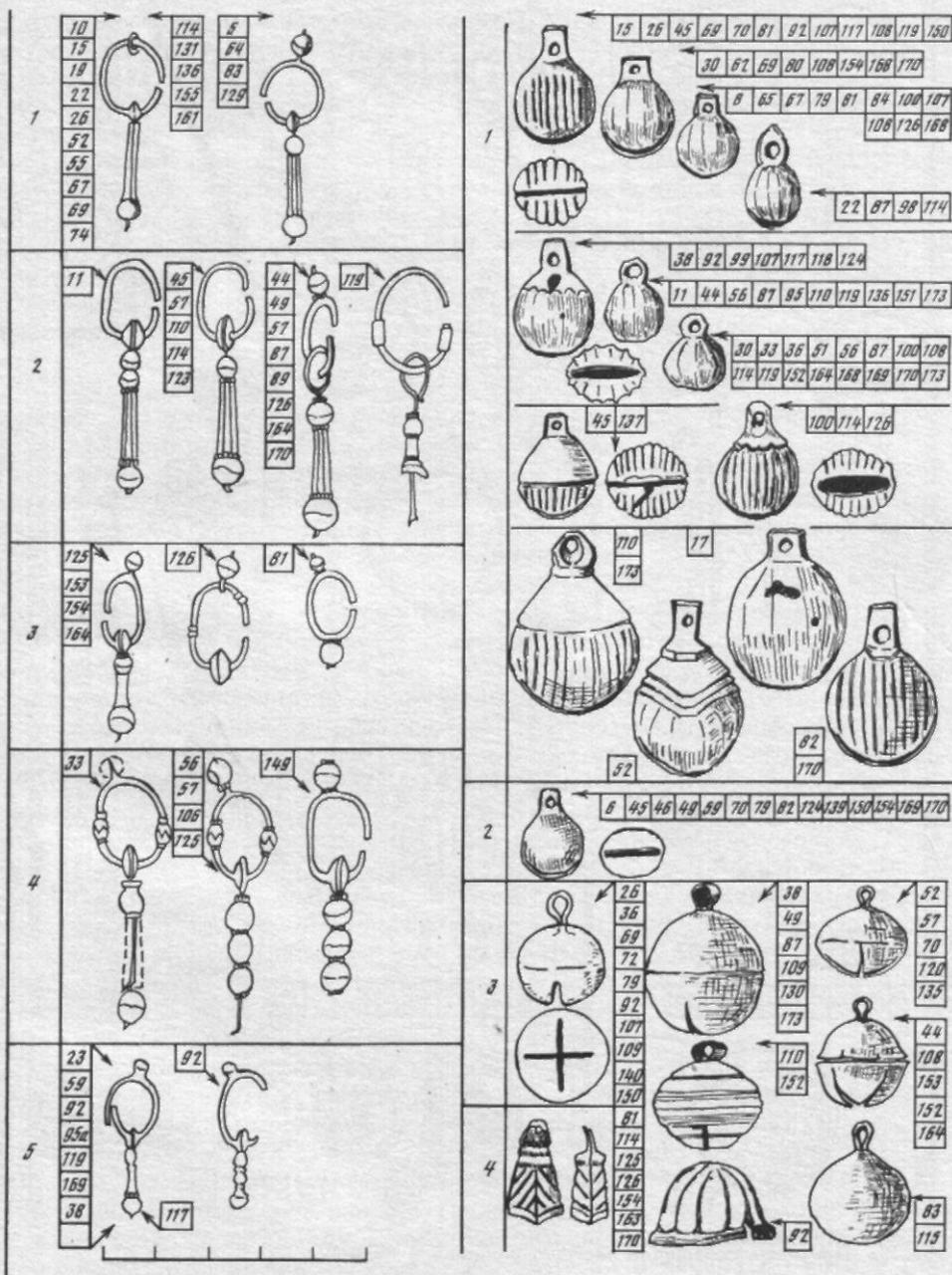

Рис. 57. Золотые, серебряные и бронзовые серьги (1-5). Бронзовые бубенчики (1-4)

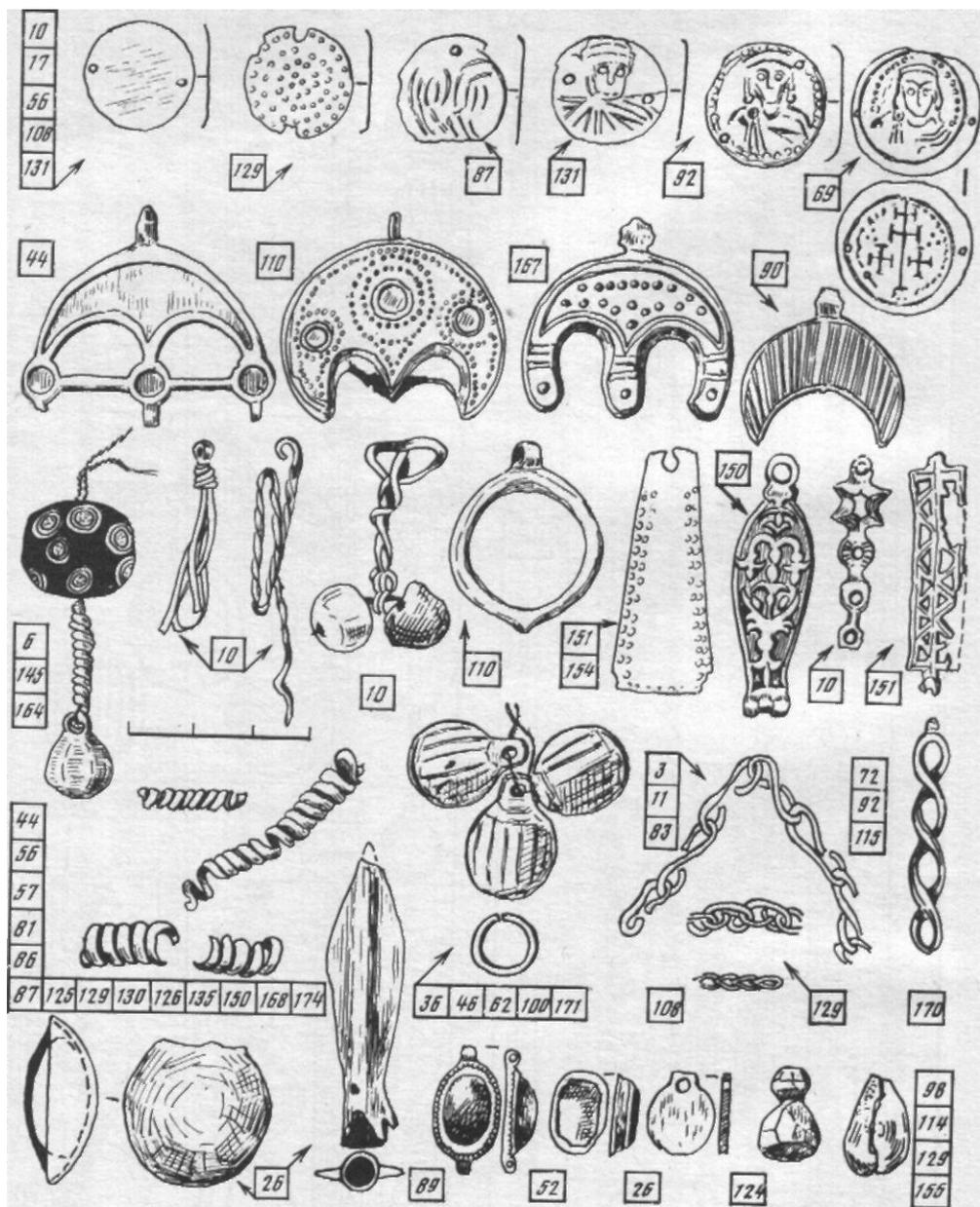

Рис. 58. Предметы украшения одежды: нашивки и подвески

Мы уже говорили о большом значении поясных наборов в costume воинов. Кроме них, в могильнике нередко попадались и пояса, снабженные всего одной пряжкой. Помимо бронзовых пряжек, в погребениях нередко встречались и железные в виде прямоугольной или квадратной рамки с железным язычком, равным длине пряжки (рис. 56).

К поясу обычно подвешивалось довольно много разнообразных предметов, которые объединены в один отдел — подвески на пояс (рис. 56). Их находили около таза, на крестце или у верхней части бедренных костей. Это так называемые распределители (катакомбы 33, 45, 51, 57, 81, 86, 106), ворварки (катакомбы 44, 51, 56, 125, 152), печатки (катакомба 150), сложные «кольца» для подвешивания каких-то предметов (катакомбы 57, 107, 114). Все они хорошо известны и широко распространены в салтовских и синхронных им степных древностях. Подробная классификация их возможна только при привлечении древностей этого отдела со всех памятников.

Характерной, хотя и не частой, находкой в погребениях являются фибулы. По материалу мы разделили их на два вида: бронзовые и железные, по длине приемника — на типы (рис. 59).

Помимо подвесок, прикреплявшихся с той или иной целью к поясу, встречается большое количество разнообразных нагрудных подвесок, подвесок и нашивок на головные уборы и пр. (рис. 58). Классификация их столь же затруднительна, как и поясных подвесок, из-за разнообразия и редкой повторяемости их в разных погребениях.

Более или менее стабильными принадлежностями одежды можно считать круглые, аккуратно вырезанные из листа бронзы нашивки на головной убор. Диаметр их около 2 см, по краю пробито две дырочки для пришивания. В катакомбе 10 пластинка была золотой. Пять из девяти пластинок — гладкие без орнамента, одна покрыта расположенными спиралью выпуклыми точками, одна — плохо оттиснутым геометрическим узором и на двух оттиснуты византийские монеты. Кроме этих оттисков, в катакомбе 69 была обнаружена близкая по рисунку медная позолоченная монета, являющаяся плохим подражением византийскому солиду Тиберия III — 698—705 гг. (определение В. В. Кропоткина). Монета также служила нашивкой, поскольку на ней, как и на остальных круглых пластинках, были пробиты по краю два небольших отверстия (рис. 58).

Помимо круглых нашивок, попадались в могилах нашивки других форм (рис. 58), в частности — трапециевидные длинные, покрытые по краям орнаментом в виде двух рядов выпуклых точек (катакомбы 151, 154). Аналогии им известны в катакомбах Салтовского могильника.

В нескольких погребениях встречены были, подвески-лунницы. Наиболее характерной для салтовского времени является лунница из катакомбы 110, точные аналогии которой обнаружены на Маяцких могильниках (*Милютин А. И.*, 1909. С. 160. Рис. 12; *Флеров В. С.*, 1984. С. 170, 171. Рис. 14). Лунница из катакомбы 44 датируется V в. н. э. (*Фролов И. К.*, 1969), в катакомбу она попала также случайно, как аварские пряжка и наконечник в катакомбу 79. Кроме того, в качестве подвесок нередко использовались случайные предметы: согнутая в несколько витков проволока (катакомба 10), иногда к такой связке прикреплялись бусины (катакомба 10), обломки различных мелких бронзовых вещичек — ногте-

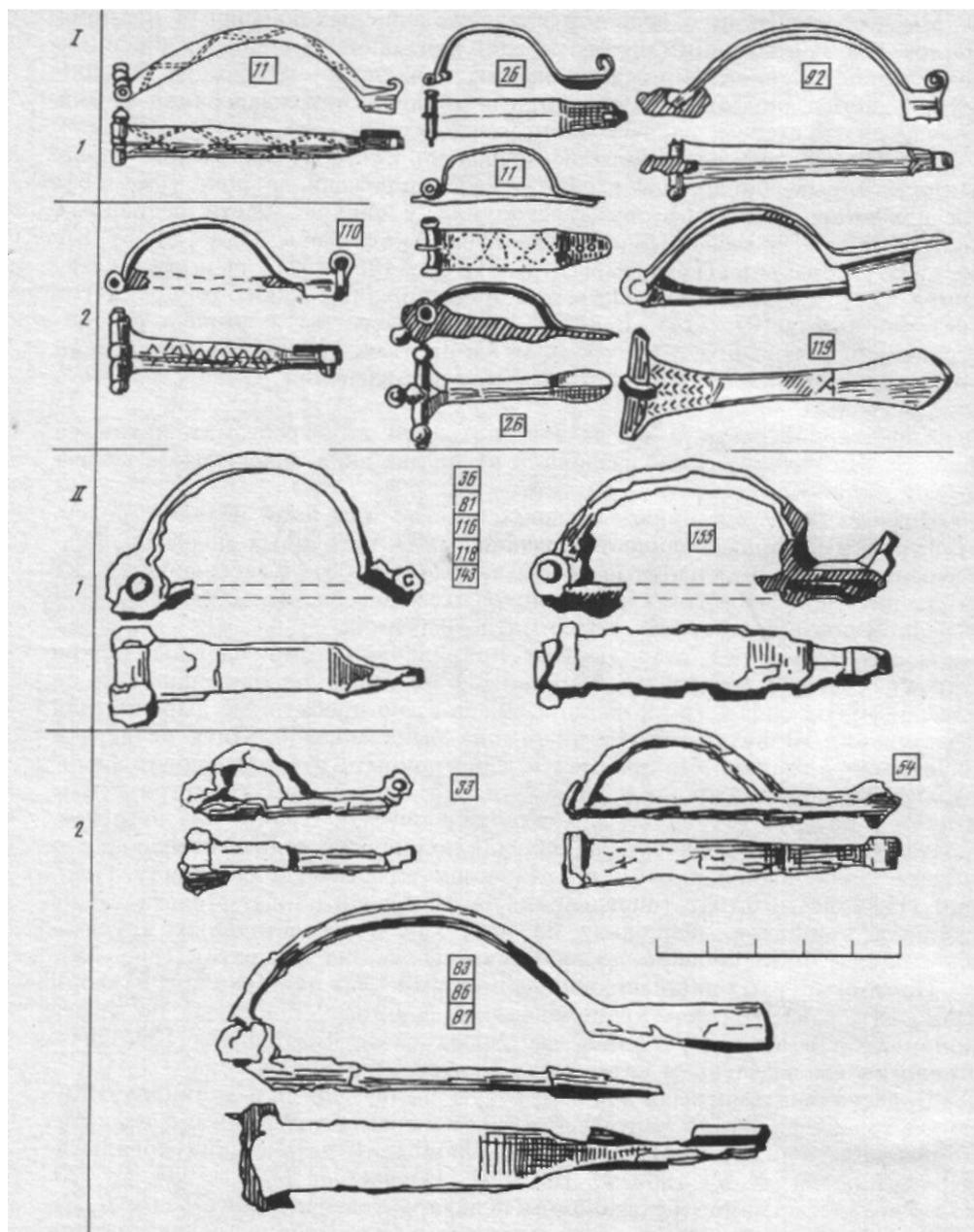

Рис. 59. Бронзовые (вид I) и железные (вид II) фибулы

чисток, копоушек и пр. (катакомбы К), 150, 151, 170), связка бубенчиков, скифские бляшка и стрелка (катакомба 26) и т. д.

Следует добавить, что почти все подвески в равной степени могли служить как дополнительными украшениями костюма, так и амулетами, защищавшими их хозяек от злых чар.

Характерной находкой являются бронзовые пронизки в виде туго свернутых пружинки. Они попадают примерно в каждой пятой катакомбе, составляя иногда гирлянду или же являясь частью более сложной подвески-украшения, в которое, помимо пружинки, входит большая глазчатая бусина и бубенчик. Такие сложные подвески обнаружены трижды — в катакомбах 6, 145, 164 (рис. 58).

УКРАШЕНИЯ

К украшениям относятся серьги, браслеты, перстни и бусы.

Серьги разделены на типы по способу и сложности изготовления (рис. 57).

Тип 1 серег состоит из овального небольшого кольца со стерженьком, на который нанизана граненая подвеска и маленькие полые серебряные шарики (один или два). Третий такой шарик помещался на кольце сверху, насаживаясь на короткий отлитый вместе с кольцом отросток. Серебряные тускло мерцающие шарики давали эффект жемчужных бусин. Если серьги типа 1 изготовлялись из золота, то нередко вместо серебряных бусинок насаживались настоящие жемчужинки.

Тип 2 отличается от первого большим количеством деталей: появляются витые тонкие пояски, дополнительные насадки на кольцо, большее количество шариков. Следует также отметить, что если первые серьги обыкновенно изготовлялись из бронзы, то серьги второго типа — из серебра. Таким образом, они были явно дороже не только из-за тщательности отделки, но и по материалу.

Тип 3 включает несколько очень тщательно сделанных серег с короткой подвеской или совсем без нее. Почти все эти серьги изготовлены были из золота.

Тип 4 — крупные серьги, у которых подвеска составлена из дутых шариков или бусинок, а на кольцо насажены дополнительные, украшенные зигзагообразным орнаментом нанизки.

Тип 5 — небольшие литые серьги, по форме явно подражающие обычным составным, преимущественно второго и четвертого типов.

Наибольшее распространение получили серьги первого и второго типов.

Каждый тип делится на варианты, что свидетельствует об очень большом разнообразии этой категории украшений, несмотря на кажущееся единство. Последнее в значительной мере затрудняло деление материала на типы, поскольку отдельные элементы, характерные для одного типа, могут встречаться и на серьгах другого. Это говорит, очевидно, о единых, известных всем мастерам-ювелирам приемах. Каждый мастер предпочитал пользоваться определенным набором их, только изредка включая тот или иной чуждый ему прием в изготовление своего изделия.

Браслеты делятся на виды по сечению бронзового жгута, из которого они сделаны, и на типы в основном по оформлению окончаний (рис. 60).

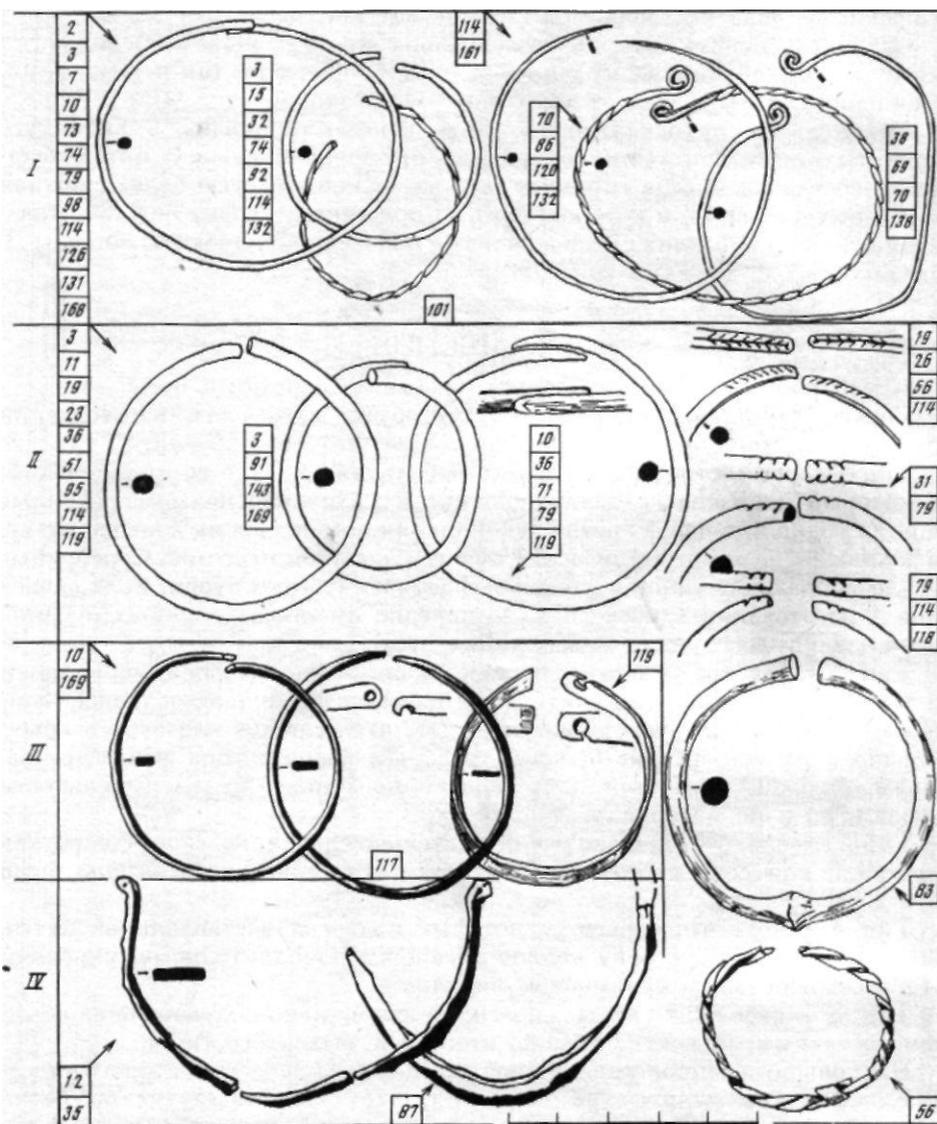

Рис. 60. Бронзовые браслеты (виды I—III), железные браслеты (вид IV)

К первому виду относятся браслеты с круглым сечением проволоки толщиной 1,5—2 мм.

Тип I характеризуется тупыми, прямо срезанными окончаниями. Это наиболее распространенный тип браслетов. Среди них преобладают браслеты для взрослых, но нередки и браслеты малого диаметра, очевидно,

детские. Один из детских браслетов этого типа — ложновитой (катакомба 10).

Тип 2 — с уплощенными концами.

Тип 3 — с загнутыми в петли концами. Стержни половины этих браслетов — ложновитые, что позволяет выделить их в отдельный вариант.

Второй вид браслетов — с круглым, иногда уплощенным с внутренней стороны сечением, диаметр проволоки 3—4 мм.

Тип 1 — с тупыми концами. В этом типе следует выделить вариант браслета из катакомбы 83 с утолщением на середине длины жгута браслета. Сделан этот браслет из прекрасной светло-золотистой бронзы.

Тип 2 — с уплощенными и заостренными концами.

Тип 3 — с концами, покрытыми простейшим орнаментом в виде насечек (обычно елочкой).

Третий вид — браслеты с плоским сечением жгута.

Тип 1 — браслеты с прямо срезанными концами.

Тип 2 — с отверстиями на концах для завязывания их ремешком.

Тип 3 — небольшой браслетик (катакомба 56), скрученный из двух плоских жгутиков.

К четвертому виду отнесены весьма немногочисленные железные браслеты, плоские в сечении с загнутыми в небольшие петельки концами.

Отдельно от вышеописанных, широко распространенных в салтовских древностях браслетов выделяется браслет, необычный как по материалу, так и по форме (катакомба 79). Он в основе деревянный, обтянутый тонкой серебряной пластиной (почти фольгой), с полкой серебряной трубочкой-застежкой. В разрезе браслет округло-угольный. По внешней, округлой стороне серебряная обтяжка покрыта нанесенным пунсоном орнаментом из волнистых линий, образующих гирлянду концентрических овалов. На внутренней стороне нанесен елочный орнамент простыми насечками (рис. 57, 2).

Перстни (все бронзовые) четко делятся на четыре основных типа. Каждый тип представлен многочисленными вариантами (рис. 61).

Тип 1 — литые, со вставкой, закрепленной крестообразно расположенными «лапками».

Тип 2 — литые щитковые. Нередко на щитках отлиты знаки или изображения.

Тип 3 — литые с металлической жуковиной, обведенной ложной зернью.

Тип 4 — простые, с круглой вставкой, преимущественно литые, но встречаются и с припаянным щитком-основанием для вставки камешка или бусины. В двух перстнях (катакомбы 2, 19) вставки с углубленным изображением птички (печатки).

В единственном числе на могильнике был найден (катакомба 129) стеклянный коричневато-черный перстень, датирующийся по аналогиям X в. (*Щанова Ю. Л.*, 1963. С. 119).

Наиболее массовым материалом в катакомбах являются самые разнообразные бусы. Мы разделили их на шесть отделов: пять из них из прозрачного и непрозрачного стекла, один — каменные.

В основу деления бус на отделы положена орнаментация (или отсутствие ее) их поверхности. Так I отдел — одноцветные бусы, т. е. бусы

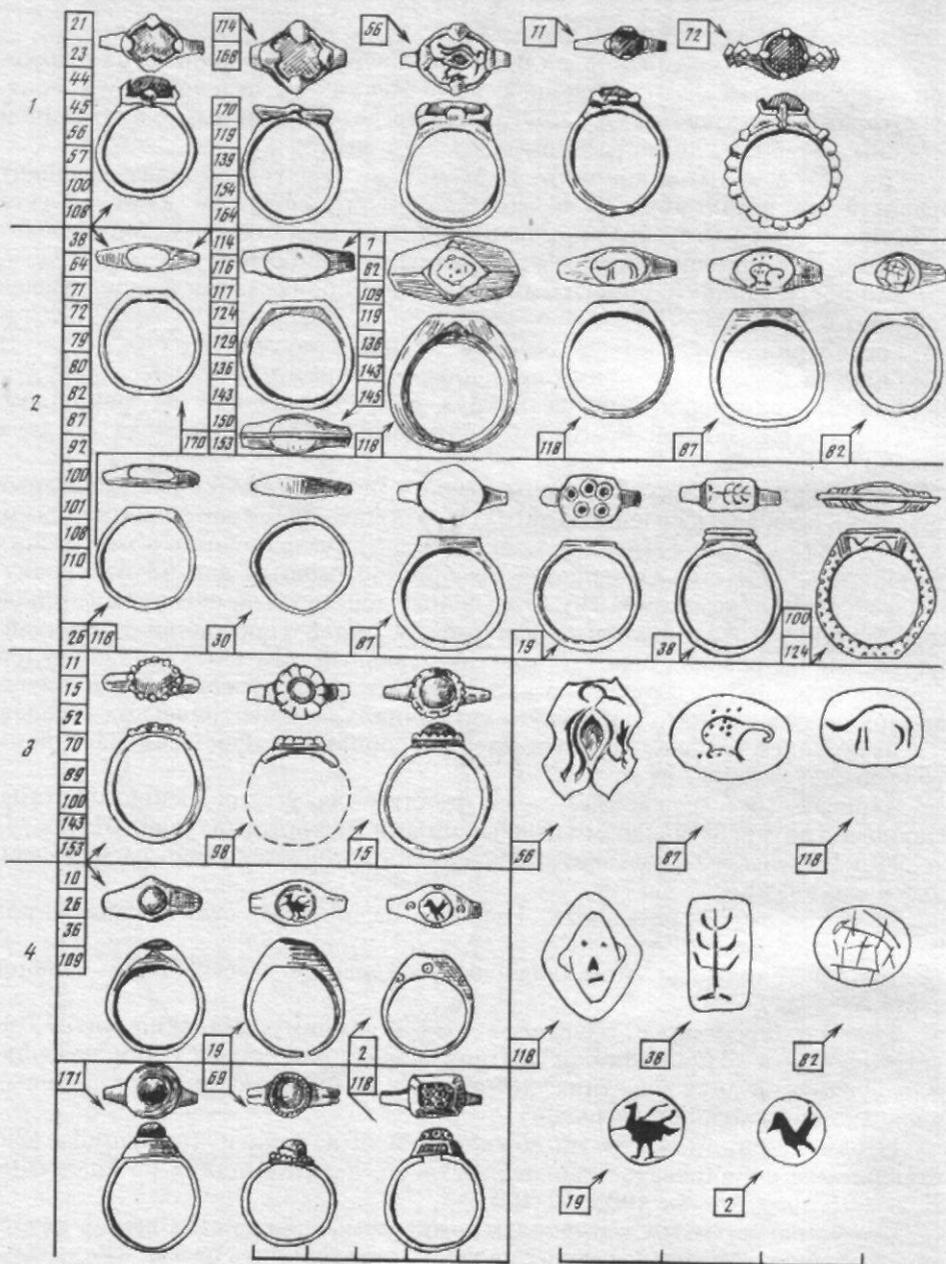

Рис. 61. Бронзовые перстни

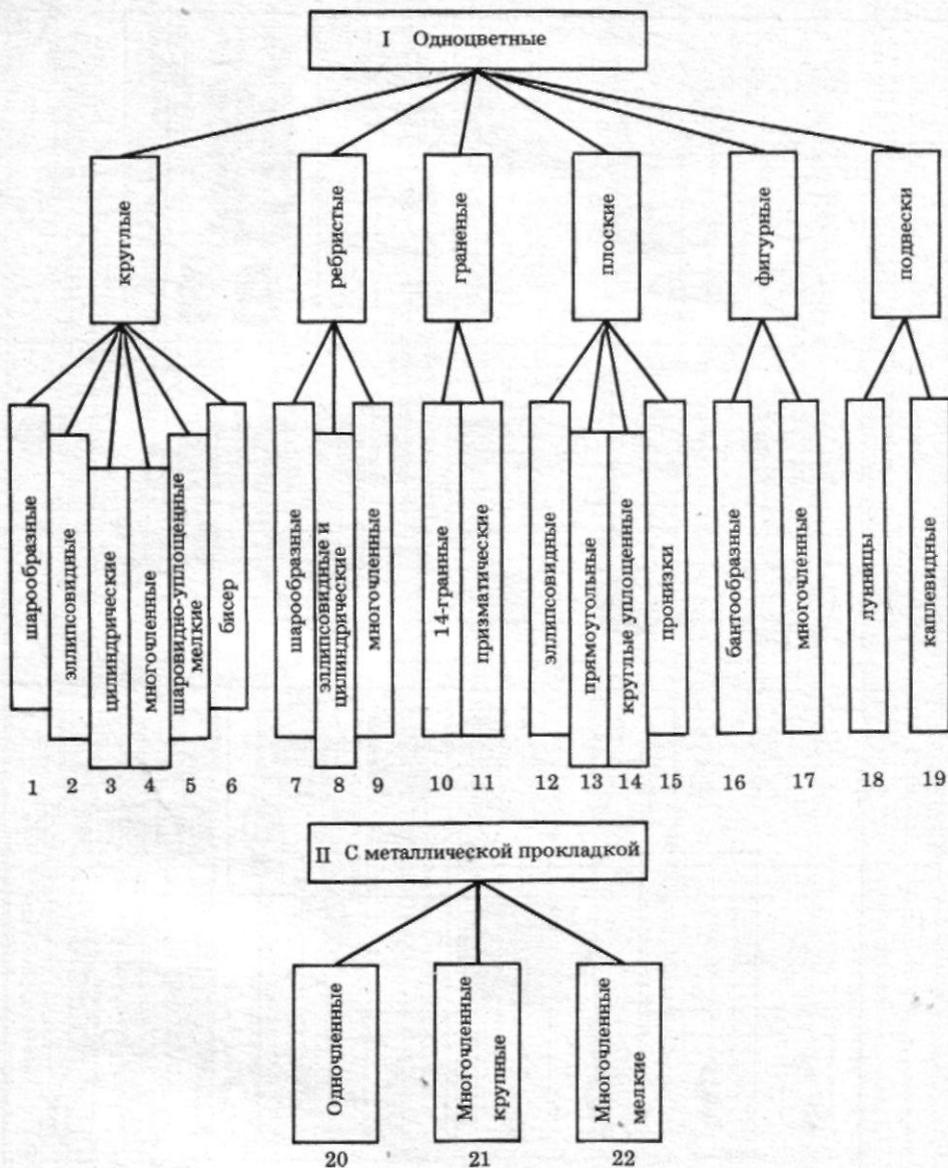

Рис. 62. Схема типологии одноцветных стеклянных бус и бус с металлической прокладкой

без орнаментальных украшений поверхности, II отдел — бусы с металлической прокладкой (обычно бронзовой) (рис. 62; 63). Фактически это тоже одноцветные бусы, так как поверхность их не декорирована. Однако своеобразие изготовления позволяет выделить их в специальный отдел. Далее следуют три отдела: глазчатые, полосатые и мозаичные (рис. 64—67).

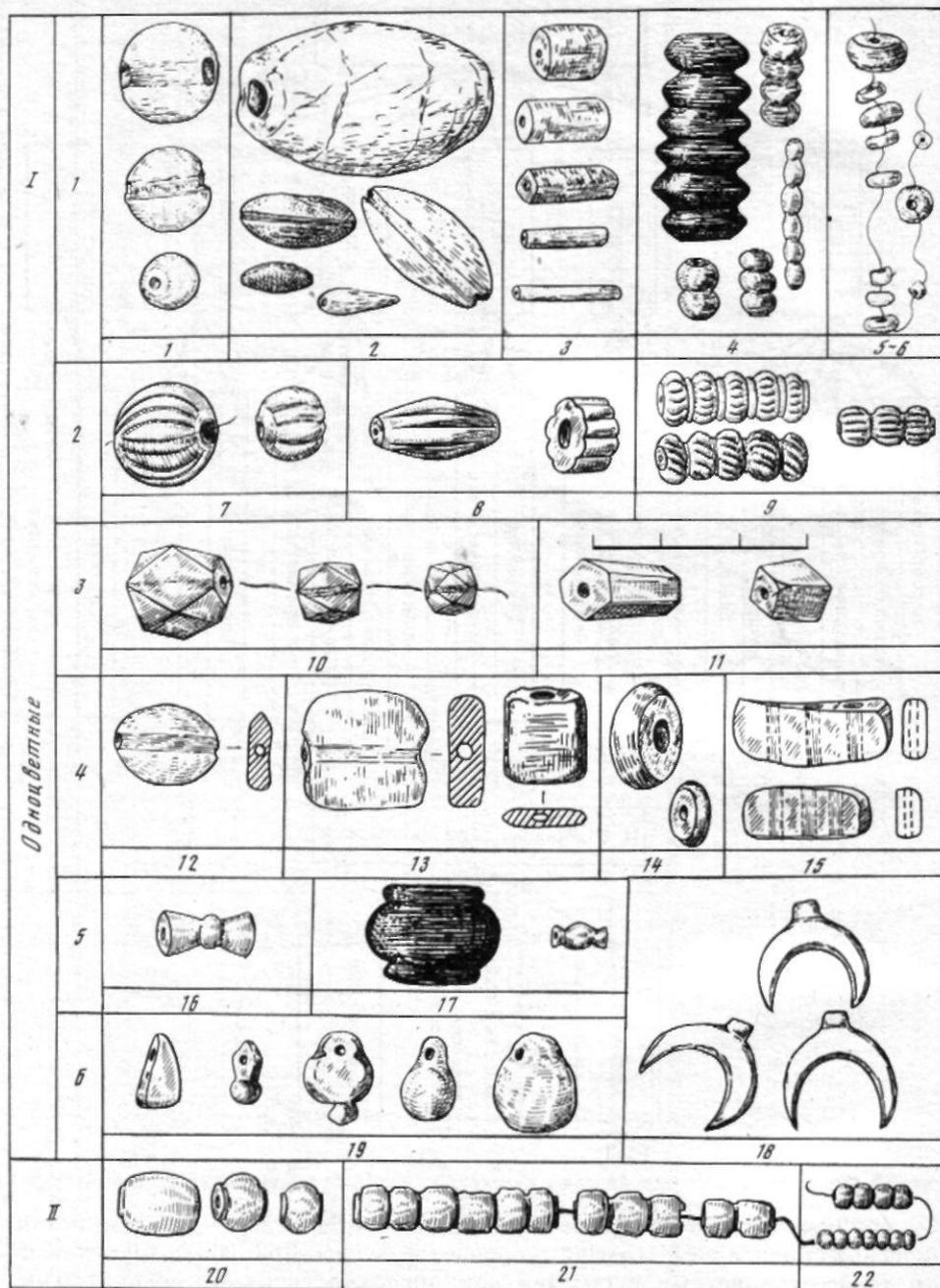

Рис. 63. Типы одноцветных стеклянных бус и бус с металлической прокладкой (1—22)

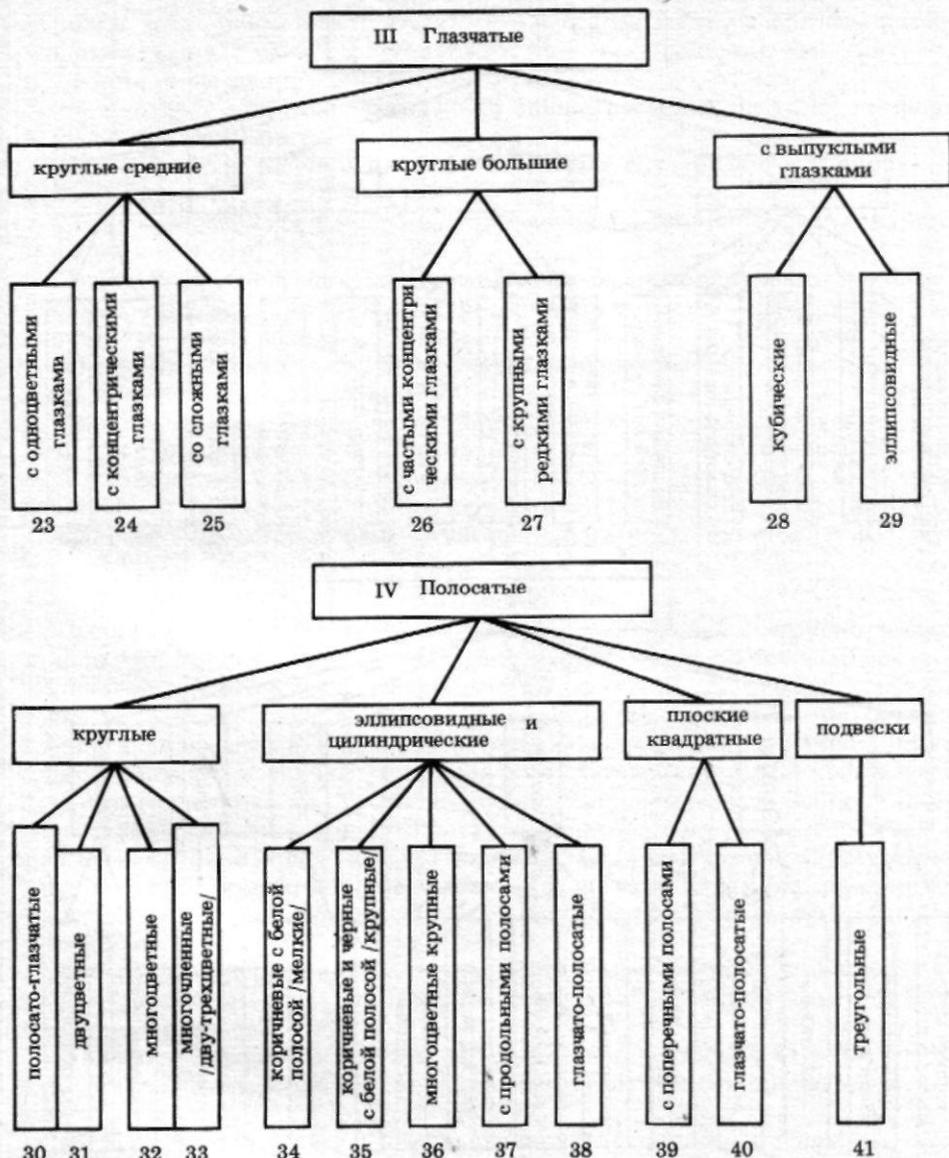

Рис. 64. Схема типологии глазчатых и полосатых стеклянных бус

Отделы стеклянных бус делятся на виды по форме, виды каменных бус определяются по роду камня.

Разделение на типы в отделах подчинено определенным принципам. Так, в одноцветных бусах I отдела типы внутри видов определяются формой и размерами. Бусы II отдела (с металлической прокладкой) не

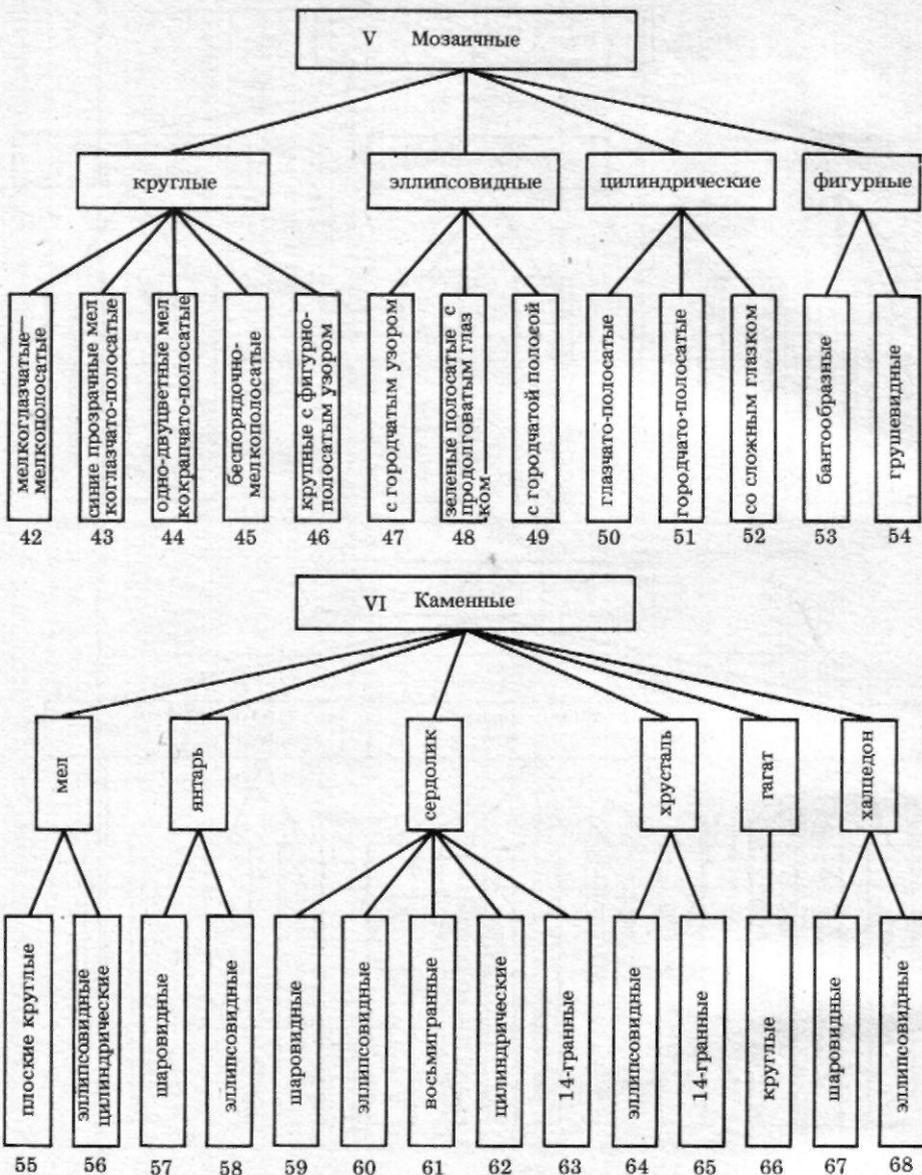

Рис. 66. Схема типологии стеклянных мозаичных и каменных бус

имеют видов, они делятся по форме и размерам на типы. Стеклянные бусы остальных трех отделов в основном делятся по деталям декорировки и связанным с этим размером бусин. Однако в нескольких видах этот принцип нарушается. В частности, в III отделе выделен вид «с выпуклыми глазками», резко отличающийся от двух остальных видов. Далее

этот вид делится не по форме или цвету глазков, которые очень однообразны, а по форме самих бусин. В IV отделе выделен вид «подвески». Он имеет один тип — «треугольные», т. е. выделен этот тип опять-таки по форме, а не декору бусины.

В V отделе вид «фигурных» бус также разделен на типы по форме, а не по орнаментации.

Что касается деления на типы каменных бус, то оно подчинено, как и у одноцветных бус, форме бусины.

Таким образом, вся масса бус разделена на 68 типов (54 стеклянных и 14 — каменных) ¹.

Всего в 105 погребальных комплексах было обнаружено 3956 бусин и около 1500 бисерин (таблица 6). Наиболее распространенными были одноцветные бусы I и II отделов, особенно 1, 4, 5, 10, 20—22 типов, и бисер. В остальных отделах также выделяются наиболее распространенные типы: в III отделе — 24 и 26, в IV — 30 и 34, в V — 43 и 48. Среди каменных бус наиболее популярны были шаровидные сердоликовые бусинки (тип 59). Следует сказать, что, помимо включенных в типологическую схему бус, в единичных случаях попадались: бирюзовая (катакомба 118), шесть гешировых (катакомба 106), коралловая (катакомба 107), топазовая (катакомба 89), две круглые хрустальные бусины (катакомбы 108, 114).

КЕРАМИКА

Керамические сосуды - массовый, разнообразный и трудно поддающийся классификации материал. По существу принятая более 30 лет назад типология салтово-маяцкой керамики (*Плетнева С. А.*, 1959. С. 214—220; 1963. С. 37—44; 1967. С. 103—128) до сих пор, несмотря на огромное количество новых данных, не претерпела значительных изменений или даже заметных и значимых дополнений. Объясняется это прежде всего тем, что разделение на отделы по функциональному назначению остается, естественно, неизменным, поскольку принципиально новые группы сосудов не найдены и вряд ли будут найдены. С другой стороны, бесконечное внутривидовое и внутритиповое разнообразие этой керамики по-прежнему не позволяет создать убедительную обобщающую и в то же время дробную типологию.

На группы керамика разделена по технологическому принципу. К I группе отнесены сосуды, сделанные на ручном гончарном кругу или подправленные на нем.

II группа сосудов включает небольшое число лепных от руки сосудов (сделанных без применения гончарного круга или иных производственных приспособлений).

К III группе отнесены немногочисленные привозные сосуды.

I группа керамики делится на два отдела: столовой и кухонной посуды.

Столовая посуда. Это керамика самая многочисленная — представлена на могильнике 236 сосудами. В отдел она объединена по трем признакам. Первый признак — прекрасно отмученное, обезжиренное мелким песком глиняное тесто, из которого эти сосуды изготовлялись. Второй — черный

¹ Нумерации типов для удобства пользования при корреляции бус с другими категориями предметов дана сплошная.

Таблица 6. Количество бус I—VI отделов (типы I—68) и распределение их по группам катакомб

От-дел	Тип	Группы катакомб				От-дел	Тип	Группы катакомб				
		I	II	III	IV			I	II	III	IV	
I	1	17	101	50	64	IV	35	1	3	14	10	
	2	13	24	22	14		36	—	5	6	4	
	3	3	11	11	19		37	—	—	—	1	
	4	22	17	27	72		38	—	—	1	—	
	5	38	678	455	672		39	—	3	—	4	
	6(бисер)	192	615	543	913		40	—	—	4	2	
	7	3	9	16	27		41	—	—	—	3	
	8	2	2	5	18		Всего:	25	89	168	103	
	9	5	12	4	74		V	42	2	4	13	3
	10	24	120	43	55			43	8	108	18	14
	11	—	10	5	10			44	1	3	1	4
	12	—	2	—	—			45	—	—	1	—
	13	—	2	2	5			46	—	1	—	—
	14	—	2	3	1			47	—	—	2	—
	15	—	6	13	2			48	—	78	16	14
	16	—	1	1	6			49	—	—	1	—
	17	—	—	1	2			50	—	5	6	5
	18	—	—	12	8			51	—	1	—	—
	19	—	3	4	2			52	—	—	—	3
Всего:	128/192	1000/615	674/543	1051/913	53	—		—	—	1		
II	20	30	54	53	106	54		—	1	5	1	
	21	27	115	97	153	Всего:		11	201	63	45	
	22	49	22	31	32	VI	55	3	4	10	5	
Всего:	106	191	181	291	56		—	1	—	—		
III	23	5	6	5	9		57	—	1	—	1	
	24	5	33	51	40		58	—	—	1	—	
	25	—	4	4	2		59	6	62	19	16	
	26	12	24	78	60		60	—	1	1	—	
	27	—	2	1	1		61	1	2	—	—	
	28	—	3	14	11		62	2	2	—	—	
	29	—	—	1	3		63	—	—	1	—	
Всего:	22	72	154	126	64		1	2	2	4		
IV	30	9	22	41	28	65	—	1	1	1		
	31	—	4	5	10	66	—	1	1	—		
	32	7	12	16	11	67	—	1	—	—		
	33	—	—	2	7	68	—	—	1	—		
	34	8	40	79	23	Всего:	13	78	37	28		

или серый обжиг, характерный для 95 % сосудов. Третий признак - лощение поверхности: сплошное, зональное, прямое (горизонтальные, вертикальные полосы), сетчатое, фигурное.

Над классификацией столовой лощеной керамики работали С. А. Плетнева, В. С. Флеров, Т. Л. Хлебникова (Плетнева С. Л., 1967, С. 114—122; Флеров В. С., 1981; Хлебникова Т. Л., 1984, С. 49—64).

Каждый исследователь делит эту керамику на виды (правда, называ-

смые в разных работах различно: типами, группами, категориями и пр.) по функциональному назначению сосудов.

Столовая посуда представлена в Дмитриевском могильнике десятью видами: кувшины, кружки, горшки с петлевидными ручками, кубышки, горшки, миски, кувшины двуручные, кувшины трехручные большие («полупифосы» — полукувшины), пифосы, корчаги (рис. 68 — 79).

Каждый из этих видов уже неоднократно исследовался и подвергался более дробной классификации. В этом отношении особенно привлекали археологов кувшины и кружки — виды, отличающиеся необычайным разнообразием (нестандартностью) форм.

1. *Кувшины*. В камерах, дромосах и тризнах их обнаружено 154. В. С. Флеров разделил их, пользуясь в основном соотношением общей высоты с высотой тулова, на 22 типа. Как правило, такая дробность мало дает для практической работы над материалом. Если пойти по пути дальнейшей формализации материала, включения его в обязательные жесткие; рамки классификационных схем, то типов должно быть много больше или во всяком случае каждый тип должен делиться на многочисленные подтипы, варианты, подварианты и т. п., поскольку абсолютно одинаковых кувшинов не встречается.

В данной работе я придерживаюсь при разделении кувшинов типологии, опубликованной мной 20 лет назад (*Плетнева С. А.*, 1967. С. 115—116). В основу деления кувшинов была положена форма тулова: приплюснутая, шаровидная и яйцевидная. Следует сказать, что в ряде случаев весьма трудно сказать, к какому из трех типов принадлежит сосуд. Так, если тулово резко расширяется в нижней части, мы относим кувшин к первому (приплюснутому) типу, хотя высота его бывает равна ширине, т. е. формально такой сосуд должен быть включен во второй тип. В то же время попадают сосуды с небольшим превышением ширины над высотой. Однако такие кувшины мы считаем возможным относить к шаровидной (второй тип). Кроме трех основных типов, выделяется еще один — четвертый тип с туловом, имеющим ребро немного выше середины высоты.

Дальнейшее членение кувшинов представляется нам нецелесообразным. Каждый кувшин отличается от другого высотой и изгибом горла, формой носика, ручки, орнаментом (более или менее пышным) и т. д.

2. *Кружек* на могильнике обнаружено немного меньше кувшинов — 125. Если следовать формальной классификации, то безусловно нужно в основу деления кружек на типы положить форму их тулова. Однако у кружек наиболее существенной и заметной частью является ручка. Форма ручки стала определяющим фактором при разделении кружек на два типа: 1-й — кружки с так называемой зорморфной ручкой и 2-й кружки с петлевидной ручкой. О зооморфных ручках существует уже довольно обширная литература (*Плетнева С. Л.*, 1973. С. 105—112), давно было доказано, что они изображали различных животных (*Скалон К. М.*, 1941; *Абрамова М. П.*, 1969 и др.). На кружках Дмитриевского могильника помещались схематизированные фигурки лошадей в характерной позе пасущегося животного (с опущенной мордой).

Кружки обоих типов имеют более или менее приземистое тулово, широкое и высокое цилиндрическое горло. Но соотношению высоты тулова с общей высотой сосуда типы кружек разделены на подтипы (*Плет-*

Рис. 68. Керамика из катакомб и трупоожжения 9

В квадратных рамках даны номера катакомб, погребений и тризн (здесь и далее — до рис. 79). Черными треугольниками обозначены сосуды, найденные в камерах катакомб

Рис. 69. Керамика из катакомб и ямного захоронения 50

Рис. 70. Керамика из катакомб и ямного захоронения 58

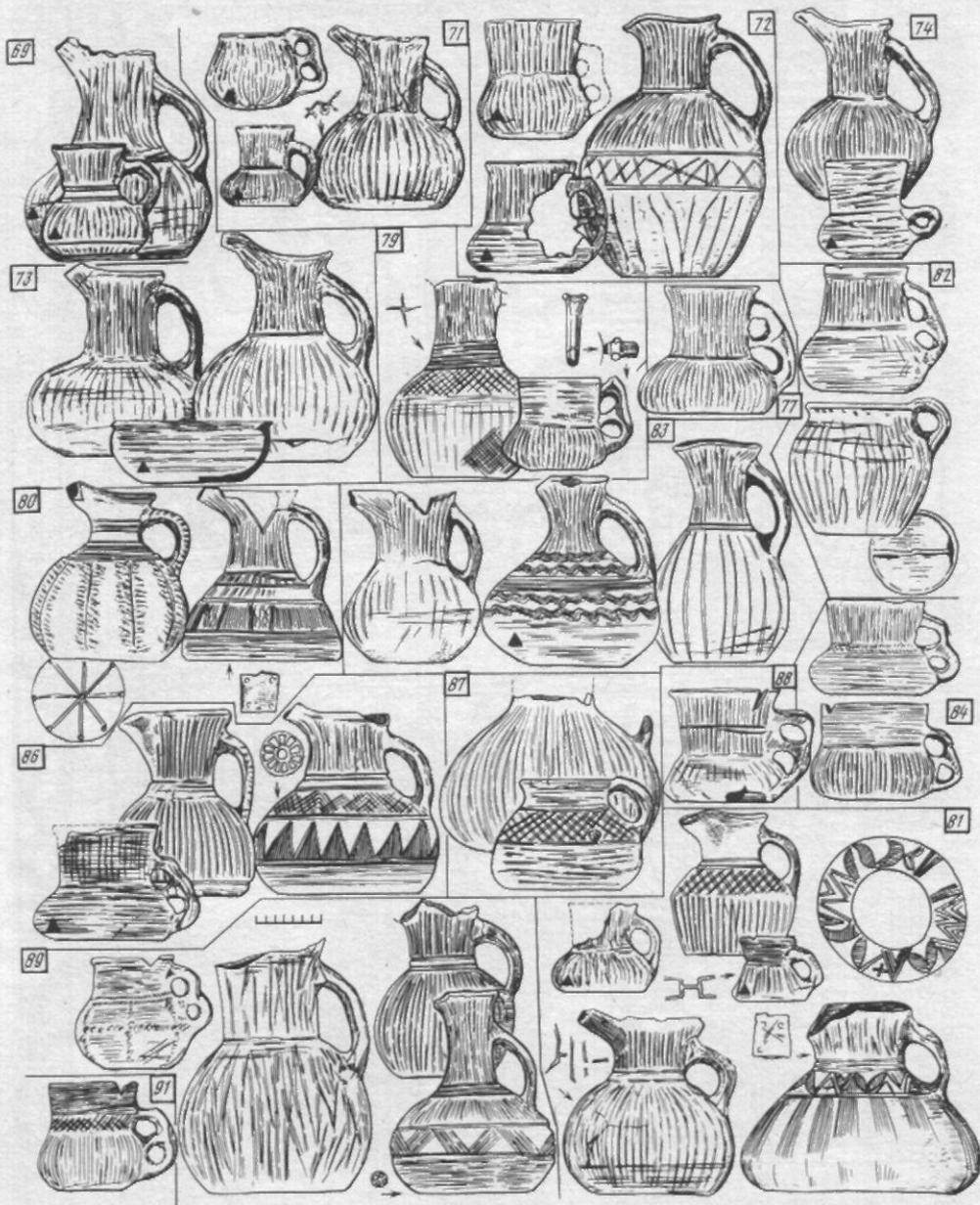

Рис. 71. Керамика из катакомб

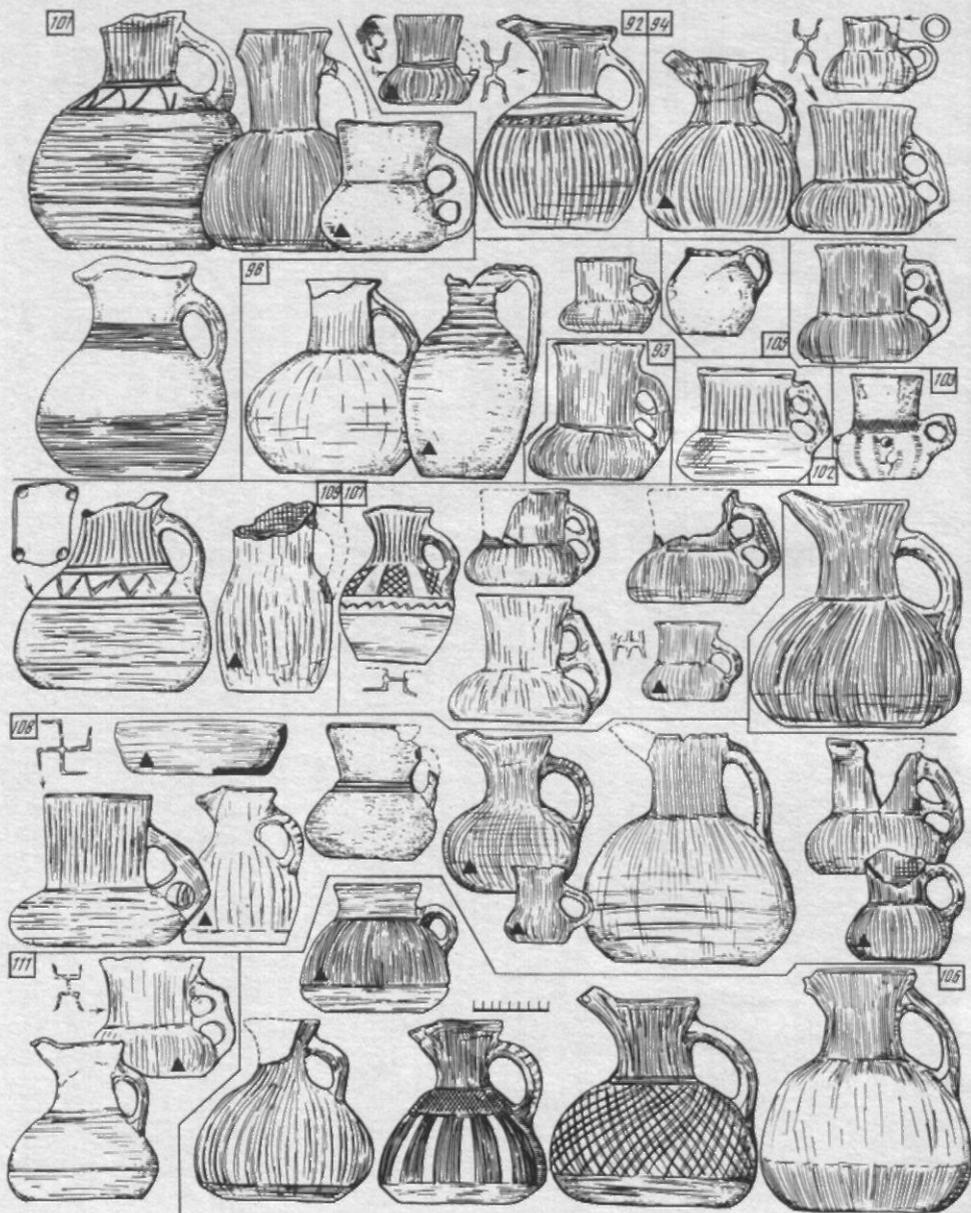

Рис. 72. Керамика из катакомб

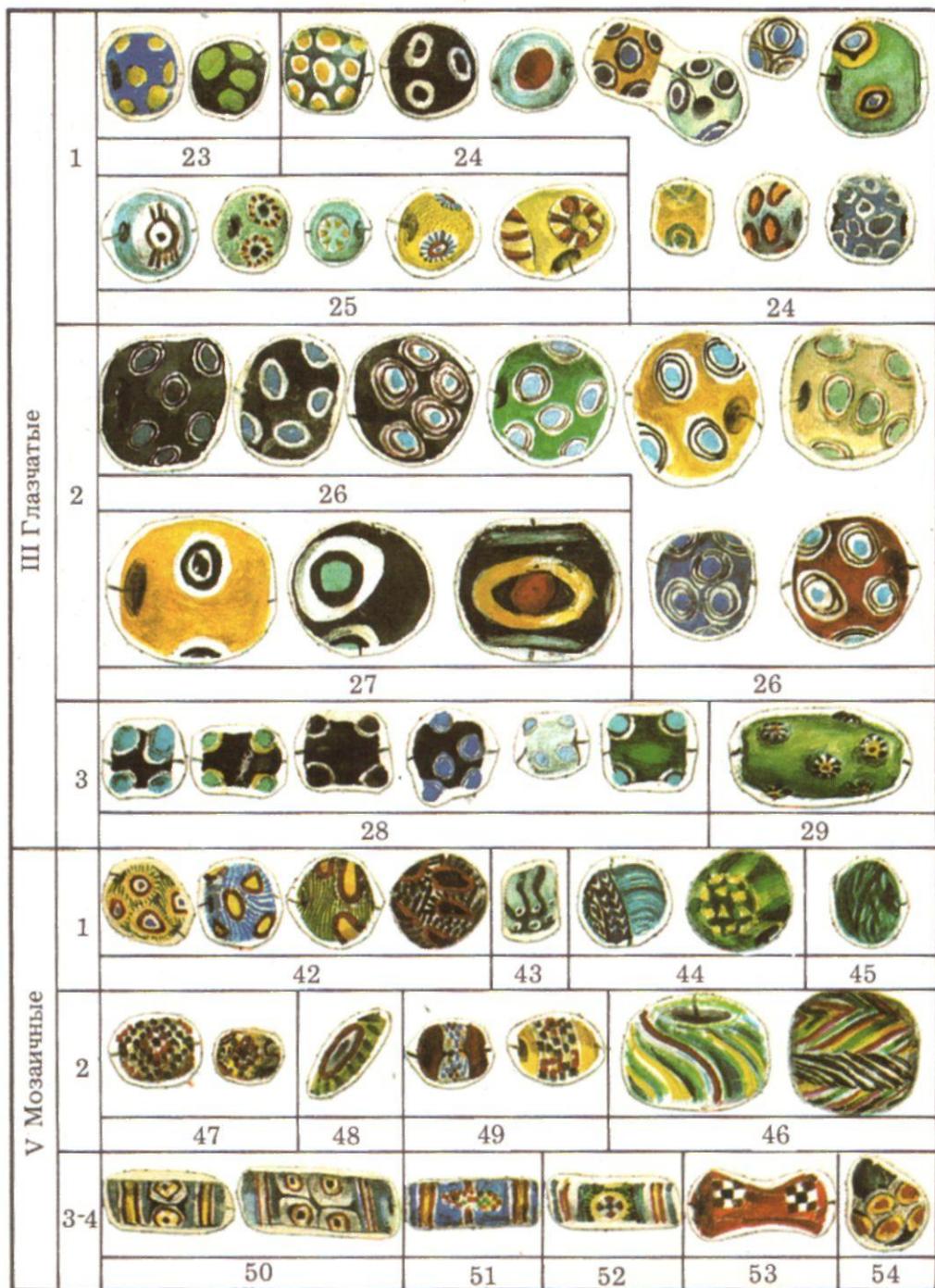

Рис. 65. Типы глазчатых бус (23–29) и мозаичных (42–54)

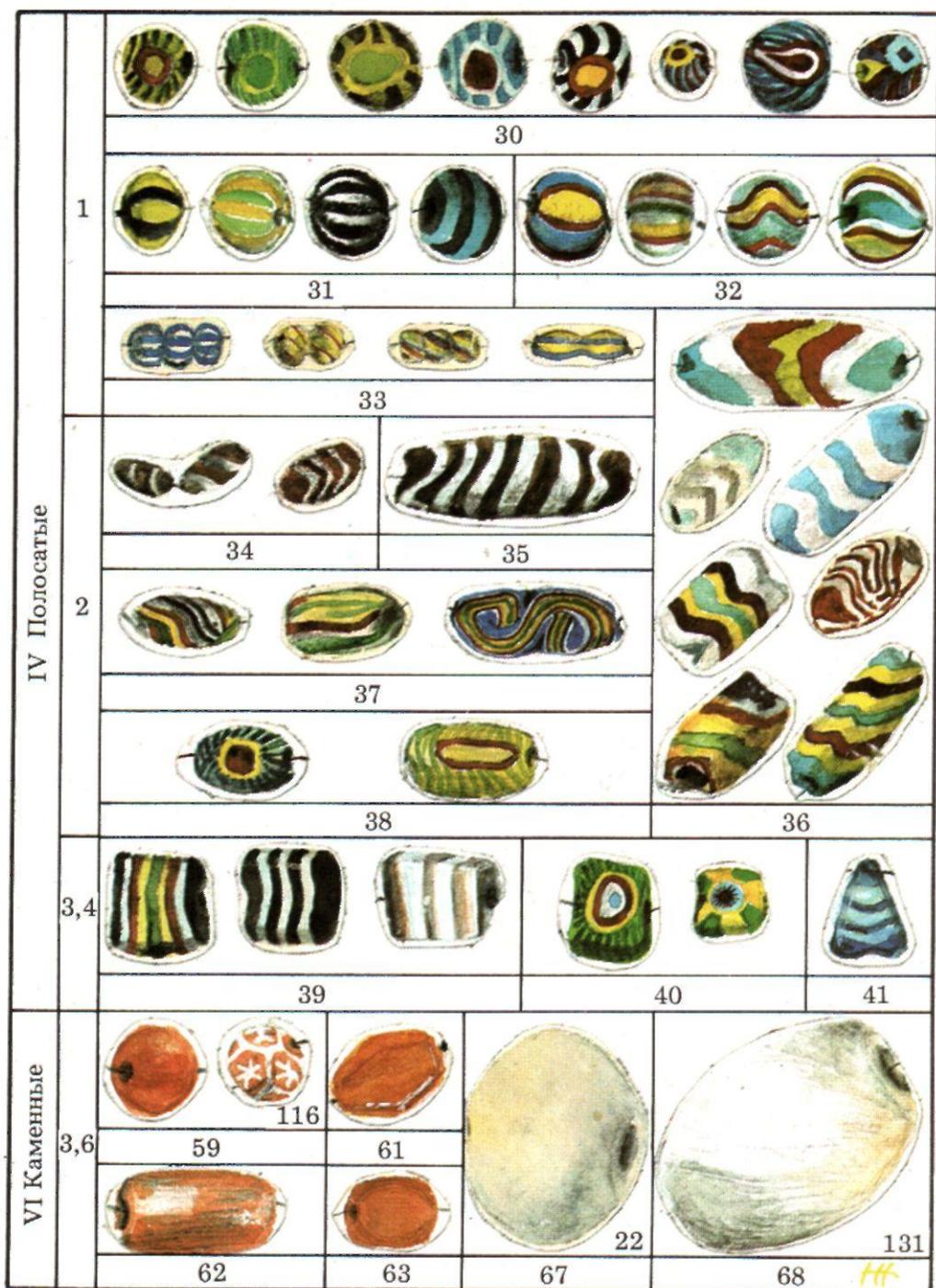

Рис. 67. Типы полосатых бус (30—41) и наиболее распространенные типы каменных бус — сердечковидных (типы 59—63) и две большие халцедоновые бусины из катакомб 22 и 131

Рис. 73. Керамика из катакомб и ямного захоронения 116

Рис. 74. Керамика из катакомб и ямного захоронения 133

Рис. 75. Керамика из катакомб

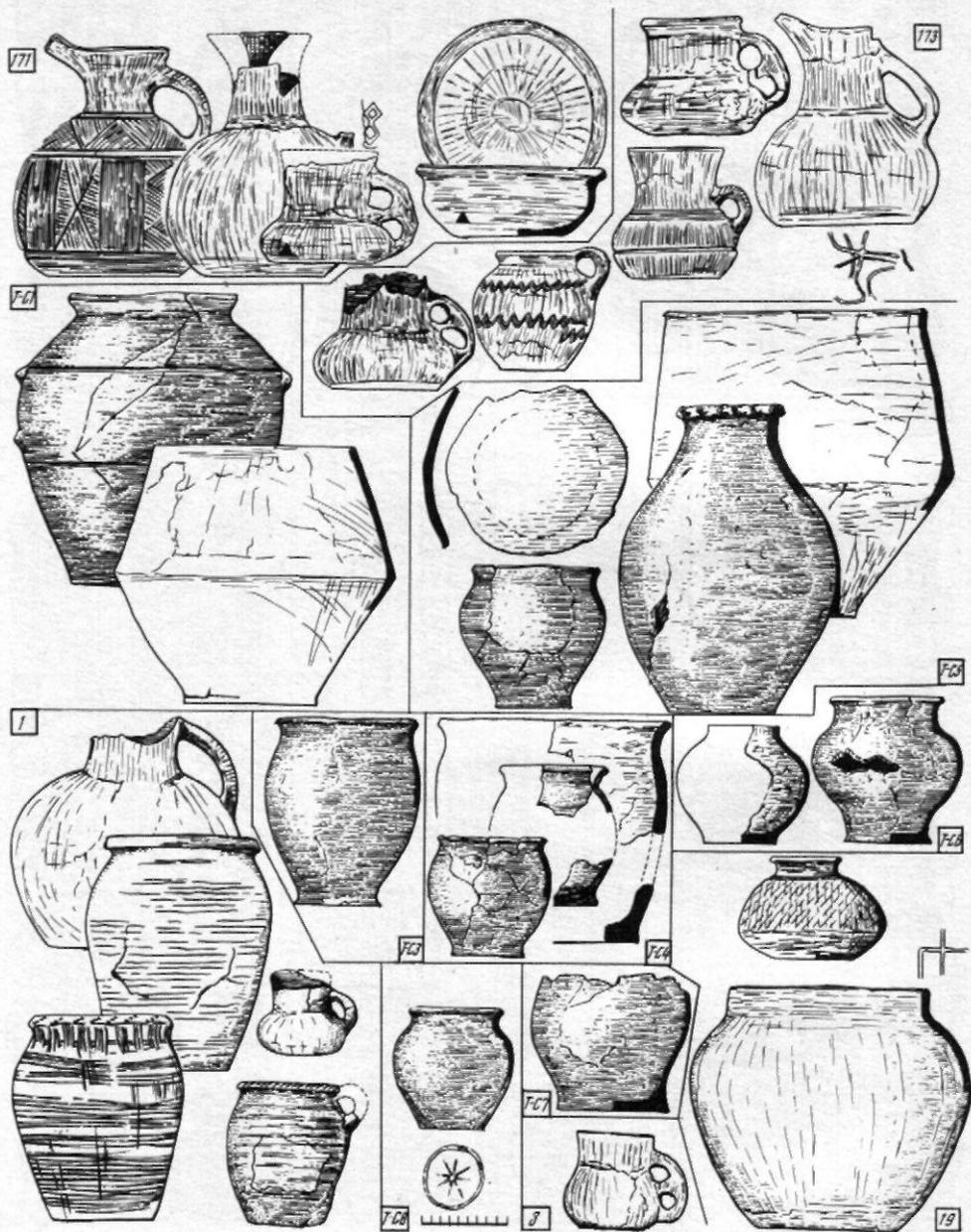

Рис. 76. Керамика из катакомб 171, 173, трупосожжений 1—8, трези 1, 3, 19

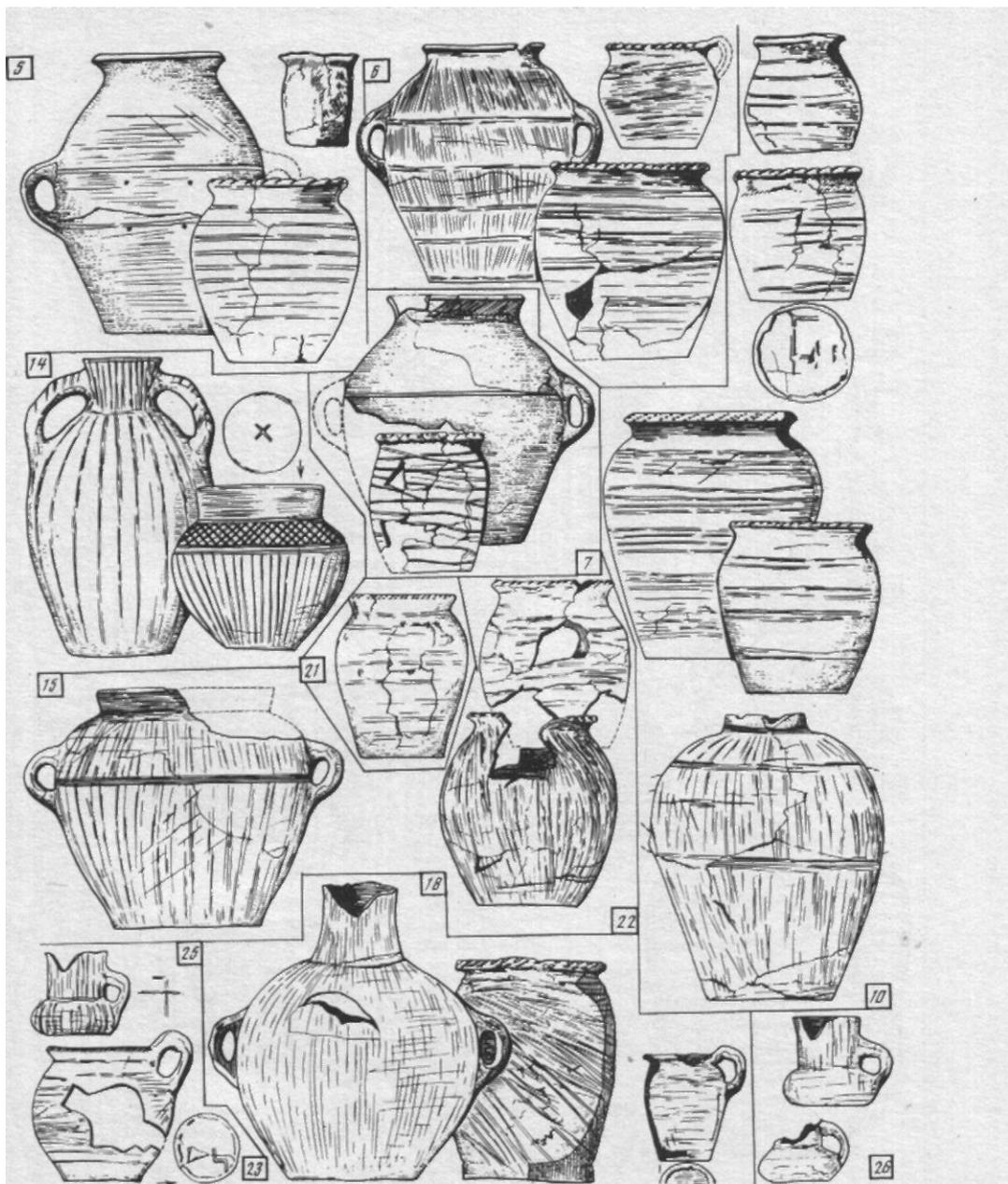

Рис. 77. Керамика из тризни

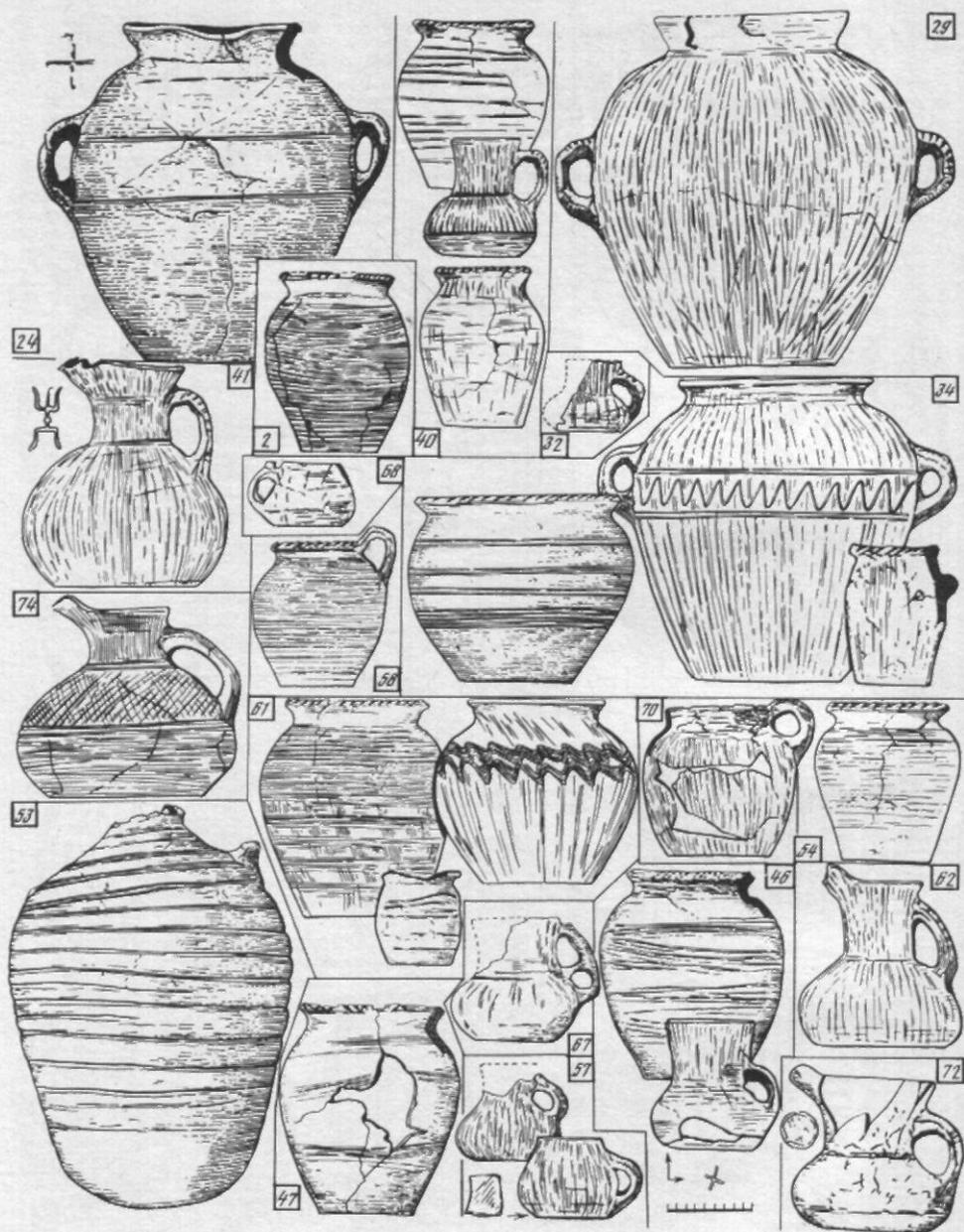

Рис. 78. Керамика из тризн

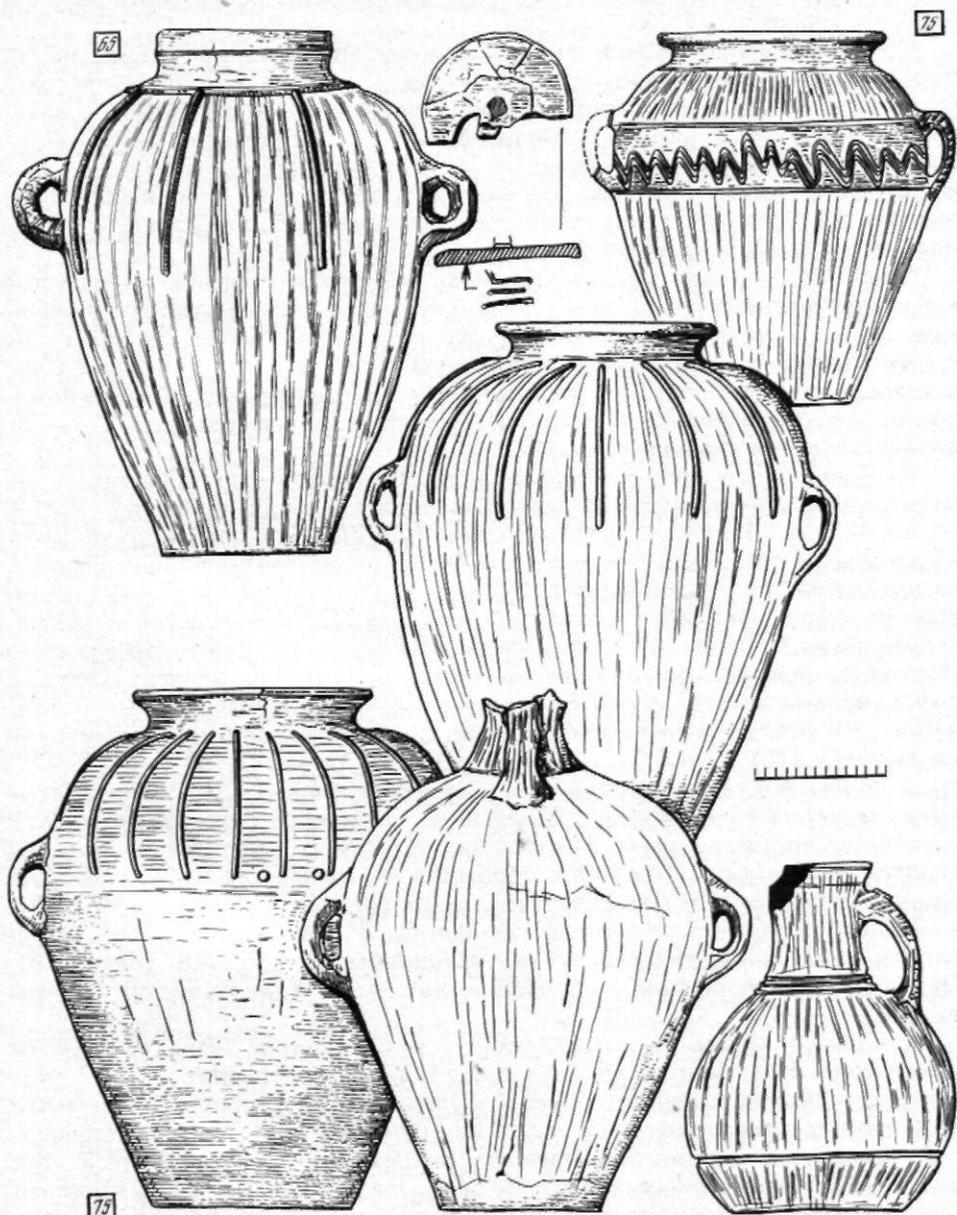

Рис. 79. Керамика из тризи

нева С. А., 1967. С. 116, 117. К первому относятся кружки с соотношением 1 : 2, ко второму — 1 : 2,5 — 3.

Среди сосудов этого вида выделяются нестандартностью формы шесть небольших кружечек (тип 3). Пять из них — усеченно-конические, расширяющиеся книзу сосудики без выделенных горлышек. Только в катакомбе 81 кружка с широким горлом-раструбом. Ручки этих кружечек — зооморфные (2 экз.) и петлевидные (4 экз.). Интересно, что одна из зооморфных ручек необычного «канонического» типа. Она изображает, видимо, не лошадь, а какое-то другое животное (кабан?), стоящее с поднятой головкой (тризна 68).

Чтобы дать ясное представление о всем многообразии и богатстве керамического материала, необходимо рассмотреть абсолютно все найденные на могильнике сосуды. Это позволяет сгруппировать материал не в соответствии с намечающейся типологией (поскольку она весьма обща и условна), а комплексами, чтобы увидеть как своеобразие каждого комплекса, так и необычайную перемешанность сосудов различных типов, видов и отделов в каждом из них.

3. *Горшочки с петле видной ручкой.* По количеству найденных на могильнике экземпляров это третий вид посуды (катакомбы 44, 46, 52, 55, 59, 82, 114, 115, 124, 126, 151, 154, 169, 170, 173). Это довольно стандартные шаровидные с высоким более или менее отогнутым венчиком горшки, не превышающие объемом 1,5 л. Ручки у них прикреплены обычно одним концом к краю венчика, другим — к плечу. Но встречаются и исключения, когда ручка закреплялась ниже венчика — на тулове. Поверхность горшочков покрыта простейшим лощеным орнаментом из вертикальных полос, однако встречается и более сложное — зональное лощение (катакомба 170) или даже сочетание лощения с волнистым врезным орнаментом (катакомба 173).

4. *Кубышки.* Всего обнаружено девять кубышек. Это приземистые (приплюснутые) сосудики с суженным по сравнению с горшками горлом, отогнутым в виде раструба. По наличию или отсутствию ручки кубышки делятся на два типа. Орнамент лощением на кубышках более сложный, чем на горшочках: сетчатый, вертикальный, горизонтальный, как правило, зональный. Кубышки с ручкой (катакомбы 51, 56, 87, 106, 148) встречаются даже чаще, чем без ручки (катакомбы 60, 135, 148, тризна 19). От горшочков кубышки с ручкой отличаются приплюснутой формой тулова.

5. *Горшки.* Очень редко встречаются в могильнике лощеные горшки (всего три). Все обнаружены не в погребениях, а в тризнах (14, 19, 61). Два принадлежат к одному типу — «волынцевских» горшков с крутыми плечиками и прямым высоким венчиком (рис. 76; 77). Третий — шаровидный, прекрасно сформированный на ножном круге светло-серый, так называемого пастырского типа (рис. 78). На плечиках у него проведен дополнительный орнамент из двух рядов врезной крутой волны, нанесенной мелкозубым штампом (тризна 61).

6. *Миски* — нехарактерный вид глиняной посуды. Вероятно, в хозяйстве преобладали деревянные миски, остатки которых обнаружены в катакомбах. Все шесть глиняных мисок (катакомбы 73, 108, 116, 118, 171, 174) представляют практически шесть типов, что свидетельствует об абсолют-

ной нестандартности данного вида посуды, хотя все они, очевидно, подобны деревянным мискам. Орнаментация лощением обычно очень простая. Она как бы имитирует срезы на деревянной посуде, выточенной на станке и затем местами подправленной рукой. Исключение представляет миска из катакомбы 171, внутренняя поверхность которой покрыта радиальным лощением, пересеченным концентрическими кругами (рис. 77).

7. *Двухручные кувшины* — большая редкость в керамическом комплексе могильника. Один из кувшинов (катакомба 169) в целом почти не отличается от обычных кувшинов 2-го типа (рис. 75). Только венчик у него более массивный и без слива. Обе ручки прикреплены одним концом к венчику, другим — к плечикам сосуда. Второй кувшин (тризна 14) довольно большой яйцевидный с коротким горлом и венчиком без слива. Ручки прикреплены к горлу и плечикам (рис. 75). Необычна не только форма этого кувшина, но и его обжиг — цвет его светло-желтый, лощение — редкие вертикальные полосы.

8. *Корчаги*. Это весьма характерные для салтово-маяцкой культуры большие горшки с двумя ручками на плечиках. Как и остальные сосуды, они отличаются большим типовым разнообразием. Восемь сосудов, обнаруженных на могильнике, делятся на три типа, причем внутри каждого типа идентичных сосудов нет.

К типу 1 отнесены корчаги с крутыми плечиками и пропорциями тулова 1 : 1 или 0,9 : 1, что придает им некоторую шаровидность (тризна 15, 34). Обе лощеные вертикальными полосами, по плечикам первой проведен глубоко врезанный поясок, на другой — поясок состоит из двух параллельных линий и однорядной волны между ними. Отличаются они и по форме венчика: у первой — почти прямой высокий, у второй — отогнутый, слегка утолщенный по краю (рис. 77, 78).

Тип 2 представлен также двумя корчагами с яйцевидным туловом, покатыми плечиками и пропорциями тулова 1 : 0,8—0,85 (тризны 5, 6). Обе украшены только глубоко врезанными полосками на плечиках и своеобразными «расчесами» поверхности, нанесенными у первой корчаги горизонтально, а у второй — вертикально (рис. 77). Такой орнамент часто встречался на пифосах в Тамани, Фанагории и других таманских и крымских городов.

К этому же типу можно отнести и корчагу из тризны 7, несмотря на то что пропорции ее тулова, как и у корчаг типа 1, 1:1. Однако форма корчаги с покатыми плечиками яйцевидная, более всего близка к корчаге из тризны 5. К тому же поверхность ее покрыта лощением, а украшена всего одним глубоко врезанным пояском на плечиках (рис. 77).

Если корчаги типа 1 по форме весьма напоминают обычные хозяйственные горшки, то тип 2 более приближается к пифосам, существенно отличаясь от последних только размерами.

Тип 3 корчаг, представленный четырьмя экземплярами, еще ближе к пифосам, поскольку размеры этих корчаг очень значительны — всего в 1,5—2 раза меньше пафосов. Величина и общая форма их с конусовидным низом, крутыми плечиками, массивными ручками и отогнутым хорошо выделенным венчиком позволяет объединить эти корчаги в один тип. Однако по ряду признаков, и прежде всего по пропорциям тулова, их следует разделить на два подтипа. Первый с пропорциями тулова 1 : 0,9

(катакомба 148 и тризна 75). Обе корчаги этого подтипа украшены густым лощением (рис. 74, 79). На плечиках у обеих помещен пояс из двух липий и крутой многоярдной волны между ними. Второй подтип (рис. 78) с пропорциями тулова 1 : 1 (тризны 24, 29). В остальном корчаги второго подтипа трудно сопоставимы, поскольку одна покрыта сплошным лощением и имеет прямой только немного отогнутый венчик, а другая вообще без лощения со слегка изогнутым венчиком-носом и двумя врезанными полосами на плечиках.

Таким образом, и этот вид посуды, сделанной из глиняного теста, свойственного только столовой керамике, несмотря на довольно широкое распространение ее на синхронных стенных и лесостепных памятниках, не отличается стандартностью изготовления.

9. *Пифосы*. Пожалуй, это единственный вид посуды, о котором можно сказать, что в нем наблюдается тенденция к появлению стандарта, хотя из четырех найденных на могильнике пифосов абсолютно идентичных (рис. 74, 79) нет. Объединяет эти сосуды величина, стройная яйцевидная форма с крутыми плечиками, сильно отогнутые венчики, довольно массивные ручки, прикрепленные на тулово немного ниже плечиков, и обязательное украшение в виде наlepных вертикальных тонких валиков на верхней части сосуда. В одном случае (тризна 75) валики верхним концом упираются в поперечный валик, идущий по верхнему краю плечиков. Поверхность трех пифосов довольно густо покрыта продольным лощением (катакомба 148, тризна 65, 75). Четвертый — не лощеный, но поверхность между валиками покрыта у него горизонтальными «расчесами» (тризна 75). Интересен пифос из тризны 65. Венчик у него вылеплен специально с ложбинкой на внутренней стороне для крышки. Крышка имела вид вылепленного от руки плоского кружка соответствующего диаметра с простой цилиндрической короткой ручкой. По-видимому, салтовцы не умели делать глиняные крышки: они не рассчитывали их толщины, ломкости плоского кружка, пережигали их в печах, поэтому керамические крышки попадают на памятниках очень редко. Судя по единичным находкам в катакомбах, крышки обычно изготовлялись из толстых кусков кожи или из дерева.

10. *Полупифосы-полукувшины* называют также трехручными кувшинами (рис. 77, 79). Это большие сосуды, размеры тулова которых обычно равняются корчагам, а иногда — пифосам. Форма тулова с ручками, помещенными ниже плечиков, также близка к форме этих видов посуды. Различие заключается в наличии сравнительно узкого горла, высота которого в 3—5 раз меньше высоты тулова. Венчик обычно снабжен хорошо выраженным сливом, а на противоположной от слива стороне к горлу и плечикам прикреплена массивная третья ручка. Сосуды эти, как правило, очень нарядные. Они тщательно вылощены разнообразными комбинациями лощения, украшены «арками» валиков и т. п. Для салтовской культуры эти сосуды особенно характерны в конце ее существования (конец IX—начало X в.). В Дмитриевском могильнике обнаружено три трехручных кувшина в неглубоких ямках тризн (10, 18, 75), поэтому горла у них, близкие к поверхности, обломаны или просто стертые. Характерно, что и этот вид сосудов столь же разнообразен, как и все предыдущие: они отличаются друг от друга даже пропорциями и размерами, т. е. основ-

ными показателями любой категории предметов. Объединяет их, помимо назначения, прекрасное глиняное тесто, из которого они сформированы, хороший ровный темно-серый обжиг и густое лощение.

Кухонная посуда. Ко второму отделу I группы изготовленных на кругу сосудов относится посуда, предназначенная для приготовления и отчасти хранения пищи (кухонная).

К первому виду относятся довольно большие горшки для варки нищи (катакомбы 10, 62, 114, 126, 149, 150, тризны 1, 2, 5-7, 10, 18, 21, 22, 34, 46, 47, 54). Высота самого маленького из них 12 см, обычная высота колеблется от 17 до 23 см. Сосуды на могильнике отличаются яйцевидной формой. Наибольшее расширение тулова находится на середине их высоты или немного выше (*Плетнева С. А.*, 1967. С. 106—114). В последнем случае некоторые исследователи склонны считать горшки славянскими или сделанными под влиянием форм славянской посуды. Однако это вряд ли правильно: общая «одутловатая» форма, сильная покатошь плечиков разительно отличаются от крутоплечих конических горшочков, синхронных салтовским славянских памятников.

Глиняное тесто горшков довольно плотное, с заметной примесью мелко дробленной дресвы, изредка встречаются горшки, у которых дресва более крупная, кусочки ее выделяются заметными бугорками на поверхности. В качестве дресвы служил дробленный местный камень (в том числе и мел), а иногда к дресве подмешивался мелко дробленный шамот. От тщательности изготовления глиняного теста зависела толщина стенок сосудов: измельченная почти невидимая дресва давала возможность изготовлять горшки со стенками, не превышающими в толщину 7 мм, а грубая дресва заставляла мастера делать стенки более массивными (до 12 мм).

Дресва является характерным признаком аланского варианта салтовско-маяцкой культуры (*Плетнева С. А.*, 1967. С. 110). Для кухонных горшков стенного (в основном болгарского) варианта использовался речной песок. В могильнике было обнаружено всего два горшка, сделанных из теста с обезжиривающей примесью песка (рис. 74, катакомбы 126, 149). Сплошной линейно-волнистый орнамент на одном из них проведен тонким острым и очень частым (густым) штампом, на другом аналогичный орнамент проведен тоже острым, глубоко врезающимся в поверхность штампом. Первый сосуд слишком мелким орнаментом и крутыми плечиками отличается несколько от основной массы степных горшков, хотя, несомненно, относится к тому же виду керамики, а полные аналогии второму «шаровидному» горшочку в большом количестве известны на многих донских памятниках, в частности в Саркеле (*Плетнева С. А.*, 1959. С. 220—222).

Орнаментация основной массы кухонных горшков могильника сильно отличается от степных. Прежде всего линейный орнамент наносился узкой плоской палочкой или же штампом, но с плоскими зубцами, которые на поверхности оставляли неглубокие полоски. Очень часто орнамент был зональным или в виде редких полос. Совершенно отсутствует волнистый орнамент и изредка встречается врезной продольный (рис. 77, тризна 22) или же сочетание продольного и пересекающего его обычного линейного (рис. 78, тризна 61). Венчики всех горшков всегда украшены орнаментом: косыми насечками или трех-, пятизубым штампом.

Следует сказать, что, несмотря на частные различия в составе теста,

орнаментации и даже в пропорциях, сосуды эти значительно более единообразны, чем серии лощеных сосудов. Их объединяют пропорции тулова (1 : 1, 1 : 0,9), состав глиняного теста, технические приемы орнаментации. Различаются они в основном только мотивами орнаментики (сплошной, зопальный, небрежно прерывающийся, вертикальный — на тулове, насечки или штамп — на венчике).

Из общей однородной массы этих горшков по пропорциям выделяются только три нестандартных сосуда с пропорциями тулова 0,9: 1; 0,8 : 1. Первый горшок имеет шаровидную форму (рис. 70, катакомба 62), второй — с широким горлом — можно назвать «мисковидным» (рис. 78, тризна 34), третий —* с широкими горлом и дном приближается к «баночной» форме (рис. 77, тризна 10).

Эти пропорции значительно более характерны для второго вида кухонных сосудов — горшочков с ручкой (катакомбы 6, 18, 25, 32, 42, 110, 133, 170, тризна 1, 23, 58). Изготовлены они из той же глиняной массы, что и горшки 1-го вида. Подавляющее большинство горшочков — шаровидные небольшие (высота тулова 10—16 см), с петлевидной ручкой, прикрепленной одним концом к венчику, а другим — к плечу сосуда. Фактически форма этих сосудиков аналогична лощеным горшочкам с петлевидной ручкой. Только два из них (тризны 1, 58) повторяют яйцевидную форму обычного кухонного горшка первого вида. Орнаментация всех кухонных горшочков с петлевидной ручкой идентична орнаментации горшков первого вида, встречается среди них орнамент и в виде продольных врезанных полос (рис. 68, катакомбы 6, 18). На ручку иногда нанесен узор из насечек елочкой.

Выше мы говорили еще об одном виде кухонной керамики — о грубых больших толстостенных горшках. Как правило, высота их колеблется от 25 до 35 см, а толщина стенок доходит иногда до 3 см. Соответственно глиняное тесто имеет примесь очень крупной дресвы и шамота. Обожжены эти горшки неравномерно: излом серый, поверхность — желто-оранжевая (пятнистая). Орнаментированы обычно так же, как и остальная кухонная посуда, нередко более небрежно: линейный орнамент пересекается поперечными «мазками» многорядного штампа, иногда штампом или палочкой небрежно исчерчена вся поверхность. На поселении обломки таких горшков преобладают. Это и понятно — они чаще ломались из-за тяжести и рыхлости глиняного теста. Готовить в них жидкую пищу было вряд ли возможно, надо сказать, что на поселении ни разу обломки их не встретились с нагаром — их не ставили на очаг или в печь. Очевидно, чаще эти горшки служили тарой — были как бы небольшими домашними пифосами.

На могильнике их найдено всего три экземпляра (тризны 1, 10, 18). При этом следует еще раз подчеркнуть, что и среди обычных кухонных горшков первого вида встречались экземпляры, сделанные из более грубого теста, иногда по количеству крупных вкраплений дресвы близких к горшкам третьего вида (например, горшки из тризны 7, 10, 22). Вероятно, такие горшки также чаще использовались не для приготовления, а для хранения пищи.

Характерной чертой изготовленных на ручном гончарном кругу сосудов первой группы являются клейма на донцах (рис. 80). Ставились они

обыкновенно только на донцах лошенной посуды. На массовой кухонной керамике их, как правило, не бывает. Исключением являются два горшка, причем оба не относятся к аланскому кругу памятников (рис. 74, катакомба 149; рис. 76, трупосождение 8).

Подсчеты показали, что клеймилась примерно 1/5 лошенных сосудов (36 кувшинов из 154 и 27 кружек из 125), преимущественно кувшины и кружки. Впрочем, находок остальных видов сосудов мало для того, чтобы с достаточной достоверностью высчитать % распространенности среди них клейменных экземпляров.

Клейма разделены по значению и основным начертаниям на пять типов, детали начертаний дают варианты (рис. 80).

К типу 1 отнесены знаки-тамги (дву- и трезубцы), к типу 2 — знаки солнца и огня (варианты круга), к типу 3 — также знаки огня (варианты креста), к типу 4 — знаки, являвшиеся, очевидно, тамгами, но менее распространенных начертаний, чем знаки первого типа, к типу 5 — фигуры, представляющие собой различные сочетания ромба и треугольника. Первые два типа особенно многообразны по начертаниям и часты по встречаемости на сосудах. Они использованы примерно в 70 % клейменных сосудов.

О способе нанесения, о начертаниях и значении клейм на керамике существует обширная литература (см.: *Плетнева С. А.*, 1967. С. 124—127.). После 1967 г. вышли новые статьи, посвященные этой тематике (см.: *Красильников К. П.*, 1976. С. 274—277. Рис. 5). Мы знаем, что клейма вырезались на подставках, помещавшихся перед формовкой сосуда на гончарном круге. Помимо клейм от гончарного круга, на донцах сохранялись и другие следы: бортики, отпечатки деревянной доски и ар. Особенный интерес представляют квадратные или прямоугольные углубления — следы креплений, употреблявшиеся в ранний период освоения гончарного круга (*Бобринский А. А.*, 1978. С. 38, 39). Такие следы встречены на могильнике четырежды: в катакомбах 80, 81, 109, тризна 57.

К группе II керамики относятся лепные или слегка подправленные на гончарном круге сосуды. Их на могильнике немного — всего 27 экз.

1-й вид лепной керамики представлен кухонными горшками, близкими по форме и орнаментации обычным кухонным горшкам (рис. 68, 78, катакомбы 7, 14, тризна 61). Все они подправлены на круге, линейный орнамент проведен явно с помощью вращающегося круга, хотя и довольно небрежно. Глиняное тесто также более грубое, чем у круговых горшков, с более крупными примесями дресвы.

2-й вид горшков совершенно нестандартен. Один горшок — лепной, баночной формы, со слегка отогнутым венчиком (рис. 77, тризна V). Два других — оригинальной, расширяющейся книзу формы (рис. 73, 77, катакомба 122, тризна 10), аналогии которой известны пока только в Саркеле (*Плетнева С. А.*, 1959. С. 237. Рис. 23, I). Горшок из тризны 10 подправлен на кругу и покрыт редким линейным орнаментом.

3-й вид — горшки с ручкой, укрепленной одним концом на венчике, другим — на плечиках. Все шесть экземпляров являются более или менее удачными подражаниями кухонным горшочкам с ручками (рис. 68, 69, 72, 77, 78, катакомбы 2, 10, 44, 105, тризны 18, 34). Они подправлены на гончарном кругу, на трех нанесен с помощью вращающегося круга линейный орнамент.

1													
кувшины	4	4		1			1	1					
кружки /тип 1/	2	1	1					1					
кружки /тип 2/	1		1			1		2					
горшочки	1												
миски					1								
двуручные кувшины	1												
2													
кувшины	3	1	3	1	1	1	2		1		1	2	1
кружки /тип 1/	1		1						1	1			
кружки /тип 2/	1	1											
горшочки	1												
горшки кухонные			1										
горшки "пеньковские"							1						
3													
кувшины	4									2			
кружки /тип 1/	2												
кружки /тип 2/	2			1				1					
кубышки	1												
корчаги	1												
горшки "вольтцевские"	1							1					
4													
кувшины	1	2					2		1		1		
кружки /тип 1/		1	1										
кружки /тип 2/					1								
кубышки		1											
5													
кувшины						1							
кружки /тип 1/						1							
кружки /тип 2/										1			
горшочки	1												

Рис. 80. Типология клейм на донцах сосудов и соотношение их с видами сосудов

4-й вид представлен всего одним сосудом — кувшинчиком с коротким горлом, венчиком с небольшим сливом и массивной ручкой, прикрепленной одним концом к краю венчика, а другим — к плечу (рис. 68, катакомба 8).

5-й вид — две кружечки. Одна из них с зооморфной ручкой (рис. 70, катакомба 54), другая — с петлевидной (рис. 74, катакомба 130).

Сосуды всех перечисленных видов сделаны из характерного глиняного теста с примесью более или менее мелко дробленной дровины, что объединяет их со всей остальной массой керамики, обнаруженной на могильнике. Формы их имеют прототипы в гончарной керамике, которая служила образцом для мастериц, лепивших сосудики.

Совершенно к иному отделу относятся 12 горшков, происходивших из трупосожжений, расположенных на могильнике между катакомбами.

Эти горшки делятся на три типа. К типу 1 относятся так называемые славяноидные горшки, имеющие аналоги в лепной пеньковской керамике VIII—IX вв. (трупосожжения 2, 3, 4, 7, 8, 9, рис. 68, 76). В одной из статей я уже писала о включении «пеньковского» населения в алано-болгарскую среду (*Плетнева С. А.*, 1972. С. 115—118), опираясь именно на материалы Дмитриевского могильника. Там же дана была и характеристика данного отдела керамики. В дополнение следует сказать, что некоторые из сосудов первого типа явно подправлены на гончарном круге (на донце одного из них обнаружено даже клеймо). Кроме того, форма их скорее может быть сравнима не с типичными славянскими горшками, а с Черняховской кухонной керамикой: они более одутловаты, без орнамента на венчиках и к тому же сделаны не без помощи гончарного круга.

То же можно сказать и о типе 2 горшков — остросеребряных или биконических больших сосудах (трупосожжения 1, 5). Эти горшки — характернейший признак пеньковской культуры. Не вызывает сомнений их **прямая связь с Черняховскими прототипами.**

Оба типа изготавливались из хорошо отмученного теста с тонкими обезжиривающими примесями (мелким шамотом и песком).

Тип 3 резко отличается от первых двух прежде всего составом теста. Оно рыхлое, ломкое, с примесью выгоревшей травы. Поверхность сосудов тоже заглажена мазками травы, борозды от которой хорошо прослеживаются. Форма сосудов с выпуклыми боками шаровидная, яйцевидная или даже почти баночная (рис. 76, трупосожжения 4, 5, 6), аналогичная горшкам из степных кочевнических памятников, начиная с сарматского и кончая позднесредневековым временем (*Плетнева С. А.*, 1967. С. 104). Эта керамика является вещественным свидетельством включения в пеньковскую (постчерняховскую) культуру значительного количества кочевников. Таким образом, в Дмитриевском могильнике, как в капле воды, отразился состав всего «керамического моря» поздних пеньковских памятников. Для собственно **Дмитриевской**, в **основном** аланской культуры, эта керамика представляется абсолютно чуждой.

Группа III привозной керамики очень немногочисленна. В нее входят всего четыре сосуда. Прежде всего это большая оранжевая (без ангоба) амфора с отбитым горлом и ручками. Амфора стояла в тризне 53 (рис. 78), по-видимому, верхняя ее часть, близкая к поверхности, была за прошедшее

тысячелетие разрушена. По сохранившейся части можно датировать ее временем не ранее конца VIII -начала IX в.

Остальные три сосуда представлены так называемыми эйнхоевидными кувшинами (рис. 72, 74, 75, катакомбы 98, 126, 154). Это небольшие светло-оранжевые или желтые кувшины со стройным туловом, коротким горлом, характерным (с резко выделенным сливом) венчиком и плоской, изогнутой под прямым углом ручкой, отходящей от венчика к плечу. Поверхность кувшинов покрыта по плечикам и горлу линейно-волнистым орнаментом, нанесенным белым ангобом. Иногда ангобом по тулову нанесли и иные узоры.

Кувшины, как и амфоры, изготовлялись в крымских гончарных мастерских (*Якобсон А. Л.*, 1979. С. 60 — 62. Рис. 33) и в редких случаях доставлялись даже на далекие окраины Хазарского каганата. Причем, если амфоры привозились сюда в качестве тары с вином или специями, то эти кувшинчики, видимо, высоко ценились и сами по себе. Небольшое их число свидетельствует, очевидно, о том, что партии их не транспортировались через всю тысячекилометровую степь на продажу, а просто отдельные их экземпляры приобретались в Крыму и доставлялись в верховья Донца не купцами, а покупателями. Как бы там ни было, но находки амфор и кувшинчиков говорят о связях верхнедонецкого населения с крымскими провинциями.

Посуда, которой пользовалось дмитриевское население, изготовлялась не только из глины. В катакомбах неоднократно находили остатки деревянных мисок диаметром примерно 20 см. Венчик у них по краю укреплён четырьмя—шестью медными треугольными и прямоугольными пластинками, закрепленными на нем через равные промежутки тонкими гвоздиками. Как правило, именно эти пластинки и коричневый глян между ними и сохраняются от деревянных мисок. В сырой камере катакомбы 100 сохранился весь верх маленькой мисочки (10,5 см диаметр) высотой 2,5 см. Венчик у нее снаружи выделен, изнутри — скошен, а по краю орнаментирован насечками (рис. 40). В катакомбе 15 была найдена верхняя часть берестяного теска с медными, аналогичными описанным, оковочками по краю (рис. 46), а в катакомбе 3 обнаружен носик-слив деревянного сосуда (рис. 46), также по краю окованный медной пластинкой. Очевидно, ассортимент деревянных сосудов, судя даже по небольшому числу находок, был достаточно разнообразен.

Помимо деревянной посуды, использовалась еще и кожаная, в частности — бурдюки. Костяные горлышки от них были обнаружены в трех катакомбах: 57, 101, 114 (рис. 81). Все они типологически абсолютно различны. Нередко на горлышках изображались разнообразные орнаменты: геометрические и растительные, животные и целые бытовые сцены (*Артамонов М. П.*, 1958, рис. 27; *Плетнева С. Л.*, 1962. С. 250; *Генинг В. Ф.*, *Халиков А. Х.*, 1964. Табл. XVIII; *Красильников К.* 1979. С. 85. Рис. 5). Поверхность Дмитриевских горлышек гладкая, только на горлышке из катакомбы 101 процарапан рунический знак. Это единственное свидетельство знакомства Дмитриевского населения с рунической письменностью, широко распространенной в Хазарском каганате (*Кляшторный С. Г.*, 1979. С. 274-275; *Кызласов И. Л.*, 1989).

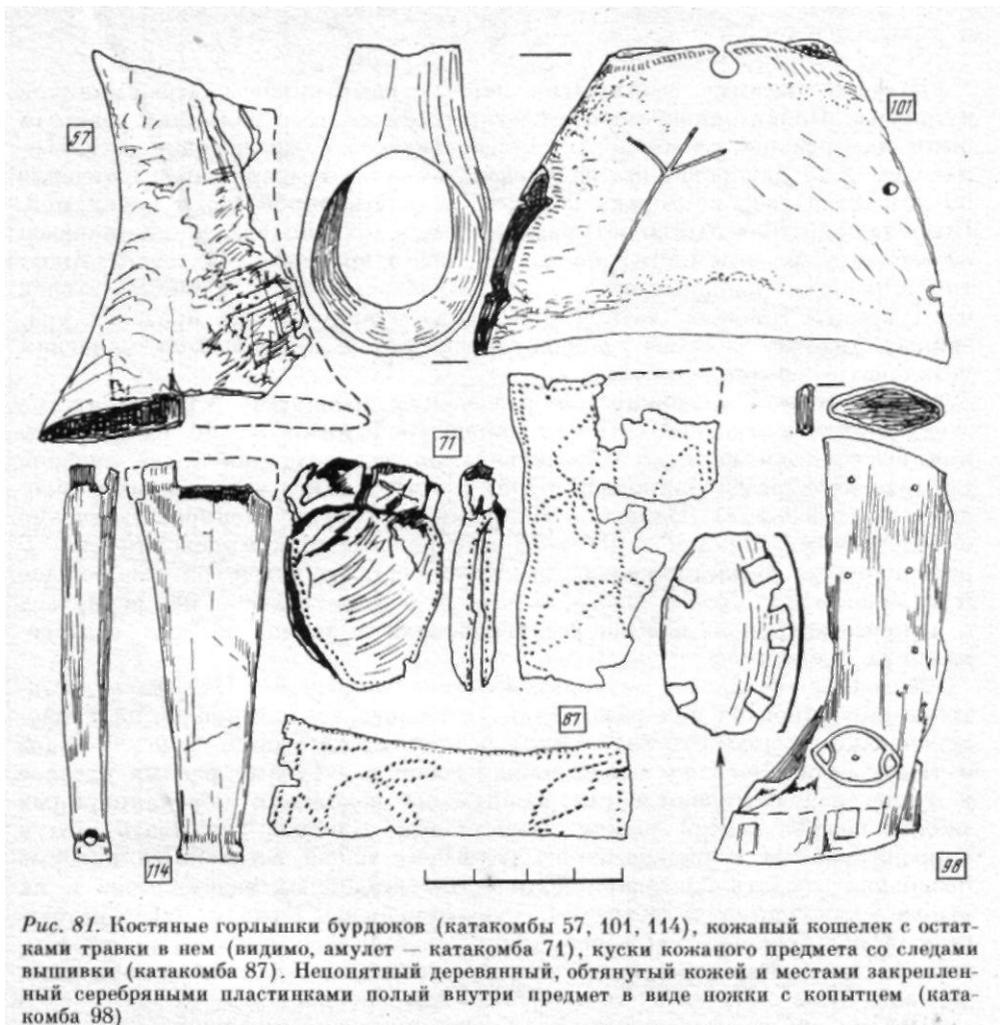

Рис. 81. Костяные гордышки бурдюков (катакомбы 57, 101, 114), кожаный кошелек с остатками травы в нем (видимо, амулет — катакомба 71), куски кожаного предмета со следами вышивки (катакомба 87). Непопятный деревянный, обтянутый кожей и местами закрепленный серебряными пластинками полый внутри предмет в виде ножки с копытцем (катакомба 98)

Пурдюки изготовлялись из целых овечьих кож, однако нередко использовались и сшитые кожаные емкости. Примером тому может служить маленький сердцевидный кошелек из катакомбы 71 (рис. 81). Мелкий, почти машинный стежок прослежен и на двух кусочках кожаного кошелька из катакомбы 87.

В заключение раздела об инвентаре могильника упомянем непопятный предмет — кошелек (сосудик или амулет?) в виде ножки копытного животного, сделанного из коры, тонких кусочков дерева, кожи и пластинок серебра (рис. 81, катакомба 98). Он мог служить вместилищем для полужидкого (мази) или сыпучего вещества.

Прошло столетие с открытия первых памятников салтово-маяцкой культуры. Почти одновременно с открытием салтово-манские древности были датированы по аналогии с северокавказскими серединой VIII — началом X в. Датировка эта не вызвала никаких возражений и в течение 50 лет оставалась не только неизменной и эталонной, но и неделимой. Последнее обстоятельство объясняется тем, что хронологический диапазон ее весьма узок — немногим более 150 лет, а древности салтово-маяцких типов, распространенные на огромных пространствах евразийских степей от Дуная до Байкала, датируются всюду одинаково — в пределах указанных столетий. Поэтому узкие датировки отдельных вещей по аналогиям установить невозможно.

Единственной возможностью разделения древностей VIII—X вв. на этапы явилось создание относительной хронологии их по памятникам или по группам памятников. Первая попытка создания более дробной хронологии была опубликована в 1967 г. в моей книге «От кочевий к городам» (С. 135—142). Однако в то время мы могли оперировать весьма небольшим материалом — всего 33 Дмитриевскими комплексами (из 59 раскопанных). В настоящее время материала более чем в три раза больше и он неизмеримо богаче и разнообразнее. Это обязывает нас вернуться к вопросам хронологизации Дмитриевских, а значит и всех салтово-маяцких древностей.

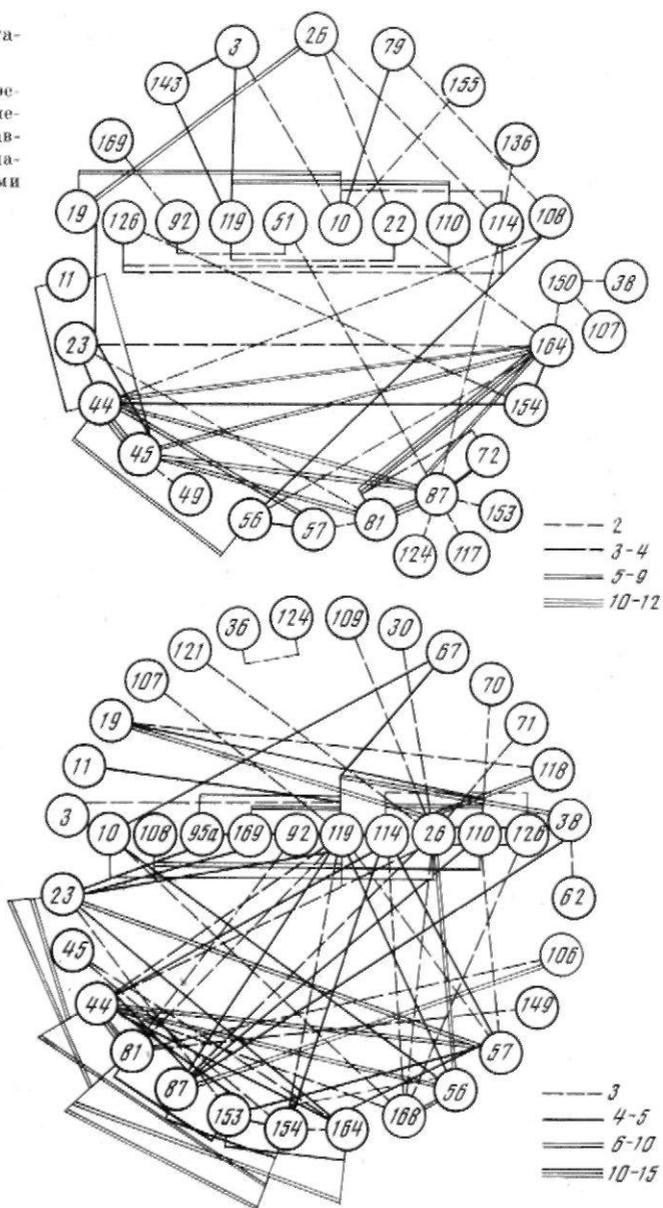
Методика обработки материалов осталась прежней. Она была достаточно апробирована при разделении Дмитриевских материалов на хронологические группы. Это корреляция различных категорий, отделов, видов и типов металлических вещей между собой и с бусами разных отделов и типов с последующим построением на основании корреляционных таблиц графов связей между катакомбами. Следует учитывать, что я коррелирую, как и прежде, не все категории вещей, а только те, которые позволяют создать благодаря количеству найденных экземпляров и их относительной стандартизации четкую типологию. Правда, число категорий, использованных в корреляции, увеличилось вдвое. Это топоры, серьги, браслеты, перстни, амулеты, пуговицы, бубенчики, копоушки, зеркала, бусы.

Перечисленные категории металлических вещей встречены в 71 катакомбе. Сочетания катакомб между собой представлены на таблицах 7—10. Все они связаны друг с другом металлическим инвентарем минимум одной или максимум 12 связями. Следует сказать, что одной связью опутаны, как паутиной, все катакомбы. Эта накинутая на катакомбы «паутина» является надежным свидетельством культурного единства исследуемого памятника. Построенный согласно данным таблиц 7—10 граф (рис. 82, 1) отражает сочетания катакомб, начиная с двух связей, поскольку только с этого более или менее устойчивого сочетания можно наметить разделение катакомб на группы.

Всего в граф включено 35 катакомб. Они разделены на три группы. Две из них (верхняя и нижняя) не связаны друг с другом, катакомбы третьей (промежуточной) группы сочетаются не только друг с другом, но и с катакомбами нижней и особенно часто — верхней групп.

Рис. 82. Графы связей катакомб

1 — граф, составленный в результате корреляции металлических вещей; 2 — граф, составленный по корреляции глазчатых бус с металлическими вещами

Первая (нижняя) группа включает 18 катакомб. В ней четко выделяется ядро из восьми катакомб: 44, 45, 56, 57, 81, 87, 154, 164. Все они крепко перевязаны между собой многочисленными связями. Остальные десять объединены с одной или двумя катакомбами группы, как правило, несильными связями.

Довольно компактное соединение многократно сочетающихся друг с другом катакомб представляет собой и «промежуточная» группа (катакомбы 92, 110, 114, 119, 126).

Значительно менее выразительно выявляется верхняя группа. Она объединена пока по формальному признаку: катакомбы, входящие в нее,

Таблица 7. Корреляция топоров с другими категориями вещей

Другие вещи: категории, типы, варианты	Топоры					
	вид I			вид II		
	тип 1	тип 2	тип 3	тип 1	тип 2	тип 3
Серьги	1	5, 10		52, 69		
	2			89, 110, 119		45, 81, 87, 126, 164
	4		125, 149			33, 106
	5					92, 169
Перстни	1					45, 72, 164
	2	38, 109, 119, 124, 143, 150		80, 101		7, 72, 87, 92, 117
	3	70, 143				
	4	109, 171			69, 118	
Браслеты	1	3, 10, 143				
	2/1	3, 119				51, 169
	2/3	10, 119				
	4					12, 87
Амулеты	1—2					51, 92
	3					51, 87
	6—7	10, 170		79, 108		22, 110
	9	70, 124			110, 111	
	10			38, 125		72, 81, 87, 126, 164
11	3, 5, 10			22, 111		45, 126
Зеркала	1					51, 106
	2					7, 87
	3			54, 119, 159		33, 164
	4					45, 81
Пуговицы	1	3, 62				7, 72, 81, 101
	2	3, 109				106, 121
	3	70, 107, 109, 119		81, 106, 125		72, 81, 87, 92, 106
	4			22, 111, 119		
Бубенчики	1/1	62, 107, 124, 150, 170		79, 108		22, 80, 110, 118
	1/2	38, 107, 150			86, 118	
	2	46, 79				33, 45, 51, 81, 87, 117, 126, 164, 169
	3				52, 115	
						45, 135, 164

Таблица 8. Корреляция копоушек с другими категориями вещей

Другие вещи: категории, типы, варианты	Копоушки			
	тип I	тип 2	тип 3	тип 4
Серьги	2	44, 45, 87, 164		
Перстни	1	23, 44, 45, 164		
	2	119, 143	87, 116, 124,	
	3		7, 118	
Браслеты	1	3, 143		10, 168
	2/1	3, 119		
	2/2—3			10, 79
Амулеты	6	44, 45, 81, 87, 164		10, 79
Зеркала	1	86, 87		
	7	23, 44, 45, 81		
Пуговицы	1	3, 143		
	3		81, 87, 164	10, 79
Бубенчики	1/1		44, 45, 81, 87, 124, 164	168, 169
	1/2			118, 150
	3		44, 45, 87, 164	
Топоры	1/1	3, 119, 143		150, 170
	II/3		23, 45, 81, 87, 164	7, 121

абсолютно не связаны (по металлическому инвентарю) с катакомбами первой группы. Между собой у них связей также почти не устанавливается (исключение составляют катакомбы 3 и 143).

Данные, полученные в результате корреляции металлических вещей, подтверждаются и значительно дополняются графами, построенными при коррелировании этих же типов вещей с бусами трех отделов: III — глазчатыми, IV — полосатыми и V — мозаичными. Выбор этих трех отделов бус объясняется тем, что одноцветные бусы первых 10 типов и бусы с металлической прокладкой (типы 20—22) попадают почти во всех погребениях и их корреляция не даст нам устойчивых и определенных группировок. Другая половина одноцветных бус (типы 11—19) и каменные бусы, наоборот, попадают редко и, хотя в отдельных случаях их корреляция с вещами и подтверждает сделанные на других материалах наблюдения, корреляционные таблицы, составленные по ним, только излишне загружают текст и не дают никаких новых сочетаний.

Корреляция вещей даже с тремя выбранными нами отделами бус дает громадное количество сочетаний, которое графически невозможно объединить в одной таблице. Поэтому корреляция топоров, серег, перстней, браслетов, амулетов, зеркал, копоушек проводится на разных таблицах: сначала с глазчатыми, затем с полосатыми и мозаичными бусами — всего на восьми таблицах (11—18). Графы строятся нами также отдельно по

Таблица 9. Корреляция серег с другими категориями вещей

Другие вещи: категории, типы, варианты		Серьги			
		тип 1	тип 2	тип 4	тип 5
Браслеты	1	10, 15, 74, 126, 131			
	2/1				95, 119
	2/2,3	10, 26			
Амулеты	1—2	67, 69	57, 110	56, 57	92, 119
	6—7	10, 22, 26, 74, 81, 126, 164	11, 44, 45, 87, 110, 114		
	8	22, 26, 74			
	9/1	81, 110, 114	11, 45		
	9/2	10, 22, 26, 52			
	10		44, 57	57, 106, 125	
Пуговицы	2	10, 19			
	3	10, 19, 22, 26, 69, 114, 155, 164	57, 87, 119		92, 119
	4	19, 22, 26, 67, 154	11, 110		
Бубенчики	1	8, 15, 22, 26, 67, 114, 136	44, 45, 57, 87, 92, 110, 119, 170	33, 56, 57, 81, 125, 126, 154, 164	92, 95, 119, 169
	2/2		45, 49		
	3	52, 155, 164	44, 45, 49		
	4	114, 125, 126, 154			
Зеркала	2	19, 26, 52, 55, 74, 114, 126, 154, 164	49, 110, 153		
	7		44, 45, 81		
	9	26, 83			

Таблица 10. Корреляция перстней с другими категориями вещей

Другие вещи: категории, типы		Перстни			
		тип 1	тип 2	тип 3	тип 4
Серьги	1	154, 164	26, 114, 129, 136	15, 52	10, 19, 26, 69
	2	44, 45, 57, 119, 154, 164		11, 89	
	4	56, 57			
	5	23, 119		92, 119, 38	
Амулеты	1—2	56, 57, 108, 119		110, 119	
	4	44, 56, 108			
	6—7	11, 44, 45, 56, 108, 114, 164	72, 87, 108, 110, 114	11, 98	
Зеркала	1		7, 87		
	2	154, 164			2, 19, 26
	7	23, 44, 45, 57			
	9				26, 36, 109

Таблица 11. Корреляция глазчатых бус с украшениями
(серьгами, перстнями, браслетами)

Другие вещи: категории, типы, виды/типы	Типы бус							
	23	24	25	26	27	28	29	
Серьги	1	10, 19, 26, 67	10, 15, 19, 22, 26, 52, 67, 74, 114, 131		26, 114, 155		26, 67, 114	
	2	11, 44, 81, 119 154	44, 57, 81, 87, 110, 114, 119, 126, 154, 170		44, 45, 57, 81, 110, 114 119, 123, 126, 153, 154, 164, 170		81, 110 114	126, 164
	3		54, 83					
	4		56, 57, 106, 149		56, 57, 106, 149			
	5		23, 38, 59, 92, 95а, 119, 169		23, 38, 59, 92, 95а, 119, 169			
Перстни	1	11, 44, 56, 154	23, 44, 56, 57, 72, 108, 114, 154, 168		21, 23, 44, 45, 56, 57, 108, 114, 154, 164	56, 108	108, 114	
	2	19, 26, 116, 118, 119, 124	7, 19, 26, 30, 38, 62, 64, 72, 79, 87, 92, 108, 110, 114, 116, 119	26, 108, 116, 164	26, 30, 38, 62, 87, 92, 108, 109, 110, 114, 118, 119, 153	108, 118	26, 71, 108, 110, 114, 124	
	3		15, 52, 98					
	4	10, 19, 26, 118	10, 19, 26, 36, 171		26, 109, 118			
Браслеты	1	3, 10, 56, 73	3, 10, 15, 56, 74, 98, 126, 132, 168		56, 126, 143, 168			
	2/1	3, 11, 119	3, 26, 95а, 119, 169		23, 51, 95а, 119, 169			
	2/2—3	26, 56, 118	10, 26, 36, 56, 71, 79, 119		26, 71, 56, 118, 119	56, 118		
	3	10, 67, 119	10, 38, 67, 119, 169		38, 119 169			

Таблица 12. Корреляция глазчатых бус с типами зеркал и копоушек

Другие вещи: категории, типы	Типы бус					
	23	24	25	26	28	
Зеркала	2	19,26	19, 26, 71, 74, 110, 126	26, 94, 126	26, 110, 126	26, 110
	4		108, 119, 170		108, 119, 170	
	5		56, 168		56, 168	
	6				118, 155	
	7	44, 81, 154	23, 44, 57, 81, 154		23, 44, 45, 57, 153, 154, 164	81, 153
9		26, 36, 83, 87, 106		26, 87, 106, 109		
Копоушки	1	3, 119	3, 119			
	2	44, 81, 116, 124	23, 44, 81, 87, 116	116, 124	23, 44, 45, 81, 87, 164	81, 124
	3	11, 116, 118, 121	7, 116, 121, 150, 170		118, 170	83, 121
	4		10, 79, 168			

сочетаниям с каждым отделом бус. Следует сказать, что если по вещам граф составлялся с учетом от двух до 12 связей, то следующие три графа учитывали связи, начиная с трех и кончая 10—15 связями.

Наибольшее; число связей дают глазчатые бусы, затем — полосатые и совсем немного — мозаичные (рис. 82, 2; 83, 1, 2).

На всех трех графах, несмотря на различное количество и силу связей, отчетливо выявляются две никогда не пересекающиеся друг с другом группы и третья — промежуточная, имеющая довольно крепкие связи с обеими группами. Рассмотрим графы отдельно, поскольку каждый из них дает при общей схожести и повторяемости заметно отличающиеся друг от друга числом и составом катакомб группы.

В граф, составленный в результате корреляции металлического инвентаря с глазчатыми бусами, вошло 38 катакомб (рис. 82, 2).

Нижняя группа катакомб по-прежнему весьма устойчива. Она объединяет 15 катакомб (рис. 82, 2). Ядро ее, выявленное в предыдущем графе, практически осталось неизменным. К нему прибавились катакомбы 23, 106, 168, зато малым числом связей соединена с остальными катакомба 45, ранее входившая в ядро (рис. 82, 1). Ядро промежуточной группы, также оставшаяся неизменным, пополнилось катакомбами 26, 169, передвинувшимися из верхней группы, и катакомбой 95а. Сильно пополнилась, практически полностью изменилась верхняя группа. От прежней в ней сохранилась только катакомба 3. Более половины катакомб этой группы связаны с промежуточной группой и очень мало — между собой (катакомбы 36 — 124).

Корреляция металлических вещей с полосатыми бусами позволила составить граф, в который вошло 33 катакомбы (рис. 83, 1). В целом и на этом графе повторяется уже выявленная ранее картина трех групп с устойчивыми внутригрупповыми сочетаниями.

Менее всего связей дала корреляция с мозаичными бусами, которые не часто встречаются в катакомбах (рис. 83, 2). Однако и на этом графе

Таблица 13. Корреляция глазчатых бус с топорами и амулетами

Другие вещи: категории, виды, типы	Типы бус						
	23	24	25	26	28	29	
Топоры	I/1	3, 5, 10, 119, 124	3, 10, 38, 62, 101, 107, 119, 150, 170		38, 107, 119, 150, 170	107, 124	
	I/3		23, 38, 81, 106, 149		21, 23, 38, 51, 81, 106, 149		
	II/1		22, 110, 119				
	II/2	12, 118	7, 72, 81, 87, 92, 106, 121, 126, 157, 169				
	II/3	81, 121			45, 51, 81, 87, 92, 106, 126, 169	81, 121	
Амулеты	1—2	44, 56, 67, 119	44, 54, 56, 57, 67, 92, 119		26, 44, 51, 56, 57, 92, 119		
	3				51, 87, 164		
	6—7	10, 11, 26, 44, 56, 67, 81, 121	10, 22, 26, 36, 44, 56, 67, 72, 74, 79, 87, 98, 110, 114, 121, 126	26, 67, 126	26, 44, 45, 56, 81, 87, 99, 110, 114, 126, 164	26, 67, 81, 98, 110, 114, 121	126, 164
	8	11, 26	22, 26, 74				
	9/1	10, 26, 56, 121	10, 22, 26, 52, 56, 110, 121		26, 56, 110	26, 110, 121	
	9/2	11, 44, 124	44, 108, 114, 119, 126	108, 124, 126	44, 45, 108, 114, 126, 168, 173	108, 114, 124	108, 126
	9/5	108	108, 114, 126	108, 126	108, 114, 126	108, 114	
	10		38, 44, 57, 106		38, 44, 51, 57, 106		

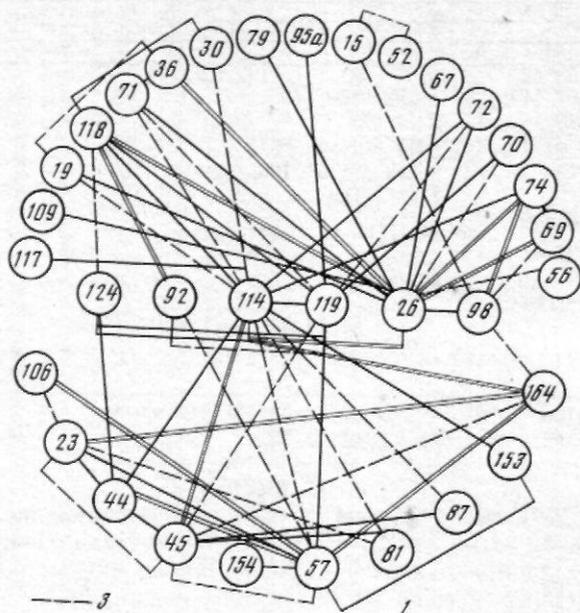
прослеживаются те же вполне устойчивые связи, особенно хорошо выявленные в нижней группе.

Повторяемость из графа в граф внутригрупповых сочетаний катакомб позволила составить новый граф, обобщающий все четыре рассмотренные выше (рис. 84).

В результате получили подтверждение выделившиеся уже при построении четырех первых графов три группы катакомб.

В первую (нижнюю) вошло 12 катакомб, во вторую (верхнюю) — 17. Самой небольшой оказалась промежуточная группа — в ней всего пять катакомб, связанных друг с другом очень сильными связями.

В работе, посвященной хронологии Дмитриевского могильника (Плетнева С. А., 1967. С. 135—142), было уже, как мне представляется, доказано, что катакомбы первой группы, в которую тогда входили катакомбы 23,

- - - 3
 — 4-5
 — 6-10

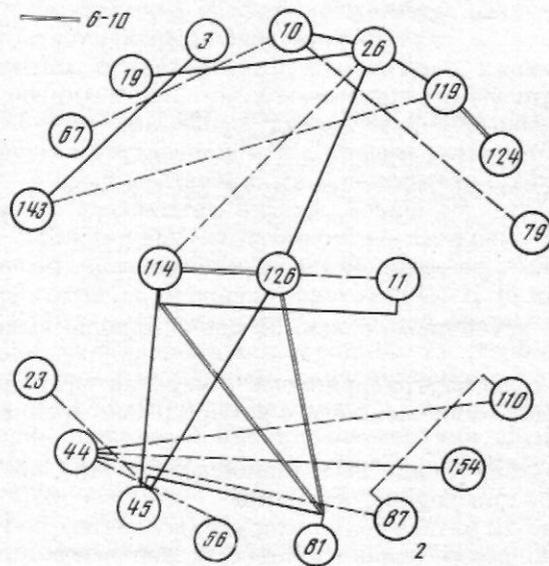
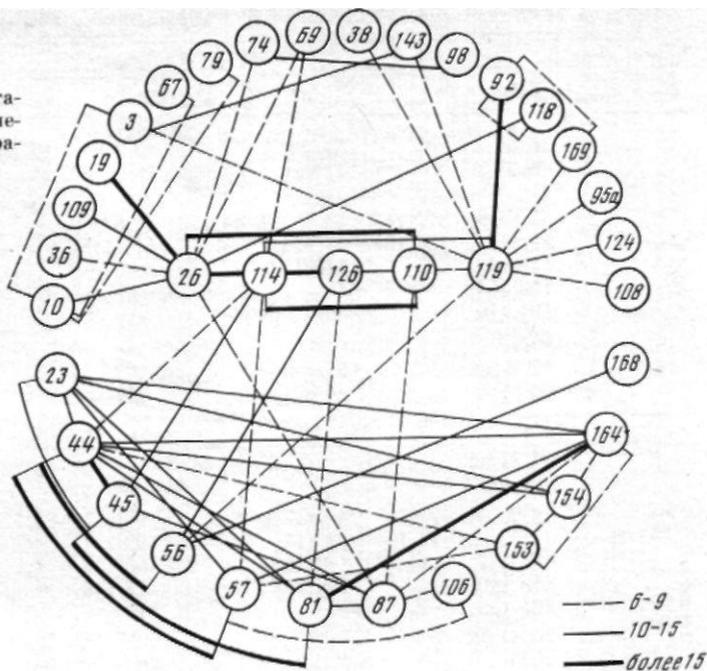

Рис. 83. Графы связей катакомб

1 — граф, составленный по корреляции полосатых бус с металлическими вещами; 2 — граф, составленный по корреляции мозаичных бус с металлическими вещами

Рис. 84. Граф связей катакомб, составленный по четырем предыдущим графам

44, 45, 56, 57, — наиболее ранние, вторая группа включала всего две катакомбы — 19 и 36 (из числа тех, которые вошли в настоящий граф) поздняя группа. Промежуточная группа, в которую и прежде входила катакомба 26, относится, очевидно, ко времени между первой и второй группами.

Следует сказать, что не полное совпадение графов данной работы с графами 1967 г. объясняется тем, что тогда мы использовали в корреляции все типы бус (сравнительно малое количество материала позволяло сделать это) и благодаря этому в графы попало большее число катакомб, так как бусы встречаются почти в каждой камере. Поэтому мы вполне можем использовать данные работы, проделанной в 1967 г., с учетом тех исправлений, которые удалось в настоящее время внести при более строгом отборе материала и учете большей силы связей. Так, например, катакомба 10 устойчиво перешла из средней в позднюю группу, а катакомба 38 — из ранней в позднюю.

Разделение подавляющего большинства катакомб могильника на группы возможно только после характеристики комплексов первой, второй и промежуточной групп.

Первая (ранняя) группа. Оружие представлено в группе топориками с молотковидным обухом (обоих видов). «Солнечные» амулеты (1-го и 2-го типов) встречаются не только в ранних катакомбах, однако существенно то, что в ранних погребениях амулеты отличаются большей тщательностью отливки (рис. 48) и хорошей сохранностью. Имеют свою специфику и амулеты из косточек животных: для первой группы харак-

Таблица 16. Корреляция полосатых бус с топорами и амулетами

Виды и типы вещей	Типы бус									
	30	31	32	33	34	35	36	38	40	
Топоры	I/1	46, 70, 119, 124, 170, 171	10, 124	119, 124	38, 170	70, 107, 109, 119	70, 109, 170	119, 150		
	I/2					79, 89				
	I/3	23, 81, 106	23, 106			23, 151				
	II/1	46, 89, 119		111, 119		89, 119				
	II/2	12, 69, 118		12, 69, 118		52, 69, 118				
	II/3	12, 72, 81, 92, 106, 117, 157	72, 106, 126, 157	12, 45, 92, 106, 157		33, 45, 87, 117		45, 81, 92		
Амулеты	1—2	57, 44, 64, 67, 69, 98, 119		44, 57, 61, 64, 92, 119		69, 119		57, 92, 119		
	6—7	26, 36, 44, 67, 69, 72, 74, 81, 98, 114, 164	10, 72, 98, 114, 126, 164	44, 45, 69, 74, 98, 114, 164	44, 164	26, 36, 45, 69, 74, 79, 87, 98, 114	26, 56, 72, 74, 98	45, 81, 69, 72	26, 67, 81, 87	
	8	26, 74				26, 74	26, 74			
	9/1					26, 52	26, 56			
	9/2	44, 70, 114, 124, 173	114, 124, 126, 173	44, 45, 111, 114, 124		45, 70, 114				
	9/4					87, 109				
	9/5		114, 126							
	10	44, 57, 106	57, 106	44, 51, 106	38, 44					

терны амулетики из пястных костей лисы и зайца. Совсем нет в ранней группе каменных амулетов, а амулеты-зеркальца относятся к 1-му и 3-му вариантам (с концентрически расположенными завитками или с орнаментом, подражающим орнаментике больших зеркал).

В II разительную картину преобладания определенных типов дают предметы туалета: копоушки и зеркала. Копоушки относятся преимущественно к типу 2, зеркала — к первому виду (не превышают в диаметре 7,5 см). При этом среди зеркал первого вида в группе преобладают зеркала с ячеистым мелким орнаментом (тип 7), зеркала с орнаментом в виде лепестков лотоса (тип 5), зеркала с простым орнаментом в виде концентрических кругов (тип 1) и зеркала с мелким зигзагом, напоминающим ячейки (тип 2, вариант 5). Орнамент из концентрических кругов и ячеистый типичен для позднесарматских и раннесредневековых зеркал, что подтверждает их отнесение к раннему этану (*Минаева Т. М.*, 1982. С. 231. Рис. 6 и др.).

Несмотря на то что такие украшения, как серьги, несомненно, передавались по наследству и поэтому мы никогда не получим «чистой» картины распределения типов серег по хронологическим группам, на

Таблица 17. Корреляция мозаичных бус с типами топоров, серег, перстней, браслетов

Вид и типы вещей	Типы бус						
	42	43	44	48	49	50	54
Топоры	1/1	124, 143, 149 150	10, 107, 119, 124, 143		46, 119, 124, 170		3, 107
	1/3				23, 81, 106		
	II/1				46, 119		
	II/3	92, 126, 157	55, 81, 126		45, 81, 126, 157	72, 126	
Серьги	1	26, 69	10, 19, 26, 67, 74, 114			44, 87, 110, 154	
	2	44, 119, 126		149, 126, 153	45, 81, 114, 126, 170		
	4					56, 57	
	5	92, 119	95а, 119		23, 106		
Перстни	1		11, 114		23, 45, 114, 168	44, 50, 56, 154, 168	
	2	26, 64, 116, 119, 129, 143	19, 64, 71, 79, 86, 92, 114, 118, 149 143		26, 114, 119, 124	87, 110	7, 72
	3		11, 143	52, 98, 153			
	4	26, 69	10, 19, 26, 118, 171				
Браслеты	1	3, 126, 143	3, 10, 74, 126, 143	98, 126	126, 168	56, 168	
	2/1	3, 119	95а, 113, 119		23, 119		
	2/2,3	26, 119	10, 67, 119	36, 49			
	3	119, 132					

основании изучения имеющегося материала можно говорить о том, что серьги 2, 3, 4-го типов, отличающиеся более сложной и красивой конструкцией, характерны для раннего периода (рис. 57). В поздних комплексах нередко находки этих серег, сломанные или со следами починки (катакомбы 33, 119, 125). Достаточно четко можно судить и о перстнях: безусловно для раннего периода характерны перстни типа 1 (со вставкой, закрепленной четырьмя «лапками»). Много реже попадаются в комплексах щитковые литые перстни типа 2.

Для первой группы характерны скопления большого количества бус типа 5 (мелких, преимущественно синих), типов 20—22 (позолоченных), сравнительно часто помещение в могиле бус типов 9, 26, 48, 50, нетипичных или совсем отсутствующих в других группах.

Почти во всех катакомбах первой группы в камерах и дромосах встречены керамические сосуды. Исключение составляют катакомба 56, в которой вообще не было сосудов, и катакомба 168, в которой сосуды находились только в камере. Всего обнаружено в 11 катакомбах 30 сосудов, из них половина — кувшины, девять лощеных кружек, два лощеных горшочка,

Таблица 18. Корреляция мозаичных бус с типами амулетов, зеркал, копоушек

Виды и типы вещей	Типы бус						
	42	43	44	47	48	49	50
Амулеты	1—2	44, 64, 92, 119	67, 119				44, 56, 57
	6—7	26, 44, 69, 126, 127	10, 11, 74, 79, 81, 67, 114, 126	36, 98, 126, 26, 126	45, 81, 114, 72, 126	126	44, 56, 87, 110
	8	11, 26, 74					
	9/1	10, 26					
	9/2	44, 126	11, 114, 126			45, 114, 124, 126, 168	44, 168
	9/5		114, 126			114, 126	
	10	44, 106					44, 57
Зеркала	2	26, 126	19, 26, 55, 71, 73, 74, 126	94, 126	26, 126		
	4				119, 170		
	5					56, 168	
	7				23, 45, 81	44, 51 154	
	9	26, 83, 106	26, 83				
Копоушки	1	3, 119, 143	3, 119, 143				
	2	44, 116					
	3	83, 116, 150	11, 83, 118			23, 45, 81	44, 87
	4		10, 79				

две кубышки, один лепной горшочек и один эйнохоевидный привозной кувшин. Несмотря на общее разнообразие типов, можно попытаться выделить два более или менее устойчивых признака. Это — явное преобладание в катакомбах кружек с петлевидными ручками и наличие в них остро-реберных кувшинов (тин 4).

Помимо перечисленных, первую группу характеризуют еще несколько менее заметных признаков. Во-первых, тяжелые «приземистые» стремяна с крупной прямоугольной петлей и сильно вогнутой без прорезей подножкой, укрепленной тремя жгутами (рис. 44). Во-вторых, малое количество находок пуговиц и бубенчиков. Хотя все их типы появились в раннее время (рис. 56, 57), распространения они, видимо, не получили — возможно, жители чаще пользовались тогда деревянными пуговицами, до нас не дошедшими. В-третьих, значительно чаще, чем в поздних катакомбах, встречаются при ранних захоронениях различные подвески на пояс: «распределители», «ворварки», фигурные петли и пр. (рис. 56). Наконец, весьма существенным комплексным признаком могут быть воинские пояса. В ранних катакомбах, включенных в граф (рис. 84), встречено всего три пояса (катакомбы 81, 87, 164). Они характеризуются пряжками типов 3 и 8, литыми бляшками со схематизированным лотосовидным узором (частое четыремя сквозными отверстиями), лотосовидными бляш-

ками с кольцом (тип 5), бляшками-рамочками (или с прорезью) и отсутствием наконечника или литым наконечником со схематизированным растительным узором (типы 4, 5). Предложенная нами выше гипотеза о раннем происхождении поясов с пряжкой типа 8 (второй блок) как будто находит подтверждение и в свою очередь может быть использована при определении времени первой группы комплексов Дмитриевского могильника.

Выявленные особенности трех поясов позволяют выделить шесть типологически близких к ним наборов (рис. 85). Однако без сопровождающего их остального инвентаря мы не смогли бы уверенно говорить о принадлежности катакомб, в которых они были обнаружены, к ранней группе (табл. 19).

Всего же благодаря анализу совокупности всех признаков нами выделено на могильнике дополнительно еще восемь ранних катакомб (табл. 19). Их инвентарь в целом полностью соответствует инвентарю ранней группы. Единственной особенностью их является наличие в ряде катакомб топориков типа 2 с раскованным широким окончанием обушка, близким, но не идентичным молоткообразному топору типа 3. Видимо, тупые широкие обушки следует считать синхронными «молоткообразным», хотя не исключено, что появились они несколько позднее.

Детальное рассмотрение инвентаря катакомб ранней группы позволило не только включить в нее ряд катакомб, но и наоборот исключить две катакомбы, несмотря на прочные связи их с катакомбами этой группы и отсутствием крепких связей с двумя другими группами. Прежде всего это богатая вещами катакомба 106. В ней наряду с ранними признаками есть и явно поздние как в металлическом инвентаре (топор вида 1, большое зеркало), так и в бусах (тины 42, 55). Поэтому данный комплекс мы перенесли в «промежуточную» группу. К той же группе относится и катакомба 153, поскольку в ней, помимо ранних вещей, обнаружен перстень типа 3, получивший распространение только в поздний период.

Вторая (поздняя) группа. Оружие, как и в первой группе, представлено топорами. Однако типы топоров резко отличны от ранних — они характеризуются плоским (тип 1) или уплощенным обухом (некоторые экземпляры типа 2 обоих видов). Тип 3 (с обушком-молоточком) встречен всего в двух катакомбах (92, 169).

Новые черты прослеживаются в наборе амулетов: в нем преобладают когти и зубы животных, каменные подвески-амулеты и зеркальца всех вариантов.

Предметы туалета (копоушки и зеркала) также сильно отличаются от первой группы. Копоушки относятся к типам 1 и 4. Встречаются наборы, состоящие из копоушки и ногтечистки, причем нередко железные (рис. 55). В туалетные наборы входят также кисточки, щипчики для выпивания волос, маленькие туалетные ножницы. Зеркала относятся к типам 2, 3 и 4 (рис. 51, 52). Зеркала из катакомб 19 и 79 сделаны по одной литейной форме. Встречаются в катакомбах второй группы и большие зеркала вида 2, диаметр которых превышает 8 см (рис. 53).

Устойчивы типы украшений, характеризующие вторую группу. Это серьги типов 1 и 5 (рис. 57) и перстни типов 2, 3, 4 (рис. 61). Получают широкое распространение самые разнообразные подвески — украшения на

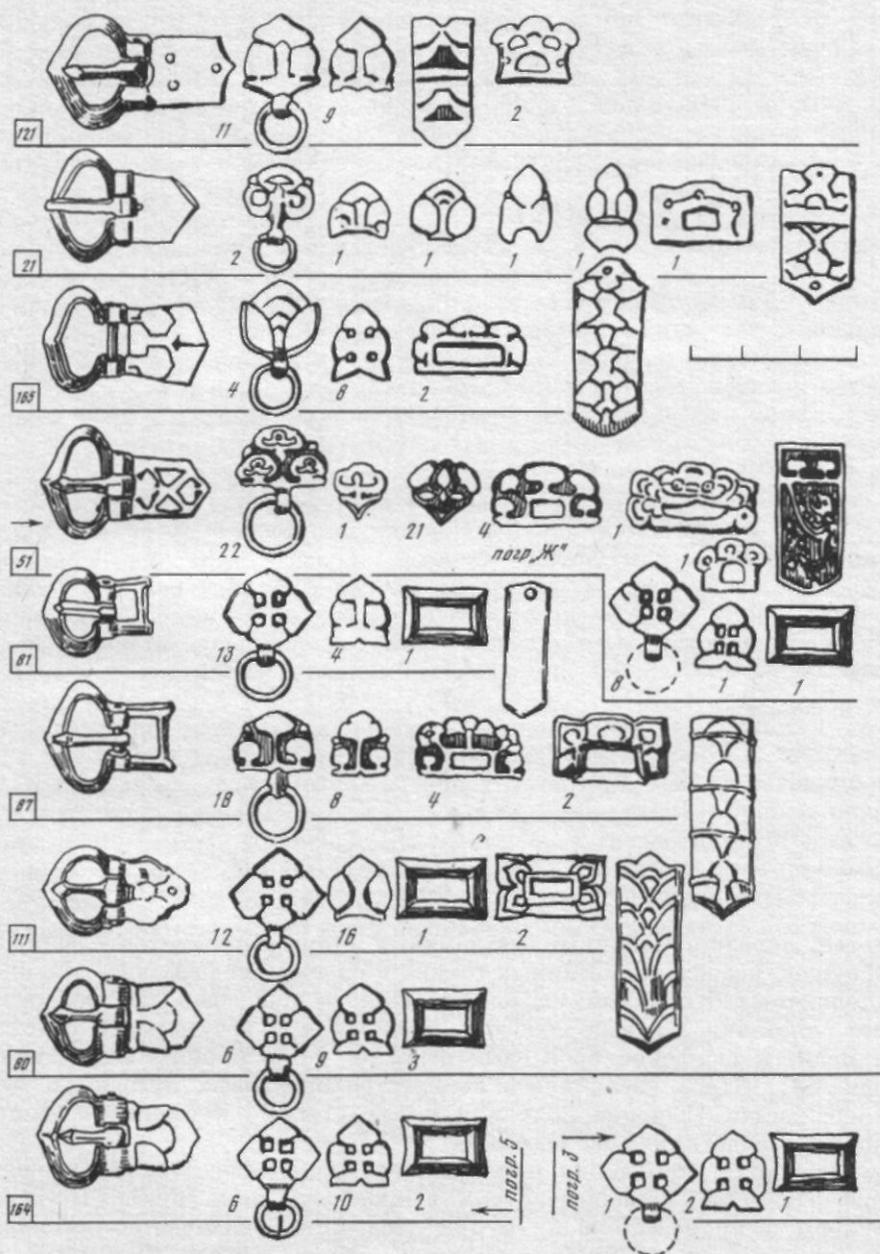

Рис. 85. Поясные наборы, характерные для ранней группы катакомб

Цифрами на этом и следующих трех рисунках обозначено количество бляшек данного типа

Таблица 19. Инвентари катакомб, дополнительно выделенных в первую хронологическую группу

Категория вещей	Вид, тип, вариант	Катакомбы							
		51	152	125	165	21	121	80	111
Топоры	1/2			+		+			
	1/3	+	+	+					
	2/2				+			+	+
	2/3	+			+		+		
Амулеты	2	+							
	3	+	+						
	4			+					
	5			+					
	6						+		
	9/1								+
	9/2		+				+		
	10	+		+					
Серьги	4			+			+		
Перстни	1	+				+			
	2							+	
Копоушки	3						+		
Зеркала	2/5		+						
Туалетные кисточки	—						+		
«Распределители»	—	+							
«Ворварки»	—	+	+	+					
«Печатки»	—		+	+					
«Самоварчики»	—		+	+					
Кресала	—				+				

платье, нередко сделанные из ломаных старых предметов — фигурных копоушек, небрежно смотанных тонких и плоских медных полосок, иногда дополненных бусинками, связок бубенчиков, бронзовых цепочек различного сплетения. Такими подвесками служили и треугольные пластинки из меди, и скифские бронзовые стрелки, и различного вида лунницы (рис. 58). Втрое увеличилось количество бронзовых пуговиц и бубенчиков, распространение получили перламутровые пуговицы и нашивки (круглые пластинки) на шапочки.

Происходят изменения и в бусинном материале. Причем тенденция этого изменения проявляется уже в промежуточной группе. Во-первых, начиная с промежуточной группы, возрастает количество катакомб с бусами 10, 28, 42, 43, 55 типов, редких в первой группе. Во-вторых, исчезают из употребления бусы типа 50. В-третьих, во второй группе почти полностью исчезают бусы 8, 9, 15, 48, 61 типов, которые характерны не только для первой, но и для промежуточной группы. В-четвертых, только

во второй группе появляются бусы типов 25 и 54. В-пятых, во второй группе заметно меньше массовых мелких бус типа 5, бус с металлической прокладкой (типы 20—22) и крупных глазчатых бус типа 26.

Керамические сосуды встречены в 16 (из 17) катакомбах: три раза только в камерах (3, 36, 69), пять — в дромосах (10, 67, 79, 124, 143), остальные — и в камерах, и в дромосах. Всего обнаружено 40 сосудов. В целом керамический комплекс более разнообразен, чем в первой группе, но никаких особых признаков, характеризующих его, выделить не удается.

Третья (промежуточная) группа. По бусам эта группа характеризуется значительной смешанностью материала. То же можно сказать и обо всем остальном инвентаре — от топоров до керамики.

Так, в катакомбе 110 встречены ранняя серьга типа 2 с поздним топором типа 1. В этой же катакомбе встречена подвеска-лунница, датирующаяся не ранее второй половины IX в., и бронзовая фибула (рис. 59). То же можно сказать и о комплексе катакомбы 114, в котором перстни типа 1 и серьги типа 2 (сломанные) встречены вместе с серьгами типа 1, зеркалом с «жемчужным» орнаментом (поздним) и амулетами-когтями. Очень выразителен комплекс катакомбы 119. В нем сочетаются «солнечный» амулет и перстень типа 1, с одной стороны, и топоры типа 1, зеркало типа 4 (с «жемчужным» орнаментом) и копоушкой типа 1 — с другой. Кроме того, здесь же поздняя серьга типа 5 найдена рядом с ранней ломаной типа 2. У тазовых костей была обнаружена бронзовая фибула. В катакомбе 126 соседствуют ранние топорик типа 3, серьги типа 4, амулеты-зеркальца варианта 1 и пястные косточки с поздним зеркалом, аналогичным зеркалам из катакомб 19 и 79, и зеркальцем-амулетом варианта 5.

Комплексом, наиболее близким к поздней группе, является катакомба 26. Его характеризуют амулеты-зеркальца варианта 2, каменные амулеты, зубы животных, зеркало, идентичное зеркалам из катакомб 19, 79, 126, большое зеркало, серьги типа 1 и перстни типа 4, крупные перламутровые пуговицы. По существу только бусы позволяют отнести эту катакомбу не ко второй поздней, а к третьей группе. В катакомбе, как и в двух предыдущих этой же группы, обнаружены две бронзовые фибулы.

В третью группу попало всего пять катакомб. Объясняется это тем, что редко с полной уверенностью можно говорить о принадлежности комплекса к промежуточному, поскольку совершенно ясно, что ранние вещи попадали не только в эти катакомбы, но нередко и в поздние: период существования могильника в целом очень невелик — всего около 150 лет.

Рассмотрим далее поясные наборы, характерные для поздней и промежуточной групп, а затем — возможное выделение по всей совокупности признаков (в том числе и по поясам) дополнительных комплексов обеих групп.

Пояса обнаружены в восьми из 20 комплексов поздней группы (рис. 86), что дает возможность определить наиболее характерные их признаки. Так, в катакомбе 3 находились остатки двух поясов: первый с пряжкой типа 1, бляшками типа 3 и штампованным наконечником типа 2, второй со штампованной пряжкой типа 5 и штампованными бляшками типа 2. В катакомбе 143 обнаружен пояс с пряжкой типа 2, бляшками типа 3 и

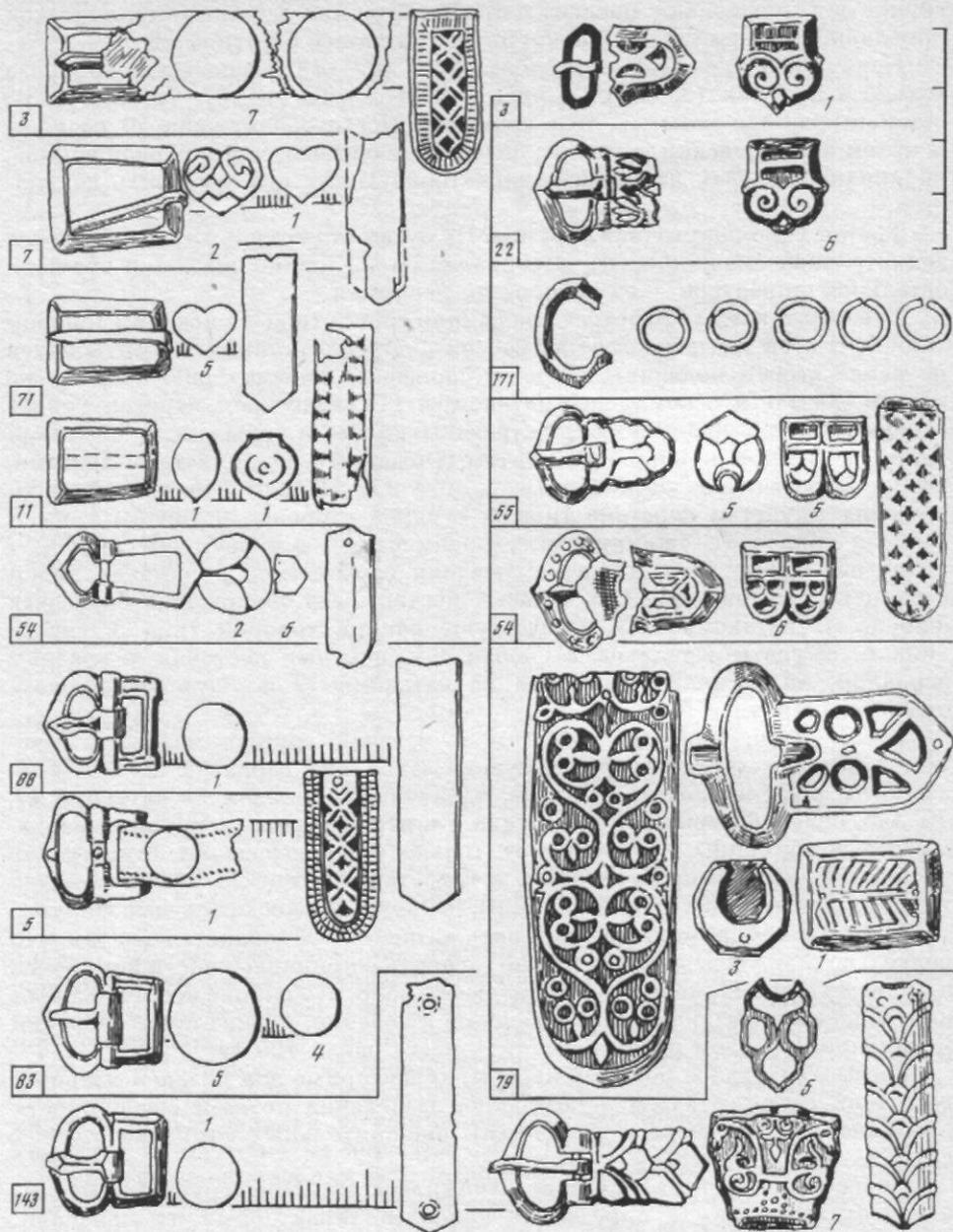

Рис. 86. Поясные наборы, характерные для поздней группы катакомб

наконечником типа 1 (тонкой, вырезанной из серебряного листа пластины). Оба пояса относятся к первому стилистическому блоку, который, как мы пытались доказать выше, появился в последний период существования Дмитриевского комплекса. Аналогичные или близкие по ряду признаков пояса обнаружены в нескольких катакомбах могильника, не попавших в корреляционные таблицы и построенные по ним графы. Это катакомбы 5, 7, 11, 54, 71, 83, 88. В катакомбе 54, как и в катакомбе 3, найдено два поясных набора второго и третьего типов. Таким образом, синхронность этих поясов представляется вполне очевидной. К ним примыкает, по-видимому, пояс из катакомбы 171 (рис. 86), состоящий из обломка пряжки (очевидно, типа 2) и пяти плоских бронзовых колечек. Вероятно, колечки были обтянуты кожей, что создавало впечатление обычных круглых бляшек типа 3.

В катакомбе 143 был обнаружен также «смешанный» пояс, состоявший из пряжки типа 7 (аналогичной пряжке из ранней катакомбы 23), наконечника типа 5, близкого наконечнику из ранней катакомбы 111, и семи штампованных трапециевидных блях (тип 2) со сложным орнаментом (две птичьих головки со схематичным деревом жизни между ними). Идентичные бляшки найдены в катакомбе 52, являясь там основной частью сбруйного набора-оголовья (рис. 40). В тот же сбруйный набор входило И наконечников с простым «елочным» орнаментом. К этому же типу орнамента относится орнамент на прямоугольных штампованных бляхах из поздней катакомбы 79, пояс в которой состоит, помимо них, из штампованных блях двух других вариантов и ранних (ломаных) пряжки и наконечника (рис. 86). Пряжка литая массивная овальнорамчатая (язычок отсутствует). Щиток прорезан семью круглыми и треугольными отверстиями. Аналогии ей известны в комплексах VIII и VIII—IX вв. в Крыму и Центральном Предкавказье (*Ковалевская В. В.*, 1979. Табл. II, 209—211; Табл. V, 3—5). Наконечник также крупный литой с закругленным концом и отломанным верхом¹. Аналогии этому типу наконечников встречены в иозднеаварских древностях VII—начала VIII в. (*Kovrig /.*, 1963. Табл. 61. Fig. 41; *Kiss A.*, 1977. Табл. 10, могила 74. Рис. 5). Таким же сборным поясом является пояс из катакомбы 55, состоящей из штампованных бляшек, наконечника и ранней пряжки типа 8.

Следует сказать, что не только сбруйный набор из катакомбы 52 может быть сопоставлен с поясным набором поздних комплексов, но и сбруйный набор катакомбы 173 несколькими типами блях, наконечниками и пряжками связывается с поздними поясами типа 2 (в частности с поясом из катакомбы 54). Особенностью сбруйного набора является обкладка бронзовых литых бляшек серебряным тонким листом (рис. 39). Аналогии таким бляхам известны на Маяцком могильнике (*Флеров В. С.*, 1984. С. 174). Кроме круглых и сердцевидных блях в набор катакомбы 173 входили лотосовидные бляхи с неподвижным кольцом. Они, как и весь остальной набор, были обтянуты серебряным листом, отличаясь этим от близких по типу (тип 6) блях, входивших в несколько поясных наборов также из поздних комплексов.

¹ Близкий типологически и тоже ломаный сверху наконечник найден в Саркеле, где он также был явным анахронизмом (*Артамонов М. П.*, 1935. С. 16, 17. Рис. 5, 6).

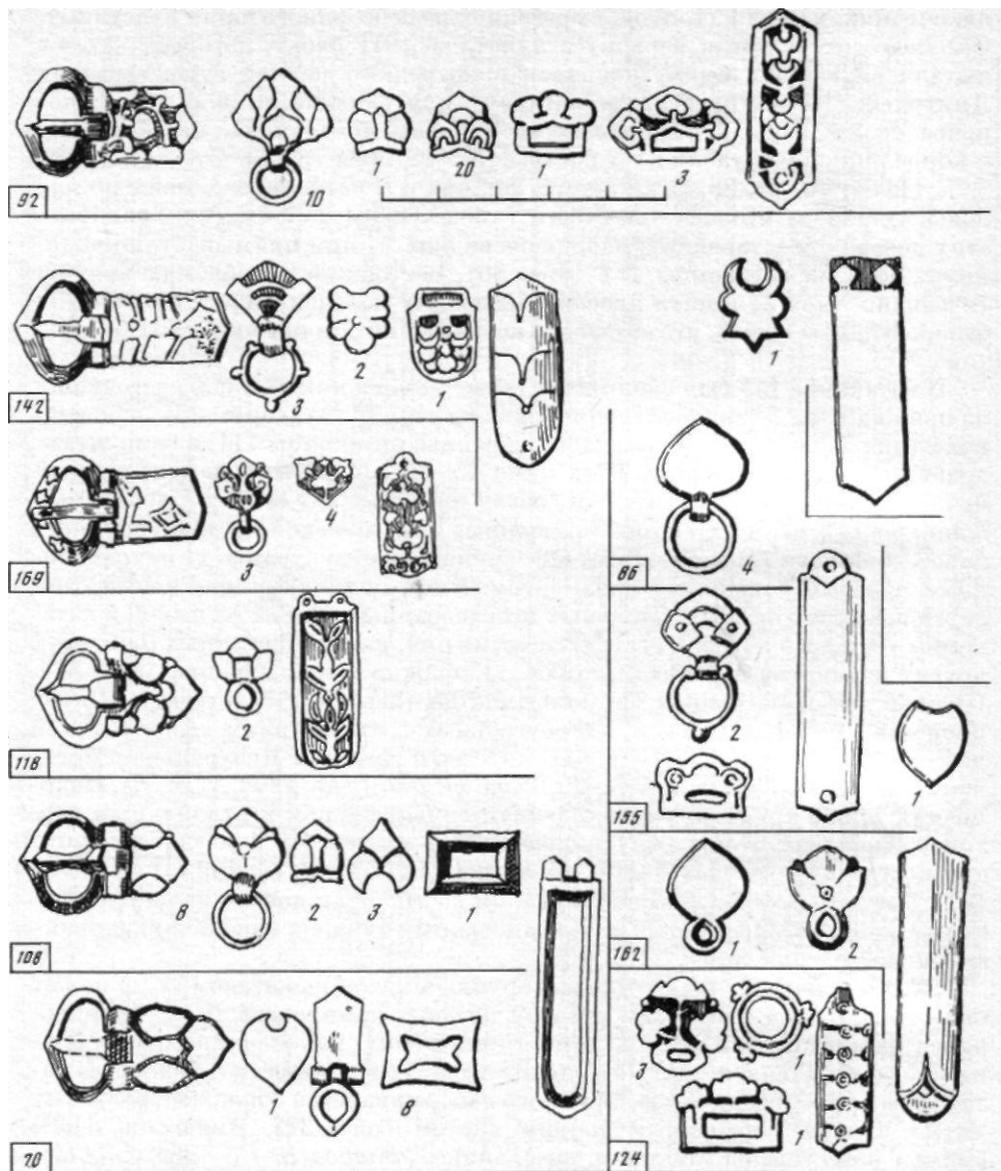

Рис. 87. Поясные наборы, характерные для поздней группы катакомб

К ним в первую очередь относятся пояса из катакомб 118 и 124 (рис. 87). В обоих составным элементом являются серебряные бляшки с неподвижным кольцом (прорезью), иногда превращенные в кольцо с небольшими пальметками по внешнему краю (катакомба 124). Они объединяются, как нам представляется, в единый стилистический и, ви-

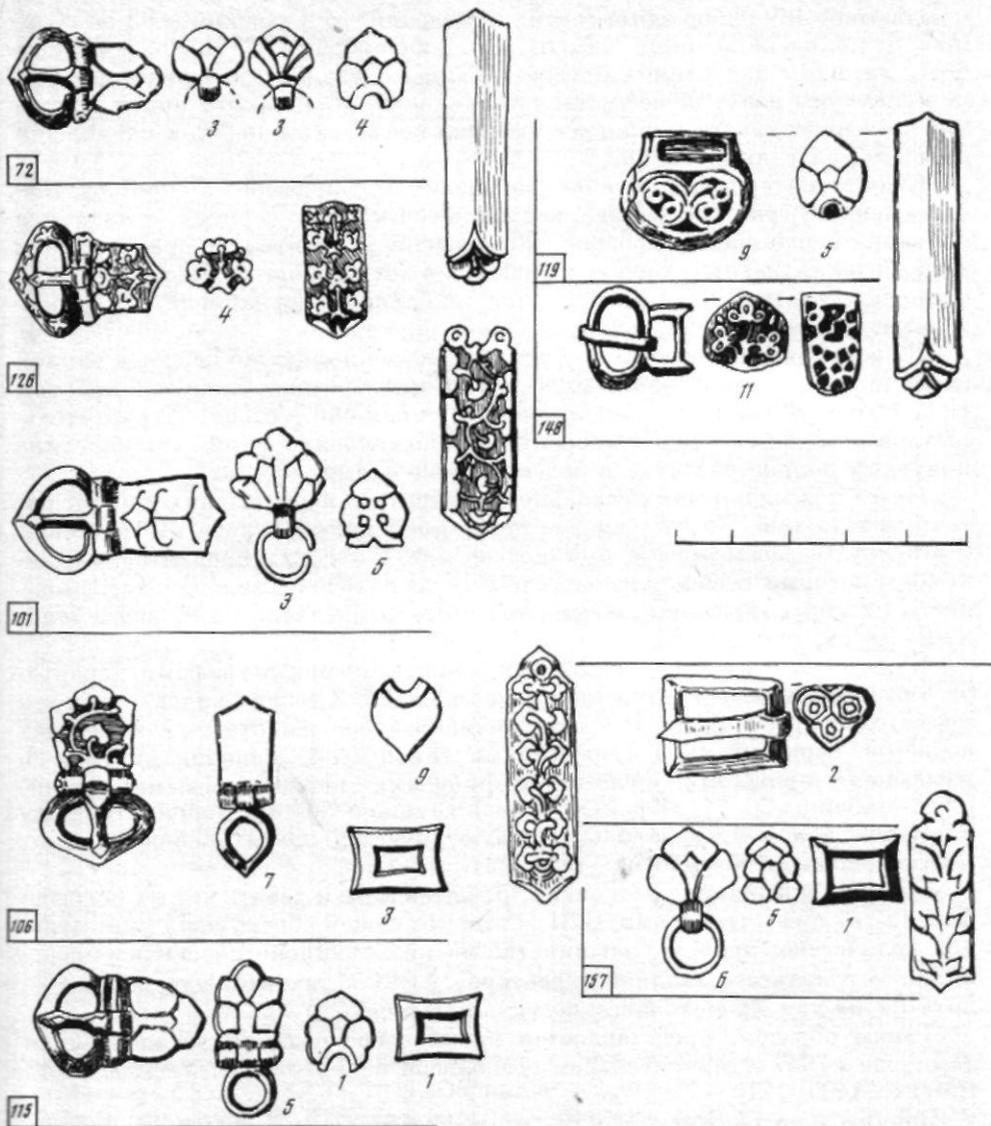

Рис. 88. Поясные наборы, характерные для «промежуточной» группы катакомб

димо, хронологический комплекс с бляшками типа 4, бляшками с кольцом типа 1 и наконечниками типа 3.

Последним характерным для позднего времени поясным набором являются наборы, состоящие из литых, украшенных мелким растительным узором бляшек, наконечников, пряжек (катакомбы 92, 169), причем если

в катакомбе 109 набор единый стилистический, то в катакомбе 92 он сборный: бляшки в нем ранние (тип. 6), бляшки с прорезью — типы 2 и 4 также более типичны для ранних поясов. Пряжка и наконечник орнаментально не идентичны поясу из катакомбы 169, однако, видимо, этот прием покрытия всей поверхности мелколистным орнаментальным побегом появился и существовал единовременно.

Судя по материалам могильника, возник этот орнамент в «промежуточный» период (рис. 88). Пояса, относящиеся к этому периоду, отличаются сильной смешанностью наборов, однако ясно, что не только орнаментация мелким растительным узором появилась в тот период, но тогда же вошли в широкое употребление бляшки типа 5 и бляшки с кольцом типа 1, характерные, как мы видели, и для позднего периода.

Начало каждого из этих «стилей», естественно, нужно искать в раннем периоде. Так, в ранней катакомбе 165 были встречены бляшки с кольцом типа 1 (рис. 85), а в катакомбах 51 и 87 — бляшки с развитым растительным узором. Тем не менее уверенно можно говорить о том, что оба стиля получили полное развитие в более позднее время.

Пояса позволяют нам несколько расширить список поздних и промежуточных катакомб. Подтверждение этому пополнению списка мы получили в результате рассмотрения комплексов металлических предметов в катакомбах, которые не вошли из-за малого числа находок, а значит и невозможности их коррелирования, в предложенные выше таблицы и графы (таблицы 7-19; рис. 82-84).

Комплексы с поздними находками, как и выявленные графами, характеризуются преимущественно топорами типов 1 и 2 (обоих видов), набором амулетов с преобладанием в нем когтей и зубов животных и каменных подвесок, серьгами типа 1, перстнями типов 2 — 4, копоушками типа 3, железными пряжками, железными фибулами, перламутровыми пуговицами (таблицы 20, 21). Промежуточная группа в таблице дополнительных катакомб, как и следовало ожидать, отличается значительной смешанностью вещевого комплекса (табл. 22).

Всего на могильнике раскопано 152 катакомбы и девять ямных погребений, 122 из них — с вещами. В 31 катакомбе вещей обнаружено минимальное количество, причем большинство из них — типологически неопределимы. В результате анализа инвентарей из 91 катакомбы удалось разделить их на три хронологические группы (табл. 23).

Таким образом, представляется вполне обоснованной установленная нами еще в 1967 г. относительная хронология могильника (*Плетнева С. А.*, 1967. С. 140-143).

Значительно сложнее решить вопросы абсолютной хронологии этого памятника и всей салтово-маяцкой культуры в целом.

Общеизвестна общая дата салтово-маяцкой культуры, повторяющаяся во многих работах, посвященных древностям конца I тысячелетия н. э. — VIII—IX вв. (*Ляпушкин П. П.*, 1958. С. 144; *Артамонов М. И.*, 1940, С. 163 и сл.). Она установлена была еще в начале XX в. И. С. Уваровой и А. А. Спицыным (*Уварова П. С.*, 1900; *Спицын А. А.*, 1909). На эту датировку опиралась и я в своих исследованиях салтово-маяцкой культуры. Однако начальную дату культуры я связывала с походами арабов на Предкавказье в 30-е годы VIII в., в результате которых аланы, болгары, хазары

Таблица 20. Инвентарь катакомб, выделенных дополнительно во вторую хронологическую группу

Категория вещей	Тип, вид, вариант	Катакомбы с поясами и сбруйными наборами														
		5	7	11	22	52	54	55	62	70	71	83	86	155	171	173
Топоры	1/1								+	+						
	2/1							+					+			
	2/2				+	+	+									
	2/3		+													
Амулеты	6			+												
	7			+	+											
	8			+	+											
	9/1			+						+						+
	9/2				+	+										
	каури														+	+
Серьги	1	+	+		+	+		+			+	+		+		
	4				+											
Перстни	2		+						+	+	+			+		+
	3			+							+					
	4														+	
Копоушки	2												+			
	3	+	+									+				
Зеркала	1/1												+		+	
	1/2/1							+			+					
	1/2/2									+						
	1/4		+				+									
	1/6														+	
	2											+				
Желез. пряжки	—										+		+		+	
Желез. фибулы	—						+					+	+			
Бронз. фибулы	—			+												
Перл. пуговицы	—			+	+											

откочевали и переселились в донские и поволжские степи и лесостепи (Плетнева С. Л., 1967. С. 184). Образование первых поселений, постройку первых укреплений и сооружение первых катакомб мы можем, исходя из признания факта переселения примерно в 40-х годах VIII в., отнести к 50—60-м годам VIII в.

Характерно, что на Дмитриевском могильнике вещи конца VII—первой половины VIII в. встречаются, как правило, в катакомбах поздней группы. Таковы монета (подражание солиду конца VII—начала VIII в.) из катакомбы 69, позднеаварские ломаные пряжка и наконечник из катакомбы 79, штампованные подражания бляшкам из Вознесенского комплекса первой половины VIII в. (катакомба 52). Отсутствие вещей первой половины VIII в. в ранней группе катакомб является косвенным свидетельством значительно более поздней его даты, поскольку преемственности абсолютно

Таблица 21. Инвентарь катакомб, выделенных дополнительно во вторую хронологическую группу

Категория вещей	Тип, вид, вариант	Катакомбы без поясов													
		2	8	33	49	73	82	89	107	131	136	150	159	170	
Топоры	1/1							+	+			+		+	
	1/3					+									
	II/1							+							
	II/2			+									+		
Амулеты	6		+												
	7													+	
	8					+									
	9/2				+										
	9/3													+	
Раковина-каури									+						
Серьги	1		+			+	+		+	+	+		+		
	4			+	+			+				+		+	
Перстни	1													+	
	2						+		+		+	+		+	
	3							+							
	4	+													
Копоушки	1				+										
	3											+			
Зеркала	1/2/1			+											
	1/2/2	+													
	1/4													+	
	1/6					+									
	2							+							
Желез. пряжки					+		+								
Желез. фибулы			+												
Перл. пуговицы		+							+						

не было. Позднее, в развитый период, военные, торговые, производственные связи населения с окружающим миром выросли и тогда стали попадать к «дмитриевцам» самые разнообразные вещи (в том числе и ранние монеты и ранние воинские пояса).

Таковы весьма ограниченные данные о дате возникновения Дмитриевских поселений и могильника.

Абсолютные более поздние даты степных древностей связываются с Саркелом: его строительством в 30-е годы ГХ в., разрушением города Святославом и основанием на его развалинах русского городка Белой Вежи в 965 г., оставлением русскими этого степного городка — 1117 г. Окончательное запустение поселка относится примерно к середине XII в. (*Артамонов М. И.*, 1958).

Напомним, что толщина культурного слоя Саркела—Белой Вежи 3 м, а город существовал около 300 лет. Следовательно, в год в крепости наро-

Таблица 22. Инвентари катакомб, выделенных дополнительно в третью хронологическую группу

Категория вещей	Вид, тип, вариант	Катакомбы с поясами					Катакомбы без поясов				
		72	101	115	148	157	64	100	116	117	145
Топоры	1/2				+						
	II/1			+		+					
	II/2		+								
	II/3	+						+		+	
Амулеты	1						+				
	6	+			+						
Серьги	1		+				+		+	+	
	5									+	
Перстни	1							+			
	2	+	+				+	+	+	+	
	3							+			
	4	+									
Копоушки	2								+		
	4			+		+				+	
Зеркала	3									+	
Железные пряжки							+				
Перламутровые пуговицы							+				

Таблица 23. Разделение катакомб на хронологические группы

Группы	Катакомбы	Итого
2	2, 3, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 15, 19, 22, 33, 36, 38, 49, 52, 54, 55, 62, 65, 67, 69, 70, 71, 73, 74, 79, 82, 83, 86, 88, 89, 90, 92, 95а, 98, 107, 108, 109, 118, 124, 129, 131, 136, 143, 149, 150, 151, 155, 159, 161, 167, 169, 170, 171, 173, 174	57
3	26, 64, 72, 100, 101, 106, 110, 114, 115, 116, 117, 119, 126, 142, 145, 148, 157	17
1	21, 23, 44, 45, 51, 56, 57, 80, 81, 87, 111, 125, 152, 154, 164, 165, 168	17

стало около 1 см слоя (Плетнева С. Л., 1959. Рис. 45—52). Этот расчет позволяет связать ряд вещей, глубина нахождения которых известна, с определенным временем жизни этого городка.

В нем 90 % всех находок, которые можно в той или иной степени сопоставить с вещами Дмитриевского могильника, расположены в хазарском слое, в слое первого столетия существования крепости. Прямых аналогий с предметами из Дмитриевских катакомб в Саркеле немного: плохо сохранившийся амулет «с соколиными головками», две сильно потертые «ворварки», два зеркала с орнаментом в виде концентрических кругов, три круглые литые бляшки, один литой наконечник без орнамента, два бронзо-

вых клыка-амулета, несколько пястных косточек и клыков. Кроме того, преимущественно в самых первых (ранних) наслоениях обнаружено около десятка грубых подражаний перстням типа 1 — с большими небрежно выполненными выпуклыми ланками. Характерно, что в Дмитриевском могильнике нет ни одной бляшки с элементами орнамента, появление которых относится к первой половине—середине X в., встречающихся в Саркеле (*Макарова Т. П., Плетнева С. А., 1983. С. 71—76*).

Менее четкой является датировка Танкеевского могильника (*Khali-kova E. A., Kazakov E. P., 1977. S. 72—92*). Мы знаем, что волжские болгары приняли мусульманство в конце IX—начале X в. Постепенное исчезновение вещей из могил Танкеевского могильника означает проникновение мусульманского вероисповедания в среду населения этого региона. Очевидно, немногочисленные вещи из этих могил могут быть датированы концом IX—первыми десятилетиями X в.

Действительно, в этом могильнике единичны вещи, аналогичные вещам ранней дмитриевской группы: это топор типа 3, два перстня типа 1, несколько пряжек типа 3. Зато в танкеевских погребениях постоянны находки топоров типа 1 и 2, серег типа 5, железных пряжек, гладких литых наконечников поясов, перламутровых пуговиц, нашивок на шапочки, т. е. вещей, характерных для поздней группы Дмитриевских катакомб.

Все это позволяет относить вторую группу ко второй половине IX в. и, возможно, к первым годам X в. Очевидно, печенежское нашествие сразу же повлекло за собой прекращение жизни на Дмитриевском поселении. Однако дата печенежского нашествия сильно «растянута» во времени. Вторжение печенегов в донские степи произошло, согласно Константину Багрянородному, в 90-х годах IX в. (*Плетнева С. А., 1958. С. 214*), а разрушение степных поселений и оставление их населением продолжалось значительно дольше — всю первую четверть X в., а на Нижнем Дону — до второй половины X в.

Из всего сказанного следует, что создание абсолютной хронологической шкалы салтово-маяцких древностей, пользуясь данными одного памятника, вряд ли возможно. Только комплексное рассмотрение всех древностей юга Восточной Европы, установление относительной хронологии каждого раскопанного памятника, сравнительный анализ памятников салтово-маяцкой культуры между собой и с древностями северокавказских алан позволит обосновать абсолютную хронологию исследованных памятников. В данной главе сделаны первые шаги в решении этой большой задачи: создана фактически первая типология салтово-маяцких древностей (на материалах одного могильника) и опирающаяся на эту типологию относительная хронология этих древностей. Совершенно ясно, что в будущем при обработке других коллекций типология будет пополняться новыми категориями и типами вещей, усложняться и совершенствоваться. Однако кому-то необходимо было начать эту чрезвычайно трудоемкую работу и попытаться наметить возможные пути разделения материала на разновременные группы.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Каждый археолог, раскапывающий могильники, должен с особым вниманием заниматься погребальным обрядом исследуемого памятника, поскольку именно погребальный обряд дает наибольшее количество сведений для определения этнической, экономической и социальной интерпретации памятника. Поэтому все, кто работал на «салтовских» могильниках, в своих публикациях и обобщениях с той или иной степенью полноты касались вопросов, связанных с погребальными ритуалами салтовского времени.

В результате в настоящее время можно с уверенностью говорить, во-первых, о делении салтовских погребений по форме и устройству могильной ямы на три основные категории: катакомбные, имные и подбойные. Во-вторых, погребения четко разделены по способу захоронения трупа: труположения и трупосожжения, причем и те, и другие; дополнительно по ряду признаков делится на многочисленные типы (*Плетнева С. Л.*, 1967. С. 71-102).

Таким образом, изучение погребального обряда Дмитриевского могильника начинается не на пустом месте. Тем более что примерно третья часть его комплексов уже была использована и обработана мной при написании главы о погребальных обычаях в книге «От кочевий к городам».

Новые материалы, полученные на Дмитриевском могильнике, новые наблюдения, сделанные при раскопках этого и других аналогичных и близких ему могильников, заставляют нас вновь обратиться к подробному анализу погребальных обычаев, характеризующих этот памятник.

Как уже говорилось, на Дмитриевском могильнике преобладающей формой погребальных сооружений являются катакомбы (из раскопанных 170 могил — 152 катакомбы, т. е. 89 %). Поэтому характеристику погребального обряда следует начинать с этой группы памятников.

КАТАКОМБЫ

Катакомба салтово-маяцкой культуры — это могильное сооружение, состоящее из длинной и узкой входной ямы (дромоса) и врезанной в одной из ее стенок (обычно торцовой) закрытой сверху камеры, соединенной с дромосом узким входом различной длины (рис. 89—91). Вход заставлен со стороны дромоса дубовыми плахами или большим слегка обработанным камнем (иногда даже специально примазанным к стенке дромоса жидкой глиной). Известны весьма частые отклонения от данной классической формы катакомбных сооружений. Особенно это касается изменений дромоса и входа или даже полного отсутствия последнего. В таком случае камеры приближаются по конструкции к подбою, отличаясь от него только

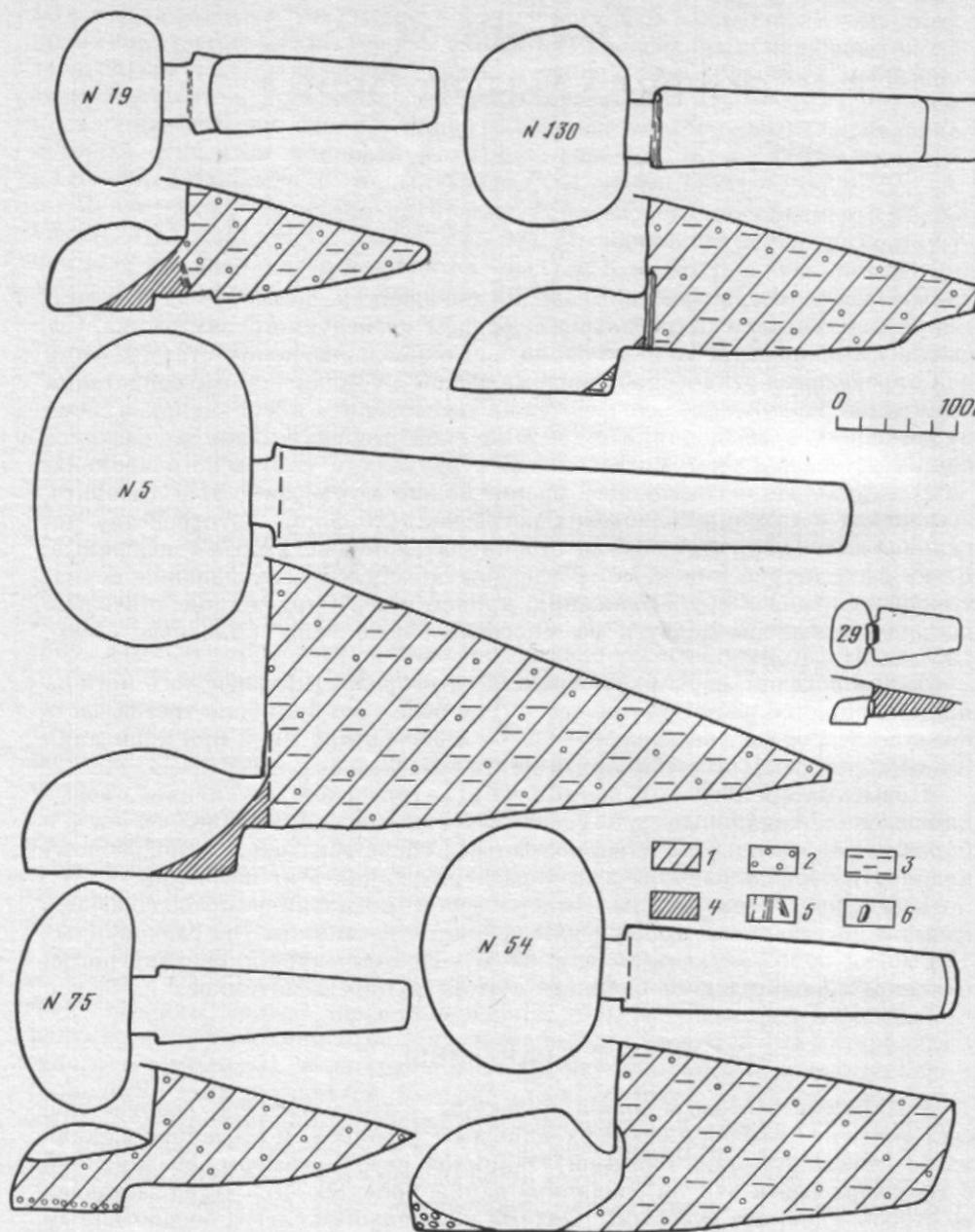

Рис. 89. Планы и продольные разрезы типичных полей катакомб

Условные обозначения: 1 — серая гумусная земля; 2 — меловая крошка; 3 — глина; 4 — черная гумусная земля; 5 — деревянный тлен; 6 — камень

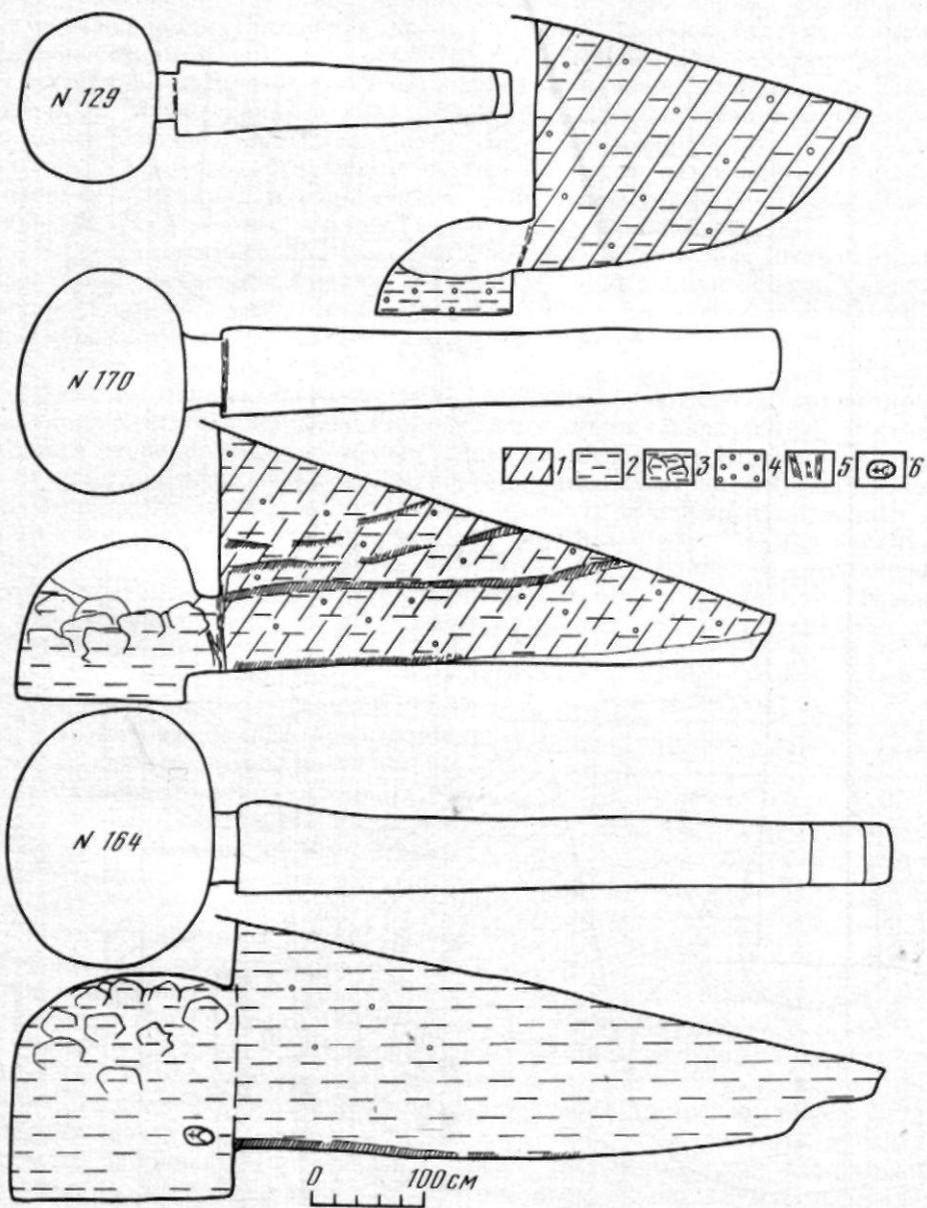

Рис. 90. Планы и продольные разрезы полузабитых и полностью забитых катакомб

Условные обозначения: 1 — серая гумусная земля; 2 — глина; 3 — куски глины; 4 — меловая крошка; 5 — деревянный глей; 6 — череп погребенного в засылке камеры ребенка

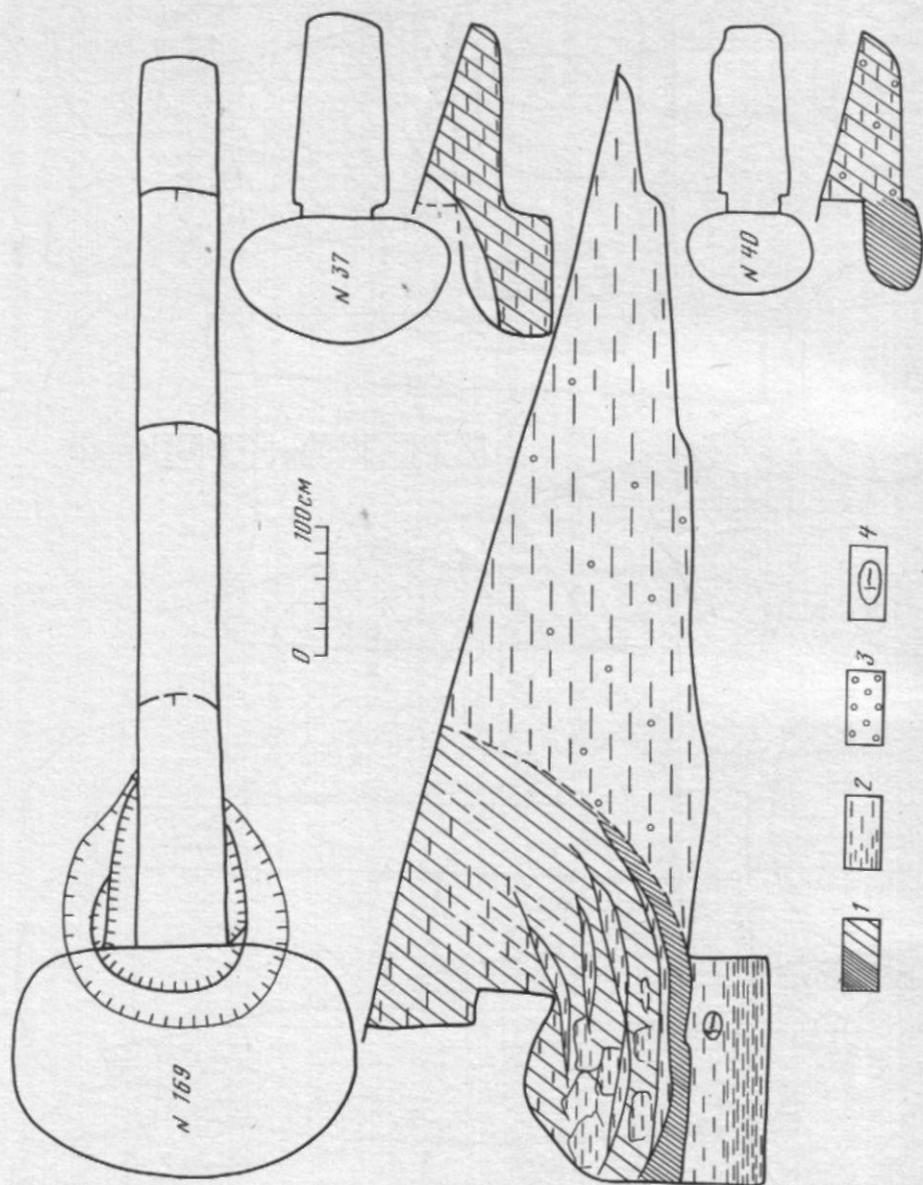

Рис. 91. Планы и продольные разрезы полузавбитой (37) и забитых катакомб
 Условные обозначения: 1 — серая гумусная земля; 2 — глина; 3 — желтая крошка; 4 — череп погрешенного в засылке
 камеры ребенка

тем, что, как правило, располагаются они не вдоль боковой стороны входной ямы (как подбой), а в его узкой торцовой стенке, причем длинная ось камеры перпендикулярна длинной оси дромоса. Дромосы, отступая от классической прямоугольной довольно длинной ямы, бывают короткие, мелкие и глубокие, квадратные, цилиндрические и конические, аналогичные обычным хозяйственным ямам (такие известны на Маяцком селище). В Дмитриевском могильнике преобладает классическая форма, хотя встречаются и некоторые отклонения от нее. Несмотря на отклонения, можно говорить о наличии в конструкции Дмитриевских катакомб трех обязательных компонентов: дромоса, входа и погребальной камеры.

По количеству покойников, похороненных в камерах, мы разделили катакомбы на четыре группы. В первую группу включены одиночные захоронения (37), во вторую — парные (40), в третью — тройные (35), в камерах четвертой, условно называемой «семейной» группы, погребены от четырех до восьми человек (25).

Дромосы Дмитриевского могильника представляют собой узкие открытые коридоры, ориентированные по склону холма (сверху вниз). В связи с таким расположением в нижнем конце дромосы редко бывали углублены в материк более чем на 0,2—0,3 м, а в верхнем, где в стенке вырыта камера, глубина достигала иногда 3 м. В плане дромосы слегка трапециевидные — в нижнем конце ширина их примерно на 0,1 м меньше, чем в верхнем. Стенки дромосов ровные, тщательно заглаженные (в крепкой материковой глине это было нетрудно), обыкновенно строго вертикальные. Только в восьми катакомбах дромосы немного расширены ко дну (на 0,1—0,2 м).

Дно дромосов, как правило, горизонтальное или плавно пологое в направлении к камере (наклон 17—25°). В пяти катакомбах дно «комбинированное», в верхней части оно пологое, а на расстоянии примерно в 1 м от камеры — горизонтальное. Еще реже выкапывались дромосы со ступенчатым дном (всего в трех катакомбах).

Размеры дромосов весьма разнообразны. Они зависят от разных причин, одной из самых существенных является количество погребенных в камере. Об этом свидетельствуют их средние размеры (табл. 24).

Заполнение дромосов в подавляющем большинстве очень плотное, почти материковое: глина с меловой щебенкой или плотно утрамбованная щебенка, отличающаяся от материка только слабой примесью гумуса. В тех случаях, когда это удавалось проследить, было отмечено, что в начале дромоса заполнение представляло собой чистый материк, а примерно с середины длины до входа в камеру оно перемешано с гумусом, причем иногда гумус располагался в заполнении прослойками, наклонными в направлении к камере.

Таблица 24. Средние размеры дромосов четырех групп (в см)

Группы	Длина	Ширина	Глубина
Одиночные	260	65	122
Парные	324	63	163
Тройные	322	63	167
Семейные	376	69	175

¹ Остальные 15 катакомб содержали разрозненные кости разорванных скелетов, в некоторых из них следы покойников вообще отсутствовали.

В дромосах на Маяцком могильнике система их заполнения фиксировалась с особенной тщательностью (Флеров В. С, 1984. С. 180—181). Раскопками было выявлено с достаточной убедительностью два этапа проникновения в камеру через дромос: 1 — первичное захоронение; 2 — раскапывание части дромоса при проникновении в камеру для ритуального разрушения скелета или, возможно, для подзахоронения в камеру еще одного покойника. После вторичного проникновения дромос засыпался землей, естественно, несколько иного состава (он неизбежно был больше насыщен гумусом).

На Дмитриевском могильнике попадают дромосы, почти на всю длину засыпанные рыхлым черноземом или чередующимися слоями чернозема с гумусированной глиной и щебенкой. Обычно это дромосы разграбленных катакомб, небрежно заброшенные землей или даже заплывшие выкидом из разрытого захоронения.

Как правило, никаких дополнительных конструктивных деталей в дромосах нет. Исключения единичны. Так, во-первых, в катакомбах 82 и 106 были обнаружены тайнички, в которых была помещена парадная сбруя и какие-то вещи, принадлежавшие воину (рис. 92). В дромосе катакомбы 82 тайник трапециевидный в плане (0,6—0,7 м) высотой 0,3 м выдолблен в левой стенке дромоса на расстоянии 0,5 м от торцевой стенки, в которой находился вход в камеру. В дромосе катакомбы 106 тайник был вырезан в полу. Форма его цилиндрическая (диаметр 0,4, глубина 0,7 м). Вместо крышки он был закрыт донцем крупного лошеного сосуда.

Во-вторых, в дромосах катакомб 62 и 173 сооружены своеобразные глиняные помосты. Оба они перекрывали захоронения коней, произведенные на дне дромосов, и служили, вероятно, для совершения над трупами коней каких-то ритуальных действий.

Входы в камеры являются существенной связующей частью катакомбы, Обычно входы уже дромосов на 0,1—0,2 м, следовательно, ширина их не превышает 0,5—0,6 м, а высота, как правило, равна ширине. По форме входы делятся на два вида: прямоугольные и арочные (рис. 92). Нередко у прямоугольных входов верхние углы бывают закруглены или срезаны и тогда по форме они приближаются к арочным. В виде исключений попадают входы трапециевидные, прямоугольные, вытянутые в высоту или, наоборот, — в ширину.

По длине входы обоих видов делятся на типы: 1-й — длиной до 0,25 м; 2-й — свыше 0,25 до 0,5 м. Следует сказать, что только в одиночных катакомбах больше коротких входов типа 1, в остальных группах преобладают длинные входы (обычно 0,4 м).

В камерах, специально забитых или полузабитых глиной (см. ниже), входы, как правило, выявляются очень слабо. Однако входы тех камер, очертания которых удалось проследить, всегда арочные и всегда шириной в дромос. Высота их равна ширине, но нередко высота входа в два раза более ширины. Длина у таких входов отсутствует: практически дромос непосредственно примыкает (переходит) к камере. Такие входы В. С. Флеров называет «лазами» (Флеров В. С, 1985. С. 150).

Входы камер (полюх и забитых глиной) в равной степени были заложены двумя—четырьмя дубовыми плахами, поставленными стоймя. Ширина каждой плахи примерно 0,15 м, высота обычно в полтора-два раза

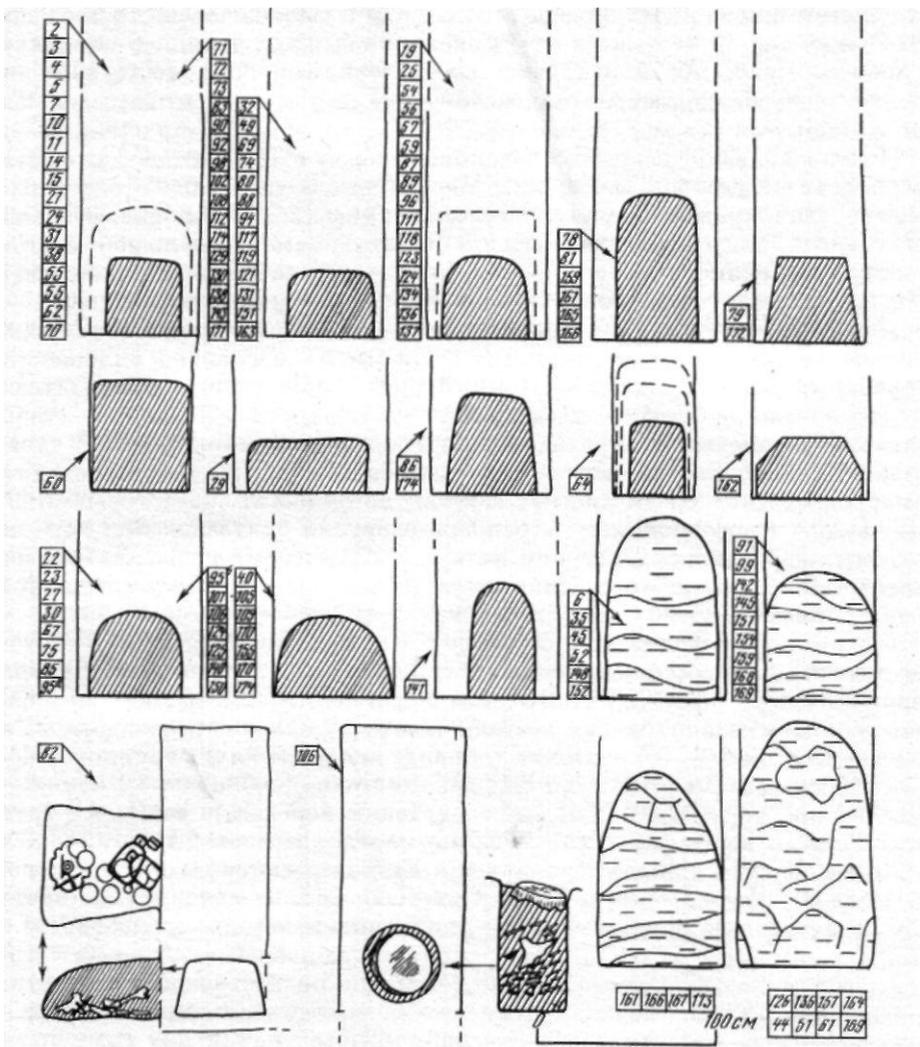

Рис. 92. Типы и подтипы входов в камеры катакомб. Тайники в дромосах

выше входа. В полых камерах плахи предотвращали попадание в них земли из дромосов, в забитых — имели символическое значение. Никаких дополнительных прорезей и выемок в стенках дромосов для установки плах, очевидно, не требовалось. Они и без того плотно прижимались к торцовой стенке насыпанной в дромос землей. В катакомбе 64 был сооружен двойной деревянный заслон перед входом. Дважды в могильнике встретились заслоны из камня: один в детской маленькой катакомбе 29 — меловой массивный камень закрывал весь вход — он был специально, хотя и грубо, обтесан по форме входа. В катакомбе 93 меловая тонкая (10 см) плита, прикрывав-

шая вход, лопнула почти на середине высоты и была вдавлена во вход землей из дромоса. Камера была ограблена, труп был полувытащен через вход в дромос. Ясно, что плита была поставлена вторично, достаточно небрежно и, вероятно, в уже расколотом виде, потому она и не выдержала напора земли.

Почти в половине вскрытых катакомб дерево у входа и даже тлен от него проследить не удалось: органика в могильнике сохраняется очень плохо. Видимо, тлен оставался только от толстых и массивных заслонов. Особенно редко следы плах прослеживаются у забитых камер. Последнее обстоятельство, возможно, объясняется тем, что заслоны забитых камер, не имевшие практического значения, изготовлялись из тонких дощечек.

Погребальная камера — основная часть катакомбы. Почти все камеры в плане овальные или неправильно-овальные (с несколько уплощенной стороной, в которой прорезан вход). В продольном разрезе они полусферические, иногда сильно сплюснутые, в поперечном — форма обычно четвертьсферическая с переходом линии потолка в линию потолка входа. Стенки в большинстве камер тщательно заглажены, хотя встречаются камеры (особенно среди забитых глиной) со стенками, на которых отчетливо видны следы мотыжки — основного орудия салтовцев при копании подобных сооружений в твердом материке. Пол камеры ровный, горизонтальный. В абсолютном большинстве (в 90 % катакомб) он находится ниже пола дромоса.

Высота порога колеблется от 0,1 до 0,7 м. Низкие пороги (0,1—0,15 м) характерны только для одиночных катакомб, преобладают в этой группе пороги высотой 0,2—0,25 м. Высокие пороги (0,5—0,7 м), как правило, встречаются в катакомбах трех остальных групп, однако преобладают в них пороги высотой 0,3—0,4 м. Впрочем, в виде исключения и в группе одиночных катакомб попадаются камеры с глубоким порогом, а во II—IV группах нередко камеры с порогами 0,2 м.

Таблица 25. Средние размеры камер всех групп (в см)

Группы	Длина	Ширина	Высота
Одиночные	170	120	87
Парные	187	143	102
Тройные	206	160	115
Больше семейные	206	163	111

Размеры камер, как и дромосов, многообразны и в значительно большей степени, чем дромосы, зависят от количества погребенных в них людей (особенно показательно в этом отношении увеличение ширины камер — табл. 25).

Размеры камер, как и дромосов, многообразны и в значительно большей степени, чем дромосы, зависят от количества погребенных в них людей (особенно показательно в этом отношении увеличение ширины камер — табл. 25).

Как уже говорилось, камеры далеко не всегда после захоронения оставались полыми. Почти половина их засыпана или даже забита плотной материковой глиной. Отсутствие, наличие и характер забивки позволяют разделить камеры на три варианта:

1. Полые камеры. К ним отнесены также и все те, которые в небольшой степени засыпаны рыхлой черной или слоистой землей, попавшей в них из дромоса через вход или же с частично обвалившегося материкового свода (рис. 89). Земля иногда только покрывает захоронение, т. е. насыпана слоем не более 0,2—0,3 м толщиной, чаще же заполняет камеру наполовину или даже на две трети и более высоты (рис. 89, катакомба 75; рис. 90, катакомба 129; рис. 91, катакомбы 37, 40).

2. Каморы наполовину или более забитые комками плотной материковой глины, иногда с черными прослойками гумусной земли (рис. 90, катакомба 170).

3. Каморы, полностью забитые материковой глиной, от которой практически почти невозможно отличить стенки и свод (рис. 90, катакомба 164; рис. 91, катакомба 169).

Забивка камер проходила поэтапно. Сначала всю нижнюю часть камеры (ниже пола дромоса) заливали и закладывали жидкой и мокрой глиной. Заливка ложилась на пол слоями по 2—4 см и нередко буквально цементировала трупы, мокрая глина ложилась настолько плотно, что не отличалась от окружающего ее материка: только после некоторого пребывания в открытом состоянии вдоль материковых стен камеры появлялись чуть заметные трещинки.

Если камеры заваливались материком не полностью, то сверху на мокрую закладку примерно до половины высоты входа набрасывались комки глины, иногда вперемешку с кусками черной дерновой земли и меловой щебенки. Производилась эта работа через вход без особой трудности. Однако, как мы видели, подавляющее большинство забитых камер заполнено землей полностью; глина и меловой щебень заполнения абсолютно неотличимы от глины и щебня материка. Потолок у таких камер нередко находится выше верхнего края входа и в таких случаях непонятно, каким образом можно было заполнить пространство камеры, расположенное выше отверстия, через которое бросали землю. Объяснение этому может быть двояким. Наиболее вероятным представляется нам «примазывание» вязких кусков (лепешек) глины к потолку несколькими слоями. Когда верхнее пространство бывало таким образом заполнено, оставшаяся пустой средняя часть камеры легко забивалась глиной и землей, а в одной из камер ее вообще по непонятной причине забыли засыпать. Второй более сложный, а потому и менее вероятный способ заполнения свода камеры заключался в прорезании потолка камеры сверху небольшим аккуратным лазом, который после забивания камеры глиной также тщательно забивался и замазывался материковой глиной. Именно в таких редких случаях, вероятно, нам не удалось при расчистке обнаружить достаточно убедительной линии материкового свода.

Только в одной катакомбе (157) такой лаз был прослежен, поскольку был засыпан слоями гумусированного материка. Лаз сделан тщательно, сужающимся книзу, свод разрушен только в центральной части. Камера оказалась ограбленной — отсутствовали даже разрозненные кости скелетов, хотя вход в нее из дромоса остался ненарушенным — с сохранившимися массивными плахами. Возникает естественное предположение, что лаз вырыт грабителями. Однако точность попадания лаза в центр свода, тщательность выполнения, ненужная при рытье грабительского хода, и, наконец, идентичность грунта, заполнявшего камеру, лаз и дромос, позволяют все-таки думать, что это конструктивное, а не грабительское сооружение. Впрочем, даже если допустить, что воронка в данной катакомбе вырыта грабителями, совершенно очевидна возможность заполнения ее через верхнее отверстие в своде.

Мы уже говорили, что все камеры отличаются единообразием формы и деталей. Конструктивные дополнения встречаются в них только в виде

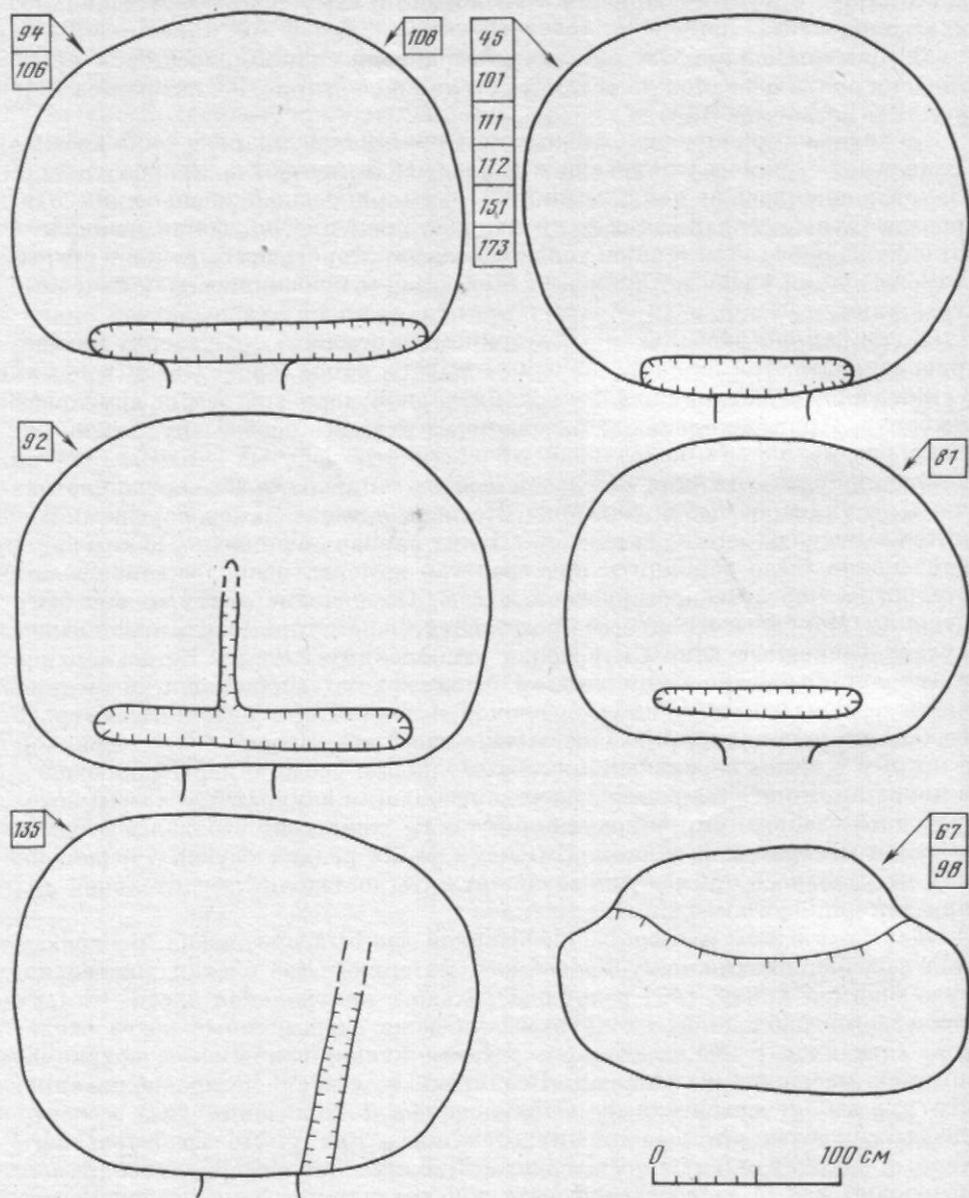

Рис. 93. Типы канавок в полу камер и приподнятая над уровнем пола «лежанка»

исключения. Так, в 12 камерах в полу были прорыты канавки (рис. 93). Девять из них прорезают пол непосредственно у входа, вплотную примыкая к стенке камеры. Длина их равняется обычно длине прямой части стены, т. е. зависит в целом от длины камеры и степени ее округлости, и колеблется от 0,8 до 1,9 м. Ширина канавок 0,15—0,28 м — она изменяется соответственно длине, глубина обычно не превышает 0,1 м. В трех камерах канавки отличаются некоторым своеобразием. В катакомбе 81 небольшая канавка (1,15X0,15 м) прорыта на расстоянии 0,14 м от порога. В катакомбе 92 канавка (1,70X0,28 м) вырыта на расстоянии 0,05 м от порога, и, кроме того, в нее «впадает» узкая канавка, прорезающая пол камеры поперек. Глубина ее немного меньше основной канавки и к тому же постепенно, по мере удаления от последней, примерно в центре камеры, сходит на нет, т. е. пол этой канавки наклонен в сторону входа. В катакомбе 135 канавку прорезали вообще не вдоль длинной оси, а поперек камеры. Она расположена вправо от входа, под ногами скелетов. Ширина ее 0,17 м, глубина у входа 0,1 м, к задней стенке она постепенно мельчает, т. е. опять-таки имеет наклон в сторону входа.

Как правило, канавки выдалбливались в полу коллективных усыпальниц — чаще всего в семейных (IV группы). По-видимому, они играли роль своеобразных дренажных сооружений, необходимых для более быстрого и чистого освобождения трупов от органических тканей. Убыстрение процесса очищения особенно необходимо было в камерах с несколькими покойниками, поскольку очищенные кости легче было сдвигать к стенкам, освобождая место для следующих погребений: канавки обычно прослеживаются только в камерах со смещенными скелетами.

Помимо канавок, к конструктивным особенностям камер следует отнести широкие и низкие приступки, или «лежанки» у внутренней стенки камеры. Встретились они всего в двух камерах (катакомбы 67, 98), в обеих они находятся как бы в широких нишах задней стенки (рис. 93).

Погребения. Нами рассмотрено устройство 137 катакомб. Всего в раскопанных нами катакомбах четырех групп было произведено 345 захоронений: в первой группе (одиночных) — 37, во второй группе (парных) — 80, в третьей группе (тройных) — 105, в четвертой (семейных) — 123.

Погребения, произведенные в катакомбах, характеризуются значительным типологическим разнообразием.

Они разделены нами на три основных вида: 1 — вытянутые на спине; 2 — скорченные на левом или правом боку; 3 — полностью перемешанные кости скелетов — сдвинутые с места к стенке для освобождения пространства для следующих захоронений или просто разбросанные по полу камеры.

1-й вид погребений (124 погребения) разделен на четыре типа (рис. 94; 95).

Тип 1 представлен полностью сохранившимися скелетами с костями *in situ*. В него входит 69 погребений, которые по различию в положении ног делятся на два подтипа. К первому относятся погребенные, уложенные вытянуто на спине с вытянутыми вдоль тела руками (53 погребения). Головы укладывались, видимо, лицом вверх, но после очищения костей от связок череп слегка поворачивался или полностью скатывался на левый или правый висок. Второй подтип (17 погребений) отличается от первого перекрещенными в голених (один раз — в бедрах) ногами. Перекрещенные

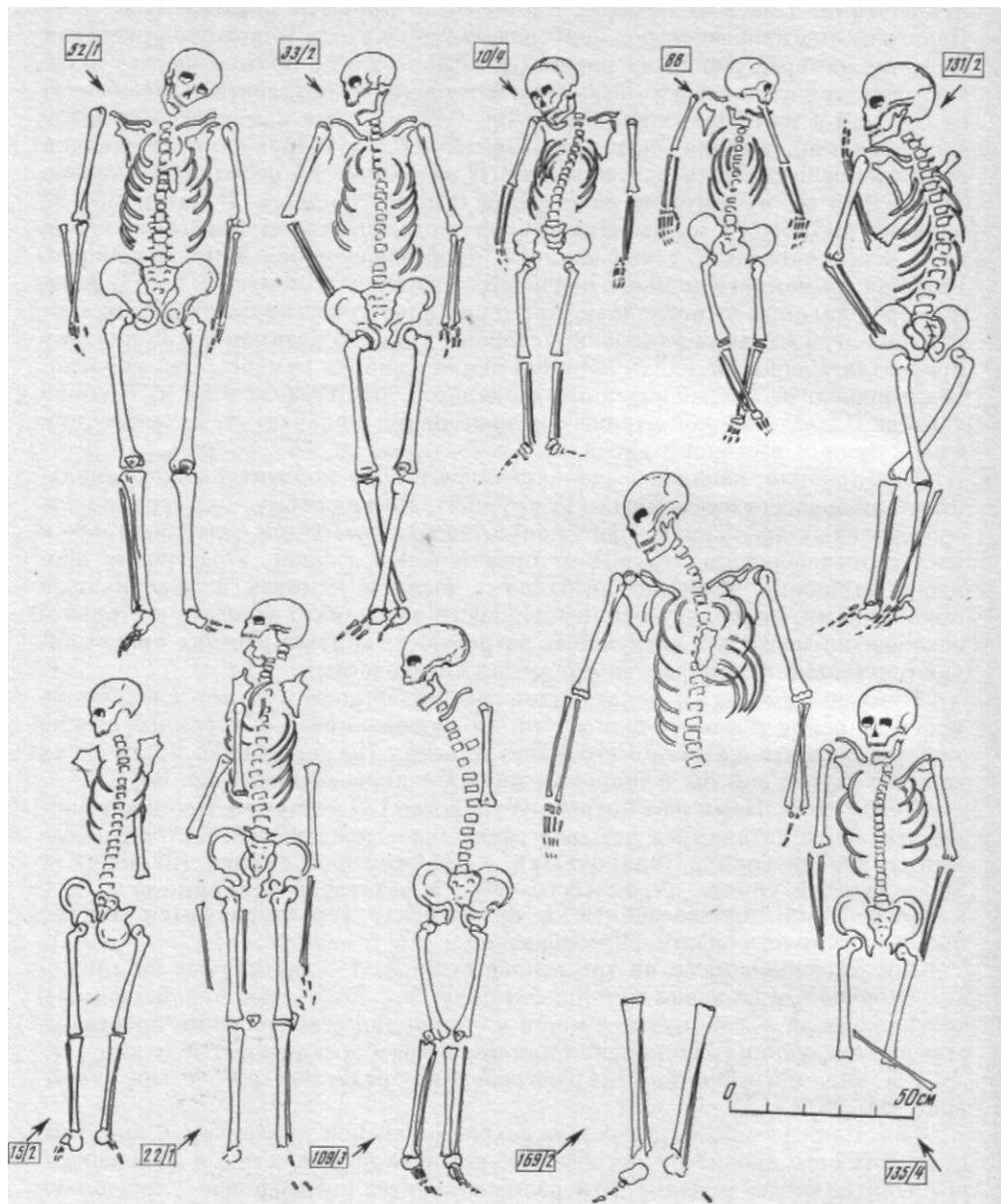

Рис. 94. Типы мужских захоронений

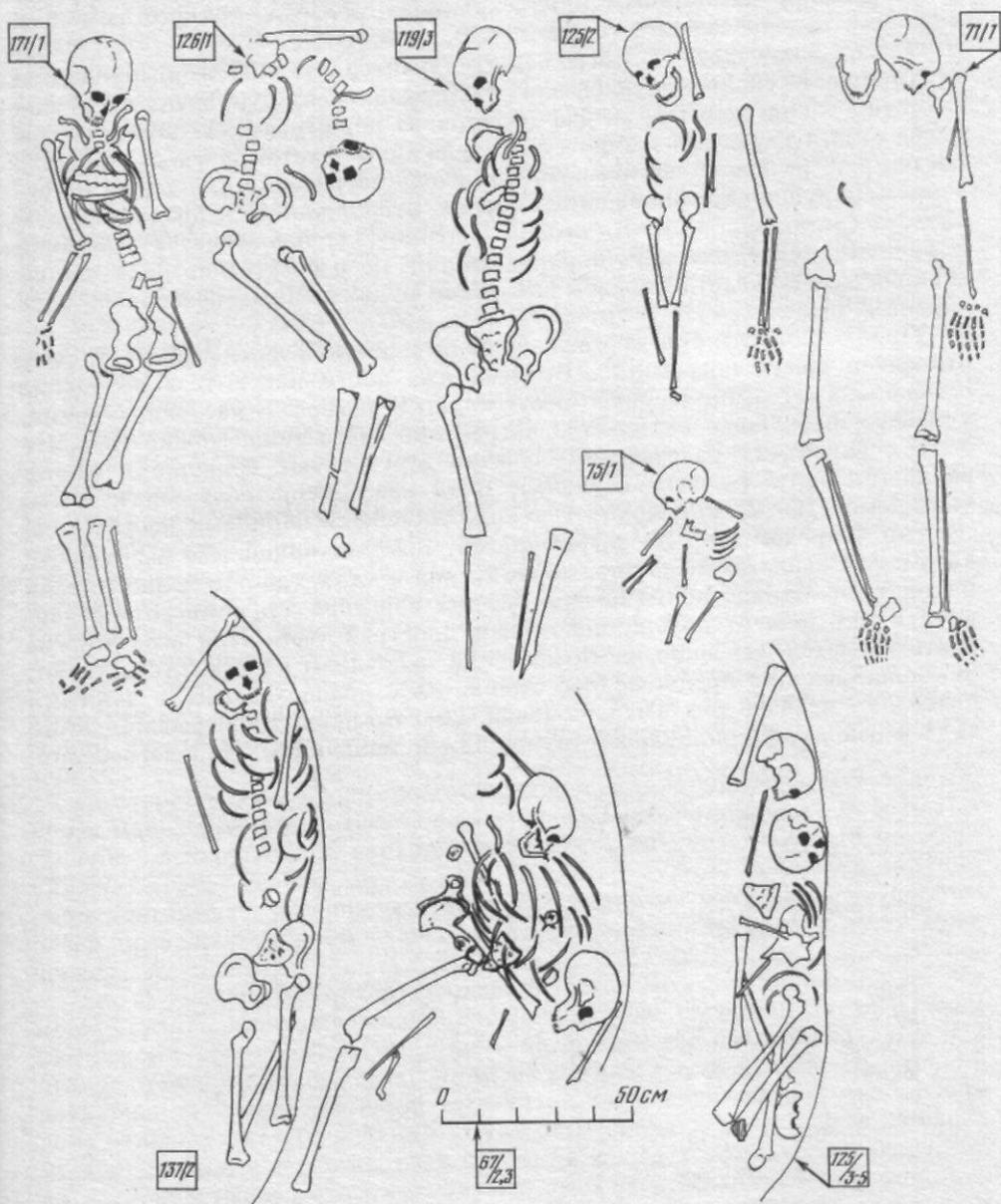

Рис. 95. Мужские захоронения и погребение мальчика с разрушением верхней и нижней частей скелетов и сдвинутые к внутренней стенке скелеты

кости ног свидетельствуют о том, что ноги при захоронении были связаны. В погребении катакомбы 55/1 сохранился обрывок тонкого ремешка, лежащий на пересечении голеней.

Тип 2 включает 15 погребений, характеризующихся разрушением верхней части скелета: правой или левой руки, обеих рук, грудной клетки. Этот тип также делится на два подтипа. В первый входит всего четыре погребения, характеризующиеся нарушением анатомического порядка костей рук, разложенных разрозненно вдоль погребенного, а также погребение с нарушенным положением черепа, отброшенного к правому локтю скелета (катакомба 163). Во втором подтипе (11) наблюдается не только нарушение анатомического порядка костей, но и отсутствие ряда костей верхней части скелета (правой или левой руки, шейных позвонков, даже черепа и пр.).

Тип 3 отличается от второго разрушением нижней части скелета. К нему относятся шесть погребений. Во всех них кости ног и таза не только смещены с места, но частично отсутствуют в камере. В настоящее время, учитывая небольшое количество погребений этого типа, можно говорить о трех вариантах разрушений: обычно отсутствуют большие и малые берцовые кости (в пяти случаях), один раз — бедренные кости и таз (катакомба 169/2) при полностью сохранившихся берцовых костях.

Тип 4 представлен 33 погребениями. Все они полностью разрушены, хотя кости скелетов лежат примерно на тех местах, где они должны были находиться. Однако почти каждая из них перевернута, немного передвинута и отделена от других некоторым пространством. При этом многие кости скелетов, особенно часто позвонки и грудная клетка, отсутствуют.

Сопоставление предложенной типологии с половозрастными данными позволяют сделать ряд выводов (табл. 26). Во-первых, погребения этого вида в основном принадлежат мужчинам и мальчикам (113 погребений,

Таблица 26. Соотношение половозрастных данных с типами и подтипами погребений первого вида

Пол и возраст		Типы и подтипы					
		1		2		3	4
		1	2	1	2		
Мужские	стар.	5	2	1	1	—	2
	зрел.	16	6	2	3	2	6
	возмуж.	7	3	1	3	3	7
	юный	2	1	—	2	2	3
	10—15	7	2	—	1	—	3
	1—10	12	1	—	3	—	9
Женские	стар.	1	—	—	—	—	—
	зрел.	—	—	—	1	—	—
	взросл.	—	2	—	—	—	—
	юный	2	—	1	—	—	1
	10—15	—	—	—	—	—	1
	1—10	—	—	—	—	—	1

т. е. 91 %). Всего 11 погребений определены как женские (разных возрастов). Очевидно, для мужских погребений Дмитриевского могильника характерно вытянутое на спине положение, сохраняющееся даже при ритуальном разрушении скелетов. Во-вторых, 57 % погребений мужчин и мальчиков не подвергались разрушению, хотя у многих из них кости ног были перекрещены, что частично обеспечивало их «обезвреживание», как и разрушение ног. Характерно при этом, что обезвреживание путем связывания ног производилось мужчинам старших возрастов (от 45 до 70 лет), а частичное или полное разрушение скелетов касалось в большей степени молодых и юных мужчин.

В-третьих, половина детских скелетов подвергалась, как и скелеты молодых мужчин, ритуальному разрушению (причем обычно полному).

Для вида 2 погребений, как уже говорилось, характерна скорченная па боку поза. Как и погребения вида 1, они делятся на несколько типов (рис. 96).

Тип 1 представлен полностью сохранившимися скелетами, кости которых лежат в могиле потревоженными. К нему относится 71 погребение, разделенные нами на два подтипа. Первый характеризуется положением скелетов на правом боку (60 погребений). Иногда скелет «развернут» грудью вверх, иногда вверх спиной. Ноги, как правило, сильно согнуты в коленях, изредка колени подтянуты к животу. Расположение рук у покойников очень разнообразно. В 25 погребениях руки сильно согнуты в локтях и кисти находятся на уровне лица, шеи или верхней части груди. В 15 погребениях руки также согнуты, но кисть правой уложена на уровне лица, а левой — на поясе. В 26 погребениях правая рука вытянута вдоль тела, а левая — согнута в локте. Бывает и наоборот — правая согнута, а левая вытянута или же обе руки вытянуты перед телом. Варианты этих положений очень многочисленны и, очевидно, мало значимы и просто случайны.

Во второй подтип входит всего 11 захоронений, произведенных на лепом боку. Положение ног и рук аналогично первому подтипу.

Тип 2 с нарушенной верхней частью скелета представлен 18 погребениями. Следует сказать, что все они характеризуются не только нарушением анатомического порядка, но и удалением из могилы части костей: ребер, позвонков грудной части позвоночника, длинных костей рук и даже черепа.

Тип 3 — полностью разрушенные скелеты. По сохранившимся костям можно судить о первоначальной скорченной позе погребенных: на правом или левом боках с согнутыми в коленях-ногами (33 погребения). Все они отличаются ритуальным удалением из могилы части костей. По степени разрушенности скелета можно выделить в этом виде два подтипа. К первому относятся 17 захоронений. В них перевернутые кости лежат на своих местах, хотя в некоторых из погребений кости не только перевернуты, но и расколоты. Ко второму подтипу относятся 16 погребений с сильно разбросанными по иолу камеры костями. Только по некоторым признакам (согнутой в локте руке или в колене — ноге, по изогнутому позвоночнику, позвонки которого лежат на боку) можно установить первоначальную позу погребенного.

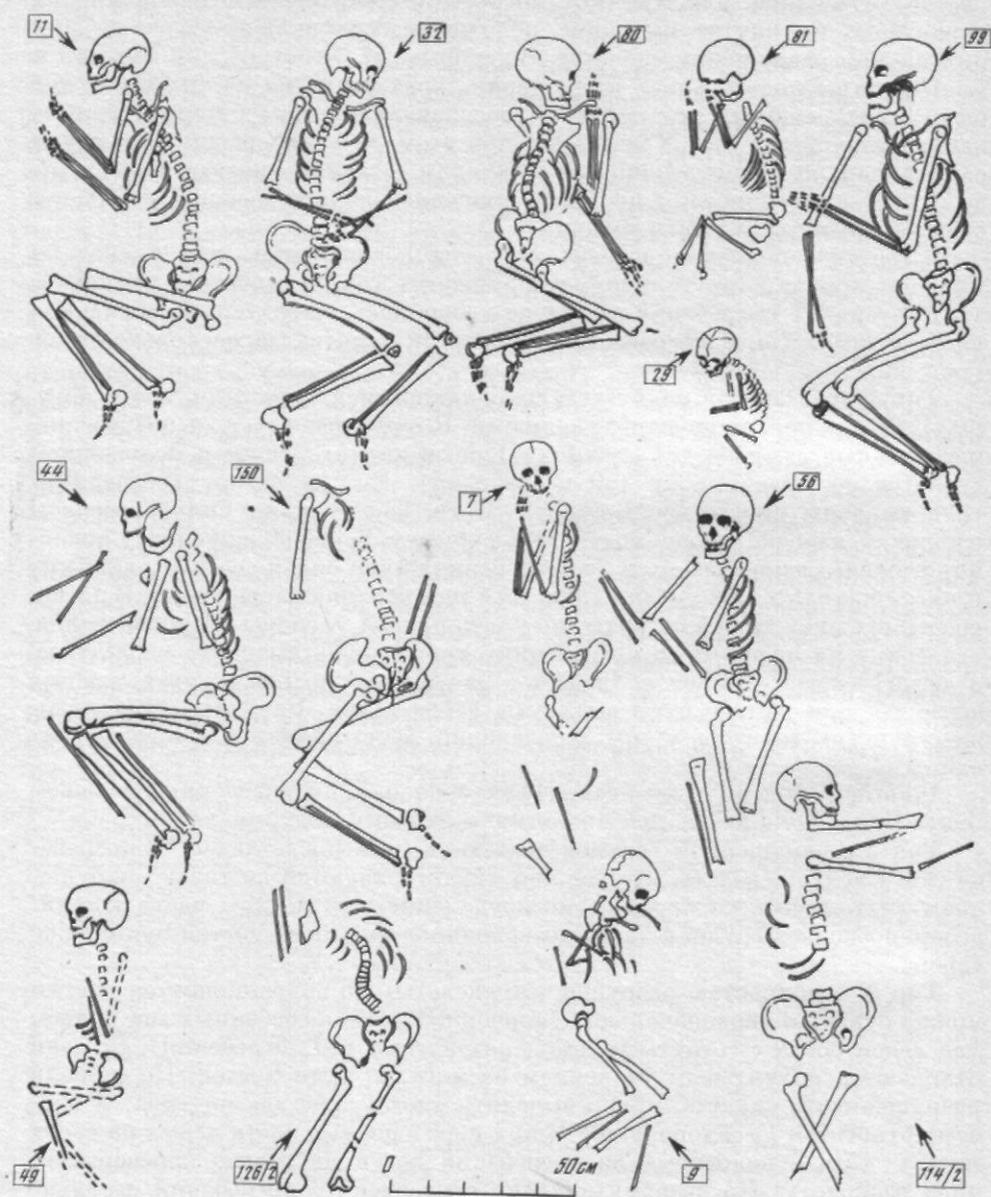

Рис. 96. Женские захоронения

Таблица 27. Соотношение половозрастных данных погребений второго вида с типами и подтипами предложенной классификации

Пол и возраст		Типы и подтипы				
		1		2	3	
		1	2		1	2
Жен.	стар.	8	2	3	—	—
	зрел.	9	1	—	2	3
	взросл.	24	1	7	6	4
	юный	7	2	5	5	3
	10—15	4	4	1	2	1
	1—9	8	1	2	2	5

Таблица 28. Соотношение погребений вида 3 с группами катакомб

Пол и возраст	Группы и типы погребений					
	II (парные)		III (тройные)		IV (семейные)	
	разбросанные	сдвинутые	разбросанные	сдвинутые	разбросанные	сдвинутые
Муж.	1	2	2	2	1	3
Жен.	7	—	4	3	—	7
Взрослые, пол не определен	2	—	2	5	3	11
Детские	1	—	1	—	5	10

Как следует из табл. 27, скорченная на боку поза скелетов характерна для женских захоронений. Женские погребения, как и мужские, подвергались частичному или полному ритуальному разрушению. Соотношение целых и разрушенных захоронений примерно то же, что и в погребениях вида 1: соответственно 56 и 44 %. Однако отметим, что чаще разрушались скелеты юных (59 %) и взрослых (44 %) женщин. Скелеты женщин после 45 лет разрушались значительно реже (28 %). Что касается детских захоронений, то в них полное и частичное разрушение наблюдается, как и у мальчиков, примерно в половине скелетиков.

Вид 3 погребений представлен полностью разрушенными скелетами (табл. 28). Как правило, это груды смешанных костей, нередко двух или трех скелетов, сдвинутых к внутренней стенке камеры (рис. 97). Реже кости сдвигались влево или вправо от входа. Попадают камеры и с разбросанными по полу в полном беспорядке костями скелетов (всегда неполные, наполовину выброшенные из камеры).

Всего достоверных² погребений вида 3 на могильнике зафиксировано 69, 29 погребений, т. е. 42 % — разбросанные захоронения.

Создается впечатление при исследовании этих погребений, что в большинстве случаев они были разбросаны во время ограбления камеры.

¹ Исключение всего одно: в одиночной катакомбе 162 погребен в скорченной позе на правом боку мужчина в возрасте 45—55 лет.

² В ряде явно разграбленных камер находились остатки (отдельные косточки или их обломки) скелетов, но мы не можем определить при этом ни группу катакомбы, ни пола, ни возраста погребенных в ней людей.

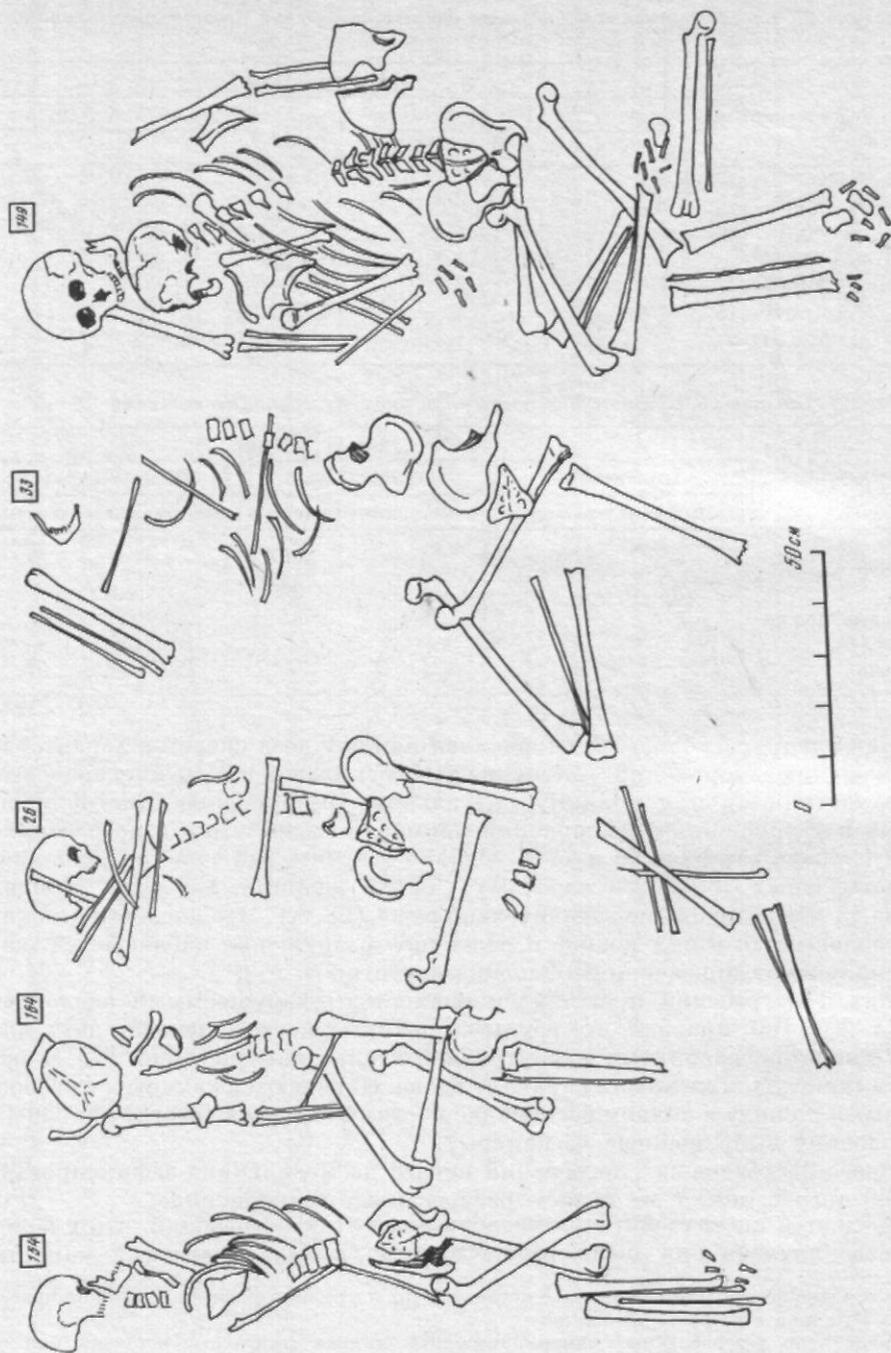

Рис. 97. Полностью разрушенные и разбросанные захоронения

Иногда при таких ограблениях скелеты просто подтягивались ко входу — там их и оставляли. Таков, например, скелет в катакомбе 93: голова у него откинута в сторону, верхняя часть туловища оказалась в дромосе, таз застрял во входе, а ноги лежали поперек камеры (видимо, во время ограбления они еще были соединены связками с тазом).

Скелеты сдвигались в сторону, чтобы освободить место для следующего покойника, скелет которого, как правило, оставался в камере непотревоженным. Некоторые скелеты сдвигались к стенке настолько аккуратно, что можно было даже говорить о первоначальном их положении: вытянутом или скорченном.

Беспорядочная на первый взгляд груда костей образовалась из двух скелетов в катакомбе 149, положенных один на другой (рис. 97). Внизу вытянуто на спине лежал мужской скелет, а на нем — скелет женщины. Многие кости обоих скелетов, особенно нижние, перевернуты и частично выброшены, но нижний все же не был сдвинут и помещался в центре камеры. Это единичный случай, когда второе захоронение произведено было прямо на первом без предварительного освобождения для него пространства на полу камеры.

Сопоставление двух типов этого вида погребений (разбросанных и сдвинутых), с группами катакомб и половозрастными данными (табл. 28) показало, что в одиночных камерах ни сдвинутых, ни разбросанных погребений не встречено ни разу. Это и естественно — повторных захоронений в одиночных камерах не было. В парных катакомбах явно преобладают разбросанные, а не сдвинутые скелеты и, как правило, все они относятся к числу разоренных грабителями. Отсутствие в них сдвинутых скелетов объясняется, видимо, тем, что захоронения чаще всего производились одновременно или же камера заранее сооружалась в расчете на двух покойников. Резко увеличивается количество сдвинутых скелетов в тройных и особенно в семейных усыпальницах. Это и понятно — погребения в них производились нередко на протяжении довольно длительного времени. Ткани, связывающие кости первых похороненных истлевали и скелеты легко можно было отгрести в сторону.

Обычно сохранность полностью разрушенных и довольно небрежно сдвинутых скелетов плохая, поэтому часто иол и возраст их определить не удавалось (исключая мелкие косточки детских скелетиков). Тем не менее следует констатировать, что женские и детские погребения сдвигались и разбрасывались (а, возможно, и грабились) чаще мужских. Причины этого могли быть самыми различными: большая смертность женщин и детей, хрупкость детских скелетов, относительное «богатство» женских и детских погребений (украшениями, предметами туалета, амулетами и пр.).

Итак, исследованные в могильнике 345 погребений в подавляющем большинстве относятся к двум видам: 1 — вытянутые на спине, преимущественно мужские (35,5%), и 2 — скорченные на боку — женские (также 35,5 %). Сдвинутые и разбросанные скелеты, несмотря на отсутствие их в одной из групп катакомб, составляют довольно значительное количество от общего числа погребений — 21 %. Только 8 % погребений полностью разграблены, истлели и неопределимы.

Размещение инвентаря при погребенных. Погребения сопровождалось разнообразным и нередко богатым инвентарем. Помещение его в камеру

также было одним из важнейших ритуальных действий погребального обряда. Вещи при погребенных разложены и расставлены были в определенном, довольно строгом порядке, зафиксированном, естественно, в основном у скелетов, не нарушенных или мало нарушенных ритуальным разрушением.

Около мужских скелетов особенно устойчиво положение боевых топори-ков, ножей и мотыжек (рис. 98). Топорики помещались справа от погребенного 29 раз, два — слева от головы, один — у левого бедра и три — у ступней ног. Ножики в 32 случаях из 49, т. е. у 65 % покойников, находились справа от тазовых костей или у правого бедра. В двух случаях ножики зажаты в правой руке, один нож был обнаружен справа от грудной клетки, один — у пятки правой ноги. Весьма вероятно, что в двух последних случаях ножи играли роль амулетов-оберегов. Видимо, та же роль отводилась и ножу, помещенному слева от головы. 12 ножей были помещены слева от тазовых костей или у левого бедра. Мотыжки размещались справа у головы и вдоль правой руки покойника. У ног и слева их помещали очень редко. Вполне возможно, что объясняется это утилитарно: у головы и справа от вытянутого на спине покойника, обычно погребенного первым от входа, было свободное пространство на полу — туда и бросали мотыжку. Конечно, можно предполагать, что мотыжки, как почти каждый предмет, попадающий в могилу, могли быть и оберегами, защищавшими покойников (или живых от них) со стороны входа, поскольку были острыми «ранящими» предметами (как ножи и топоры).

Украшения в мужских погребениях попадают в виде исключения. Это бусы, обычно лежавшие при покойнике «грудкой», помещенные, видимо, в специальные сумочки на поясе или же в небольшие ямки, вырытые рядом со скелетом в полу камеры (рис. 99а).

Иначе располагались вещи рядом с женскими скорченными скелетами. Топоры разбросаны вокруг них беспорядочно. Ножи находятся как бы перед покойницей — у груди и живота, возможно, защищая ее вместе с другими амулетами от вторжения в камеру злых чар (рис. 100). Мотыжки попадают при женских погребениях значительно реже, чем при мужских. Их вместе с ножницами и зеркалами помещали в пространстве пола над головой погребенной.

Бусы в женских погребениях встречались в огромном количестве: это были и ожерелья, и браслеты, и пояса, и нашивки на ворот и полы одежды и, наконец, как и в мужских погребениях, их находили в кольчужных сумочках на поясе (рис. 99б). Очевидно, в последнем случае бусы не были украшениями, а служили каким-то другим целям (были мелкой разменной монетой и пр.).

Рассмотрев основные элементы катакомбного погребального обряда в целом, перейдем к более подробной, конкретной характеристике его по выделенным нами четырем группам катакомб.

Группа 1. Катакомбы с одиночными захоронениями

По половозрастному признаку погребенных катакомбы с одиночными захоронениями разделены на три подгруппы: мужские, женские и детские.

1. Мужских одиночных погребений немного (таблицы 29, 30). Возраст погребенных в основном зрелый (2) и возмужалый (4). Подгруппа характеризуется довольно длинными дромосами — от 2,40 до 4,6 м, хотя есть и

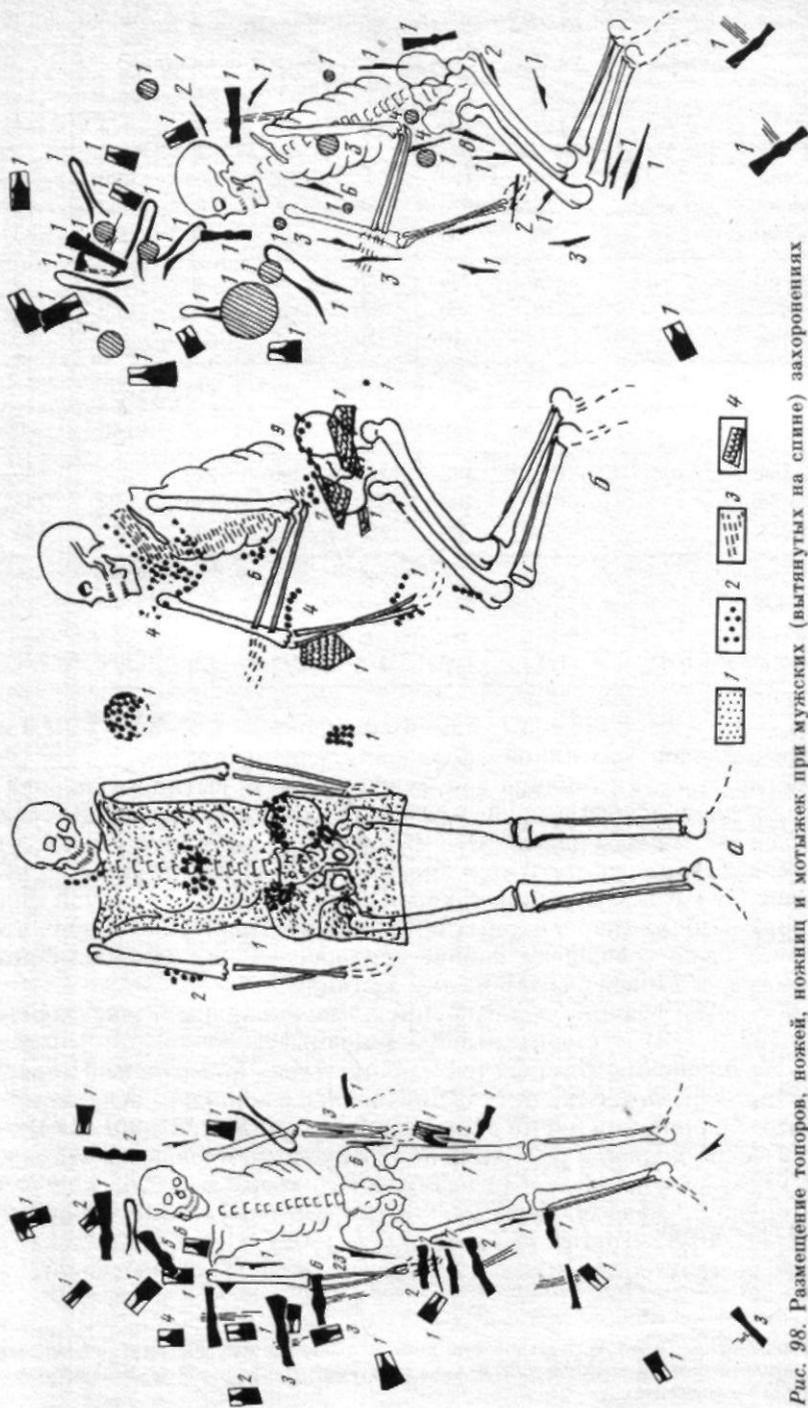

Рис. 98. Размещение топоров, ножей, ножниц и мотыжек при мужских (вытянутых на спине) захоронениях. Цифры (здесь и на двух следующих рисунках) обозначают количество случаев нахождения предмета на указанном месте

Рис. 99. Размещение бус при мужских (а) и женских (б) захоронениях

Условные обозначения: 1 — тлен от материи; 2 — бусы; 3 — бисер; 4 — кольчужные сумочки

Рис. 100. Размещение топоров, ножей, ножниц и зеркал при женских погребениях

Таблица 29. Размеры катакомб (в см), их варианты, типы одиночных захоронений мужчин

Признаки для характеристики катакомбы и погребений		Возраст погребенных, № катакомб						
		Стар.	Зрелый		Возмужалый			
			142	37	111	28	102	148
Дромос	длина	240	150	?	210	300	460	340
	ширина	70	70	60	70	60	80	70
	глубина	90	60	95	100	160	200	160
Вход	высота	?	35	45	40	40	?	110
	ширина	70	60	50	70	40	60	70
	длина	?	10	30	15	20	?	25
Следы плаха		—	—	+	—	+	—	+
Высота порога		10	40	40	20	35	40	30
Камера	длина	185	180	185	200	210	220	165
	ширина	120	100	150	150	150	190	125
	высота	?	80	95	90	95	?	120
1. Полые		—	—	+	—	+	—	—
2. Забитые на 1/2		—	+	—	—	—	—	+
3. Забитые полностью		+	—	—	+	—	+	—
Типы и подтипы погребений		1/1	1/2	1/1	2/1	1/1	1/1	1/1

исключения — 1,5 и 2,1 м (28 и 27). Камеры большие — 1,6X2,2X1—1,9 м, преимущественно забитые глиной наполовину или полностью.

Погребенные лежат в типичной для мужчин позе — вытянуто на спине и, как правило, ритуального разрушения нет. Только в катакоме 28 у скелета выброшен из могилы череп. Это захоронение отличается также и другими особенностями: согнутыми в коленях ногами, несмотря на то что уложен скелет, как и все мужские захоронения, на спине, угольной подсыпкой на полу камеры (как в парных катакомбах). Вполне возможно, что в катакомбе 28 было совершено парное захоронение, но при частичном ограблении камеры второй скелет из нее вытасчен.

Большинство погребений в подгруппе — долихокраны, два черепа (катакомбы 102 и 148) — смешанные (мезокраны).

В целом захоронения отличаются скромностью инвентаря. Четверо из семи мужчин — воины. Старик (142) похоронен с воинским отличием — поясом с пятью бляшками и двумя наконечниками. Пожилой воин (111) — с ножами от сабли, поясом и разным мелким инвентарем (ножами, мотыжной и пр.). Богатый воин-мезокран возмужалого возраста (148) положен с набором оружия, поясом, ножами, мотыжкой, амулетами, сосудом-кубышкой (рис. 101). Другой воин-мезокран (102) с топором и ножом, но в отличие от трех остальных он похоронен без пояса, что свидетель-

* Все намерения черепов, а также определение пола и возраста погребенных произведены Т. С. Кондукторовой, которая подготовила специальную работу о населении Дмитриевского археологического комплекса.

Таблица 30. Вещи в одиночных захоронениях мужчин и мальчиков

Вещи при погребенных	Возраст погребенных, № катакомб								
	Стар.	Зрелый		Возмужалый				10—15	1—9
	142	37	111	28	102	148	166	88	105
топоры	—	—	—	—	1	1	—	—	—
колчаны	—	—	—	—	—	1	—	—	—
луки	—	—	—	—	—	1	—	—	—
ножны	—	—	1	—	—	—	—	—	—
пряжки	1	—	1	—	—	1	—	1	—
бляшки	5	—	31	—	—	11	—	1	—
наконечники	2	—	1	—	—	1	—	1	—
ножи	2	—	2	—	1	2	1	—	—
мотыжки	—	—	1	—	—	1	—	—	—
пуговицы	—	—	1	—	—	—	—	—	1
кожаные сумки	—	—	1	—	—	—	—	—	—
железные пряжки	—	1	—	—	—	—	—	—	—
серьги	—	—	—	—	—	—	—	—	—
бусы-ожерелья	—	—	20	—	—	—	—	1	—
бусы у пояса	—	—	2	—	—	—	—	—	—
орехи	—	—	1	—	—	—	—	—	—
черепаха	—	—	—	—	—	1	—	—	—
когти	—	—	—	—	—	1	—	—	—
кружки	—	—	1	—	—	—	—	1	—
кубышки	—	—	—	—	—	1	—	—	—
В камерах									
В дромосе	кувшины	—	—	1	1	—	—	—	—
	кружки	—	—	—	1	1	—	1	—
	лепные	—	—	—	—	—	—	—	1

ствуст о более низком его положении на военной иерархической лестнице того времени (Плетнева С. А., 1967. С. 168). Остальные три мужчины, судя по отсутствию у них оружия и других вещей, не были воинами и принадлежали к беднейшей части населения.

2. Значительно больше в группе женских захоронений: 18 (таблицы 31, 32). Они относятся ко всем четырем возрастным категориям, но преобладают в группе взрослые и юные женщины.

Дромосы отличаются значительной длиной (от 2,5 до 4,85 м). Даже самые короткие из них превышают длину 2 м (19, 25, 35). Камеры такие же большие, как и в мужских захоронениях, хотя встречаются и очень тесные камеры: 1, 45 — 1,5X0,9—1,1 м (19, 32, 34). Подавляющее большинство камер — полые (66 %).

16 погребений женщин уложено в характерной позе: скорчено на правом, иногда на левом боку. Однако есть и исключения: в катакомбе 5 погребена девушка 18 лет вытянуто на спине с полным набором оружия, поясом, сбруей, ножом, мотыжкой, золотыми серьгами, кувшином в дромосе (рис. 101).

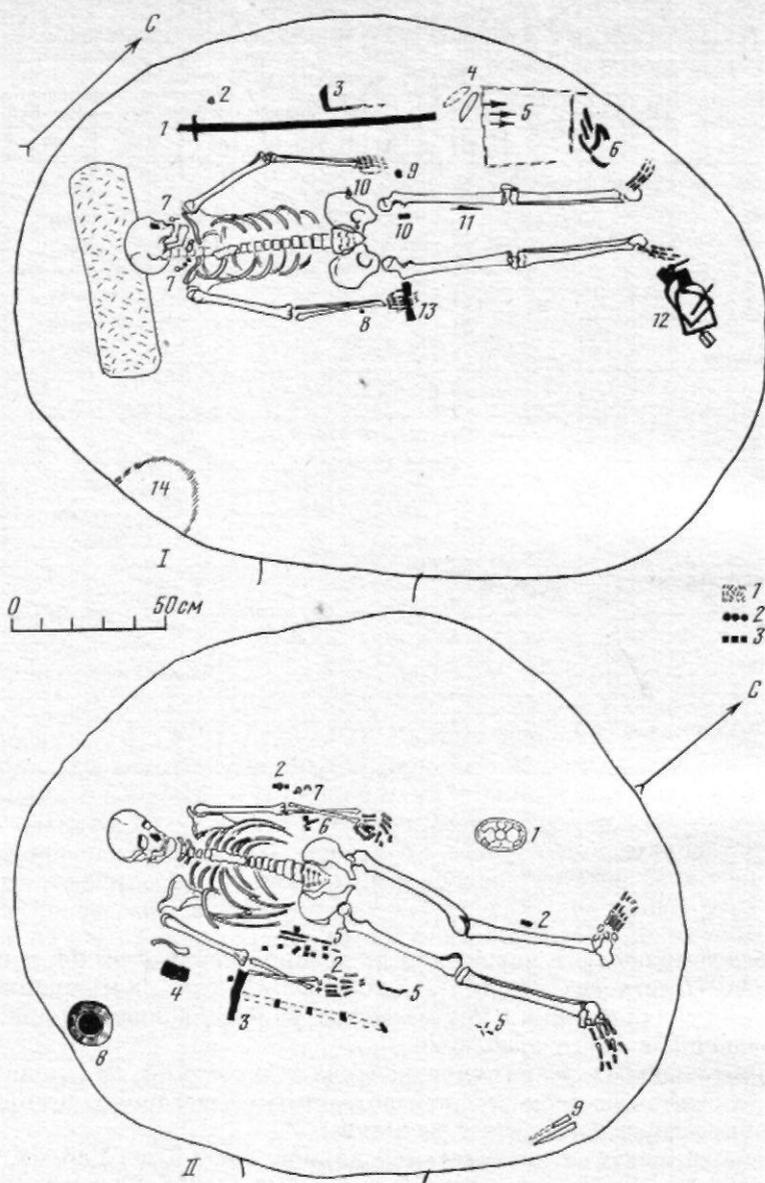

Рис. 101. Захоронения воинов I группы

I — катакомба 5, погребение девушки-воина (1 — сабля; 2 — пряжка; 3 — мотыжка; 4 — накладки лука; 5 — стрелы и остатки колчана; 6 — обрывки кожаных ремней; 7 — серьги; 8 — бусы; 9 — грецкий орех; 10 — наконечники пояса; 11 — нож; 12 — остатки сбруи; 13 — топор; 14 — остатки коричневого тлена); II — катакомба 148, погребение мужчины-воина (1 — панцирь черепахи; 2 — поясной набор; 3 — топор; 4 — мотыжка; 5 — остатки железных стержней; 6 — нож; 7 — косточки-амулеты; 8 — сосуд; 9 — накладки лука). Условные обозначения: 1 — тлен от травы; 2 — бусы; 3 — блишки поясного набора

Таблица 31. Размеры катакомб (в см), их варианты, типы одиночных захоронений женщин

Признаки для характеристики катакомб и погребений	Возраст погребенных, № катакомб																	
	Старый			Зрелый			Взрослый					Юный						
	100	136	25	61	162	19	34	35	36	78	141	161	4	5	14	32	117	153
Дромос	длина	260	?	220	400	?	208	315	215	310	310	470	360	190	486	265	260	—
	ширина	55	60	60	60	60	65	60	60	70	70	70	70	60	80	65	60	70
	глубина	110	150	110	160	95	106	100	100	200	165	160	150	95	220	205	135	170
Вход	высота	48	50	40	110	60	40	60	60	?	80	60	?	54	40	40	35	45
	ширина	45	40	45	60	40	52	50	45	60	50	40	?	45	50	50	40	45
	длина	50	50	35	—	—	24	20	20	10	40	20	30	10	20	25	15	30
Следы плаха		—	+	—	—	—	+	—	—	—	+	—	—	—	—	—	+	—
Высота порога		10	25	20	—	50	10	20	25	20	50	10	20	—	25	25	20	15
Камера	длина	160	210	190	180	160	145	150	160	170	200	168	200	180	250	160	142	200
	ширина	110	150	140	140	125	100	110	120	120	150	110	175	148	180	125	90	160
	высота	80	90	70	135	75	65	95	80	80	130	90	165	80	100	75	65	88
1. Полные		+	+	+	+	—	+	+	—	—	+	+	—	—	+	—	+	+
2. Забиты на 1/2		—	—	—	—	+	—	—	+	—	—	—	—	—	—	+	—	—
3. Забиты полностью		—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	+	—	+	—	—	—	—
Типы и подтипы погребений		1/1	1/1	1/1	1/1	1/1	1/1	1/1	1/2	1/1	1/1	1/1	1/1	1/1	1/1	1/1	1/2	1/1

* р — разрушены полностью

Таблица 32. Вещи в одиночных захоронениях женщин

Возраст	№ катакомб	Вещи в камерах																				Сосуды в дромосах														
		сабли	стрелы	луки	топоры	пяржки	башки	наконечники	ушала	стремена	ножи	поясники	привеса	пуговицы	бубенчики	желез. пяржки	желез. фигуры	кожан. сумки	завкала	серьги	бусы-ожерелья	бусы на поясе	браслеты бронз.	браслеты железн.	перстни	пастинные кости	орехи	клякмы	завкала-амулеты	костяные фигурки	крякки	кувшини	крякки	кухонные горшки		
Старый	100	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	
	136	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	30	1	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Зрелый	25	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	
	61	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	
	162	-	-	-	-	-	3	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Взрослый	19	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	2	1	-	-	-	-	-	1	2	44	28	4	3	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
	35	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	36	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	7	1	-	-	-	1	-	-	-	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	
	78	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	141	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Юный	5	1	1	1	1	3	1	1	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	
	14	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	1	1	-	1	1	-	1	-	1	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1
	32	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	1	1	-	1	-	2	15	37	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
	117	-	-	-	1	1	-	-	4	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	57	1	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	153	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	1	29	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-
10-15	49	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	4	-	-	-	-	-	1	2	96	87	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	1

17 погребений этой подгруппы не нарушены. Только в катакомбе 14, в которой, судя по остаткам костей, была погребена девушка, скелет разрушен и разбросан полностью. Несмотря на то что в камере сохранились кое-какие мелкие вещи (мотыжка, расколотое зеркало, бубенчик, три бусинки и пр.), беспорядок в расположении вещей и предметов, перемешанность их с заплывшей в камеру землей, отсутствие следов плах у входа и сильно гумусированное заполнение дромоса (явно перекопанное и небрежно засыпанное) позволяют считать это захоронение разграбленным, а не ритуально разрушенным. В первоначальном виде оно было, видимо, аналогично катакомбе 32, в которой также была похоронена юная женщина (15—18 лет) с небольшим количеством вещей.

Как и мужские одиночные захоронения, женские погребения этой группы небогаты. В трех из них вообще нет вещей (4, 34, 161), в пяти их очень мало (25, 61, 100, 141, 162), в остальных преобладают предметы одежды, туалета, украшения (чаще у девушек). Почти нет при них амулетов и мало сосудов. Оружие, помимо катакомбы 5, обнаружено также в катакомбе 117 вместе с топором, четырьмя ножами, бляшкой от пояса, мотыжкой, серьгами, бусами и пр. (рис. 102).

Погребения женщин в основном долихокранны, только в четырех катакомбах захоронены женщины-мезокраны (19, 36, 100, 153).

3. Детские захоронения. Их в подгруппе всего восемь: четыре мальчика и четыре девочки (табл. 33). По возрасту погребения мальчиков и девочек делятся на две возрастные категории: подростки и дети до 10 лет. Дромосы короткие - 1—2,25 м, мелкие — 0,40—1,30 м, камеры маленькие — 0,80—1,60X0,50—1,1 м. Пять камер забиты черной рыхлой гумусной землей.

Мальчики похоронены по мужскому обряду — вытянуто на спине, девочки — скорчено на боку. Все погребения отличаются ненарушенностью скелетов (рис. 102).

Вещи обнаружены только в трех захоронениях: у мальчика 12—15 лет часть воинского пояса, бусина и сосуды (88), при мальчике 6—7 лет — бусина и лепной сосудик в дромосе (105), у девочки-подростка — полный набор украшений, ножи, амулеты, кувшин в дромосе (49).

Подводя итоги по погребениям первой группы катакомб, можно сказать, во-первых, что в ней явно преобладают женские и детские захоронения. Для детей независимо от пола сооружались небольшие катакомбы, соответствующие их росту. Во-вторых, погребения женщин чаще производились в полых камерах, а мужчин — в забитых. В-третьих, все погребения первой группы отличаются ритуальной (целостностью скелетов. Случаи разрушения скелетов объясняются, видимо, частичным ограблением камеры. В-четвертых, в одиночных камерах, как правило, хоронили сравнительно небогатых людей, хотя попадались среди них и опоясанные воины и девушки-воительницы. В-пятых, очень мало в одиночных катакомбах керамических сосудов — они встречены всего в 40 % дромосов и 16 % камер.

Группа II. Катакомбы с парными (двойными) захоронениями

Парные захоронения являются простейшими групповыми погребениями: в каждой камере помещено всего два покойника. Поскольку далеко не всегда это «пара», т. е. захоронение супругов, то правильнее называть

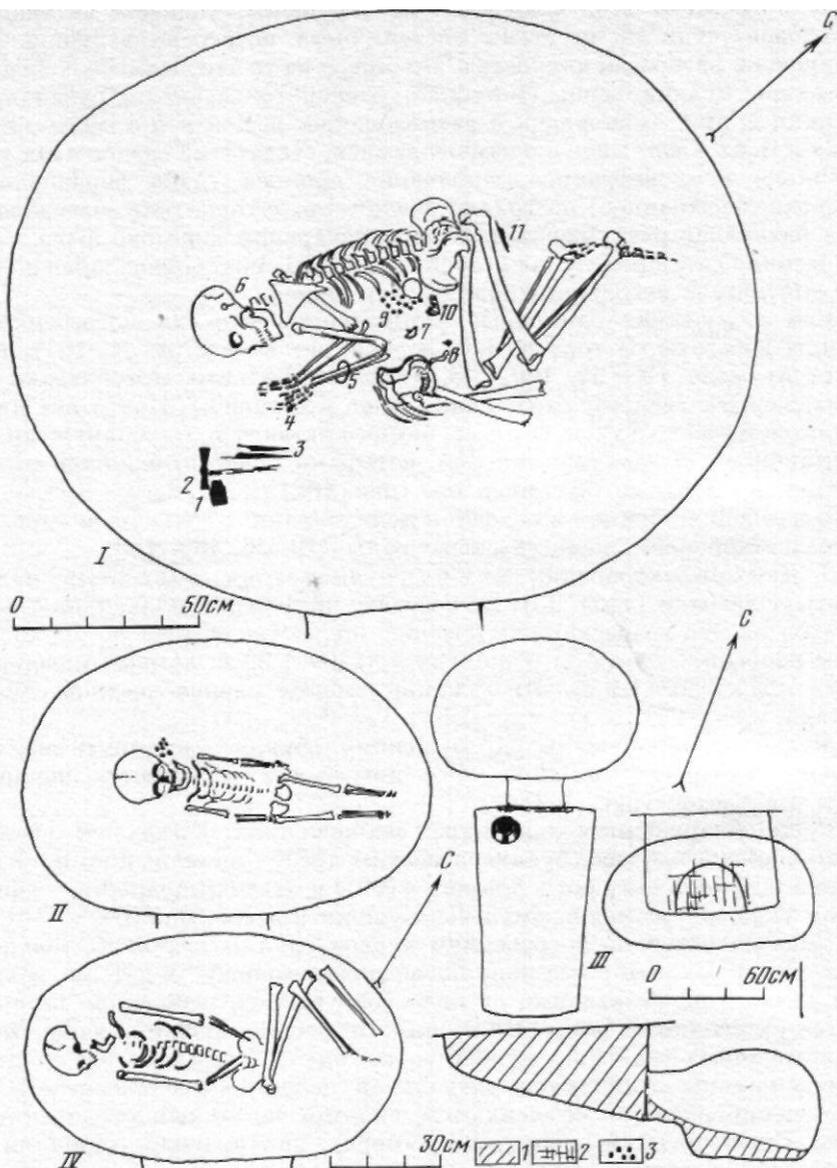

Рис. 102. Захоронение юной женщины в катакомбе 117 с оружием и несколькими костями второго скелета у коленей (I)

I — мотыжка; 2 — топор; 3 — кинжалы; 4 — перстень; 5 — браслет; 6 — серьги; 7 — бляшка; 8 — бубенчик; 9 — бусы и зеркало; 10 — кольчужная сумочка; 11 — ножик); II и III — катакомба 105 с захоронением мальчика с набором бус у черепа; IV — захоронение мальчика с согнутыми и поднятыми вверх коленями в камере катакомбы 40. Условные обозначения: 1 — серая гумусная земля; 2 — деревянный тлея; 3 — бусы

Таблица 33. Размеры катакомб (в см), их варианты, типы одиночных захоронений детей

Признаки для характеристики катакомбы и погребения		Пол, возраст, № катакомб							
		Мальчики				Девочки			
		10—15		1—9		10—15		1—9	
		24	41	88	105	40	49	29	85
Дромос	длина	225	150	200	110	140	200	140	100
	ширина	50	60	60	65	50	60	80	60
	глубина	90	110	90	50	60	130	60	40
Вход	высота	35	80	35	25	30	30	30	25
	ширина	40	50	50	30	40	40	70	40
	длина	10	10	20	15	10	20	10	30
Следы плах		+	—	—	—	—	+	камень	—
Высота порога		40	20	30	15	20	30	20	10
Камера	длина	150	120	160	110	100	80	110	160
	ширина	100	80	110	75	60	50	60	100
	высота	75	125	80	60	45	50	40	70
1. Полые		+	—	+	—	—	—	+	—
2. Забита на 1/2		—	—	—	—	—	—	—	—
3. Забита полностью		—	+	—	+	+	+	—	+
Типы и подтипы погребений		1/1	1/1	1/2	1/1	1/2	1/1	1/1	1/1

группу «катакомбами с двойными погребениями». Однако, как мы увидим ниже, значительное количество захоронений в группе действительно состоят из мужского и женского погребений, очевидно, супружеских. Всего в группу входит 40 катакомб. Различные половозрастные сочетания похороненных в камерах людей позволяют разделить 33 катакомбы на четыре подгруппы (табл. 34). Четыре катакомбы, пол скелетов в которых антропологически неопределен по разным объективным причинам, мы причисляем к той или иной подгруппе условно, устанавливая пол по сохранившемуся инвентарю. В двух катакомбах (31, 137) неопределен пол одного из скелетов, а в катакомбе 151 почти полностью отсутствуют кости обоих погребенных, поэтому захоронение в камере мужчины и женщины устанавливается по некоторым косвенным данным.

1. Первая подгруппа представлена катакомбами с захоронениями мужчин и женщин. В нее включено более половины всех катакомб данной группы (табл. 35, 36).

Для катакомб характерны обширные камеры с дромосами двух типов: короткими и длинными. Причем у половины катакомб с длинными дромосами камеры забиты глиной (исключение — катакомба 45). Преобладающим вариантом в подгруппе являются полые (пезабитые) камеры.

В катакомбах II группы появляется обряд, абсолютно нетипичный для одиночных захоронений: угольные подсыпки под погребениями. Они попа-

Таблица 34. Разделение катакомб II группы на подгруппы по половозрастным данным

Подгруппа	Пол	Возраст	№ катакомб
1	мужчина + женщина	зрелый + старый *	72, 79, 80
		зрелый + зрелый	11, 171
		зрелый + взрослый	48, 55, 83
		зрелый + юный	45, 52
		зрелый + 10—15 лет	21, 51
		взрослый + старый	157
		взрослый + юный	124, 165, 172
		юный + взрослый	33
		10—15 лет + взрослый	74
неопределены	23, 73		
2	мужчина + ребенок	зрелый + ребенок	91, 138
		взрослый + ребенок	75
3	женщина + женщина	зрелый + старый	114
		зрелый + юный	27
		юный + 10—15 лет	93
4	женщина + ребенок	старый + ребенок	64
		зрелый + ребенок	956, 129
		взрослый + ребенок	56, 60, 99, 130, 152

* Первый возраст мужской, второй — женский (здесь и в последующих аналогичных таблицах).

даются обычно в больших камерах с явно одновременно совершенными погребениями. Очень выразительны возрастные сочетания в таких «парах»: зрелый и взрослые мужчины похоронены с юными девушками (табл. 34). Совершенно ясно, что при жизни эти девушки не могли быть «главными» женами. Вероятно, это была или последняя взятая в дом жена — в таком случае прижизненного брака покойники не обсыпались углем, или же просто рабыня — тогда их посмертно «женили», посыпая пол камеры и трупы горячими углями (Плетнева С. Л., 1967. С. 79).

Женщины, погребенные вместе с мужьями (прижизненные или посмертные), не всегда были много моложе мужчин. В двух случаях с юношами были захоронены взрослые женщины. В катакомбе 33 такая пара была обсыпана углем, т. е. брак был «посмертный», а в катакомбе 74 погребения были явно разновременны: сначала умер муж, а много позднее к нему «подхоронили» его жену, пережившую его лет на 20. Впрочем, следует помнить, что жизненные ситуации очень многообразны и поэтому дать объяснение каждому совместному захоронению вряд ли возможно и нужно.

Столь же многообразен и практически необъясним и ритуал разрушения скелетов в этой подгруппе. Половина скелетов не подвергалась разруше-

Таблица 35. Размеры катакомб (в см), их варианты, типы погребений II группы I-й подгруппы

Признаки для характеристики катакомбы и погребений	№ катакомб																					
	72	79	80	81	171	48	55	83	45	52	21	51	157	121	165	172	33	74	23	73		
Дромос	длина	420	?	260	550	200	500	?	180	430	200	500	530	?	550	500	—	280	570	260		
	ширина	80	60	70	60	60	60	70	60	70	60	60	70	65	60	60	—	80	70	75		
	глубина	150	160	155	170	250	140	160	170	260	170	160	180	240	170	200	160	—	135	240	140	
Вход	высота	40	40	45	40	50	50	50	?	60	55	?	160	50	100	45	40	20	40	40		
	ширина	40	50	60	40	60	45	50	60	45	60	50	40	60	40	50	45	40	50	40	45	
	длина	50	40	30	35	40	15	30	40	40	25	20	45	40	—	40	30	20	30	20	40	
Следы плаха	+	+	—	+	+	—	—	—	—	+	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	
Высота порога	20	50	30	30	50	20	40	30	20	—	40	—	50	20	40	—	—	45	35	50		
Камера	длина	190	190	200	180	230	175	210	230	185	220	190	200	200	200	200	200	185	200	230	180	
	ширина	140	130	165	135	150	120	165	160	160	170	130	165	170	140	150	160	130	155	160	140	
	высота	120	120	90	75	130	80	120	?	145	110	140	210	80	175	105	100	90	110	110	100	
1. Полые	+	+	—	+	+	+	—	—	—	—	+	—	—	+	—	—	—	+	+	+	+	
2. Забитые на 1/2	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
3. Забитые полностью	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	—	+	+	—	+	—	—	—	—	—	—	
Угловая подсыпка	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	—	—	+	—	—	+	—	—	—	
Типы и подтипы погребений	$\frac{1}{1} \frac{1}{1} \frac{2}{2} \frac{1}{2}$	$\frac{2}{2} \frac{1}{2} \frac{1}{2}$	$\frac{3}{2} \frac{1}{2} \frac{1}{2}$	$\frac{3}{2} \frac{1}{2} \frac{1}{2}$	$\frac{1}{1} \frac{1}{1} \frac{1}{1} \frac{2}{2} \frac{3}{3}$	$\frac{1}{1} \frac{1}{1} \frac{2}{2} \frac{1}{2}$	$\frac{2}{2} \frac{1}{1} \frac{1}{1} \frac{1}{1}$	$\frac{3}{2} \frac{1}{1} \frac{1}{1}$														
Антропологическое определение*	Д Д Б Д МД	Д Д	Д Д	Д Д	Д Д	Д Д	Д Д	Д Д	Д Д	Д Д	Д Д	Д Д	Д Д	Д Д	Д Д	Д Д	Д Д	Д Д	Д Д	Д Д	Д Д	

* Д — долихокраны, М — мезокраны, Б — брахикраны (здесь и на других аналогичных таблицах); Р — разрушены

Таблица 36. Вещи в катакомбах II группы I-й подгруппы

Вещи при погребенных	№ катакомб,														
	72		79		80		11		171	48		55		83	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	мж	м	ж	м	ж	м	ж
Сабли															
Колчаны													1		
Стрелы													11		
Кинжалы	1														
Топоры	1		1		1								1		
Шлем													1		
Пряжки	1		1		1		1						1		1
Бляшки	10		9		18		2						10		
Наконечники	1		1				1						1		
Удила															
Стремена															
Ножи	1				2		1			1			1		
Мотыжки	1				1						1				
Кресала															
Ножницы								1					1		
Деревянные сосуды	1							1							
Пуговицы				4			6								
Бубенчики				6	1		1	4					1		6
Ворварки															
Спирали															
Нашивки															
Железные пряжки								1							
Бронзовые фибулы								2							
Железные фибулы															1
Кольчужные сумки	1														
Зеркала				1									1		1
Копюшки				2				1							
Щипчики															
Кисточки								1							
«Распределители»															
Серьги		2						2							2
Бусы — ожерелья				104		9		1				8	1		56
Бусы на поясе								Б*							300
Браслеты					4			1							2
Перстни	1			1				2							
Амулеты — зеркала															
«Всадники»															
«Кони»															
«С сокол. головками»															
Пястные кости					8										
Когти, клыки															
Фигурки из кости					1										
Каменные амулеты								1							
Ботала															
«Мощевик»								1							

* Б — здесь и в других таблицах означает бисер.

нию, другая половина разрушена в большей или меньшей степени (табл. 35).

Закономерностей в размещении скелетов различной степени разрушения установить не удастся. Однако можно констатировать, что, как ира-

тов вооружения и сбруи, воинских поясов, бытовых вещей, украшений, амулетов и пр. (табл. 36). Только изредка покойники-мужчины в этой группе погребались безоружными (11, 48, 74, 83, 171), а женщины — без украшений (48, 172).

Тем не менее в основном эта подгруппа состоит из захоронений зрелых опоясанных воинов, вооруженных, как минимум, топориками. К четырем из них положены луки и колчаны со стрелами, а одному еще и сабля. Помимо оружия, мужские погребения сопровождались и наиболее распространенными бытовыми предметами: ножами, мотыжками (с женскими погребениями мотыжки встречались много реже) и деревянными сосудами. Женщины с особенно разнообразным и богатым инвентарем сопровождали наиболее богатых воинов. Причем именно эти «пары» были обсыпаны углем, т. е. брак был, видимо, посмертным, а значит молодая женщина была убита при погребении мужчины. По существу она была таким же «сопровождающим инвентарем», как дорогая сабля, лук, конь или собака. В дромосах катакомбы 45 и разоренной катакомбы 151 были помещены убитые кони (рис. 103).

Конь в катакомбе 45 был уложен на почти горизонтальную поверхность пола, головой ко входу. Поскольку ширина дромоса всюду равна 0,6 м, туша была втиснута в дромос. Поза коня канонична: на брюхе с сильно подогнутыми ногами, вытянутой шеей. Череп — на левом боку. Лоб коня находился всего в 0,3 м от входа в камеру. Почти в такой же позе лежал конь в дромосе катакомбы 151. Только помещен он был в самом начале дромоса (лоб коня находился на расстоянии 2 м от входа в камеру). Поэтому захоронение коня в этой разграбленной катакомбе осталось нетронутым, хотя перекоп заполнения дромоса с костями человека, вытасканными из камеры, доходил почти до головы коня. Интересно, что на тазовых костях коня (на крупе) находился согнутый полукольцообразный скелет крупной собаки, видимо, охотничьей. В дромосе катакомбы 73 с захоронением безоружного неопоясанного мужчины и женщины с топором, ножом, мотыжкой и пр. (табл. 36) была захоронена обезглавленная такая же, как в катакомбе 151, крупная охотничья собака. В камерах обеих катакомб с конями вместе с оружием помещалась и конская сбруя (удила и стремяна, иногда остатки седел). Кроме того, остатки сбруи были обнаружены и в камерах катакомб 23 и 52, в которых не было захоронений коней. Очевидно, как и в погребениях поздних кочевников (X—XIII вв.), сбруйные наборы в могилах заменяли или символизировали конские захоронения.

Обычай ритуального убийства касался, видимо, не только женщин и девочек. Дополнительное захоронение юноши в прирезке к дромосу катакомбы 165 свидетельствует о том, что при погребении воина могли убить и молодого мужчину, очевидно, неравноправного (рис. 104). Захоронение произведено в неглубокой прирезке к левой стенке дромоса (размеры 1,6X0,55 м, глубина от материка в верхнем конце — 0,5 м, в нижнем — сходит на нет). Стенки ямы неровные, сужающиеся ко дну. Юноша-брахикран (16—17 лет) похоронен вытянуто на спине, лицом вверх, с вытянутыми вдоль тела руками, ориентирован головой на северо-запад. Захоронения в этой катакомбе вообще несколько необычные: мужчина (скелет его не нарушен) — мезокран, женщина, скелет которой нарушен очень сильно (тин 3, подтип 2), первоначально была уложена вытянуто на спине,

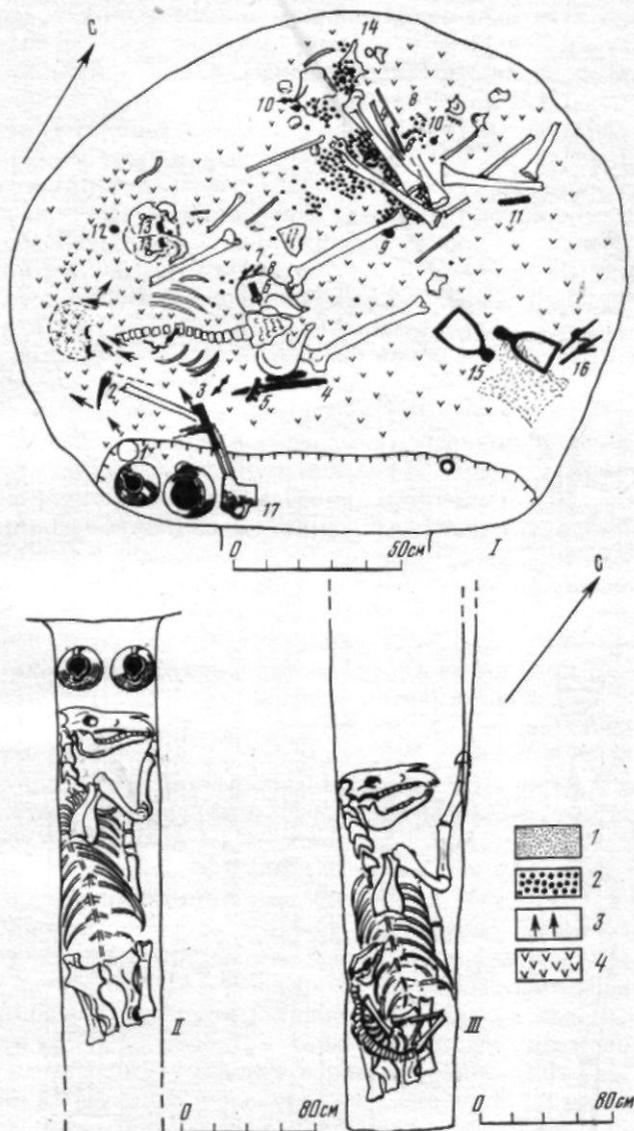

Рис. 103. План погребений

I — в камере катакомбы 45, 1 — зеркало; 2 — мотыжка; 3 — топор; 4 — ножи; 5 — «распределитель» на пояс; 6 — пряжка пояса; 7 — копоушка; 8 — «спиральки»; 9 — большой бубенчик; 10 — бубенчики; 11 — железный стержень; 12 — зеркальце-амулет; 13 — серьги; 14 — перстень; 15 — стремяна; 16 — удила; 17 — сосуды. Захоронения лошадей: II — в дромосе катакомбы 45, III — в дромосе катакомбы 151 (на тазовых костях находился скелет собаки). Условные обозначения: 1 — коричневый глин, 2 — бусы, 3 — стрелы, 4 — уголь

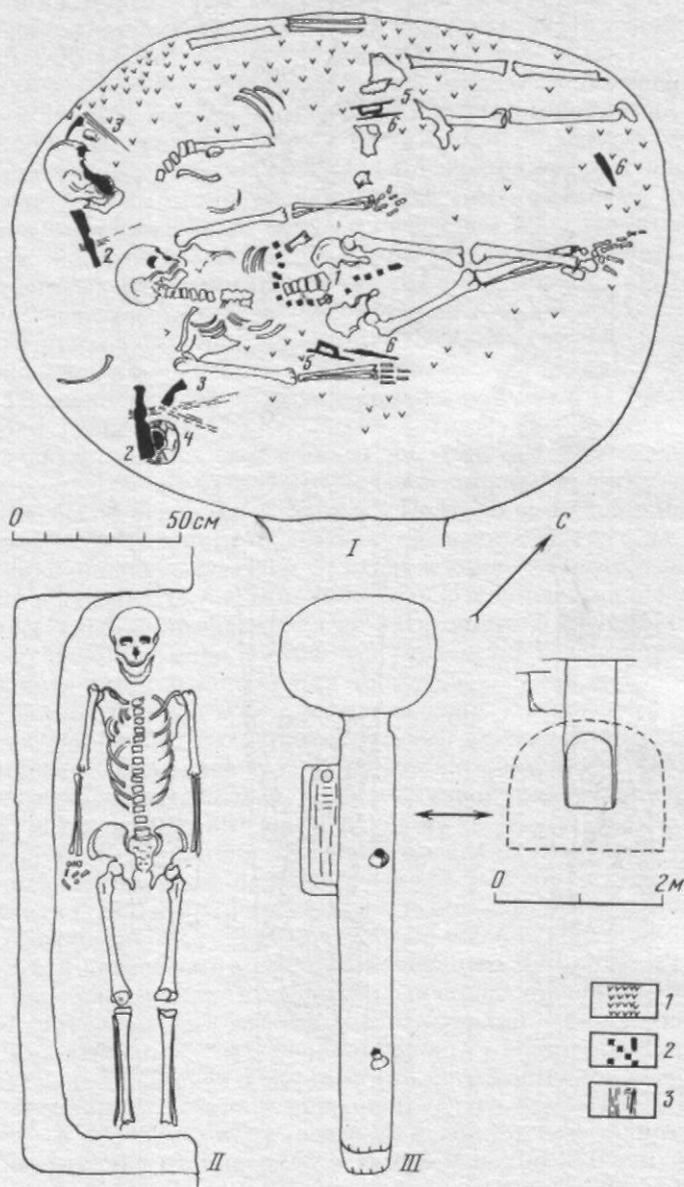

Рис. 104. План погребения в камере катакомбы 165

I — остатки пояса; 2 — топор; 3 — мотыжка; 4 — сосуд; 5 — кресало; 6 — ножи; *II* — захоронение юноши в прирезке к дромосу; *III* — план и поперечный разрез катакомбы 165. Условные обозначения: 1 — уголь; 2 — бляшки пояса; 3 — деревянный тлен

т. е. так, как хоронили обычно мужчин. Пол и возраст ее удалось определить по длинным костям: тонким, ровным с истлевшими головками. Таз и череп сохранились плохо, однако предварительное определение черепа, пока он лежал *in situ*, было сделано нами: он был, как и череп юноши в прирезке к дромосу, брахикранный. Таким образом, весь комплекс в целом принадлежал какой-то брахикранной (болгарской) семье. Именно из-за этого женщина была погребена вытянуто на спине и при покойниках лежало сравнительно мало вещей, хотя погребение явно принадлежало вполне «обеспеченному» воину, которого похоронили не только с юной посмертной женой, но и со слугой-юношей.

Следует сказать, что, помимо катакомбы 165, мужчина-брахикран был похоронен в катакомбе 52 (с юной посмертной женой и саблей) и мезокран — в катакомбе 45 (тоже с юной женой и конем). В обеих катакомбах покойники лежали на угольной подсыпке.

Для второй подгруппы (погребения мужчины с ребенком — табл. 37, рис. 105) типичны короткие дромосы и небольшие полые камеры. Погребения мужчин в двух катакомбах целые (75, 138), в катакомбе 91 у скелета разрушены руки. Детские погребения или сильно разрушены (75, 91) или косточки почти полностью истлели — младенец в катакомбе 138. Сопровождающих вещей в погребениях очень мало (табл. 38) — это самая бедная подгруппа. Об этом свидетельствует не только почти полное отсутствие вещей, но и малые размеры катакомб.

Третья подгруппа (две женщины — табл. 37) тоже представлена всего тремя катакомбами и также характеризуется малыми размерами незаполненных камер (рис. 105). В двух катакомбах вещей практически нет, третья (114) содержала погребения, сопровождавшиеся разнообразным инвентарем (табл. 38).

Четвертая подгруппа включает восемь захоронений женщин с одним ребенком (табл. 37, рис. 105). Для семи катакомб этой подгруппы характерны небольшие камеры и короткие дромосы. Пять камер — полые, три — забитые глиной (60, 99, 129). Нет единообразия и в применении обряда разрушения скелетов: он встречен в трех камерах и касался в равной степени и взрослых и детей. В катакомбах 56, 956 оба скелета подвергнуты полному разрушению, в катакомбе 152 разрушена только верхняя часть женского скелета (детский почти полностью истлел).

Особенностью подгруппы является угольная подсыпка иод погребениями пяти камер (60, 956, 129, 130, 152). Видимо, это какой-то объединяющий или связующий умерших обряд нередко необходим был не только в погребениях мужчин и женщин, но и женщин с ребенком. Возможно, здесь имел место посмертный обряд «усыновления».

Все погребения (с углем и без угля) сопровождалась сравнительно большим количеством вещей (табл. 38). Оружие (топорик) встречено всего один раз — в детском захоронении катакомбы 152. Остатков поясов, сбруи, мотыжек, ножниц и других бытовых предметов (кроме ножей) в камерах нет. Основные категории находок — украшения и мелкие предметы одежды.

Представляет интерес распределение сосудов в камерах и дромосах катакомб II группы (табл. 39). В камерах первой подгруппы ставились обычно кружки, а в дромосах — два сосуда, чаще всего — кувшины.

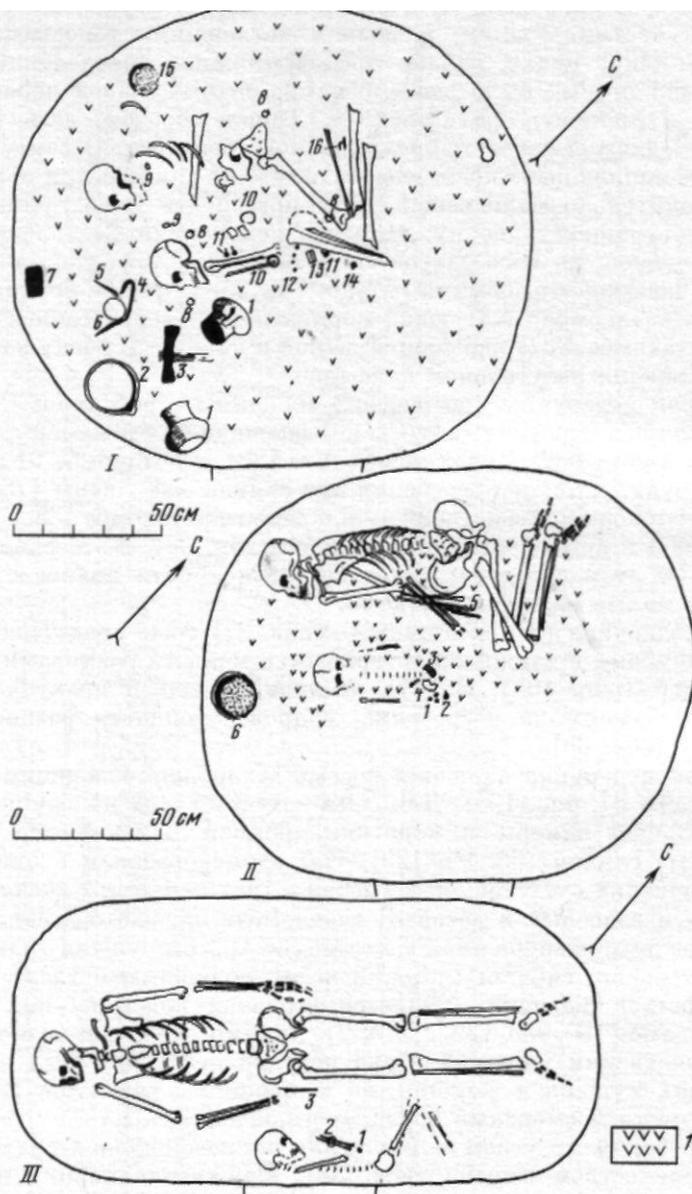

Рис. 105. Захоронения в камере катакомб II группы

I — погребения двух женщин в камере катакомбы 118 (*1* — кувшин; *2* — миска; *3* — топор; *4* — ножицы; *5* — нож; *6* — зеркало; *7* — мотыжка; *8* — перстень; *9* — обломок серьги; *10* — браслет; *11* — бубенчики; *12* — бусы; *13* — пряжка; *14* — бляшка; *15* — деревянный сосуд; *16* — кресало?); *II* — погребения женщины и ребенка в камере катакомбы 130 (*1* — бусы, *2* — бубенчик, *3* — кольчужная сумочка; *5* — нож; *6* — деревянный сосуд); *III* — погребения мужчины и ребенка в камере катакомбы 138 (*1* — нож, *2* — браслетик, *3* — бусина). Условные обозначения: *1* — уголь

Таблица 39. Керамические сосуды в камерах и дромосах II группы катакомб

Подгруппы	№ катакомб	Сосуды в камере							Сосуды в дромосе				
		кувшины	кружки	кубышки	лощеные горшки	миски	горшки кухонные	лепные сосуды	кувшины	кружки	кубышки	лощенные горшки	горшки кухонные
1	21		1		1				2				
	23				1				2	1			
	45	1	2						2				
	51	1							1		1		
	52		1								2		
	55				1				2				
	72		2						2				
	79								1	1			
	121	1	1						1				1
	165				1				2				
	171		1			1			2				
	11		1						1				
	73		1						2				
	74								1				
83		2						2					
2	91									1			
	138							1					
3	114	1				1					2		
4	56	1	2										
	60	1	1										
	64				1								
	130									1			
	152	1							3				

по величине, углю на полу, коню, собаке и двум кувшинам в дромосе явно относится к богатым супружеским захоронениям. То же можно сказать и о катакомбе 118 с угольной подсыпкой на полу камеры, с топором, поясным набором и мотыжкой. В катакомбе 31 с одним определенно женским скелетом обнаружена мотыжка. Это позволяет думать, что кости второго скелета принадлежали мужчине, поскольку мотыжки сопровождали обычно парные погребения. В катакомбе 94, как и в предыдущей, определен женский скелет, а второй — с топором, удилами, стремянами, мотыжкой был, видимо, мужским. В катакомбах 2 и 137 похоронены, очевидно, однополые покойники, в первой — женщины, а во второй — мужчины.

Существенным является выделение в группе захоронений богатых супружеских пар зрелых воинов с юными женщинами, посыпанных углем. По существу это одиночные погребения воинов с сопровождающим инвентарем, в число которого входят и молодая жена, и слуга.

Все остальные захоронения в группе — обычные семейные усыпальницы, хотя вполне возможно, что погребения женщин с ребенком на угольной подсыпке, искусственно (посмертно) соединенных в семейную группу, также являются одиночными захоронениями женщины с убитым на ее похоронах ребенком.

Таблица 40. Вещи в катакомбах II группы с неопределимыми антропологически скелетами

Вещи при погребенных	№ катакомб, пол и возраст погребенных										
	2		31		94		137		118		151
	ж?	ж	?	ж	?	ж	м	?	?	?	?
Топоры					1				1		1
Пряжки						1		1	1		
Бляшки						3			2		
Наконечники									1		
Удила					1						
Стремена						2					2
Ножи					3	2			1		
Мотыжка			1		1					1	1
Ножницы		1							1		
Деревянные сосуды					1					1	
Пуговицы		1				1			1		
Бубенчики					2	2		1	2		
Нашивки						1					
Железные пряжки									1		
Берестяные сумочки					1						
Зеркала	1								1		
Копоушки									1		
Серьги						1				2	
Бусы	4					31			26		3
Браслеты		1	1						3		
Перстни		1			2	3			2	2	
Подвески-трапеции											1

Группа ИТ. Катакомбы с тройными захоронениями

Тройные захоронения обнаружены на могильнике в 34 катакомбах (всего 102 погребения). Как и во II группе, захоронения III группы делятся на подгруппы по половозрастным сочетаниям (табл. 41). Всего выделено пять подгрупп. Самая большая — I-я подгруппа включает 17 катакомб, в камерах которых похоронены мужчина, женщина и ребенок (табл. 42). Подгруппа характеризуется сравнительно небольшими размерами камер и дромосами, довольно четко по размерам делящимися на три типа: большие (от 4,60 до 5 м длиной), средние (от 2,40 до 3,30 м) и малые (1,90 — 2,1 м). В подгруппе преобладают забитые камеры (10 из 17) с угольной подсыпкой на полу (11 из 17).

Причины отсутствия или наличия угольной подсыпки, как нам представляется, те же, что и в парных захоронениях: все помертвые браки скреплялись углем. Очевидно, в первой подгруппе все захоронения супружеские. Как правило, в них мужчина старше женщины. Исключение — пара в катакомбе 26. Однако в этом случае мужчина был погребен в камере раньше женщины: при похоронах последней его скелет вместе со скелетом ребенка был разрушен и сдвинут к внутренней стенке камеры. Возраст детей колеблется от грудного до 8—10-летнего. С возрастом погребенных в камере взрослых возраст ребенка прямой связи не имел — у ста-

Таблица 41. Разделение катакомб III группы на подгруппы по половозрастным данным

Подгруппа	Пол	Возраст	№ катакомб
1	мужчина+ +женщина+ +ребенок	старый+зрелый+мальчик 7 лет	69
		старый+взрослый+грудной	170
		старый+взрослый+девочка 6—8 лет	90
		зрелый+зрелый+девочка 10—12 лет	159
		зрелый+зрелый+мальчик 2—3 лет	67
		зрелый+зрелый+ребенок	149
		зрелый+юный+девочка 6—10 лет	95а, 131
		зрелый+неопределенный+ребенок	3, 71, 86
		возмужалый+взрослый+ребенок	54, 150
неопределенный+неопределенный+ребенок	7, 46, 57		
2	мужчина+ +женщина+ +взрослый	старый+юный+взрослый	134
		юный+взрослый+взрослый	115
		юный+юный+взрослый	126
		юный+юный+девочка 10—15 лет	92
		зрелый+взрослый+взрослый	42, 109
3	мужчина+ +2 ребенка	возмужалый+девочка 8 лет+девочка 10 лет	9
		возмужалый+ребенок 7 лет+ребенок 5 лет	169
4	женщина+ +2 ребенка	старая+ребенок 2 лет+ребенок 10 лет	122
		зрелая+ребенок+ребенок	15
		взрослая+подросток+ребенок	26
		юная+ребенок+ребенок	44
5	2 женщины+ +ребенок	старая+взрослая+ребенок	59
		старая+неопределенная+ребенок	106
		взрослая+взрослая+ребенок	110, 112
		взрослая+взрослая+девочка 10—12 лет	145

рых мог лежать грудной младенец и рядом с юной женщиной — девочка 10 лет. Видимо, это можно объяснить отсутствием кровнородственных связей ребенка с мужчиной и даже женщиной. У подавляющего большинства мужчин этой подгруппы возраст старый или зрелый. Судя по сопровождающему инвентарю, это достаточно богатые люди, многие из них — опоясанные воины (табл. 43). Не исключено, что похороненные с ними женщины и дети могли быть убиты при захоронении мужчины, поэтому ряд особенно богатых погребений первой подгруппы, так же, как соответствующие погребения в парных катакомбах, можно считать одиночными захоронениями мужчин (рис. 106). Однако, сравнивая инвентари 1-й подгруппы II и III групп, следует отметить, что в парных захоронениях в целом похоронены представители более богатой части населения: в них больше опоясанных воинов с оружием и женщинами, сопровождаемыми полным набором украшений и амулетами.

Весьма существенным отличием данной подгруппы является также значительный процент ритуально разрушенных, разбросанных и сдвинутых скелетов, причем, как правило, реже разрушались мужские скелеты, чаще всего — детские.

Вторая подгруппа близка к первой по составу погребенных. В нее входит всего шесть катакомб (таблицы 44, 45). В подгруппе преобладают большие полые камеры (92, 109, 115, 134). Пол трех камер покрыт углем.

Таблица 43. Вещи в катакомбах III группы I-й подгруппы

Вещи при погребенных	№ катакомб, пол и возраст погребенных																	
	3		7		46		54		57		67		69		71			
	м	ж	р	м	ж	р	м	ж	р	м	ж	р	м	ж	р	м	ж	р
Топоры	2		1			2			1									1
Кливари									1									
Кивирали	1		1					1										1
Пляжки	7		1	3		1		7	6									5
Бляшки	1		1			1		1										1
Наконечники			1			1		1	2			1	1	1				2
Ножи			1			1		1				1	1	1				1
Мотыжки																		
Ножницы																		
Деревянные сосуды			1							1								
Горло бурдюка														1				3
Пуговицы	3						2		1									1
Бубенчики														2	5			1
Железные фибулы																		
Железные пряжки															6			1
«Спиральки»										1								
«Распределители»																		
Нашивки	1																	монета
Кольчуж. сумки								1		1								1
Зеркала			1															
Копушки																		
Щипчики																		
Кисточки	1																	1
Серьги					2		2											1
Бусы	10		5			42	5							1	1			2
Бусы на поясе																		1
Браслеты	2	1			1													1
Перстни																		1
Подрески																		1
«Солнечные» амулеты																		1
Пястные кости																		1
Клыки																		3
Ботала																		1

Таблица 43. (окончание)

Вещи при погребенных	№ катакомб, пол и возраст погребенных																	
	90		95а		131		149		150		159		170					
	м	ж	р	м	ж	д	м	ж	д	м	ж	р	м	ж	р	м	ж	р
Топоры	1											1	1					1
Клистеры																		
Кинжалы																		
Пряжки																		
Бляшки																		
Наконечники																		
Ножи	1	1		1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Мотыжки																		
Ножницы				1	1													
Деревянные сосуды																		
Горло бурдюка																		
Пуговицы																		
Бубенчики	1	1		1	1	1			3			1	1					2
Железные фибулы																		7
Железные пряжки	1																	2
«Спиральки»																		1
«Распределители»																		1
Нашивки																		
Кольчуж. сумки																		
Зеркала																		1
Копюшки																		
Щипчики																		
Клесточки																		
Серьги																		
Бусы	4	4	4	1	2	4	3	1	2	1	2	1	1	1	2	2	1	55
Бусы на поясе																		
Браслеты																		21
Перстни	2																	
Подвески																		
«Солнечные» амулеты																		
Пястные кости																		
Клыки	1			1	2				2	1	1	1	1	1	1	1	1	3
Ботала																		

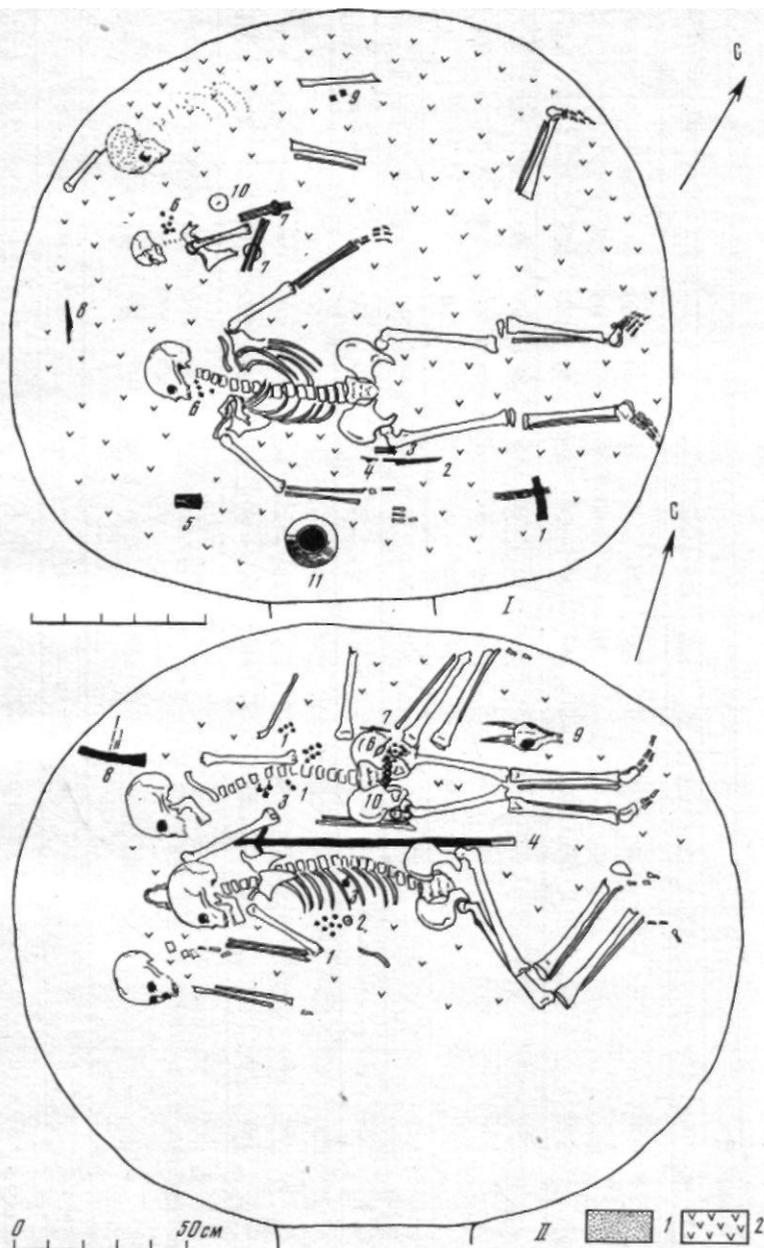

Рис. 106. Захоронения в камерах III группы

I — погребения мужчины, женщины, ребенка в камере катакомбы 86 (1 — топор; 2 — нож; 3 — кресало?; 4 — копоушка; 5 — мотыжка; 6 — бусы; 7 — браслет; 8 — нож; 9 — бляшки; 10 — зеркало; 11 — сосуд); II — погребения мужчины, женщины и подростка в камере катакомбы 109 (1 — бусы; 2 — пряслице; 3 — бубенчики; 4 — сабля; 5 — зеркальце-амулет; 6 — копоушка; 7 — нож; 8 — топор; 9 — череп козы; 10 — кольчужная сумочка). Условные обозначения: 1 — коричневый тлен; 2 — уголь

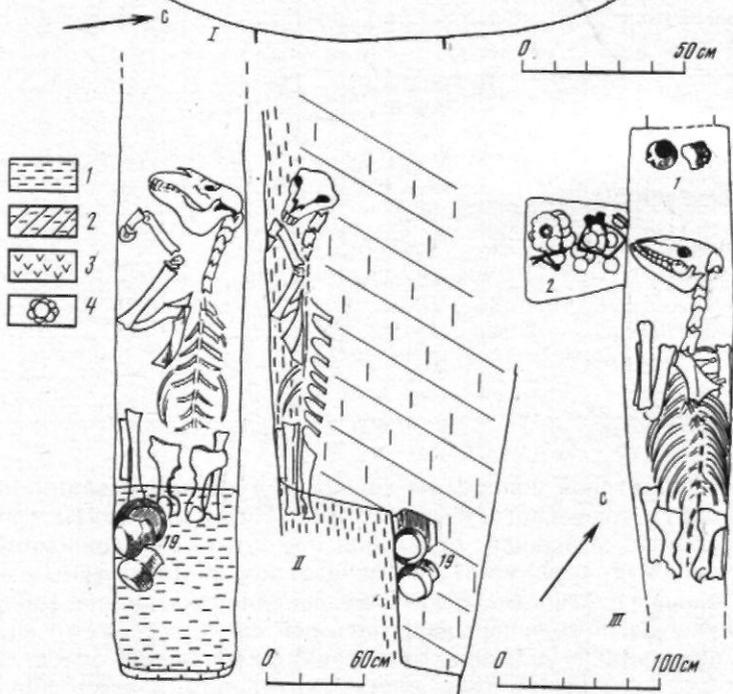
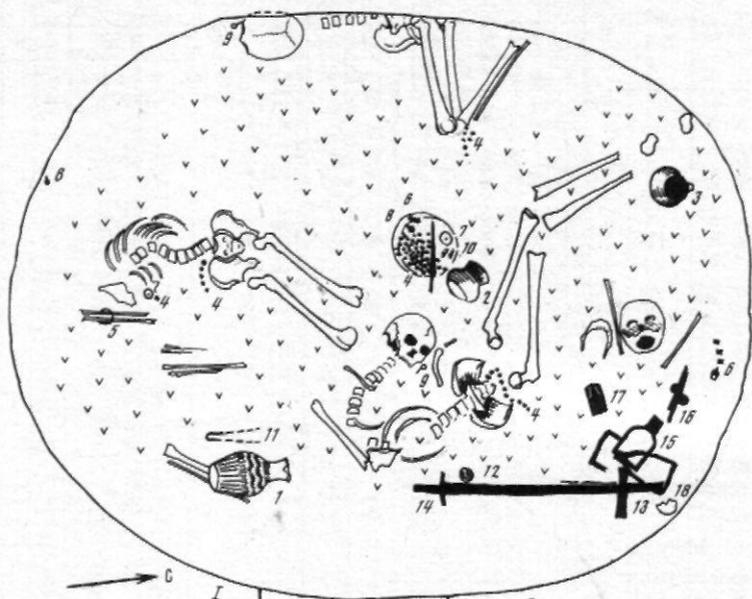
Таблица 44. Размеры катакомб, их варианты, типы погребений III группы 2-5-й подгруппы

Признаки для характеристики катакомбы и погребений	№ подгрупп, № катакомб																			
	2					3					4					5				
	134	115	126	92	42	109	9	169	122	15	26	44	59	106	110	112	145			
Дромос	380	-	-	350	400	200	-	700	230	210	410	530	260	?	360	?	340			
длина	65	-	80	60	65	60	-	70	75	60	60	60	60	70	70	70	70			
ширина	180	-	220	170	175	190	-	280	160	230	260	190	160	160	140	160	160			
глубина	50	40	70	60	?	50	?	-	45	40	?	80	40	50	50	?	?			
высота	45	50	60	60	50	60	50	-	50	40	45	50	45	50	70	50	50			
ширина	40	40	50	30	?	40	25	-	40	35	15	20	30	20	15	30	20			
длина	+	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-			
Следы плах	20	40	30	50	-	40	40	60	30	35	-	30	30	40	40	50	25			
Высота порога	220	240	230	250	200	220	180	270	160	180	190	200	150	230	240	190	170			
длина	160	180	190	190	125	180	135	180	120	125	145	160	120	180	205	160	150			
ширина	100	100	?	125	?	100	95	210	90	80	?	140	100	120	120	120	120			
высота	1. Поле	+	+	+	-	+	-	-	+	+	-	-	+	+	+	-	-			
2. Забитые на 1/2	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-			
3. Забитые полностью	-	-	+	-	+	-	-	+	-	-	+	+	-	-	-	+	+			
Угловая подсыпка	-	+	+	-	-	+	+	+	-	-	+	-	-	+	+	-	-			
Виды и подгруппы погребений	133	23	133	122	333	321	212	213	212	11	211	222	233	212	333	212	223			
Антропологическое определение	111	22	421	131	222	212	311	232	111	12	241	111	122	242	111	121	331			
	Д	-	-	-	Б	-	ДБ	-	Д	-	-	-	-	-	-	-	-			

Таблица 45. Вещи в катакомбах III группы 2-й и 3-й подгрупп

Вещи при погребенных	№ подгрупп, № катакомб, пол и возраст погребенных																					
	2										3											
	92			109			115				126			134			9			169		
	м	ж	д	м	ж	м	м	ж	вз.	м	ж	вз.	м	ж	вз.	м	д	д	м	д	д	
Сабли						1				1												
Топоры	1					1			1	1			1	1							1	
Кистени										1												
Луки																					1	
Пряжки	1								1	1											1	
Бляшки	35								7	4											7	
Наконечники	1									1											1	
Удила									1	1											1	
Стремена									2	2												
Ножи	1	2				1			2	1	1		2								1	
Мотыжки			1			1							1	2		1					1	
Ножницы			2									1										
Пряслица						1						1										
Пуговицы	2	2				1			1	1								2				
Бубенчики	2	1				3			1	6								1			2	
Бронзовые фибулы			1			1									1							
Кольчужные сумки			1			1									1							
«Спиральки»										3											6	
Нашивки			5															1				
Зеркала						1				1												
Кисточки									1													
Копоушки						1			2													
Щипчики																					1	
Серьги	6									1	1										1 2	
Бусы-ожерелья	54	37		7	75	6				19	1					2	19		11		12	
Бусы на поясе	77									119												
Браслеты			2									1									1 1	
Перстни	2	1		1	3																	
Зеркальца-амулеты						1				1	1											
Пястные кости										1												

В камерах второй подгруппы хоронили мужчину с женщиной (супружескую пару) и взрослого, кости которого обычно сдвинуты к внутренней стенке камеры. Угольная подсыпка при этом прослеживается вокруг и под скелетами «супругов», но ее нет под костями третьего (сдвинутого). Таково, в частности, богатое захоронение в катакомбе 126 (рис. 107). В ней в центре пола лежал разрозненный скелет горбатого юноши (возможно, пораженного болезнью Бехтерева) с небольшой саблей, как бы специально для него облегченной, кистенем, топором, поясом, сбруей и большим количеством бус на поясе и в ямке у головы. Второй скелет — юной женщины также полностью разрушен: череп и кости рук отброшены

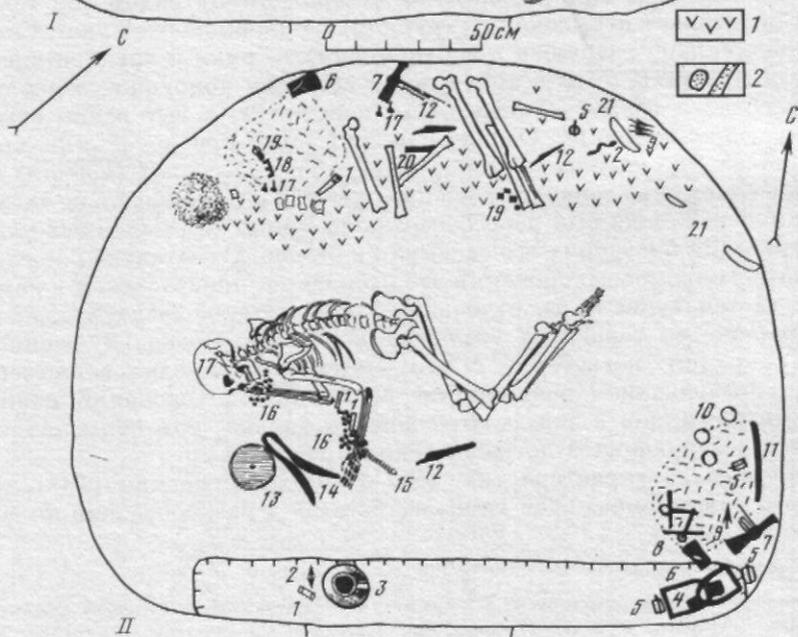
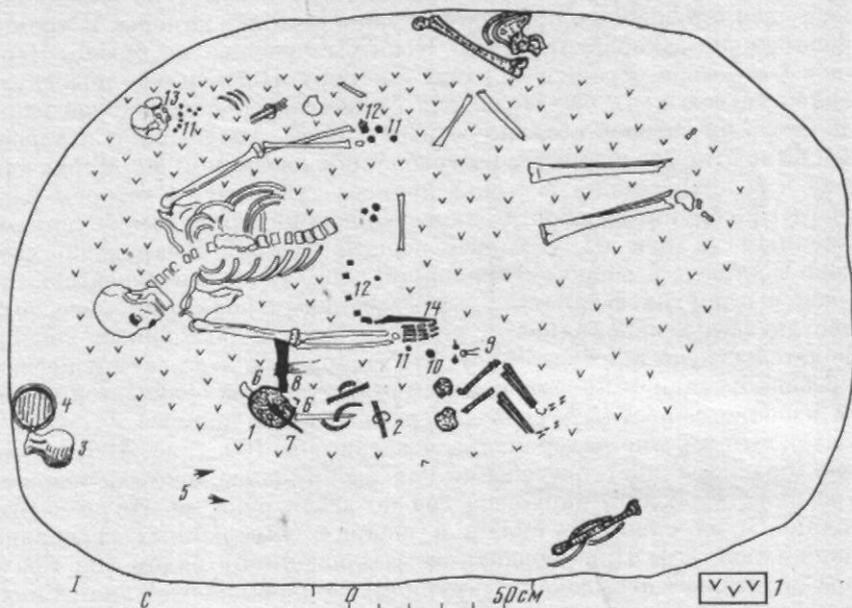
к ногам юноши, берцовые кости частично вообще отсутствуют. Оба скелета лежали на угольной подсыпке и были при забивке камеры залиты «зацементированы» жидкой глиной. Третий скелет (женский) тоже полностью разрушен и буквально притиснут к задней стенке камеры. В дромосе было обнаружено захоронение коня. Копь был уложен на брюхо. Череп на правом боку, лбом обращен ко входу в камеру. Ноги сильно подогнуты. Над задней частью коня была сложена ступенька из материковой глины высотой 0,8 м, на которой стояли сосуды с пищей. Аналогичное захоронение коня было открыто в дромосе разграбленной катакомбы 82. Морда кони обращена к выдолбленному в стенке дромоса тайничку, в котором находился богатый срубленный набор. Количество покойников в камере осталось невыясненным (в ней на угольной подсыпке было обнаружено всего несколько косточек и мелких украшений), но можно предполагать, что в ней, как и в других катакомбах с погребениями коня в дромосе, было не менее двух-трех покойников, а уголь на полу и роскошный конский убор свидетельствуют как будто о том, что захоронена была «супружеская» пара с ребенком (или без него). В целом эта катакомба отличается необычайным изобилием посуды: три в камере и шесть в дромосе.

Столь же интересно захоронение в катакомбе 109 (рис. 106). В ней женское (брахикранное) погребение как бы основное: оно расположено в центре пола, у скелета нарушена только левая рука, на груди — бусы и пряслице, а за спиной — палаш в ножнах, украшенных серебряной обкладкой (табл. 45). Принадлежал он захороненному рядом (на той же угольной подстилке) невысокому «хрупкому» мужчине 50—60 лет. Скелет его довольно сильно разрушен в верхней части — руки и грудная клетка. На поясе у мужчины бусы в кольчужной сумочке, копоушка, зеркальце-амулет, в области груди — бисер, бусы, перстни, т. е. все вещи, обычно сопровождающие женщину. Однако наряду с ними при покойнике, кроме палаша, лежал еще массивный топор и нож. Третий скелет (юноши) был разрушен и сдвинут к стенке. Как и в предыдущей катакомбе, он не касался угольной подсыпки. Он был погребен раньше супругов, осыпанных углем, и при погребении последних его сдвинули к стенке. От остальных исследованных на могильнике захоронений это отличается присутствием в камере головы и частей туши козы, отдельные кости которой были разбросаны по всей камере, но только на угольной подстилке. Поскольку женщина была брахикраном, погребение с ней частей козы вполне естественно, так как в подавляющем большинстве болгарских захоронений наличие остатков мясной пищи в виде костей лошади, коровы или овцы является одним из определяющих этнографических признаков.

Остановимся на характеристике еще одного захоронения (134), произведенного в катакомбах этой наиболее богатой и разнообразной по дета-

Рис. 107. Захоронения в камере катакомбы 126

I. 1 — кувшин; 2 и 3 — сосуды; 4 — бусы; 5 — браслет; 6 — остатки пояса; 7 — зеркальце-амулет; 8 — бубенчики; 9 — серьги; 10 — «спиральки»; 11 — ножницы; 12 — кистень; 13 — топор; 14 — сабля; 15 — стремена; 16 — удила; 17 — мотыжка; 18 — обломок зеркала; 19 — сосуды; II — захоронение коня и тризны над ним, помещенной на специальном сложенном из глины «помосте»; III — захоронение коня и тайничок в дромосе катакомбы 82 (1 — сосуды; 2 — срубленный набор. Условные обозначения: 1 — глина; 2 — глина, смешанная с гумусированной землей; 3 — уголь; 4 — бляхи срубного убора)

лям обрядности группы. В камере находилось погребение женщины, уложенной на спине с вытянутыми руками и скрещенными ногами, с топором, двумя большими ножами и двумя мотыжками, т. е. с инвентарем, сопровождавшим обычно мужские захоронения. Рядом с ней находились кости двух разрушенных скелетов. Один из них определен — это был мужчина старческого возраста. Вместе с его когтями найдены топор и мотыжка. Создается впечатление, что это обычное семейное погребение: сначала был погребен один взрослый человек — его кости были небрежно сдвинуты в сторону при захоронении старика, скелет которого тоже не только ритуально разрушили, но также немного отодвинули. Женщину положили на свободное пространство. Камера этой катакомбы очень небольшая (I тип), поэтому сдвигание костей вполне объяснимо. Угольной подсыпки под костями не было, что также может быть косвенным доказательством отсутствия в катакомбе супружеской пары. Видимо, такие погребения можно считать обычными семейными усыпальницами.

Вероятно, к семейным захоронениям относятся и погребения в катакомбах остальных подгрупп этой группы (табл. 44, 45).

Впрочем, катакомбы 3-й подгруппы (9 и 169), содержащие погребения взрослого мужчины и двух девочек, могли быть и «супружескими». В камере 9 девочки 8 и 10 лет помещены по правую и левую руку мужчины. Правой рукой он как бы обнимает 8-летнюю девочку. В камере 169 похоронен мужчина громадного роста — более 2 м (рис. 108). Нижняя часть скелета разрушена — аккуратно вынуты таз и бедренные кости. Девочки уложены скорченно по обеим сторонам мужчины, в повороте к нему (одна из них помещена выше пола, в забивке камеры). Молочные зубы обеих дают основание считать, что они не достигли еще 8—9-летнего возраста. Пол в обеих камерах густо усыпан углем. Это обстоятельство и дает некоторые основания считать, что отношения между мужчинами и девочками были не родственными, а супружескими, хотя разница возрастов и малолетство девочек как будто свидетельствуют против этого заключения.

Три погребения 4-й подгруппы (15, 26, 44, 122) есть основания считать кровнородственными. У всех у них небольшие камеры. Две небогатые камеры катакомб 15 и 122, в которых похоронены пожилые женщины с двумя детьми, полые, камеры катакомб 26 и 44 были забиты (табл. 44). В них похоронены женщина с двумя детьми, снабженные различными бытовыми предметами, бубенчиками, подвесками, украшениями (табл. 46). Остатков сруби в камере не было, тем не менее в дромосе катакомбы 44 находилось погребение коня (рис. 109). Видимо, еще в древности погребение было разграблено: стенки дромоса по обе стороны захоронения были

Рис. 108. Захоронения в камерах катакомб III группы

1 — погребение мужчины с двумя девочками в камере катакомбы 169 (1 — серьги; 2 — браслетик; 3 — сосуд; 4 — деревянный сосуд; 5 — стрелы; 6 — обкладка колчана; 7 — мотыжка; 8 — топор; 9 — туалетный набор; 10 — бубенчики; 11 — бусы; 12 — пояс; 13 — серьги; 14 — нож; 11 — катакомба 106; погребение женщины и двух взрослых, сдвинутых к внутренней стенке и частично выброшенных из камеры (1 — костяные трубочки; 2 — железная скоба; 3 — сосуд; 4 — стрелы; 5 — пряжки; 6 — мотыжка; 7 — топор; 8 — удила; 9 — стрелы; 10 — бляхи конской сбруи; 11 — железная оковка седла; 12 — ножи; 13 — железное зеркало; 14 — ножицы; 15 — цепочка из нанизанных на шнурок колечек; 16 — бусы; 17 — бубенчики; 18 — «разделитель» на пояс; 19 — пряжка; 20 — железный стержень; 21 — обкладка лука). Условные обозначения: 1 — уголь; 2 — скелет девочки и три кости взрослого скелета, обнаруженные в засыпке камеры

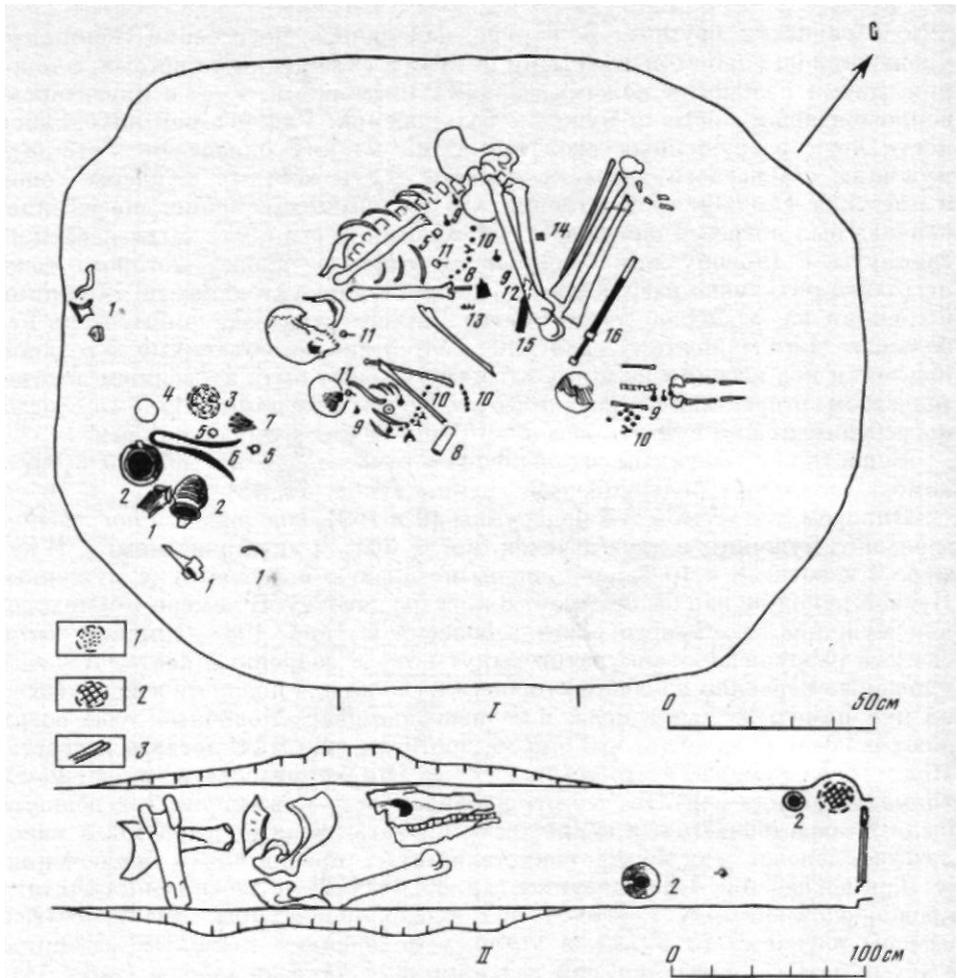

Рис. 109. Захоронение женщины с двумя детьми в камере катакомбы 44

I. 1 — кости козы или овцы; 2 — сосуды; 3 — деревянный сосуд; 4 — зеркало; 5 — перстень; 6 — ножницы; 7 — амулеты-косточки; 8 — костяная трубочка; 9 — бубенчики; 10 — бусы; 11 — серьга; 12 — ботало; 13 — «спираль»; 14 — «ворварка»; 15 — топор; 16 — кинжал; II — захоронение останков коня в дромосе. Условные обозначения: 1 — коричневый тлен; 2 — ямка со следами тлена от дерева; 3 — деревянный тлен

сильно расширены перекопом. Остатков сруби рядом с костями коня обнаружено не было, кости навалены грудой, большинство их отсутствует, череп сломан, нижней челюсти нет. Несмотря на это, первоначальная «обрядовая» поза останков коня хорошо прослеживается: он лежал головой ко входу в камеру. Возможно, после ограбления было произведено перезахоронение оставшихся костей, уложенных вновь в относительном порядке. Впрочем, разрушение скелета коня могло быть, как и разрушение человеческих скелетов, ритуальным.

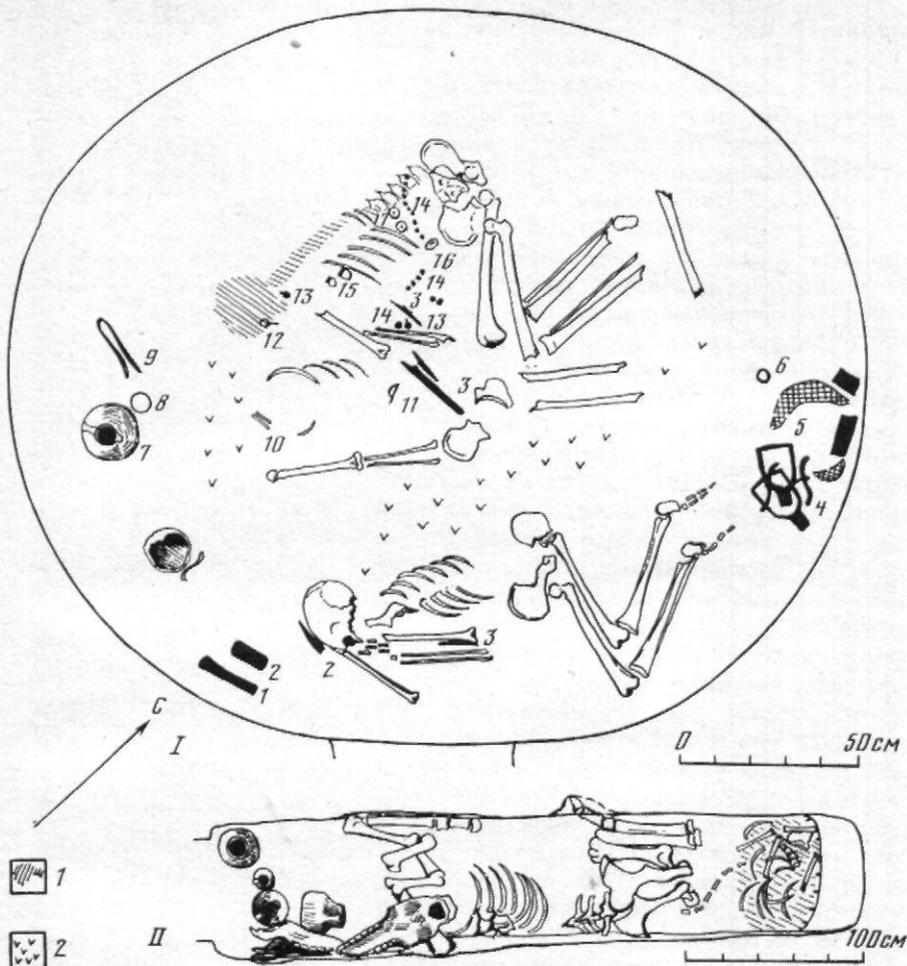

Рис. 110. Захоронения в камере катакомбы 110

I. 1 — топор; 2 — мотыжка; 3 — ножи; 4 — удила и стремена; 5 — остатки лук седла и железной оковки; 6 — железное кольцо; 7 — сосуд; 8 — зеркало; 9 — ножницы; 10 — косточки-амулеты; 11 — фибула; 12 — серьга; 13 — бубенчик; 14 — бусы; 15 — перстни; 16 — перламутровые пуговицы; 17 — зеркальца-амулеты; *II* — нарушенное захоронение коня (у хвостовых позвонков — кости собаки?) в дромосе. Условные обозначения: *I* — глина от костей; 2 — угли

5-я подгруппа (два женских захоронения и ребенок) включает пять катакомб (табл. 45). Типы дромосов и камер, варианты камер, как и в предыдущей подгруппе, очень неустойчивы: две камеры — большие (106, 110), остальные — малые, четыре — полые, две (112, 145) — забитые. Явно прослеживается одна общая для всех захоронений черта: изолированность последнего (ближайшего ко входу) погребения от двух остальных (рис. 110). В камере 106 первые погребения женщины и ребенка, усыпанные углем, были сдвинуты к стенке и кости их перемешаны. Старуха лежит

Таблица 46. Вещи в катакомбах III группы 4-й и 5-й подгрупп

Вещи при погребенных	№ подгрупп, № катакомб, пол и возраст погребенных																	
	4							5										
	15	26	44	122	59	106	110	112	145	15	26	44	122	59	106	110	112	145
Топор	ж	р	р	р	р	р	р	р	р	ж	р	р	р	р	р	р	р	р
Кинжал										2	1							
Лук										1								
Колчан										1								
Стрелы										7								
Пряжки										1					1			
Бляшки										19					2			
Наконечники										1								
Удила										1					1			
Украшения сбруи															×			
Стремена										2					2			
Ножи	1	1	1	2	3	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Мотыжки										1					1			
Ножницы										1					1			
Кресала										1					1			1
Стеклянные сосуды										1					1			
Деревянные сосуды	1									1					1			1
Пуговицы				3	5					1	4	1	1					
Бубенчики	2	2	3	3	1	8	2			3					1			1
«Распределители»																		
Ворварки										1								
«Спиральки»										1								
Кольчужные сумки	1			1	1												1	1
Бронзовые фибулы				1	1													
Железные пряжки				1	1									2	1			
Зеркала				1	1											1	1	1

пом состоянии: разрушена и частично выброшена средняя часть скелета — ребра и позвонки, череп повернут вниз лбом, нижняя челюсть откинута. Задняя часть скелета коня сохранилась хорошо. Рядом с нею в самом начале дромоса в полу вырыта небольшая ямка и в нее в беспорядке свалены кости козы без черепа.

В камере второй большой и богатой вещами катакомбы этой подгруппы (106), как и в предыдущей, найдены были удила и стремена (рис. 108), а перед входом в полу дромоса был вырыт тайник, в котором был помещен позолоченный сбруйный набор. Не исключено, что в дромосе катакомбы был погребен и конь, однако нам не удалось исследовать этот комплекс полностью — большая часть дромоса оказалась недоступной, а мы видели, что копей помещали обычно в начало дромоса.

В камерах и дромосах третьей группы катакомб обнаружено 94 сосуда (табл. 47). В подавляющем большинстве это кувшины и кружки. В камере их 84 %, а в дромосах — 74 %. Набор остальной посуды также весьма стабилен. Особенностью его является довольно значительное количество лепных сосудов, подражающих по форме гончарным. Вместе с двумя

Таблица 47. Керамические сосуды в камерах и дромосах III группы катакомб

Подгруппа	№ катакомбы	Сосуды в камере							Сосуды в дромосе						
		кувшины	зюкхой	кружки	кубышки	горшки лощенные	горшки кух.	горшки леп.	кувшины	кружки	горшки лощ.	горшки кух.	горшки леп.	кружки леп.	кубышки леп.
1	3	1													
	7											1			
	26	3													
	46			1				2	2	1					
	54							2							1
	57	1						3							
	67							1					1		
	69	1		1											
	71			2				1							
	86			1				2							
	149	1						1			1				
	150						1		2	1					
	159								1						
170			1					1		1	1				
Г 2	92			1				1	1						
	115				109		1							1	1
	126		1	2					3	1	1	1			
	134			1					3	1					
3	169	1								1					
	15									2					
4	44	1		1											2
	122							1		2					
5	59			1					1	1					
	106				1				4			1			
	110	1							3		1				
	112								1	1		1			

сосудиками из дромоеа разрушенной катакомбы 8 их восемь, т. е. 8,5 %.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что наиболее существенными особенностями группы являются два обряда: разрушение скелетов и обряд погребения на угольной подсыпке. Первый в той или иной степени затронул более 50 % мужских, женских и детских скелетов. Заметное распространение его в группе (сравнительно с предыдущей) объясняется прежде всего, как нам представляется, утилитарной необходимостью поместить в небольших камерах, почти равных по размерам камерам II группы, трех покойников (приходилось постоянно одного сдвигать в сторону).

Что касается второго обряда, то он, очевидно, был характерен, как и во II группе, для помертных супружеских пар или помертных усыновленных женщинами детей. По-видимому, их можно считать одиночными захоронениями мужчин и женщин, происходивших из достаточно обеспеченных семей.

Группа IV. Катакомбы с семейными захоронениями

В катакомбах этой группы захоронено от четырех до восьми покойников. Всего на могильнике исследовано 26 таких катакомб с 123 совершенными в них погребениями. Группа разделена на подгруппы по количеству погребенных в камерах. Самая многочисленная подгруппа с захоронениями четырех покойников объединяет 13 катакомб. Следующая — с пятью покойниками в камере представлена восемью катакомбами. Третья (с шестью погребениями) включает четыре катакомбы, а четвертая — с захоронениями восьми человек представлена всего одной катакомбой (табл. 48).

Первая подгруппа характеризуется сравнительно небольшими камерами (длиной 1,7—2,5 м, шириной 0,8—1,6 м) и дромосами двух типов: длинными глубокими и короткими мелкими (табл. 49). Большинство камер — полые (семь), три — полузабитые глиной. Полностью забитые камеры в этой подгруппе отсутствуют. Это единственное своеобразие катакомб данной подгруппы, во второй подгруппе таким определяющим признаком являются длинные дромосы (табл. 50), а катакомбы третьей и четвертой подгрупп абсолютно идентичны катакомбам первой подгруппы (табл. 51).

Очевидно, что ни длина дромосов, ни величина камер не зависят от количества погребенных в катакомбе людей. Так, площадь самой набитой покойниками камеры катакомбы 87 вдвое и даже почти втрое меньше ряда катакомб с четырьмя и особенно пятью покойниками. Следует, видимо, признать, что причины увеличения размеров могильного сооружения далеко не всегда были утилитарны.

Некоторое отличие первой подгруппы от трех остальных выявляется при рассмотрении собственно погребального обряда, в частности ритуального разрушения скелетов. В целом в IV группе явно преобладают ритуально разрушенные или сдвинутые скелеты. Однако в первой подгруппе их всего 70 %, тогда как во второй и третьей — 90 %. Увеличение количества сдвинутых скелетов объясняется тем, что камеры были небольшими и заполнились они в этой группе очень плотно. Характерно, что целые скелеты обыкновенно принадлежат покойникам, похороненным позднее других (ближе к входу), остальные — так или иначе разрушены.

Характерно распространение угольных подсыпок в камерах IV группы. Обычно подсыпка подстилает отдельные от других захоронений в камере

Таблица 48. Разделение катакомб IV группы на подгруппы по количеству захоронений в каждой из них

Подгруппа	Пол	Возраст	№ катакомб
1	м+ж+д	зрелый+зрелый+2 ребенка	98
		возмужалый+юный+2 ребенка	22, 81
	ж+д	зрелый+3 ребенка	10, 30
		взрослая+3 ребенка	173
	2м+ж+д	старый+юный+старая+девочка 12—14 л.	101
		зрелый+зрелый+взрослая+ребенок	1
	м+ж+д	зрелый+взрослый+взрослый+ребенок	174
	м+?+?+д	зрелый+2 взрослых+ребенок	143, 155
м+?+?+?	юный+3 взрослых	107	
ж+?+?+д	взрослый+взрослый+взрослый+ребенок	154	
2	м+ж+д	зрелый+взрослый+3 ребенка	125
	2м+ж+д	старый+старый+старая+2 ребенка	89
	м+2ж+д	зрелый+старая+старая+2 ребенка	62
	м+2ж+д+?	зрелый+возмужалая+юная+мальчик 13 л.+ +взросл.	124
	4м+?	зрелый+2 юных+старый+взрослый	135
	2м+д+?	юный+зрелый+2 ребенка+взрослый	38
	ж+?+?+?	взрослые	108
	2ж+д+?	зрелая+юная+2 ребенка+взросл.	164
3	м+ж+д	старый+старая+4 ребенка	119
	м+ж+д+?	зрелый+юная+2 взрослых+2 ребенка	140
	3ж+д	старая+старая+взрослая+3 ребенка	123
	?+д	3 взрослых+3 ребенка	168
4	2м+4ж+д	зрелый+взрослый+3 взрослых+1 юная+2 ре- бенка	87

погребения мужчины и женщины или женщины с детьми, т. е. те же категории покойников, что и в предыдущих группах (табл. 52).

В каждой из выделенных подгрупп этой группы встречаются относительно богатые вещами и бедные катакомбы (таблицы 53-55).

Обычно сопровождалась вещами погребения взрослых мужчин и женщин. Причем, надо сказать, что оружие ограничивалось обычно топорами, пояса нередко представлены только пряжками, бытовые предметы — ножами, амулетами (встречены всего при 15 покойниках, 12 % захоронений группы).

Нередко в камерах этой группы попадают наряду с мужскими погребениями женщин и детей с оружием и поясами (катакомбы 10, 81, 87, 124, 164, 174, 175). Кроме того, дети хоронились с украшениями, туалетными принадлежностями, амулетиками (22, 38, 81, 98, 124, 143, 164, 173), что

Таблица 50. Размеры катакомб (в см), их варианты, типы погребений IV группы 2-й подгруппы

Признаки для характеристики катакомбы и погребений	№ катакомб										
	125	89	62	124	135	38	108	164			
Длиное	500	350	405	320	?	400	?				
длина	500	350	405	320	?	400	?				
ширина	60	60	60	80	80	60	80	80	60	60	60
глубина	220	220	160	160	230	140	180	180	200		
высота	50	50	40	50	150	55	50	40			
ширина	50	50	40	55	60	57	50	80			
длина	40	35	30	40	60	30	30	40			
Следы плаха	-	-	-	+	-	+	-	-			
Высота порога	20	30	-	55	30	30	70	50			
длина	220	200	200	185	240	195	225	235			
ширина	165	150	155	150	215	140	175	175			
высота	90	160	105	160	140	100	100	200			
1. Полье	-	+	+	-	-	+	+	-			
2. Забитые на 1/2	-	-	-	-	-	-	-	-			
3. Забитые полностью	+	-	-	+	+	-	-	+			
Угловая подсыпка	++	-	-	-	-	+	+	-			
Виды и типы погребений	1 1 3 3 3 2 4 2 2 2	1 2 1 1 1 1 1 2 2 1	3 1 3 3 2 1 2 2	2 1 1 2 3 2 2 4 2 2	1 3 1 1 1 1 2 3 3 2	2 1 1 3 3 3 3 4 2 2	2 1 1 3 3 3 2 2 2 2	2 3 3 3 3 4 4 2 1 2	1 1 2 2 3 4 4 2 1 2		
Антропологическое определение	Д-Д	ДБ	Д	ДМ-Д	М	ДМ-М	М	Д			

Таблица 51. Размеры катакомб (в см), из варианты, типы погребений IV группы 3 и 4-й подгруппы

Признаки для характеристики катакомбы и погребений		№ катакомб					
		119	140	123	168	87	
Дромос	длина	?	?	230	480	310	
	ширина	70	80	70	60	60	
	глубина	200	150	130	160	100	
Вход	высота	40	50	50	120	40	
	ширина	50	50	50	70	40	
	длина	50	30	50	10	40	
Следы плаха		+	—	+	+	—	
Высота порога		20	40	30	30	40	
Камера	длина	220	220	200	220	210	
	ширина	160	180	160	200	155	
	высота	90	130	90	120	90	
1. Полые		+	+	+	—	+	
2. Забитые на 1/2		—	—	—	—	—	
3. Забитые полностью		—	—	—	+	—	
Угольная подсыпка		—	++	—++	+	—	
Виды и типы погребений		1 1 1 1 2 4 4 4 4 1	3 3 3 3 3 3 2 2 2 2 2 2	2 2 2 2 2 3 2 3 1 2 2 2	3 3 3 3 3 3 1 1 1 1 1 1	3 2 1 2 3 3 3 2 2 3 1 1 1 1 1 2	
Антропологические определения		—Д—ДД—		М—		Б—МБ—М—	

Таблица 52. Погребения с угольной подстилкой в камерах IV группы

Пол и возраст	№№ катакомб и погребений в них
Мужчина + женщина	38/1,2; 89/1,2; 98/1,2; 101/1,2; 101/3,4; 107/1,4; 108/1,2; 125/1,3; 140/2,4; 168/1,2; 174/1,2
Женщина + дети	123/2,3; 155/2,3; 173/1—4

значительно реже наблюдается в катакомбах трех остальных глины групп, где вещи в погребениях детей исключительно редки.

Особенно богатых катакомб среди семейных усыпальниц пет. Единственной категорией предметов, встречающихся в них в изобилии, являются бусы. Тем не менее в дромосах трех катакомб, в камерах которых были обнаружены остатки конской сбруи, были захоронены кони (катакомбы 62, 135, 173).

В дромосе катакомбы 62 конь был уложен в типичной позе — на брюхе, слегка завалившись на правый бок, с поджатыми ногами, череп на правом виске, лбом ко входу в камеру (рис. 111). За крупом коня, немного перекрытая кости таза и задних ног, был из плотной материковой глины сооружен невысокий помост (0,25 м). На нем кучкой были помещены череп

Таблица 53. Вещи в катакомбах IV группы I-й подгруппы

Вещи при погребениях	№ катакомб, пол и возраст погребенных																			
	10				22				30				81				98			
	ж	р	р	р	м	ж	р	р	ж	р	р	р	м	ж	р	р	м	ж	р	р
Топоры				1	1								1		1					
Кинжалы																				
Лук																				
Стрелы																				
Пряжки		1		1	1								1				1	1		
Бляшки				6	6								18							
Наконечники													1							
Удила, узда																				
Стремена																				
Ножи	1	1		1	1	1			1				2	1	1					
Мотыжки				1	1	1									1	1				
Кресала													1							
Пряслица																				
Ножницы																			1	
Бурдюк																				
Пуговицы	1	1				2	2						1	1	1				2	
Бубенчики	2			3		2	2		1	1	1		3	7	5				1	
Нашивки				2																
Железные пряжки														1	2			1		
Железные фибулы															1					
«Спиральки»															16					
Кольчужные сумки													1		1					
«Распределители»													1							
Зеркала			1											1						
Копцоушки	1													1	1					
Щипчики																1			1	
Кисточки																				
Серьги	2			2	1		2									1			2	
Бусы-ожерелья	13	2	3		5	1	6		4	17	6	9	49	1	157			23	1	
Бусы на пояс				3	15					10										
Браслеты	2			1	1															
Перстни	1								1										1	
Подвески	6			1												1		1	1	
«Солнечные» амулеты																				
Пястные кости	19														2					
Клыки, когти	1																		14	
Костяные фигурки																				
Зеркальца-амулеты								1												

Таблица 55. Вещи в катакомбах IV группы 3-й и 4-й подгрупп

Вещи при погребенных	№ катакомб, пол и возраст погребенных																				
	119						123						87						140	168	
	м	м	ж	р	р	р	ж	ж	ж	р	р	р	м	м	ж	ж	ж	ж	р	р	
Топоры	1	1														1					
Луки																					1
Стрелы																5					
Пряжки															1						
Бляшки	14			1											32	13					2
Наконечники	1														1						
Ножи	2	1			1										1						1 1
Мотыжки	2							1							1						
Деревянные сосуды				1																	
Пуговицы				1						1						3					
Бубенчики		2														3					1 5
Нашивки																		1			
Железн. пряжки					1							1									
Бронз. фибулы «Спиральки»		1														2	1				
Кольчуж. сумки		1										1			1						
Зеркала					1							2									1
Копоушки			1									1									1
Щипчики														1							
Серьги			1	2						1				1	2	1					
Бусы	49	43	69	15	7					20	60		7	4	6	222				29	57
Бисер	+			+											55	32					22
Браслеты			2	1										1							1
Перстни		2												2	1		2				1 1
«Солнечные» амулеты					1																
Бронзовые фигурки																1					
Пястные кости															1						
Зеркальца-амулеты												1									1

и кости ног коровы. Череп лежал лбом вверх, мордой ко входу в камеру. Рядом с ним стоял кухонный горшок. В левой стенке дромоса перед помостом выдолблен маленький узкий и низкий подбойчик (1,4X0,4X0,3 м), отделенный от помоста порожком (высотой 0,1 м). Подбой был тщательно забит серой рыхлой землей. В нем погребена на спине с вытянутыми вдоль тела руками, согнутой в колене правой ногой, головой ко входу в камеру девочка 10—12 лет. Череп на правом виске, лицом к внутренней стенке подбоя. Это погребение и кости коровы с горшком являются, видимо, ритуальными сооружениями, дополняющими погребение коня. В данном случае, очевидно, было совершено ритуальное убийство девочки, аналогичное убийству и захоронению в прирезке к дромосу юноши в катакомбе 165. С ритуальными убийствами детей мы встречались неоднократно: прежде всего в совместных захоронениях мужчины, женщины и ребенка

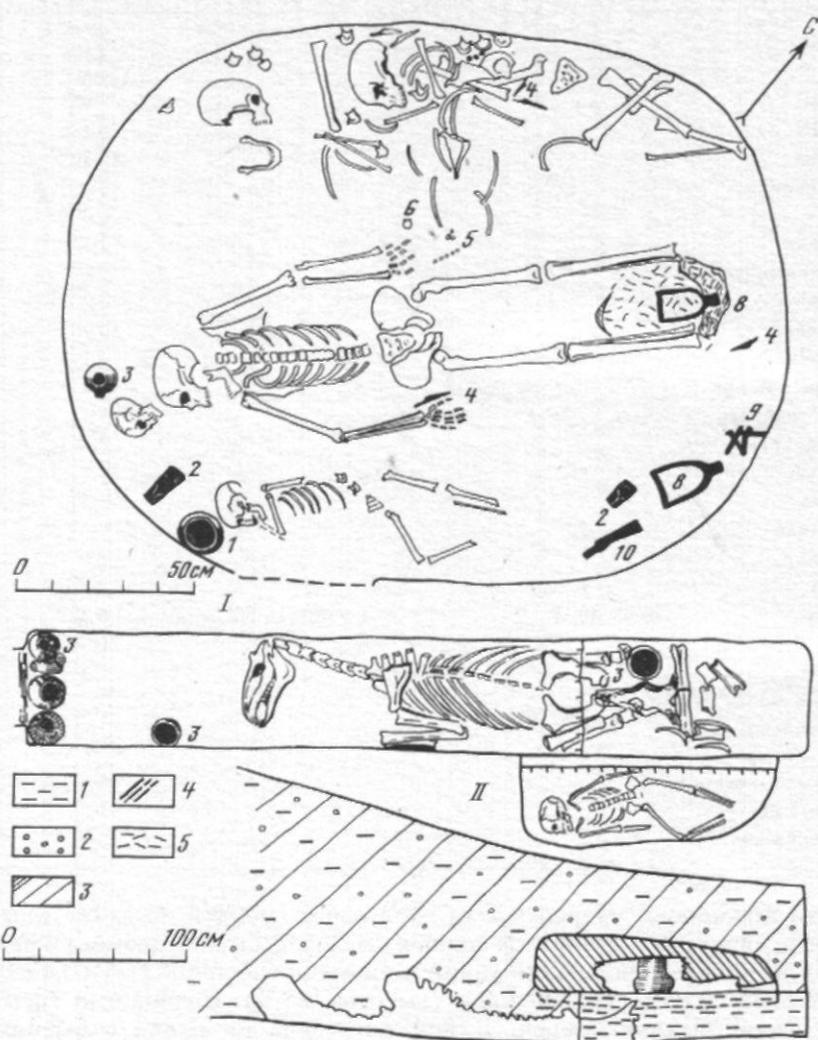

Рис. III. Захоронения в камере катакомбы 62 (I)

1 — сосуд; 2 — мотыжки; 3 — сосуды; 4 — ножи; 5 — бронзовые колечки (пояс); 6 — перстень; 7 — бусы; 8 — стремяна; 9 — удила; 10 — топор; II — захоронение коня в дромосе, ребенка — в подбое и «стризны», состоящей из костей коровы и горшка, перед входом в подбой — на глиняном «помосте» (план и продольный разрез). Условные обозначения: 1 — глина; 2 — меловая крошка; 3 — гумусная земля; 4 — деревянный тлен; 5 — коричневый тлен от седла

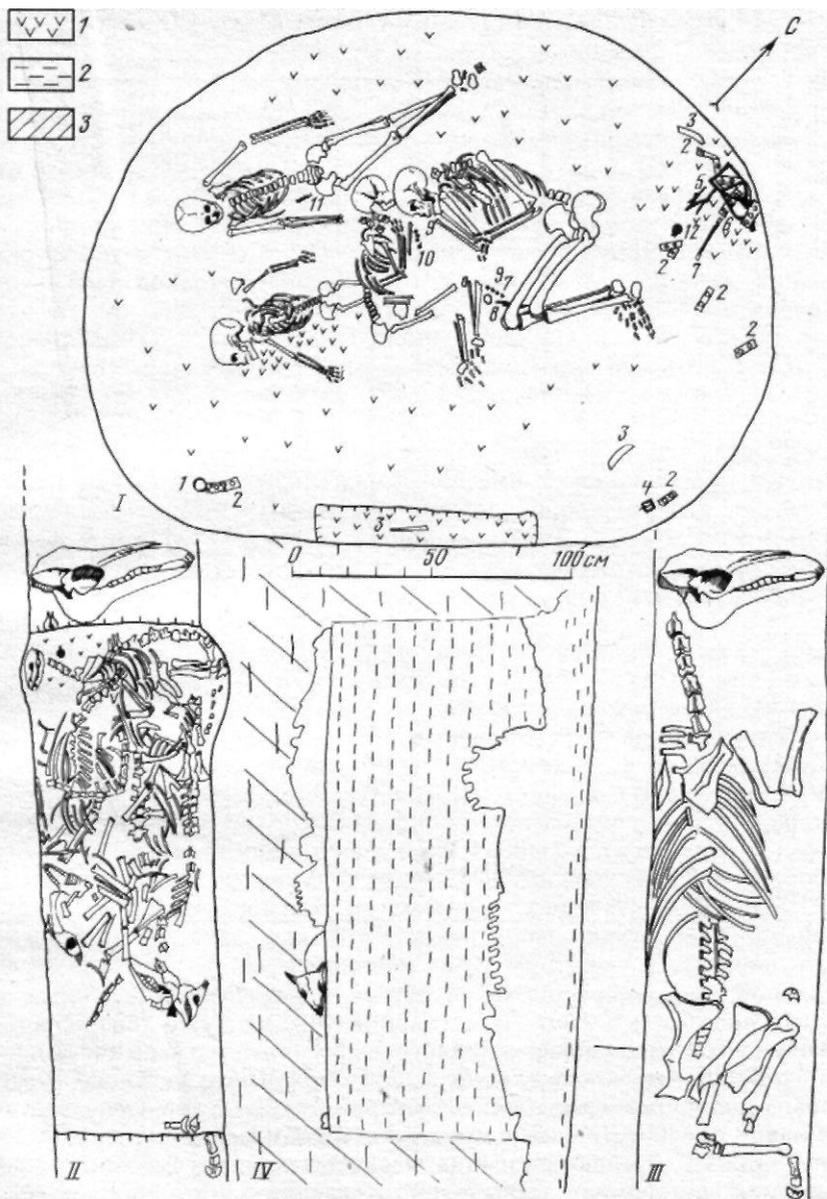

Рис. 112. Захоронения в катаcombe 173

I — захоронения в камере женщины с двумя детьми и подростком (1 — железное кольцо; 2 — обрывки сбруйных ремней с бляшками; 3 — костяная накладка на лук; 4 — пряжка; 5 — удила; 6 — стремена; 7 — ножи; 8 — зеркальце-амулет; 9 — бусы; 10 — бубенчики; 11 — «спираль»; 12 — большой бубенчик на шее собаки); II — захоронение частей коз и трупа собаки на глиняном «помосте», сооруженном над лошадько; III — погребение лошади; IV — продольный разрез захоронения лошади, помоста, костей коз и собаки на нем. Условные обозначения: 1 — уголь; 2 — глина; 3 — гумусная земля

Таблица 56. Сосуды в камерах и дромосах катакомб IV группы

Подгруппа	№ катакомб	Сосуды в камерах					Сосуды в дромосах							
		кувшины	эйнохойя	кружки	лощ. горшки	миски	кувшины	кружки	кубышки	лощ. горшки	кухов. горшки	миски	лепные горшки	
1	1	1		1			1	2						
	10							1						1
	22						2	1						
	30						2	2						
	81			2			3							
	98		1				1	1						
	101			1			3	1						
	107						1	3						
	143						1							
	154	1		1			1				1			
	155						1							
	173						1	3	1					
	174			1				1					1	
	2	38			2			3	2			1		
62		1		1			4	1						
89							3	1						
108		2				1	3	2						
124							1	2		1				
125		2					2	1		1	1			
135		1			1		1	1						1
164		1					2							
3	119			3			2							
	123			1			2	1						
	140			1										
	168	1		1										
4	87						1	2	1					

на угольной подсыпке, а также, возможно, в погребениях мужчин с девочками (катакомбы 9 и 169). В катакомбе 169, как уже говорилось, одна из девочек похоронена выше основного погребения — в засыпке. Аналогичное погребение было обнаружено в катакомбе 164, где также в засыпке на уровне дна дромоса лежал скелетик ребенка 3—5 лет. Основные погребения женщин с детьми помещались на иолу камеры, ниже этого захоронения на 0,5 м. Погребение ребенка могло быть «камуфляжем», предназначенным для обмана грабителей. Последние, наткнувшись на него, могли решить, что дошли до дна камеры, на котором, кроме ребенка, нет погребений.

Погребения женщины с тремя детьми были произведены и в катакомбе 173, в дромосе которой также был помещен конь (рис. 112). Он лежал на брюхе с сильно поджатыми ногами, завалившись на левый бок. Череп также на левой щеке, лбом ко входу, на расстоянии 1,3 м от него. Под голову и шею коня было подсыпано небольшое количество материковой глины,

благодаря чему черен несколько приподнят над уровнем пола. Непосредственно над конем насыпан материковый глиняный помост высотой от иола дромоса 0,7—0,9 м, длиной 1,8 м. Голова коня и задние ноги не были перекрыты. Поперек дромоса на помосте уложен труп крупной собаки с бронзовым большим бубенчиком на шее. Труп был буквально втиснут в дромос: для головы и задней части были даже выдолблены в стенках дромоса небольшие мишки. Вместе со скелетом собаки на помост были в беспорядке навалены кости пяти коз (расчлененные туши). Рядом с одним из козьих черепов было обнаружено железное ботало. Таким образом, помост был сооружен, как и в дромосе катакомбы 62, специально для совершения захоронения шести животных (седьмым был конь). Под концом дромоса, нарушая его левую стенку и заполнение примерно на глубину 0,5 м, была размещена тризна из четырех массивных сосудов (см. ниже в разделе о тризнах).

Наконец, еще один конь был обнаружен в дромосе катакомбы 135. Он также лежал на полу, на брюхе, немного отвалившись на правый бок, с согнутыми ногами. Череп на правом виске, мордой ориентирован ко входу в камеру (от входа до морды 1,5 м). Дромос этой катакомбы не удалось исследовать на всю длину, поэтому трудно судить, был ли сооружен в конце дромоса помост и дополнительные приношения, аналогичные описанным выше.

Основной находкой во всех дромосах катакомб IV группы являются сосуды, преимущественно кувшины и кружки. Характерны эти типы сосудов и для камер, хотя в них они встречаются значительно реже (табл. 56). Число сосудов в дромосах очень редко, всего в семи катакомбах (27 %), и совпадает с количеством погребенных в камере людей. Эта особенность в такой же пропорции (в 25 %) была прослежена нами еще в 1967 г. (*Плетнева С. А.*, 1967. С. 124). Что касается совпадения богатства инвентаря с большим числом сосудов и наоборот, то нередко встречаются погребения богатых покойников с одним-двумя сосудами (10, 38, 140, 143, 155, 164, 168), а бедных — с большим количеством разных сосудов и в камерах, и в дромосах (1, 30). Однако в большинстве катакомб вешевая бедность совпадала с малым числом сосудов, а изобилие вещей — с большим их количеством.

* * *

Несмотря на то что сходство основных элементов катакомбного обряда свидетельствует о его несомненном единстве, при его анализе мы столкнулись с большим разнообразием сопутствующих погребению обычаев. Рассмотрим обряды, встреченные во всех группах, но с разной степенью частоты. Это, во-первых, забивка камер материковой глиной; во-вторых, угольные подсыпки; в-третьих, разрушение скелетов, сдвигание скелетов в сторону; в-четвертых, помещение в дромосы убитых животных и сопровождающего инвентаря и сосудов в камеры и дромосы (табл. 57).

На табл. 57 представлены те в общем незначительные различия, которые существовали между группами. Особенно отличается от трех остальных групп первая (одионые катакомбы), в которой отсутствуют или выражены очень слабо почти все элементы обряда, характерные для катакомб II—IV групп.

Таблица 57. Характерные обычаи катакомбного обряда (по группам, в %)

Группы	Обычай							
	Забивка камер	Угольные подсымки	Разрушение скелета		Сдвинутые кости скелетов	Скелеты животных в дромосах		
			частичное	полное		конь	коза	собака
I	35	—	5	2,5	—	—	—	—
II	25	35	22,5	21	5	5	—	5
III	53	53	21,5	39	10	9	3	3
IV	23	50	16	42	23	11	4	—

Единственный обычай, встречающийся в группе I чаще, чем во II и IV группах, — это забивка камер глиной. Впервые этот обряд был зафиксирован в катакомбах Салтовского могильника Д. Т. Вerezовцом (*Березовец Д. Т.*, 1962. С. 30; *Иченская О. В.*, 1982. С. 141-143). Однако там он, очевидно, встречался много реже, чем в Дмитриевском могильнике, где забивалась примерно третья часть всех камер. В настоящее время забивку в камерах зафиксировали в нескольких салтово-маяцких катакомбных могильниках, раскапывавшихся в последние годы — Нижне-Лубниском, Ютановском, Маяцком (*Плетнева С. Л.* Отчет о раскопках 1973 г. Архив ИА; *Флеров В. С.*, 1984. С. 187). Основной целью, которая преследовалась людьми, забивавшими камеры, было, видимо, сохранение захоронений от разграбления. Однако, судя по нашим наблюдениям, забивка камер была недостаточно эффективной мерой защиты погребений от грабителей. Подсчеты показали, что забитые камеры разрушались даже несколько чаще полых: разграблено 12 % забитых и 9 % полых камер.

Поэтому вполне возможно, что причина забивки была и не столь утилитарна, как нам представляется сейчас. Не исключено, что люди, забивавшие камеры глиной, пытались таким способом обезопасить не столько мертвых от живых, сколько живых от мертвых. Вероятно, «цементирование» покойников жидкой глиной, заваливание их плотным грунтом, укрепление входа деревянными плахами, не имевшими никакого практического значения в забитых камерах, играли в обряде ту же роль, что и другой не менее распространенный обычай — «обезвреживания» мертвецов путем разрушения их скелетов. Обряд обезвреживания, т. е. полного или частичного разрушения скелетов, прослежен в настоящее время на ряде катакомбных и ямных могильников салтово-маяцкой культуры. Особенно ярко он выявился на Маяцком могильнике. Основной его исследователь — В. С. Флеров — убедительно проследил все этапы погребения в катакомбы, сопровождавшиеся обрядом разрушения скелета (*Флеров В. С.*, 1984. С. 181 — 187). Суть его в том, что при захоронении в камере покойники до полного исчезновения связок не засыпались землей, дромосы оставались полукруглыми, чтобы в камеру поступал воздух, способствовавший разложению. Затем, разрушив скелет, выкинув некоторые крупные кости, камеру забивали глиной, ставили деревянные плахи у входа и засыпали дромос. Так же поступали и при захоронениях нескольких покойников в камере (семейной усыпальнице). Первый покойник чаще всего истлевал прежде чем в камере захоранивались следующие. Кости первого сдвигались к внут-

ренной стенке для освобождения максимально большего пространства. При этом иногда сдвигали скелеты не одного, а двух и трех ранее похороненных в камере. В тех случаях, когда скелет еще не полностью очищался, подвигали к стенке полуистлевший труп, что также неоднократно было прослежено в Дмитриевском могильнике.

Однако сдвинутые скелеты или сгруженные в кучку кости не ритуальное действие, а утилитарное: люди просто стремились поместить в камере как можно больше умерших, чтобы не рыть еще одну камеру — не делать очень трудоемкую лишнюю работу. То обстоятельство, что скелеты так небрежно сдвигались в сторону, говорит об отсутствии в представлениях людей убеждения в неприкосновенности покойного. Если скелет можно и даже нужно было разрушить, то его можно было и просто отодвинуть. Обычай этот очень широко распространился в эпоху средневековья в Юго-Восточной Европе. В крымских каменных ящиках подхоранивали покойников, сдвигая предыдущих вплоть до позднего средневековья. Этот обычай сохранился и при христианстве как в Крыму, так и на Северном Кавказе. Во времена расцвета салтово-маяцкой культуры в Подонье, как мы уже говорили, он был повсеместен, а близ Саркела — Белой Вежи в простых деревянных гробах христианского кладбища X—XI вв. погребали по два-три покойника, сдвигая кости ранее умерших в ноги новому покойнику или в сторону от него (*Артамонова О. А.*, 1963). Обряд ритуального обезвреживания путем частичного уничтожения скелета и нанесения ему нарушений был характерен не только в среде населения Подонья. В настоящее время зафиксирован он В. С. Флеровым в аланских северокавказских катакомбах (могильник Клин-яр). Что же касается связывания рук, ног и челюстей, то эти обычаи широко распространены и в наши дни, хотя и объясняются сугубо утилитарной необходимостью.

Можно предполагать, что чем больше изломан скелет, тем большими «злыми» чарами покойник обладал при жизни. Наши наблюдения показали, что отрицательными для живых свойствами обладали в большей степени дети, юноши и девушки. Взрослые «обезвреживались» много реже, а пожилым мужчинам обыкновенно только перекрещивали и связывали ноги. Все это может быть истолковано так, что молодые люди, владея еще неизрасходованными силами, могли эффективнее «вредить» оставшимся в живых. В какой-то степени опасны, видимо, были и пожилые мужчины, умершие не в бою, как положено мужчине, а дома (в них также оставался запас неистраченных сил).

Впрочем, причины, которыми руководствовались люди, «обезвреживавшие» своих умерших родственников, были, вероятно, очень разнообразны. Археологические материалы вряд ли дадут нам нужные сведения для их выяснения, а данных об этом обряде в этнографическом материале нет (или, возможно, они остались нам неизвестными).

Следующим не менее интересным ритуалом катакомбного погребального обряда является угольная подсыпка под погребениями. Ранее я уже писала об этой особенности погребального обряда и пыталась толковать ее как загробный брачный ритуал, в котором уголь (огонь) играл связующую роль (*Плетнева С. А.*, 1967. С. 79). Действительно, уголь нередко сопровождал совместные захоронения мужчины и женщины.

Помимо супружеских, уголь означал, видимо, и какие-то иные родственные отношения. Об этом свидетельствуют совместные захоронения женщин с детьми (на угольной подсыпке), встречающиеся во всех трех группах катакомб. Возможно, что в таких случаях имел место обряд посмертного «усыновления» детей, умерших одновременно с женщиной, принадлежавших к той же семье, но не бывших ее родными детьми. В отличие от парных погребений с углем эти захоронения обычно очень бедны вещами, в них даже не всегда попадаются сопровождающие сосуды с пищей и питьем.

В соответствующих разделах этой главы мы уже рассматривали вопрос распределения вещей, внутри каждой подгруппы всех четырех групп.

Попытаемся здесь сравнить группы между собой по количественному и процентному соотношению вещей и сосудов в каждой из них (табл. 58).

Таблица 58. Соотношение вещей и сосудов в катакомбах четырех групп (в скобках %)

Группы	Всего вещей	Всего бус	Сосуды в камерах	Сосуды в дромосах
	количество	количество	количество	количество
I	199 (9)	461 (8)	7 (7)	18 (9)
II	634 (28)	1258 (22)	36 (37)	45 (22)
III	714 (32)	1825 (35)	28 (28)	62 (30)
IV	687 (31)	1832 (35)	28 (28)	79 (39)
Итого	2234 (100)	5376 * (100)	99 (100)	204 (100)

* В общую сумму бус включен бисер.

Прежде всего бросается в глаза заметно меньшее количество вещей в катакомбах I группы. Однако если разделить это количество на число покойников в камерах (соответственно: 37, 80, 105, 123), то окажется, что вещей в среднем на одного покойника в I группе приходится пять-шесть, во II — восемь, в IT — семь, в IV — опять, как в первой, — пять-шесть. Примерно та же картина получается и при подсчете бус, правда, в IV группе их также много, как в наиболее богатой — второй. В целом же одиночные захоронения, среди которых много детских (безынвентарных), и семейные усыпальницы, где также много детских захоронений, несколько беднее вещами, чем погребения в катакомбах II и III групп.

Что касается сосудов в камерах и дромосах, то аналогичные подсчеты показали, что в первой группе один сосуд приходился в камерах примерно на пять погребений, а в дромосах — на два. В остальных группах соотношение несколько иное: один сосуд — на четыре погребения в камерах и на два — в дромосах.

Все приведенные усредненные цифры свидетельствуют в общем о значительном единообразии катакомбного обряда. В каждой группе были богатые и бедные вещами и сосудами погребения: они характерны для всех четырех групп, хотя прослеженная выше разница среднего количества вещей на человека по группам, вероятно, может быть дополнительным свидетельством того, что во II и III группах богатые захоронения встречались несколько чаще.

Весьма существенными являются вопросы зависимости количества сосудов в дромосах от количества погребений в камерах и типов сосудов от пола и возраста погребенного. Напомню, что, проанализировав данные 50 катакомб могильника, я в 1967 г. уверенно писала о прямой зависимости количества сосудов, поставленных перед входом в дромос, с количеством похороненных в камере (Плетнева С. А., 1967. С. 124). Сейчас появилась возможность проверить результаты сопоставлений на значительно большем материале (табл. 59).

Таблица 59. Корреляция количества сосудов с количеством погребенных в камере

Количество сосудов	Количество погребенных						
	1	2	3	4	5	6	8
1	12	9	5	2	—	—	—
2	3	12	9	4	1	1	—
3	—	3	7	3	1	—	—
4	—	—	2	3	2	—	1
5	—	—	2	1	3	—	—
6	—	—	1	—	1	—	—

В результате проверки можно сказать, что совпадения действительно довольно часто наблюдаются в катакомбах I и II групп (80 и 50 % совпадений). В III группе количество совпадений резко сокращается (всего 26 % совпадений). То же можно сказать и о четырех погребениях (23 % совпадений) и о пяти погребениях (36 % совпадений). При большом количестве погребенных совпадений вообще не было.

Сложнее вопрос совпадения типов сосудов с половозрастной характеристикой покойников в катакомбах. В катакомбах I группы прослеживается, что для мужских погребений особенно характерны кружки, и кухонные горшки, а детское захоронение сопровождалось лепным сосудиком.

Для погребений мужчин и женщин II группы типичны кувшины, которые, как правило, ставились по два или же в сочетании с другими сосудами (кружками, кубышками, кухонными горшками). Кому из умерших предназначался какой сосуд — неясно, однако, судя по двум первым группам, можно все же сказать, что женщины нередко сопровождалась лощеными и кухонными горшками, мужчинам же их, очевидно, не ставили.

В III и IV группах сочетания сосудов очень разнообразны. Вследствие этого вряд ли возможно связывать определенные типы сосудов с полом погребенных или с сочетаниями пола и возраста погребенных. Однако следует отметить, что женским погребениям часто сопутствуют горшки. Что касается кувшинов, то это несомненно самый характерный тип погребальных сосудов. Кувшины характерны для всех видов погребений и попадают они во всевозможных сочетаниях с другими сосудами.

Заканчивая обзор катакомбного погребального обряда Дмитриевского могильника, мы должны еще раз остановиться на захоронении вместе с покойником убитых животных, сопровождавших умерших на тот свет. Ритуал умерщвления животных с этой целью, видимо, не был широко распространен среди салтовцев, о чем говорит незначительный процент захоронений животных в дромосах Дмитриевских катакомб.

Тем не менее в некоторых случаях подобные жертвоприношения были, очевидно, абсолютно необходимы. В частности, животные убивались при устройстве кенотафов — поминальных сооружений в память убитых воинов, чьи тела не были доставлены на родовое кладбище.

На Дмитриевском могильнике нами было раскрыто несколько кенотафов.

КЕНОТАФЫ

Вопрос о существовании кенотафов всегда вызывает сомнения, поскольку сооружение погребального комплекса без наличия покойника, для которого он сооружен, действительно очень нерационально и современному человеку непонятно. Кенотафы — поминальные, чисто ритуальные памятники. Впрочем, если родным удавалось найти на поле хотя бы часть покойника, они устраивали похороны с соблюдением необходимых обрядов. В результате получался как бы полукенотаф-иолупогребение. Именно такой комплекс был обнаружен на Дмитриевском могильнике (катакомба 77, рис. 113). Он представлял собой дромос средней величины (3,6X6,6X1,4 м) с ровными стенками и покатым дном. Заполнен он плотной глиной с примесью гумуса и мелового щебня. В левой стенке дромоса в 0,5 м от торца на уровне пола вырыта небольшая полушаровидная, овальная в плане камера (1,1X0,7X0,6 м). Вход в камеру был заставлен дубовыми плашками. Камера полая, только у входа из дромоса насыпалось немного земли. На дне лежала кучка костей: череп с отброшенной нижней челюстью, таз, длинные кости ног и 10—12 сломанных ребер. Кости принадлежали взрослому довольно высокому мужчине. В полном виде скелет не поместился бы в камере. Совершенно ясно, что в ней с самого начала были положены только эти кости. Судя по беспорядочному, но довольно компактному расположению, кости лежали завернутыми в ткань или в мешке (от кожи остался бы легкий налет черного тлена). У входа в камеру на полу дромоса стояла маленькая кружечка. Таким образом, кости этого покойника были собраны, привезены и погребены по всем правилам в небольшой камере. Только выкопали камеру крайне экономно (маленькую) и не в торце, а в боковой стенке.

Следующий комплекс, который также можно связать с обычаем кенотафов, представлен катакомбой 63 (рис. 113). Дромос этой катакомбы длинный (4 м) и мелкий (1,2 м). Следов деревянного заслона у входа не прослежено, возможно, его и не было, поскольку камера заполнена тем же слоистым грунтом, что и дромос (т. е. заполнение было единовременным). Длина входа 0,4 м. Камера почти круглая, небольшая (0,95X0,8 м), высота свода 0,6 м. На полу камеры слева от входа в беспорядке лежали пять черепов коз, но всему полу разбросаны крупные кости их скелетов. На иолу входа лбом вверх, мордой в камеру был уложен массивный череп быка. Под ним — кости ног, отчлененные по коленный сустав. Пол камеры и отчасти входа был покрыт толстым (0,03 м) слоем черного тлена, вероятно, от истлевших кож этих животных. Кроме того, в камере находились два кувшина и кухонный горшок. По составу животных и типам сосудов это катакомбное сооружение напоминает обычную тризну (см. следующий раздел данной главы). Однако от тризны это захоронение отличается отсутствием в нем мелких костей скелетов (в частности, ребер и позвон-

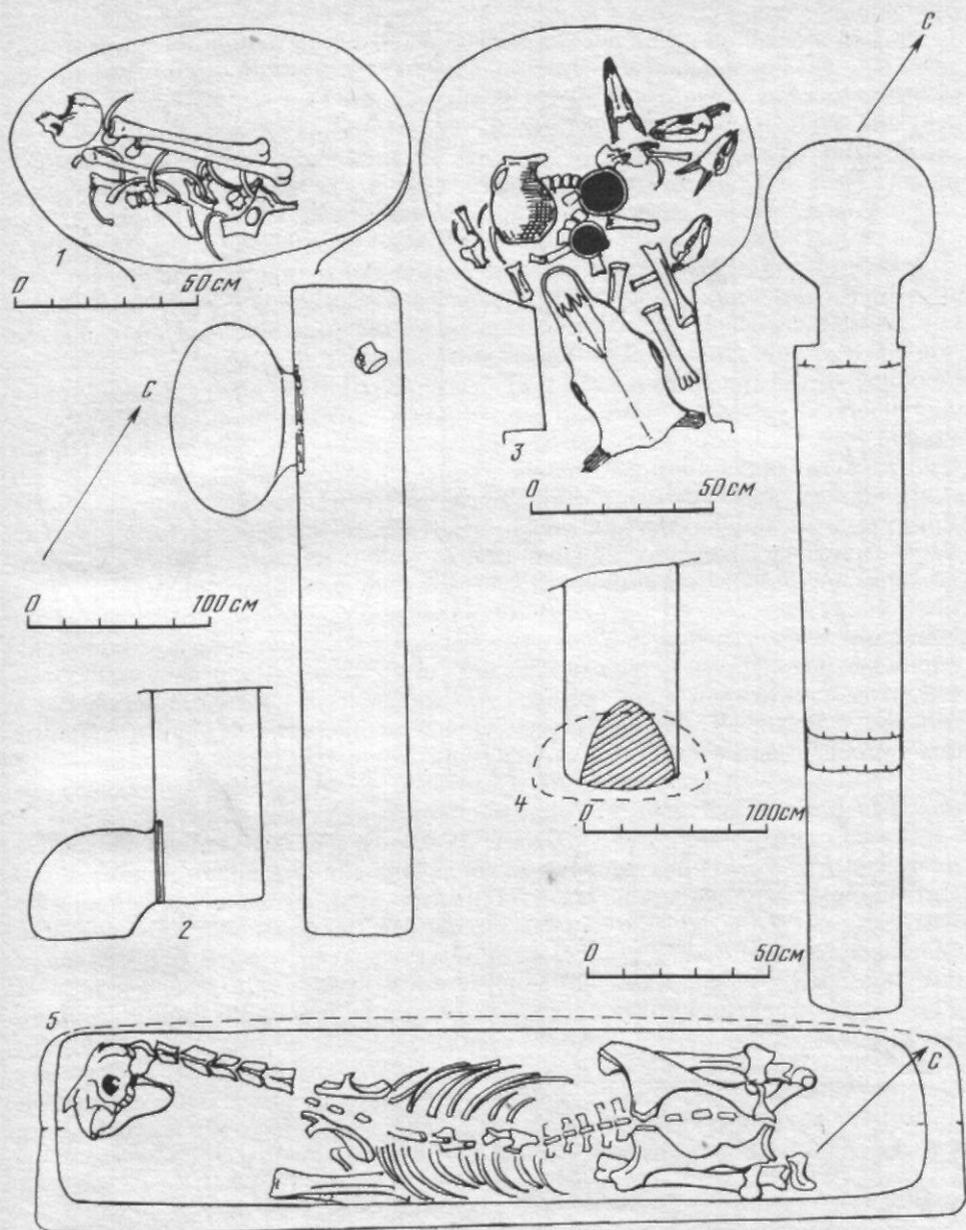

Рис. 113. Кенотафы и захоронение лошади в яме

1, 2 — кенотаф в катакомбе 77; 3, 4 — кенотаф в катакомбе 63; 5 — погребение лошади

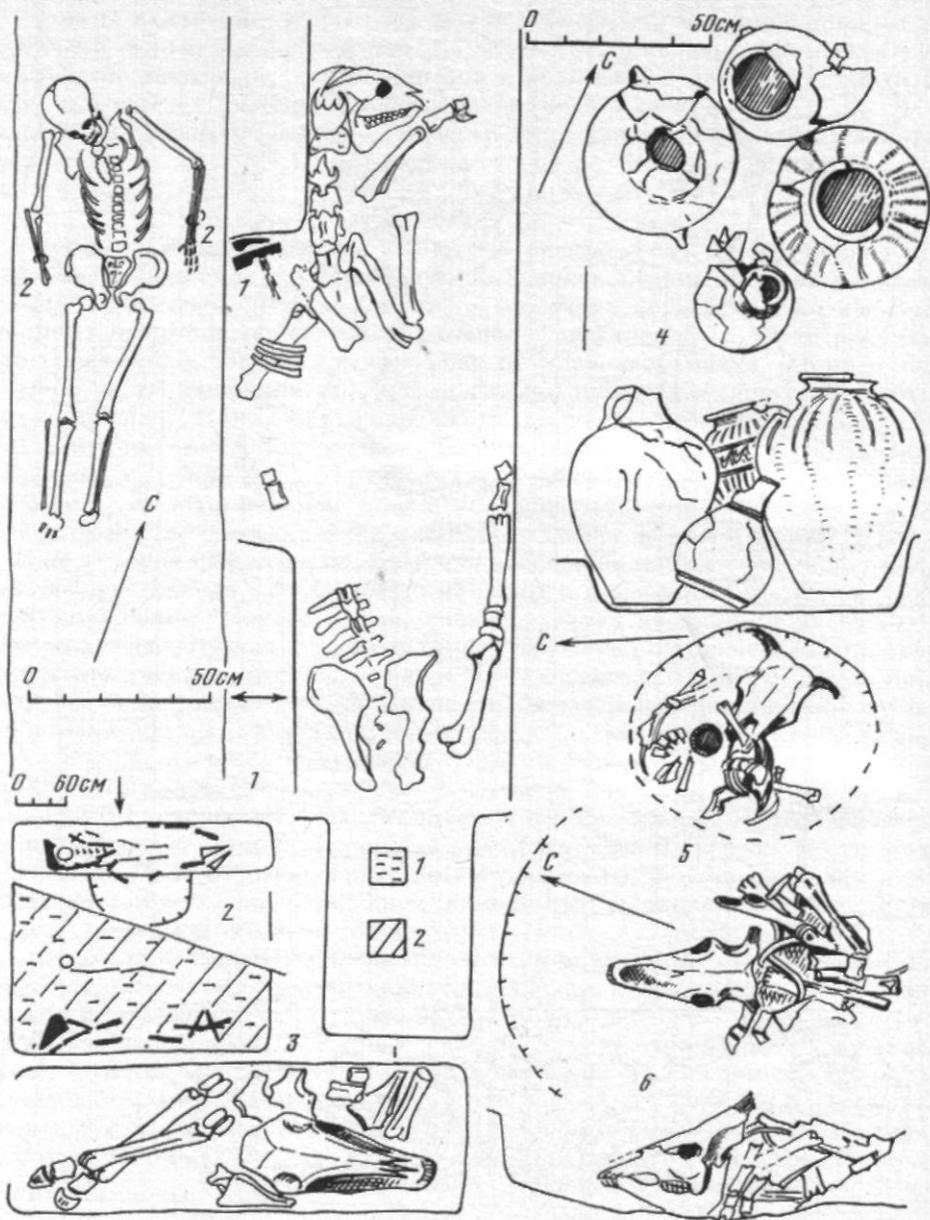

Рис. 114. Кенотафы и тризны

1 — захоронения женщины и коня в дромосовидной яме 12 (1 — топор и мотыжка; 2 — железные браслеты); 2 — ситуационный план и разрез кенотафа 12; 3 — кенотаф или тризна (?) 44 (план и поперечный разрез ямы); 4 — план и разрез тризны 75; 5 — план тризны 36; 6 — план и разрез тризны 73. Условные обозначения: 1 — глина; 2 — гумусная земля

ков), явным отчленением ног и самой формой погребального сооружения. Совершенно ясно, что никакого человеческого скелета не было в камере — его некуда было положить. Отсутствие полного набора костей скелетов говорит, видимо, о том, что головы и поги были ритуально отчленены от туш и погребены как бы в виде «заготовок» для чучел. Известно, что именно в таком виде большинство степных народов средневековья отправляло сопровождающих на тот свет животных с покойниками. Таким образом, здесь не остатки номинальной тризны, а номинальное захоронение, в котором присутствует и соблюдение обряда сооружения катакомбы, и сопровождающие животные, и сосуды с питьем. Нет только самого покойника. В память о покойниках создавались и значительно более сложные погребальные комплексы. Таким является кенотаф с погребенными в нем женщиной и конем (12). Он имеет вид обычного дромоса длиной в 3 м и шириной в 0,6 м (рис. 114). Глубина его 1,55 м, стенки ровные, пол горизонтальный. Заполнен дромос материковой глиной с меловой щебенкой. Заполнение почти неотлично от материка. В заполнении на глубине 0,7—0,8 м лежал вытянуто на спине скелет женщины брахикрана 30—40 лет. Руки слегка откинута от туловища и согнута в локтях, шея была сильно согнута — череп находится в почти неестественной позе — теменными костями вверх. На руках женщины пластинчатые железные браслеты, в грудной клетке и на тазу четыре бусинки и обломочек зеркала. На иолу этого «дромоса», под женским скелетом находился скелет коня, уложенного, как в дромосах катакомб, мордой к торцовой стенке (ко входу, которого здесь нет). Спина коня (седельная часть) вырублена, очевидно, с ритуальной целью «обезвреживания». Около коня находились мотыжка, топорики и седельная пряжка. В целом это, видимо, погребение рабни-праболгарки с полуразрушенным захоронением коня в дромосвидиой яме представляет собой кенотаф богатого и знатного воина.

На могильнике был обнаружен еще один комплекс — захоронение коня в простой прямоугольной могиле (2,75X0,5 м). Глубина ямы всего 0,5—0,6 м, стенки неровные, дно слегка вогнутое в центре (рис. 113). Конь уложен на брюхо с подогнутыми ногами, вытянутой вперед шеей и опущенной вниз мордой. Не исключено, что это погребение и не является поминальным кенотафом, а относится к катакомбе 51, рядом с которой расположено. В катакомбе был погребен воин с «посмертной» женой. Ему же было посвящено и захоронение коня. Поскольку имитации катакомбного обряда в данном случае нет, можно думать, что захоронение действительно не было кенотафом. Характерно, что могильная яма расположена на могильнике не как дромосы (вдоль склона), а поперек склона. Существенно и то, что конь уложен головой в направлении к дромосу катакомбы 51.

Уверенно мы можем говорить о трех кенотафах — это не более 2 % от всех катакомбных погребений могильника.

ПОМИНАЛЬНЫЕ ТРИЗНЫ

Зато поминальные комплексы — остатки ритуальных трапез в честь умерших и похороненных на могильнике людей попадают очень часто. Обычай поминовения мертвых и оставления на могилах или рядом с ними остатков ниши настолько широко распространен (вплоть до настоящего

времени), что приводить дополнительные доказательства его существования у аланского населения верховий Северского Донца вряд ли стоит.

Сосуды с нищей и питьем и часть костей животных, съеденных во время поминок, приносились на могильник, ставились и складывались в неглубокие ямки около могилы, в которой был погребен поминаемый. Глубина ямок от древней поверхности могильника редко превышала 0,5 м, т. е. ямки, как правило, прорезали дерновой слой и только слегка задевали материк (на 0,1—0,2 м). Форму ямки в плане удастся проследить далеко не всегда, но, судя по сохранившимся очертаниям, чаще всего ямки бывали круглые или овальные.

Следует сказать, что тризны впервые были зафиксированы на Дмитриевском могильнике еще в первый год раскопок на нем (1957). В настоящее время на открытых и исследованных в последние десятилетия могильниках (Маяцком, Нижне-Лубинском) постоянно попадают среди катакомб тризны (сосуды и кости животных).

Всего на могильнике было открыто 78 остатков тризн. Они разделены нами на три группы: 1 — тризны, состоящие из одних сосудов (от одного до пяти); 2 — тризны только из костей животных; 3 — смешанные тризны, в которых поставлены сосуды и рядом с ними сложены кости животных (Плетнева С. А., 1961).

Первая группа — самая многочисленная. Она представлена 45 тризнами (59 % всех тризн). Они в свою очередь разделены по количеству входящих в них сосудов на три вида. В первый включены тризны, состоящие из одного сосуда, во второй — из двух, в третий — из трех и более (рис. 114).

К первому виду относится 30 тризн (66 %). Подавляющее большинство сосудов в них кухонные, нередко грубые толстостенные горшки (табл. 60).

Таблица 60. Соотношение видов сосудов с тризнами I группы I-го вида (в скобках %)

Тип сосудов	№ тризны	Итого
Кухонные горшки	2, 24, 23, 25, 28, 31, 32, 34, 48, 50, 54, 56, 58, 76, 59, 60	16(53)
Кружки	33, 67, 68	3(10)
Пифосы	30, 64, 65	3(10)
Корчаги	15, 66	2(7)
Кувшины	62, 72, 74	3(10)
Амфоры	53	1(3)
Лощеные горшки	70, 71	2(7)

Нередко эти горшки разваливались в земле, прорастали корнями трав (31, 32, 59, 60). Остальные сосуды встречаются редко. Однако характерно, что в отличие от катакомб, в которых ведущими типами, как мы видели, были кувшины и кружки, здесь не только преобладают кухонные горшки, но наряду с другими типами попадают совершенно не употребляемые в катакомбах большие лощеные пифосы, корчаги и даже амфора.

Второй вид представлен восемью тризнами (табл. 61).

Таблица 61. Соотношение видов сосудов с тризнами I группы 2-го вида

Тип сосуда	№ тризны							
	7	20	24	26	29	38	41	66
Кухонные горшки	1	2	1		1	2		
Пифосы	1		1		1			
Кружки				2			1	
Кувшины							1	
Корчаги								2

Таблица 62. Соотношение видов сосудов с тризнами I группы 3-го вида

Тип сосуда	№ тризны						
	1	10	18	22	40	57	75
Кухонные горшки		1	1	3	2	1	
Лепные горшки		1	1				
Пифосы		1					2
Кувшины-пифосы			1				
Корчаги							1
Кружки		1			1	2	
Горшки лощеные			3				
Кувшины		1					1

Таблица 63. Соотношение видов скота с тризнами II группы (в скобках %)

Вид скота	№ тризны	Итого
Корова	37, 39, 42, 69, 73	5 (23)
Коза	4, 8, 9, 11, 12, 13, 16, 17, 43, 45, 49, 51, 52, 55	14 (63)
Свинья	27, 35, 63	3 (14)

Для них характерно сочетание двух однотипных сосудов или же сочетание пифоса и горшка.

В третий вид входит семь тризн.

Подсчеты показали, что преобладающим типом посуды и здесь являются кухонные горшки, нередко грубые, развалившиеся в земле (30 % всех сосудов), однако процент их все же не так высок, как в двух первых типах тризн первой группы (табл. 62). Естественно, что большое количество сосудов в одной тризне ведет за собой и большое разнообразие их типов, а также и разнообразие сочетаний этих типов между собой.

Вторая группа тризн представлена остатками костей животных. Всего их расчищено на могильнике 22 (30 %). Жертвенными животными для тризны служили корова, коза и свинья (табл. 63).

Один раз на могильнике было обнаружено захоронение! головы и ног молодого коня (почти жеребенка). Произведено оно было в довольно глубокой яме (0,8 — 1 м), в плане прямоугольной, внешне напоминающей дромос и ориентированной как дромос (размеры ямки 1,2X0,4 м). На дне лежал вверху лбом череп коня, рядом с ним и под ним — кости ног, отчлененные

но второй пястный сустав, а также несколько ребер и позвонков (рис. 114). Последнее обстоятельство, а также молодость особи свидетельствуют как будто в пользу принадлежности данного захоронения к тризнам. В полевой документации она и зафиксирована под № 44. Однако тщательное сооружение комплекса и многочисленные аналогии захоронений головы и ног коня в погребениях человека и отдельных ямах позволяют предполагать, что это ритуальное захоронение (а не остатки поминок) останков коня. Расположено оно рядом с катакомбой 79, в которой погребен богатый опоясанный воин и его жена, положенная к нему после естественно наступившей смерти (его возраст зрелый, ее — старый). Таким образом, захоронение костей коня вряд ли с полной уверенностью можно считать тризной. Видимо, конь не принадлежал к числу ритуальных животных, которых специально можно было резать на номинальном пиру.

Характерной особенностью триън является то обстоятельство, что каждая из них состоит из останков животного одного вида. Обычно это останки одной особи, только в пяти тризнах с козами (35 %) набросаны и сложенные кости нескольких животных (в 16 — семь, в 17 — две, в 45 — три, в 55 — пять и в 61 — много). Следует сказать, что многие кости (длинные и ребра) переломаны явно во время трапезы. Голову тризнового животного не варили и не ели, о чем свидетельствует обычно полная ее сохранность (с рогами и с челюстью *in situ*).

В третью группу (смешанную) включено всего 10 тризн (табл. 64) Ассортимент сосудов в них тот же, что и в первой группе, а среди костных остатков встречаются только кости коровы и козы (рис. 114).

Следует отметить, что вместе с наборами посуды, в которые входили пифосы, стремились поместить в тризну кости коровы (в четырех случаях из шести). Кости коровы сопровождали также тризну с кувшином и лощеным большим горшком волынцевского типа (14). Исключение только одно — тризна 36, в которой с костями коровы и козы (такое сочетание двух видов скота тоже редчайший случай) попался всего один небольшой кухонный горшочек, развалившийся на куски. Создается впечатление, что тризна эта ограблена. Высокий пифос или пифос-кувшин был виден на поверхности (глубина ямки не превышала 0,5 м) и, вероятно, был просто вынут из нее. Место для большого сосуда в ямке отчетливо выделяется —

Таблица 64. Соотношение тризн III группы с типами сосудов и видами скота

Тип сосудов, вид скота	№ тризны									
	5	6	14	19	36	46	47	61	77	78
Пифосы	1	1							1	1
Кухонные горшки	1	2			1	1		1	1	1
Лепные горшки	1							1		1
Лощеные кувшины			1	1				1		
Лощеные горшки			1	1				1		
Кубышки				1						
Кружки						1				
Корова	1	1	1		1				1	1
Коза				1	1	1		3		

оно окружено костями животных. Козьи кости встречаются с разными типами сосудов, обычно небольшими (кубышками, горшочками, кружками). В тризне 61 сочетаются кости трех коз и три горшочка (кухонный, лепной и лощеный).

ЯМНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ

Прежде всего заслуживают внимания погребения в простых ямах, врезанных в материк на 0,3—0,6 м. Форма ям правильно прямоугольная или с закругленными углами.

Всего на могильнике обнаружено девять погребений в таких ямах. По способу погребения покойника они делятся на два типа: первый — на спине, вытянутые; второй — скорченные на правом или левом боку.

К первому типу относятся пять захоронений (табл. 65, рис. 115). Для них характерны овальные, довольно глубокие ямы (исключая погребение 158). В позе погребенного можно выделить два типа. Один с вытянутыми ногами, другой — с согнутыми (вверх коленями). Естественно, что первые похоронены в более длинных ямах, чем вторые¹. В отличие от обычной позы погребенных, у которых руки вытянуты вдоль туловища, здесь одна или обе руки бывают согнуты в локтях (кистями на тазу). Пол погребенных, когда его удается определить — мужской, а возраст преимущественно старческий и в одном — юный. Вещей в этих погребениях очень мало, сосудов — тоже. Интересно, что один из покойников, наиболее «богатый» вещами, был погребен в дубовом гробу, вернее «раме» без дна и крышки. Известно, что это довольно поздний признак захоронений, получивший распространение не ранее X в. (*Плетнева С. А., Пиколаенко А. Г., 1976. С. 294*).

Второй тип ямных захоронений включает всего четыре погребения (табл. 66, рис. 116). Погребения этого типа принадлежали преимущественно старым женщинам. Очевидно, все они были аланками, при их погребении сохранился характерный именно для алан (долихокранов) обряд захоронения скорчеино на боку. Ориентировка и в женских погребениях сохраняется западная, кроме погребения 166, в котором она южная. Это погребение отличается от трех остальных и необычайно богатым инвентарем. По существу погребение аналогично женскому захоронению, совершенному в катакомбе.

Несмотря на отсутствие точных антропологических данных, совершенно ясно, что ямные захоронения принадлежали какой-то иной (не аланской) этнической группе, скорее всего болгарам. Об этом свидетельствуют форма могильной ямы, почти полное отсутствие вещей в могиле и ориентировка погребенных головами на запад (с сезонными отклонениями)².

¹ В погребении 133 кости ног вообще отсутствуют, таз перевернут. Видимо, скелет был растащен собаками. Естественно, что пострадали более всего ноги, поскольку они были «поставлены» вверх коленями. Поза определена по расположению косточек плюсны почти у таза.

² Следует сказать, что в предшествующей публикации ямных захоронений Дмитриевского могильника (*Плетнева С. А., 1972*) я указала, что погребенные в могилах 116 и 127 брахикраны. При этом я пользовалась предварительными определениями Т. С. Кондуктовой, которые она впоследствии не подтвердила.

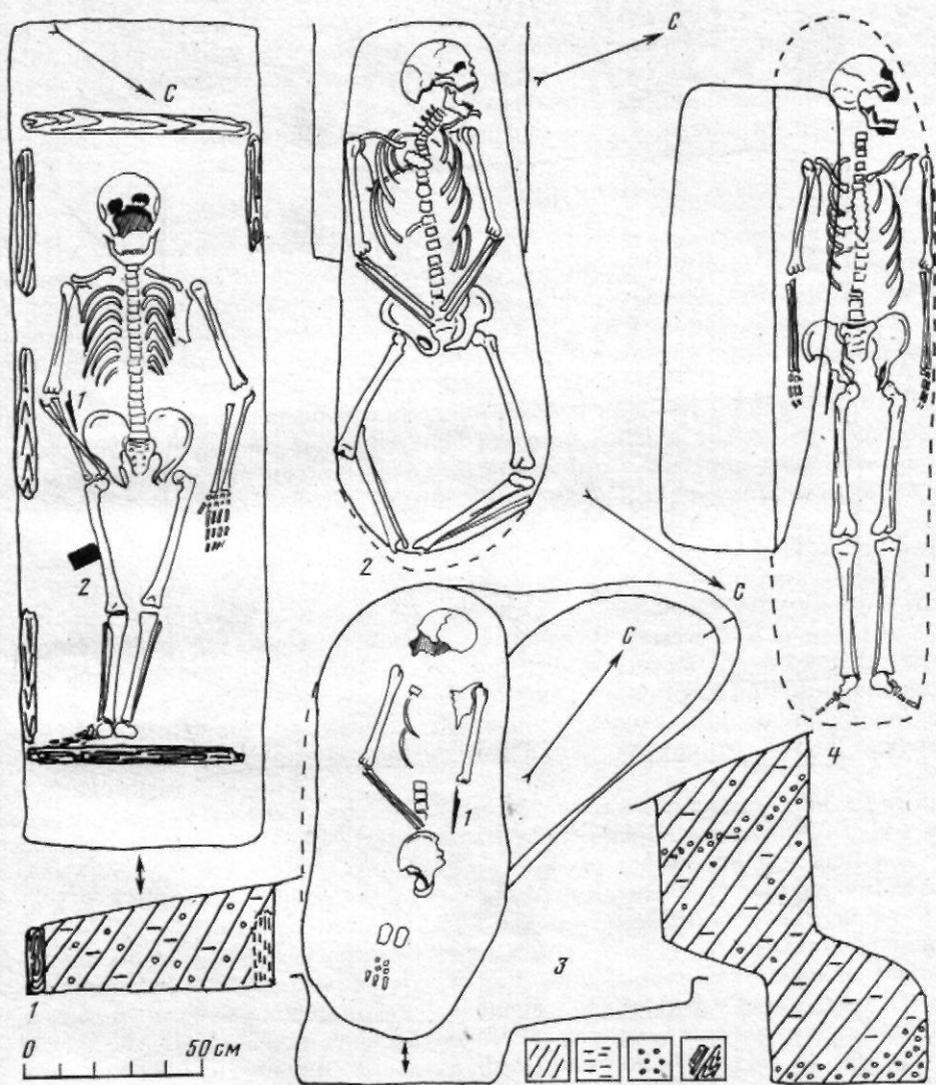

Рис. 115. Ямные и подбойные захоронения

1 — план и разрез погребения 147 (1 — нож; 2 — мотыжка); 2 — погребение 127; 3 — погребение 133; 4 — план и поперечный разрез подбойного погребения 144. Условные обозначения: 1 — гумусная земля; 2 — глина; 3 — меловая крошка; 4 — подушительные деревянные плахи

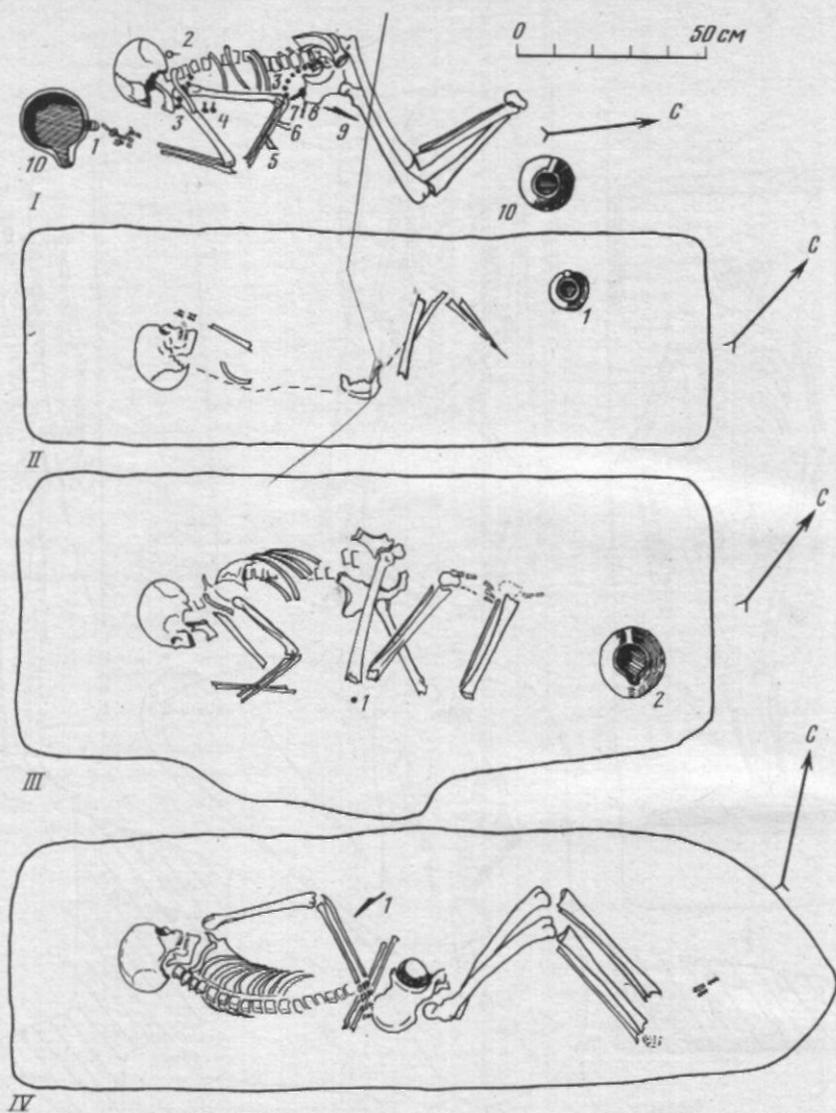

Рис. 116. Ямные захоронения

I — погребение 116 (1 — перстни; 2 — серьги; 3 — бусы; 4 — бубенчики; 5 — фибула; 6 — туалетный набор; 7 — подвеска; 8 — «распределитель»; 9 — нож; 10 — сосуды); II — погребение 58; III — погребение 50; IV — погребение 146

Помимо рассмотренных захоронений, к этой группе относится и разоренное поздним перекопом погребение 139. Совершено оно было в яме, выкопанной в гумусе, глубина его от древней дневной поверхности была не более 0,3 м. Не удивительно, что погребение растащено, кости все сдвинуты в кучу, череп отсутствует. Среди костей найдены были перстень и бубенчик, а также горло большого лощеного кувшина и донце лепного горшка. Ориентирована могила по длинной оси с запада на восток.

ПОДБОЙНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ

На могильнике их всего три (рис. 115; 117). Входные ямы у них удлиненно-прямоугольные, со слегка закругленными углами. Ориентировка в двух случаях совпадает с ориентировкой дромосов (47, 132), третья входная яма ориентирована по длинной оси с юго-запада на северо-восток, т. е. так, как ямные погребения. Подбой расположены вдоль входной ямы. Этим и ограничивается сходство между подбойными могилами. Размеры, форма и соотношение между входной ямой и подбоем не однотипны. Так, в могиле 47 подбой короче и шире входной ямы, в 132 — они примерно одинаковы, а в 144 подбой значительно длиннее входной ямы. Обе части подбойной могилы забиты глиной, смешанной с гумусированной серой землей и меловой крошкой.

Погребения в подбоях также отличаются друг от друга. Так, в подбое 47 похоронена вытянуто на спине юная женщина-брахикран. Вещей при ней нет. В могиле 144 тоже вытянуто на спине погребен мужчина 45—60 лет, также брахикран с ножиком у пояса. В могиле 132 лежала на правом боку скорченно, спиной к входной яме женщина 45—50 лет (долихокран). На ее вытянутой левой руке покоился вытянуто на спине скелетик грудного младенца, у тазовых косточек которого было обнаружено два проволочных браслетика, литой бубенчик, несколько бусин, пуговка и пряслице.

Подбойные могилы не типичны для алан. Очевидно, как и ямные, их надо связывать с брахикранным — болгарским населением, хотя как в ямных, так и в подбойных могилах иногда погребались и аланы.

Ни аланскому, ни болгарскому населению совершенно не свойствен был обряд трупосожжения. Тем не менее на могильнике обнаружено было девять погребений, совершенных по этому обряду. Им была посвящена специальная публикация, в которой подробно было описано каждое захоронение и дана характеристика сосудов, обнаруженных в них (*Плетнева С. А.*, 1972)¹. Они сосредоточены на южной и юго-восточной окраине могильника. Погребения относятся к пеньковской культуре, но датируются не ранее остальных погребений Дмитриевского могильника. Все они синхронны катакомбам, расположены среди них в свободных от дромосов и тризн местах. Только одно врезалось в конец дромоса катакомбы, что явно свидетельствует о более позднем его сооружении сравнительно с катакомбой, датирующейся второй половиной IX в.

¹ В статье под рисунком с изображениями сосудов (рис. 3) перепутаны номера погребений. Поэтому мы еще раз переиздаем их.

² Следует сказать, что в первую публикацию погребений оно не попало, поскольку мы ошибочно относили его к комплексу находок из катакомбы 6.

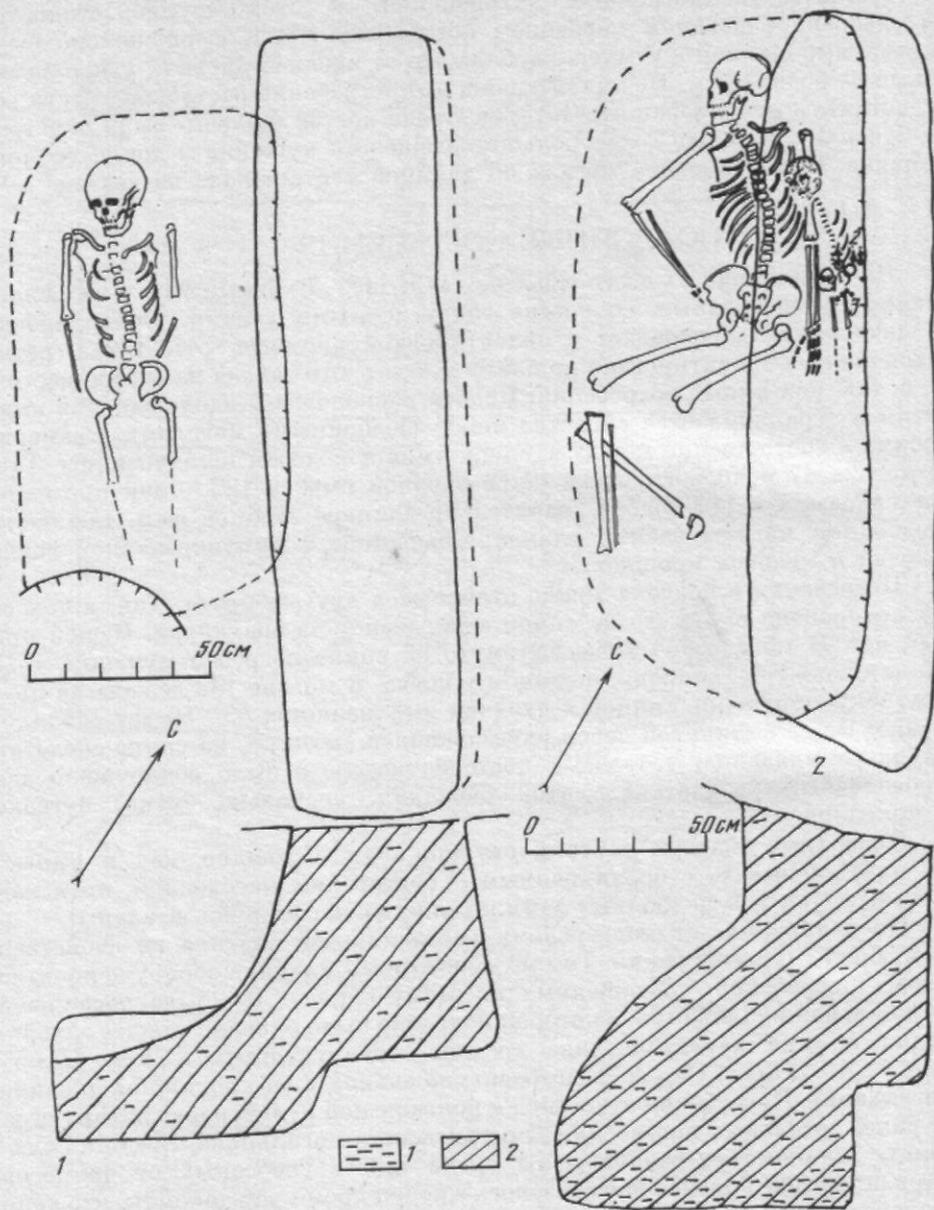

Рис. 117. Подбойные захоронения

1 — план и поперечный разрез погребения 47; 2 — план и поперечный разрез погребения 132

В заключение главы остановимся на вопросах, связанных с топографией могильника и с его хронологической характеристикой.

Могильник, как уже говорилось, расположен в нижней части пологого склона холма (наклон не превышает 30°). Геологическая структура холма неоднородна. В верхней части под тонким слоем дерна лежит крошащийся известняк, перекрывающий монолитную меловую скалу. Слой меловой крошки языками спускается и ниже — иногда до подножия холма. Сооружать в нем катакомбы невозможно, поскольку рыхлый слой обваливался и крошился даже при рытье обычных открытых ям. На территории, занятой катакомбами, меловая основа холма перекрыта довольно толстым (до 3 м) слоем очень твердой светло-желтой глины. В толще этой глины и вырыты все погребальные комплексы могильника (рис. 118; 119). Поэтому границы могильника прежде всего четко определяются распространением на склоне холма этого глинистого слоя.

Иногда пытались, видимо, сооружать катакомбы и в меловой щебенке, но они оставались недокопанными и не использовались. Таким образом, раскопами были намечены западная и северо-западная границы могильника. Другим признаком при определении границ было наличие пятен от корней давно исчезнувших деревьев или кустов, вплотную подходивших к катакомбам с восточной и северо-восточной сторон. Только с южной стороны границы остались недостаточно выясненными, так как дорога, сад, постройки села не позволили продолжать раскопки (даже шурфовку) в ту сторону. Можно предполагать, что граница совпадала с горизонталью подножия холма. При рытье фундамента в угловой усадьбе, частично стоящей на склоне холма, была, по словам хозяев усадьбы С. Г. и В. С. Никотиных, обнаружена катакомба, которую они засыпали глиной.

Итак, в настоящее время раскопана, видимо, примерно половина площади могильника — 3000 кв. м.

Поверхностный слой могильника толщиной в северных верхних квадратах не превышает 0, 25 м, а в нижних доходит до 0, 8—1 м. Он делится на два подслоя: верхний — дерновый, пронизанный корнями трав, и нижний, четко отделенный от современного россыпью белого щебня и прослойками глины. В этот древний дерновый слой вкапывали тризны, а на его поверхность постоянно попадал выкид из сооружаемых могил. Состав его тот же, что и верхнего — чернозем с примесью меловой крошки.

Поскольку могильник раскапывался широкой площадью, его планировка на большом участке прослежена достаточно полно. Для нее прежде всего характерно отсутствие рядности в расположении могил, которая неоднократно отмечалась исследователями Верхне-Салтовского могильника (см., например, *Березовец Д. Т.*, 1962). Могильник в Верхнем Салтове раскапывался не сплошной площадью, а траншеями. Катакомбы естественно привязывались к этим длинным траншеям или к обреза м оврага, что создавало впечатление рядности. На самом деле **ее**, как и на Дмитриевском могильнике, не было, как нет ее на исследованном также широкой площадью Маяцком могильнике (*Флеров В. С.*, 1984. Рис. 1. С. 143).

Следует сказать, что катакомбы на отдельных участках могильника расположены очень скученно, однако случаи пересечения дромосов, попадания их одного в другой, тем более — пересечения камер встречаются на могильнике сравнительно редко. Так, детская катакомба 29 помещена

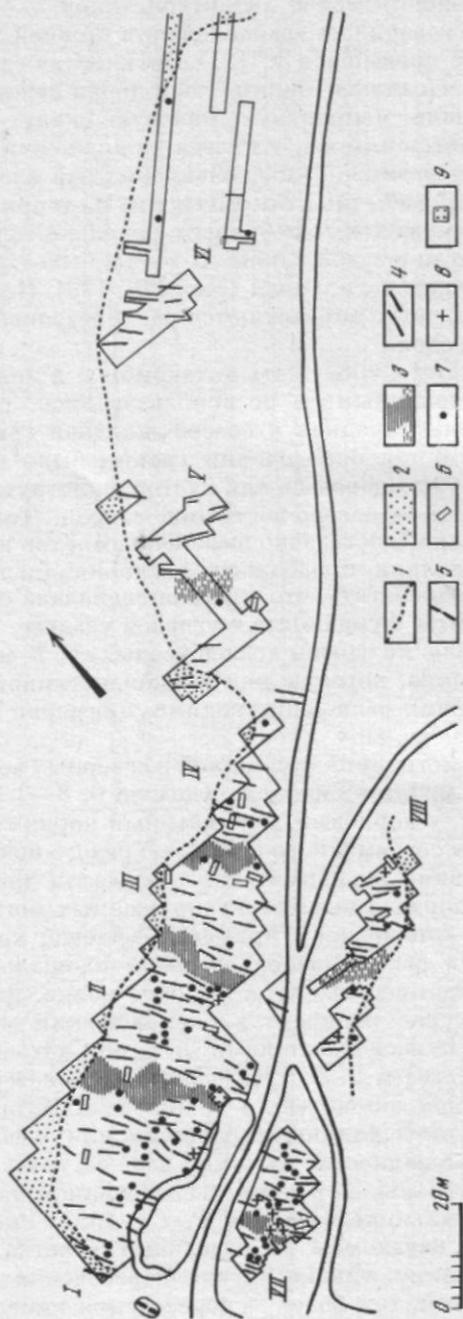

Рис. 118. Схематический план могильника с делением его на участки (I-VIII)

Условные обозначения:

1 — естественная граница могильника;

2 — рыхлаый (щебёвый) грунт;

3 — «межевые» полосы отдельными

участками могильника;

4 — дромосы открытых катакомб;

5 — дромосы неоконченных катакомб, вы-

рытые в «щебенке»;

6 — ямные погребения;

7 — тризны;

8 — трупосожжения;

9 — «сторожка»

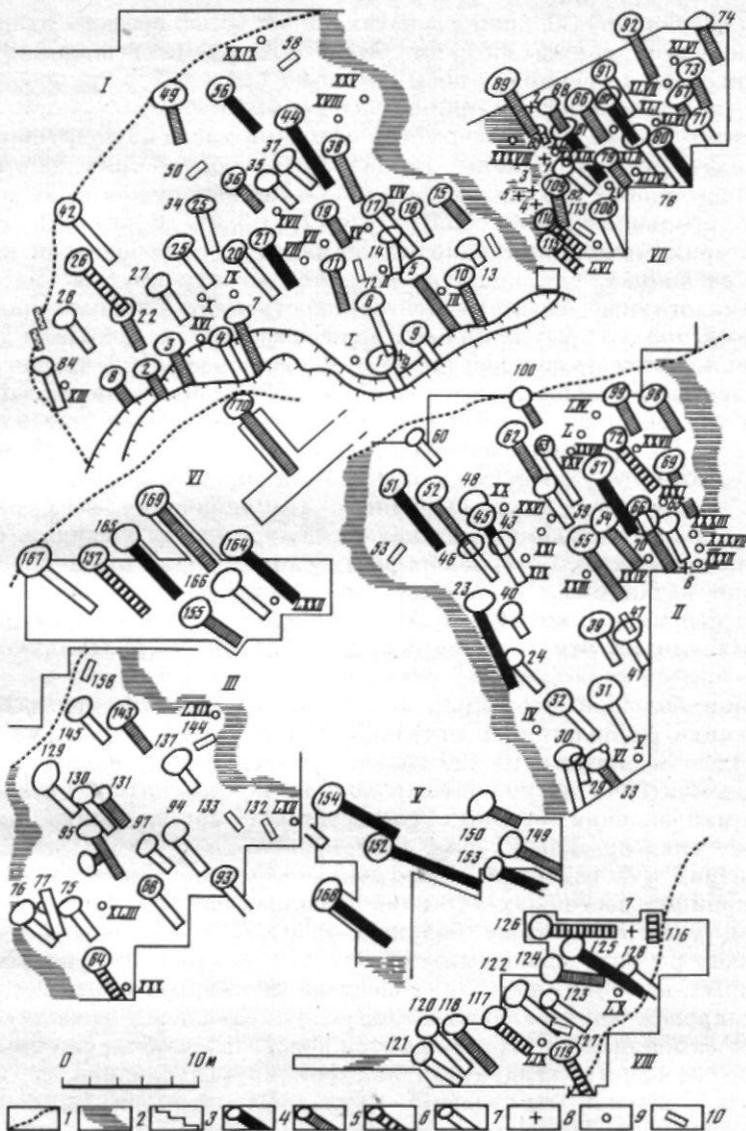

Рис. 119. Планы семи участков могильника с указанием хронологически определимых катакомб

Условные обозначения: 1 — естественная граница могильника; 2 — «межевые» полосы между участками; 3 — очертания раскопов; 4 — катакомбы раннего периода; 5 — поздние катакомбы; 6 — катакомбы промежуточного периода; 7 — неопределимые хронологически катакомбы; 8 — трупосожжения; 9 — тризны; 10 — ямные погребения

прямо над катакомбой 30, дромосы катакомб 43, 45, 48 врезаны один в другой, так же, как и дромосы катакомб 66 и 70. Ямные погребения 127 и 146 перерезают соответственно дромосы катакомб 122 и 161, а трупосожжение 9 врезано, как говорилось, в дромос катакомбы 6.

То обстоятельство, что катакомбы в основной массе не разрушают друг друга, свидетельствует о каких-то наземных сооружениях над каждой из них. Следы одного из таких сооружений были обнаружены над катакомбой 86: это овальное в плане сооружение (2X1,5 м), от которого сохранилась в материке непосредственно над камерой подковообразная канавка. На обоих ее концах, упиравшихся в дромос, стояли круглые массивные столбы. Аналогичные наземные постройки строились, видимо, над всеми катакомбами, только врыты они были менее глубоко (не доходили до материка). Тем не менее по неясной причине случалось изредка, что погребальные комплексы врезались друг в друга. Поскольку при наличии загородки над ними это было бы невозможно, видимо, приходится признать, что иногда загорода или иных опознавательных знаков у катакомб не было. Вполне возможно, что загорода стояла до тех пор, пока камера оставалась открытой, а дромос — полузасыпанным. По окончании всех ритуалов и подзахоронений катакомба засыпалась полностью и, очевидно, сравнивалась с поверхностью. Безусловно, родственники знали примерное местонахождение катакомбы, но иногда точно установить его было трудно и потому, стремясь поместить новую катакомбу поближе к старой, они попадали точно на эту засыпанную, как бы уже «спрятанную» катакомбу.

.... .

Раскопки большой площадью позволили установить, что катакомбы на могильнике располагались отдельными участками. В каждый из них входило около 35 могил и 10—20 тризн. Границы между участками выявляются недостаточно четко, они проходили по незанятым катакомбами полосам, направление которых соответствует направлению дромосов, т. е. сверху вниз по склону (рис. 118).

Рассмотрим участки последовательно — с первого (западного) до последних крайних восточных катакомб могильника (рис. 119).

Первый участок — самый большой — 30X33 м. С запада и севера он ограничен рыхлым щебневым слоем, с юга — карьером, разрушившим часть южных катакомб участка, с востока его отделяет от следующего участка широкая «нейтральная полоса», упирающаяся южным концом в карьер. У самой кромки карьера на этой полосе были обнаружены остатки маленькой (2X2 м) квадратной постройки, углубленной в материк на 0,5—1 м, с массивными столбами в углах. Вероятно, это была «кладбищенская сторожка». На участке обнаружены катакомбы всех трех периодов. Ранние катакомбы находились в восточной половине участка (21, 44, 56), катакомба промежуточного периода (26) — на западной его окраине, поздние катакомбы (на участке определено 13 поздних комплексов) разбросаны беспорядочно по всей площадке участка, что еще раз подтверждает отсутствие системы в расположении могил.

Бессистемность наблюдается и в расположении 16 тризн: практически с полной уверенностью невозможно связать их ни с одной из катакомб. Некоторые тризны расположены вдоль края участка, как бы ограничивая его. Кроме тризн, вблизи от северо-западного края участка помещено

Таблица 67. Соотношение выявленных на могильнике участков с группами катакомб и количеством погребений

Участок	Кол-во катакомб	Группы				Кол-во погр.
		I	II	III	IV	
1	34 *	4, 5, 13, 14, 19, 25, 28, 34, 35, 36, 37, 49	2, 11, 21, 27, 56	3, 7, 8, 9, 15, 26, 42, 44	1, 10, 22	38 — — 64
2	32	24, 29, 32, 40, 41, 100	23, 31, 33, 45, 48, 51, 52, 55, 60, 70, 72, 99	46, 54, 57, 59, 69	30, 98	62 — — 66
3	15	—	64, 75, 93, 94, 95б, 129, 130, 137	95а, 131, 145	143	— — — 29
4	8	161	138, 148, 151	134, 159		135 — — 18
5	7	153	152	90, 149, 150	154	— 168 — 22
6	10	166	157, 165	169, 170, 174	155, 175	164 — — 27
7	20	78, 88, 111	73, 74, 80, 91, 79	67, 71, 86, 92, 109, 110, 115	81, 108	89 — 87 55
8	10	117	118, 121	122, 126	125	124 123, 119 — 32

* Несовпадение количества катакомб на плане с числом указанных в таблице номеров объясняется отсутствием в ряде разорванных катакомб захоронений и в связи с этим невозможностью определить групповую их принадлежность.

ямное погребение, явно вынесенное за пределы основного расположения могил.

На участке раскрыто 33 катакомбы и два ямных захоронения. Особенностью его является значительное количество одиночных катакомбных погребений — 44 % (табл. 67). В катакомбах зафиксировано 64 захоронения (22 женских, 20 детских, 15 мужских, пять неопределенных взрослых), два женских — в ямах и одно женское — в кенотафе. Таким образом, здесь явно преобладают женские захоронения, причем, как правило, в отдельных, сооруженных для них катакомбах: в одиночных (4, 5, 19, 25, 34, 35, 36), в «двойных» (2, 27) и захоронениях женщины с детьми (56, 15, 44, 10). Мужских одиночных погребений два (28, 27), а захоронений мужчины с помертвой женой и ребенком (детьми) — шесть (3, 7, 11, 21, 22, 26).

В целом участок принадлежал вполне определенной социально-экономической единице, очевидно, большой семье. В этой семье весьма видную роль играли женщины: судя по сооруженным для них отдельным могилам, а также по погребению девушки-воительницы (катакомба 5), женщины пользовались в ней равными с мужчиной правами и даже выполняли их воинский долг.

Второй участок территориально меньше первого — 28X22 м. С северо-запада он ограничен рыхлым щебневым слоем, с юго-запада — нейтральной полосой, отделяющей его от первого участка, а с северо-востока — полосой между ним и третьим участком. Только с юго-востока участок

остался неисследованным из-за дороги и придорожного перекопа. На участке вскрыто 32 катакомбы, из которых 14 определены хронологически. Как и на первом участке, здесь обнаружены катакомбы всех трех периодов. Проследить какой-либо порядок в их размещении на территории участка невозможно: видимо, его и не было. Следует отметить, что катакомбы расположены на этом участке более скученно, в трех случаях пересекаются и даже частично разрушают друг друга. Тем не менее, помимо катакомб, на участке находится одно подбойное захоронение (47), погребение коня (53), кенотаф (63) и 14 тризн. Одиночных катакомб здесь вдвое меньше (22 %), принадлежат они детям (два — девочкам-подросткам — 32, 40) и одно одиночное захоронение старухи (100). Зато много в этой группе парных — супружеских захоронений, большая часть которых является посмертными парами (44 %). Женских погребений (без детей и с детьми) очень мало — кроме катакомбы 100, это еще погребения с детьми — 59, 60, 99. Таким образом, создается впечатление, что участок в целом принадлежал более обеспеченной семье, возглавляемой мужчинами, которых семья имела возможность хоронить с рабыней и детьми. Характерно, что и тризны на этом участке также более «богатые», состоящие из нескольких сосудов или из сосудов и костей животных, хотя, конечно, были и простые тризны (скопление их в юго-восточном углу участка).

Третий участок также раскрыт довольно широкой площадью (22X18 м). Отчетливо выявились его западная, северо-западная, северо-восточная границы. На этом участке нет ранних катакомб первого периода, одна — промежуточного и три — поздние. Всего на нем размещено 16 катакомб, две ямные могилы, две подбойные и всего две бедные тризны. Характерно, что ямные (133, 158) и подбойные могилы (132, 144) расположены вдоль северо-восточной границы участка, т. е. вне основной его территории. В катакомбах преобладают захоронения женщин с детьми (64, 93, 956, 129, 130, 145) или мужчин с детьми (75, 95а). В целом создается впечатление бедности и даже какой-то заброшенности участка.

Полоса в 4—6 м отделяет третий участок от следующего, насыщенного могилами участка, вскрытого частично. Одноко ширина его, как нам представляется, устанавливается довольно убедительно — 16 м. Далее на северо-восток (вдоль по склону холма) прослежено еще не менее трех участков.

Территория могильника вниз по склону холма — к юго-востоку от трех первых участков, как уже говорилось, исследована нами далеко не полностью. Однако участки, нейтральные полосы между ними прослеживаются и здесь. Интересно, что основное скопление трупосожжений (1—5) было расположено вдоль края одной из таких нейтральных полос (участок VII), а трупосожжение 7 — на восточном краю могильника рядом с ямным погребением 116 (участок VIII). Все это является надежным дополнительным свидетельством того, что определенными участками на могильнике пользовались только члены больших семей. Не родственники хоронились обычно на окраинах того или иного участка в зависимости от того, с какой семьей они были близки.

Весьма существенно отметить тот факт, что большинство участков могильника, в том числе и крайние северо-восточные и восточный отличаются

наличием в них иногда значительного процента ранних и промежуточных катакомб. Это свидетельствует об одновременности возникновения могильника почти во всех его частях, т. е. о первоначальном разделении его территории на участки, постепенно заполнявшиеся катакомбами и сопутствующими им погребениями других типов.

Мы подробно рассмотрели сложный погребальный обряд Дмитриевского могильника, вернее, совокупность нескольких обрядов, свидетельствующих прежде всего об устойчивости основной катакомбной обрядности и в то же время о большой этнической смешанности населения, что отразилось на погребальном обряде каждой из этнических группировок. Так, в аланских катакомбах укладывались женщины вытянуто на спине, изредка туда же помещали запас мясной пищи, что свойственно праболгарам. Иногда в ямных захоронениях погребали аланок-долихокранов, правда согласно ритуалу, скорченно на боку. А брахикраны—праболгары хоронились не только в ямных могилах, но и в катакомбах. Что касается трупосожжений, принадлежавших этнически чуждому населению, то в них наряду с характерными собственными сосудами встречалась и лощеная посуда, изготовленная аланскими мастерами.

НА СЛАВЯНО-ХАЗАРСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

(ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Предпринятое нами исследование самого северо-западного памятника салтово-маяцкой культуры не опровергло предложенной ранее начальной даты культуры в целом и данного памятника в частности. Это — середина VIII в. В это время, примерно в 40—60-годы, часть аланского населения, заселявшего центральное и западное Предкавказье, двинулась на север — на новые земли. Пройдя, не останавливаясь, по степным просторам Подонья, оно заняло лесостепные верховья трех больших рек этого бассейна: самого Дона, Северского Донца и Оскола. Это переселение объяснялось в литературе обыкновенно тяжестью арабского нашествия и постоянными халифскими поборами, обрушившимися на народы и племена Северного Кавказа в первой половине VIII в. (*Плетнева С. А.*, 1967. С. 91, 183). В последние годы была предложена другая гипотеза, а именно — алан, входивших в состав Хазарского каганата, правительство этого государства насильно переселило на далекие пограничные земли (*ГадлоА. В.*, 1984. С. 26). Этим переселением были решены сразу две задачи: во-первых, был укреплен северо-западный предел хазарских владений, с которого хазары немного позже двинулись на завоевание славянских земель, и во-вторых, было ослаблено аланское объединение в Предкавказье, наличие которого в непосредственной близости от домена Хазарского кагана, естественно, должно было беспокоить правителей этого государства. Новая гипотеза, несомненно, заслуживает признания. Однако нельзя полностью отрицать и мощного давления арабов на предкавказское население, которое охотно уходило от них с насиженных мест. Поэтому, возможно, что переселение, задуманное как государственное мероприятие, весьма стимулировалось вынужденной эвакуацией с разоренных земель. Это тем более вероятно, что не только аланы, но и болгарское и хазарское население отошло из предкавказских степей в спокойные северные просторы — на Дон и Волгу.

Этническая интерпретация основного контингента лесостепного населения Подонья в настоящее время не вызывает сомнений. Его аланское происхождение подтверждается и антропологическими данными (*КондуктороваТ.С.*, 1984). Население, оставившее Дмитриевский археологический комплекс, также в основной массе — долихокранное (аланское). Неожиданным оказался довольно значительный процент брахикранного (древнеболгарского) населения в составе аланской Дмитриевской общины. Появились праболгары на Короче почти одновременно с аланами. Связи двух этносов были интенсивными — браки заключались постоянно.

Этим объясняется большое количество мезокранных (смешанных) черепов в могильнике. Характерно, что смешение этносов прослеживается не только на атропологическом материале, но и на изменении самого устойчивого этнического признака — погребального обряда.

Как сказано в предыдущей главе, брахикраны-болгары захоранивали своих родных в катакомбах (причем целыми семьями), а долихокраны-аланы погребались иногда в простых ямах или подбоях.

Видимо, мы можем говорить, что здесь на окраине каганата происходило сложение новой этнической группировки. Кроме алан и праболгар, в нее входил еще и третий компонент, отчетливо представленный на Дмитриевском могильнике урновыми трупосождениями.

Последний является, видимо, сильно смешанной этнически группировкой. В нее входили окраинные поздние остатки пеньковской культуры, бывшие конгломератом потомков черняховцев, славян VIII—IX вв., степняков-кутригуров и др. (*Плетнева С. А.*, 1972. С. 118). Результаты разведок и раскопок последних лет на Северском Донце и Осколе, проведенные Г. Е. Афанасьевым, А. Г. Николаенко, А. М. Обломским, показали, что это население обитало в верховьях обеих рек до прихода сюда аланских и праболгарских переселенцев.

Появление алан и праболгар не вызвало, видимо, бурного протеста со стороны «аборигенов». Вероятно, объясняется это тем, что земли было много и пришельцы вполне могли расселиться на ней, не сгоняя с мест прежних жителей. Во всяком случае все три Дмитриевских поселения и городище были основаны на свободной территории. То же можно сказать и относительно подавляющего большинства поселений и городищ лесостепного Подонья.

Как назывался новый этнический массив, образующийся на северных и северо-западных окраинах каганата? К сожалению, в письменных источниках ничего не говорится об этом далеком от центральных областей государства районе. Практически мы в настоящее время можем привлечь к решению этого вопроса только одно свидетельство, относящееся к значительно более позднему времени — началу XII в. Это — запись в русской летописи под 1116г.: «В се же лето посла Володимер сына своего Ярополка, а Давид сына своего Всеволода на Дон и взяша три грады: Сугров, Шарукан, Балин. Тогда же Ярополк приведе собе жену красну вельми, яського князя дщерь полонив» (ПВЛ. С. 201). Приведенная цитата многократно толковалась в исторической литературе (см.: *Артамонов М. И.*, 1962. С. 359 и др.). Все исследователи полагают, что городки на «Дону» (Северском Донце) принадлежали остаткам салтовского населения, подчинившегося в XI—XII вв. половецким ханам (*Плетнева С. А.*, 1985. С. 260). Называлось это население, возглавлявшееся собственным «князем», по русской транскрипции «ясами», а в византийских источниках «асиями» или «асами» (*Кузнецов В. А.*, 1971. С. 26—28). Так у византийцев назывались предкавказские аланы. Русский летописец отлично знал, что на Северном Кавказе обитают «ясы»: в записи 965 г. говорится, что Святослав, разбив хазар, далее «ясы победи и касогы». Таким образом, в XII в. именно аланы (асы—ясы) зафиксированы на Северском Донце русской летописью. Очевидно, так именовалось салтовское население верхнего Подонья и в хазарское время. Следует сказать, что великолепная, богатая вещами

культура алано-болгарского населения лесостепи вызывает время от времени желание приписать ее какому-то более известному, упоминаемому источниками народу. Так, Д. Т. Березовец утверждал, что она принадлежала «русам» (*Березовец Д. Т.*, 1965), а Г. Е. Афанасьев сравнительно недавно предложил считать ее бургасской (*Афанасьев Г. Е.*, 1984в).

К сожалению, авторы, отождествляя культуру с русами или бургасами, зачеркивают проблемы, возникшие в связи с этими этническими наименованиями. Источники, которыми оба они пользовались, давно и многократно исследовались, однако прямых связей салтово-маяцкой культуры с русами и бургасами никто еще не устанавливал. Мне представляется, что новые гипотезы нельзя строить без новых данных. Такими могут быть только археологические источники, поскольку вряд ли можно надеяться найти новые арабские, персидские или византийские сочинения, касающиеся этих этносов. Очевидно, необходимы поиски археологических памятников всюду, где разные источники и разные исследователи локализируют тот или иной этнос. Далее сравнительный анализ полученных данных, вероятно, позволит выделить признаки, характерные для культуры этого этноса (если она успела сложиться до исчезновения этнического имени со страниц письменных сочинений).

Значительно ранее двух упомянутых выше гипотез возникло мнение о хазарской принадлежности салтово-маяцкой культуры, в частности у первооткрывателя культуры В. А. Бабенко (*Бабенко В. А.*, 1914). И. И. Ляпушкин считал, что этой же точки зрения придерживался и М. И. Артамонов (*Ляпушкин И. И.*, 1958. С. 138). Однако М. И. Артамонов вовсе не называет ее собственно хазарской, он всюду в своих работах подчеркивает, что эта культура стала государственной культурой Хазарского каганата (*Артамонов М. И.*, 1935; 1940; 1958; 1962).

Таким образом, культура, представленная Дмитриевским археологическим комплексом, является, как мне представляется, в широком смысле хазарской культурой. Основным населением этого района были аланы (ясы), но они активно смешивались с другими этносами, создавая повое этническое образование, характеризующееся собственной, уже не чисто аланской материальной и духовной культурой.

В классовых обществах (в государствах) культура в значительной степени становится уже не этническим, а социальным явлением. Отдельные признаки культуры полностью приобретают не этнический, а социальный характер, и различия внутри нее нередко могут быть объяснены общественными отношениями, сложившимися у данного населения. Во всяком случае нередко этнические и общественные отношения настолько тесно переплетаются, что отделить одни признаки от других не представляется возможным.

Аланы, поселившиеся на далеких от центральной ставки хазарского правителя северо-западных лесостепных землях, находились на стадии становления раннефеодальных отношений. На Корочу пришло несколько десятков воинов с семьями, возглавляемых, видимо, феодалом (князем или ханом). Каждая семья получила участок на поселении и, очевидно, соответствующие угодья для посевов и пастбища. Участки на поселении, как мы видели, были небольшими. Сначала на каждом из них было поставлено, вероятно, одно жилище, окруженное подсобными помещениями. Со

временем семья разрасталась — рядом со старым жилищем строились новые. Однако главное жилище принадлежало главе семьи и одной из функций хозяйки этого жилища (и двора) было изготовление домашней посуды. Не исключено, что этому чисто практическому занятию придавалось и ритуальное значение — ведь гончарство было одной из «опасных профессий», связанных с колдовством и злыми чарами. Хозяйка двора выполняла, вероятно, обязанности домашней «жрицы», что находит подтверждение и в материалах могильника, к которым мы обратимся ниже.

При основании селища на вершине горы были произведены жертвоприношения — заколоты и погребены в узких ямах «золотые кони». Мы открыли всего два таких погребения (рис. 23, 27). Их взаимное расположение (расстояние между ними, ориентировка) свидетельствуют как будто о том, что захоронения были размещены по кругу диаметром в 26 м. Всего их было на этой предполагаемой окружности восемь. Возможно, что здесь первоначально находилось святилище для всего прибывшего на Корочу аланского населения. Позже, как мы уже говорили, на вершине холма разместили ямы — хранилища зерна. Это также можно объяснить желанием сохранить продукты, тем более что меловые сухие ямы вполне способствовали лучшему их хранению.

Одновременно с основанием поселения был укреплен и мыс, на котором, вероятно, обосновался глава пришельцев со всей семьей и домочадцами. Феодал, как и вся знать Хазарского каганата, вел, видимо, полукочевой образ жизни и каждый сезон уходил на летние кочевья — в степи. Только зимой семья возвращалась на городище, все ее члены жили в теплых юртах, остатки которых неуловимы для археологов, если основания юрт не были врезаны в материк. Впрочем, возможно и иное решение вопроса о причинах внешней (кажущейся) необитаемости городища. Мы видели, что укрепления на мысу строились в два приема. В начале они были полудеревянными-полугеометрическими. Возможно, в этот первый период городище служило только необитаемым в мирное время убежищем для людей, поселившихся в более удобных для жилья местах вокруг мыса. Появление военизированного населения на новых землях не вызвало бурного протеста у немногочисленных местных жителей, и убежище в первое время практической роли не играло, оставаясь незаселенным.

В первой половине IX в. обстановка в степях осложнилась (*Артамонов М. И.*, 1962. с. 324—335). Феодалы, восставшие против правительства, всемерно укрепляли свои позиции в каганате. По-видимому, одним из наиболее существенных признаков этого укрепления можно считать постройку белокаменных крепостей, как бы противопоставляемых кирпичным крепостям кагана. Характерно, что только один из белых замков (Правобережный Цымылянский) был поставлен рядом с границей каганского домена — напротив Саркела. Судя по стратиграфии этого памятника, замок просуществовал недолго: он был много доступнее для войск кагана, чем далекие донецкие городища и особенно самое северное из них — Дмитриевское.

Таким образом, примерно в 30—40-х годах IX в., т. е. почти синхронно со строительством Саркела, на старых полудеревянных невысоких стенах Дмитриевского мыса местный феодал поставил белокаменные стены. Это было сделано не только ради престижа. Белокаменная надстройка

сделала мыс недоступным укреплением. Видимо, после этого феодальный владетель поселился во вновь отстроеном замке. Однако одна семья, жившая к тому же в юртах, не могла оставить за 60—70 лет жизни никакого заметного следа. Поэтому укрепленное мощными стенами городище, как впрочем и все остальные аналогичные ему белокаменные замки, кажутся археологам необитаемыми. На мысу, непосредственно за напольным ровом и стеной располагались жилища и хозяйственные ямы, принадлежавшие, вероятно, челядинцам. Их тоже было немного, но, когда пришла новая беда, владелец мыса пожелал укрепить и эту его часть. Случилось это примерно в конце IX—начале X в., когда дошли до крайних пределов Хазарского царства слухи о беспощадных кочевниках-печенегах, захвативших к тому времени донские степи. Дополнительная линия обороны состояла из ровика и деревянной Двухпанцирной стены, внутри панцирей которой была засыпана земля из ровика. Подобные стены в тот период возникли всюду в Хазарском каганате. Их сооружение не требовало ни больших усилий, ни времени и в то же время они могли какое-то время сдерживать грабительские набеги печенежских отрядов. Следует сказать, что традиция сооружения белокаменных стен пришла в бассейн Дона, по нашему мнению, из Дунайской Болгарии, где в 30-х годах IX в. повсеместно развернулось белокаменное двухпанцирное строительство. Что касается двухпанцирных земляных стен, то они были типичны для поселений степных районов Хазарского каганата, где также в основной массе обитало древнеболгарское население. Вполне вероятно поэтому, что в строительстве тех и других в верховьях Северского Донца, Оскола и Дона активно участвовали болгары, в первой половине IX в. бежавшие сюда от междоусобицы, а в конце этого века — от печенегов, разоривших их поселения не только на нижнем Дону, но и на нижнем и даже среднем течении Северского Донца.

Недаром иод основанием стены на городище был обнаружен раздавленный типично болгарский (степной) горшочек, а на могильнике погребения брахикранов встречались в катакомбах как первого (раннего), так и позднего периодов существования могильника, т. е. на протяжении всего IX в. (табл. 68).

Таблица 68. Соотношение периодов существования могильника с антропологическими данными (в %)

Хронологические периоды	Антропологические определения					
	Долихокраны		Брахикраны		Мезокраны	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
2 и 3	22	33	8	6	8	22
1	20	25	10	10	31	5

При этом процент брахикранного и мезокранного населения в ранний период даже несколько выше, чем в поздний, что, видимо, является дополнительным доказательством одновременности появления этого населения с долихокранным — аланским на берегах речки Корочи. Весьма существенным представляется тот факт, что болгары (брахикраны), в среде аланского населения бывшие несомненным меньшинством, принадлежали к различ-

ным общественным группировкам: от богатых воинов, погребенных с посмертными женой и ребенком, конем и оружием, принятых равными членами в аланских семьях, до обычных домашних рабов (а чаще рабынь), убитых во время похорон хозяина.

В предыдущей главе мы уже говорили о том, что могильник состоит из участков, принадлежавших, как и участки на поселении, отдельным семьям. Каждая семья хоронила своих мертвых на отведенном ей участке с первого десятилетия ее появления здесь до конца жизни на поселении. Как мы видели, семьи отличались друг от друга по половозрастным признакам: в одних преобладали женские погребения, в других — мужские, в третьих — детские.

Прежде чем попытаться охарактеризовать каждую алано-болгарскую семью с экономической и социальной сторон, необходимо дать перечень тех критериев-признаков, которые положены нами в основу членения погребенных в могилах людей на разные социально-экономические категории. Эти определяющие признаки касаются, во-первых, сопровождающего инвентаря, во-вторых, погребальных обрядов, в-третьих, устройства погребального сооружения.

Наиболее богатым захоронениям свойствен следующий сопровождающий инвентарь: наборы оружия, в которые иногда входят и сабли, воинские пояса разного состава и значения, золотые и серебряные серьги, наборы украшений (бронзовые серьги, браслеты, перстни, бусы), зеркала, наборы (или одиночные находки) амулетов.

Обряды характеризуются: 1) захоронениями воинов с посмертными женами на угольной подсыпке; 2) захоронениями воинов с посмертными женой и ребенком на угольной подсыпке; 3) захоронениями женщин с оружием; 4) помещением в дромосы туши коня и останков других животных.

Погребальные сооружения в основном представлены катакомбами с динными дромосами и просторными камерами. Примерно половина этих камер засыпана или полузасыпана плотной материковой глиной.

Следует учитывать, что в каждой катакомбе с богатыми захоронениями объединены не все перечисленные выше признаки, но обязательный и вполне определенный их комплекс, который дает право считать похороненного воина или женщину «богатыми».

По мере уменьшения в катакомбах выявленных признаков, характерных для «богатых» захоронений, соответственно меняется, видимо, экономический (и общественный) статус погребенных в них людей (табл. 69, 70).

Наиболее выразительные и многочисленные признаки (от 8 до 14) представлены в первой категории катакомб с мужскими захоронениями. В них в больших катакомбах с забитыми камерами погребены, как правило, опоясанные воины с наборами оружия, с поясами, с посмертной женой (на угольной подстилке). В дромосах двух катакомб похоронены кони, в одном — раб. Для женщин, сопровождающих мужчин, типичны полные наборы украшений (иногда с золотыми или серебряными серьгами), амулеты и пр. Попадают в захоронениях этой категории и нарушения. В частности, заметным нарушением обряда является захоронение в катакомбе 81 30-летнего воина с юной женой и двумя детьми без угольной подсыпки. Очевидно, это была обычная семейная усыпальница мужа, жены и детей, умерших одновременно (эпидемия?). К этой же категории богатых

Таблица 69. Признаки экономического статуса загороненый мужчин

№ каталога	Признаки																			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
	сабли	топоры	другое оружие	винские пояса	сбруя	украшения сбруи	золотые серьги	серебряные серьги	другие украшения	звезда	один амulet	несколько амuleтов	угольная почемна	загоронение раба	загоронение коня	загоронения других животных	длинный армос	большая камера	забитая глиной камера	Итого
126	+	+	+	+	+		+		+	+			+		+		+	+	+	14
45	+	+	+	п*	+	+		+	+	+					+		+	+	+	12
52																				12
23				п																9
51				+																9
169				+																8
81				+			+													8
55				+																8
125				+			+													8
165				+										+						8
7				+																7
148				+																7
151																				7
46																				6
57																				6
86																				6
92																				6
3																				6
115																				6
155																				6
94																				5

детских (отдельных или помещенных в семейных усыпальницах). Дети, сопровождавшие вместе с посмертной женой мужчину, нередко снабжались небольшим количеством предметов (украшений и амулетов).

Пятая категория самая многочисленная на могильнике. Она представлена примерно в 35—40 % всех раскопанных нами катакомбах, а также всеми ямными и подбойными захоронениями.

Очевидно, картина, полученная нами в результате расслоения захоронений на категории, в какой-то степени отражает реальное соотношение различных сословий в общественной структуре Дмитриевского населения того времени.

Наиболее яркой особенностью этой структуры является значительный процент военизированного населения. Видимо, хазарское пограничье действительно было заселено семьями, все мужское население которых несло воинскую службу. Распределение захоронений разных категорий на территории могильника свидетельствует о заметном имущественном различии между отдельными семьями (рис. 120).

Как было сказано выше, наиболее обеспеченной — богатой семьей была семья, хоронившая на втором участке. Действительно, в ней треть катакомб относится к двум первым категориям. Первый участок также принадлежал довольно богатой семье, но в ней преобладали женские погребения. Именно к этой группе относится богатое погребение девушки-воина с саблей, поясом и золотыми серьгами (катакомба 5). Здесь же сосредоточены погребения других богатых женщин (второй категории) и женщин-воинов, вооруженных топорами. Помимо этих двух участков, богатые захоронения характеризуют крайний северо-восточный участок и два южных. На остальных участках захоронения довольно бедные, их отличает явное преобладание безынвентарных мужских и женских погребений (в том числе ямных и подбойных).

Военизация населения касалась, как мы видели, не только мужчин, но и женщин, многие из которых похоронены с оружием, воинскими поясами, сбруей и конями. Последние встречаются при женских погребениях так же часто, как и при мужских. Однако следует отметить, что захоронения вооруженных женщин, как правило, относятся к позднему периоду существования могильника. Видимо, активизация венгров, походы русского князя Олега на северян и радимичей в 884 г., ранее плативших дань хазарам появление печенегов в степях способствовали этому. Во всяком случае в семье первого участка женщины фактически начали заменять мужчин, вероятно, убитых в стычках с врагами. Такие проявления «амазонства» характерны для любого общества и у любого народа в особо опасные периоды жизни, когда мужское население заметно убывало и женщины вынуждены были брать на себя и исполнять их обязанности (Плетнева С. А., 1983. С. 19.). Воинскую повинность несли, судя по данным могильника, женщины всех возрастов: нередко это были юные девушки (до 20 лет), однако основная тяжесть ложилась на плечи возмужалых женщин.

Интересно, что погребение женщины с оружием только в виде исключения сопровождалось амулетами. Обычно амулеты находили только при скелетах взрослых и старых женщин, погребенных с родными детьми, или на угольной подстилке — с посмертными. Это были женщины — хозяйки

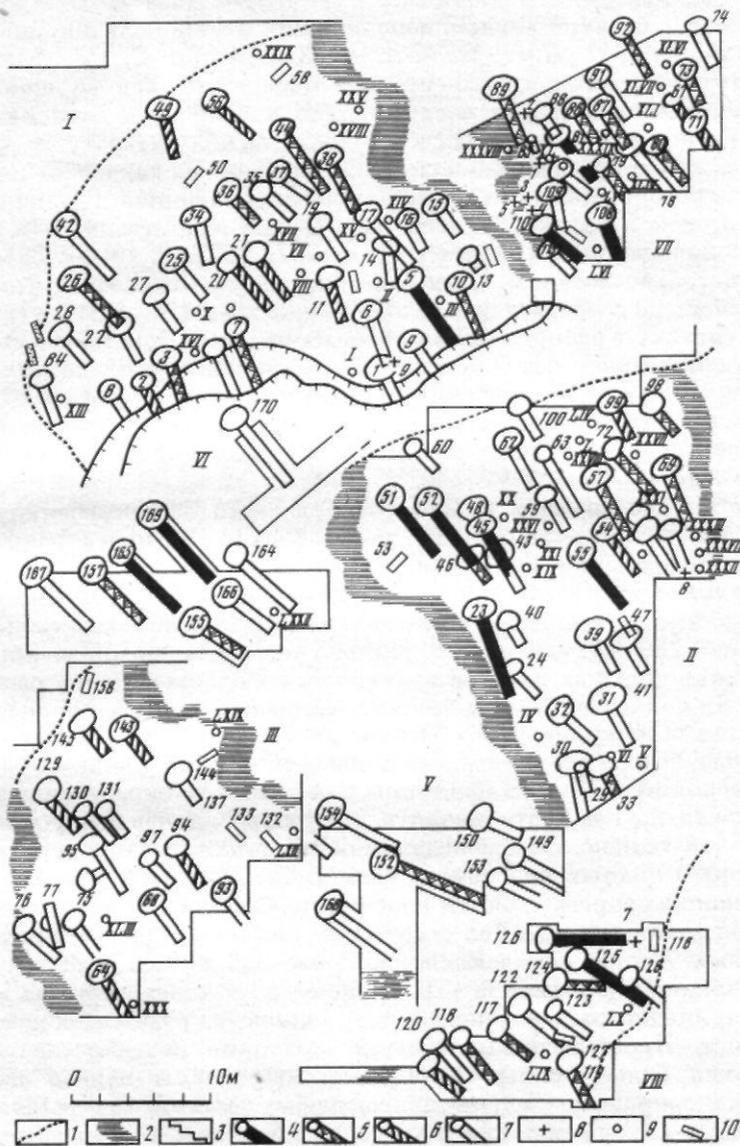

Рис. 120. Планы семи участков могильника с указанием распространения катакомб с погребениями людей различных экономических и социальных категорий

Условные обозначения: 1 — естественная граница могильника; 2 — «межевые» полосы; 3 — очертания раскопов; 4 — богатые захоронения первой категории; 5 — погребения второй категории; 6 — погребения третьей категории; 7 — неопределимые катакомбные погребения; 8 — труноскоже и тризны; 9 — ямные погребения

дворов, жены, богатых воинов, исполнявших в доме роль домашних жриц. (Граков Б. П., 1947; Плетнева С. А., 1983. С. 15).

Анализ погребального инвентаря в могилах воинов (мужчин и женщин) неизбежно приводит исследователя к вопросу о воинских поясах, неоднократно поднимавшемуся в археологической литературе. Дж. Ласло на аварских поясах убедительно показал значение их как важнейшего атрибута воинского рыцарского достоинства воина-степняка. Различия в количестве бляшек и их подборе означали разное общественное (в основном военное) положение погребенного (Laslo G., 1955. С. 16, 51, 56). Выводы Ласло настолько логичны и так блестяще; аргументированы, что вслед за ним хотелось на своем материале проследить такую же стройную и закономерную систему в распределении поясных наборов. Я пыталась это сделать в 1967 г., пользуясь незначительным количеством раскопанных в Дмитриевском могильнике погребений с поясами (Плетнева С. А., 1967. С. 164). Следует признать, что попытка не дала ожидаемых результатов, поскольку не удалось получить столь же четких и ясных выводов, какие сделаны в работе Ласло.

В настоящее время в нашем распоряжении 39 погребений с поясами — почти в три раза больше, чем в 1967 г. 32 пояса сопровождали мужские захоронения, семь — женские (таблицы 71, 72). Сопоставление поясных наборов с возрастом погребенных позволяет уверенно говорить, что подавляющее большинство поясов принадлежало возмужалым и зрелым воинам (80 %), т. е. людям, реально участвовавшим в военных действиях. Состав поясных наборов практически не зависит от возраста погребенных. Ни полные наборы из пряжек, бляшек трех типов, наконечника, ни следующие за ними пояса без бляшек с прорезью, без бляшек с кольцами и прорезью, без наконечников, без пряжек или же состоящие только из геральдической пряжки не характерны для какого-то определенного возраста. Можно также как будто говорить, что у юных воинов наборы значительно скромнее, однако это наблюдение опровергается захоронением юноши с роскошным полным набором из катакомбы 92 и, наоборот, захоронения зрелых воинов сопровождаются поясами, аналогичными по составу скромным юношеским поясам. Два старческих пояса — бедные и неполные, но и у зрелых воинов попадаются неполные пояса (без пряжек) или же с одной пряжкой (катакомба 45). То же следует констатировать и относительно принадлежности опоясанных воинов к разным общественным категориям. Простые воины третьей категории нередко носили пояса значительно более полные и богатые, чем воины первой категории.

Очевидно, право на ношение поясов любых составов определялось не общественным и экономическим положением воинов и не их возрастом. Для этого нужны были, видимо, достижения в военном деле. Только военная слава давала воину наивысший ранг. Именно в связи с этим юноши обычно владели заметно более скромными поясами, чем большинство взрослых воинов, хотя один из них (катакомба 92), видимо, превзошел доблестью всех остальных мужчин (исключая воина из катакомбы 51). В то же время 13 вооруженных мужчин были погребены без поясов. В их числе есть и богатые воины (52, 125), и воины, относящиеся ко второй имущественной категории. Объяснить причины этого достаточно распространенного явления пока не представляется возможным. Особенно заметно нарушение обычая

Таблица 71. Воинские пояса при мужских захоронениях

Социальная категория	Возраст	№ катакомб	Пояс				
			пряжки	бляшки простые	бляшки кольцом	бляшки с прорезью	заключечники
1	зрел.	51	1	22	22	5	1
2	юн.	92	1	21	10	4	1
3	зрел.	111	1	16	12	3	1
3	взросл.	121	1	9	11	2	1
3	взросл.	81	1	4	13	1	1
1	взросл.	165	1	8	4	2	1
3	зрел.	21	1	4	2	1	1
1	взросл.	169	1	4	3	—	1
3	стар.	101	1	5	3	—	1
2	зрел.	72	1	4	6	—	1
1	взросл.	148	1	11	—	—	1
1	зрел.	55	1	10	—	—	1
3	взросл.	54	1	7	—	—	1
2	зрел.	3	1	7	—	—	1
3	зрел.	71	1	5	—	—	1
2	зрел.	79	1	4	—	—	1
1	юн.	126	1	4	—	—	1
3	зрел.	11	1	2	—	—	1
3	зрел.	143	1	1	—	—	1
4	юн.	88	1	1	—	—	1
3	зрел.	80	1	9	6	3	—
2	юн.	115	1	1	5	1	—
3	зрел.	83	1	9	—	—	—
4	взросл.	22	1	6	—	—	—
2	зрел.	171	1	5	—	—	—
3	стар.	142	1	1	—	—	—
3	юн.	33	1	—	—	—	—
1	зрел.	45	1	—	—	—	—
1	?	23	1	—	—	—	—
2	стар.	119	—	14	—	—	1
2	зрел.	86	—	1	4	—	1
2	зрел.	155	—	1	2	1	1

опоясывания в женских захоронениях. Там из десяти женщин с топорами и оружием только шесть опоясанных. Три женщины с поясами — юные, у всех них пояса неполные, даже у девушки с саблей (5). Как и мужчины, наиболее богатые (полные) пояса носили пожилые женщины, видимо, испытанные в походах бойцы.

Нарушение обычая наблюдается не только в отсутствии пояса у вооруженных мужчины или женщины, но наоборот — наличие его у невооруженного человека (старика, женщины, ребенка). В таких случаях следует, видимо, помнить, что, помимо воинских поясов, были и так называемые рабочие пояса, являвшиеся неотъемлемой частью одежды. Обычно это были

Таблица 72. Воинские пояса при женских захоронениях

Социальная категория	Возраст	№ катакомб	Пояс				
			пряжки	бляшки простые	бляшки с кольцом	бляшки с прорезью	наконечники
2	зрел.	87	1	8	18	6	1
1	?	106	1	9	7	3	1
1	юв.	5	1	1	—	—	1
1	зрел.	164	1	10	6	2	—
2	юв.	124	—	1	3	1	1
1	юв.	164	—	2	1	1	—
4	зрел.	162	—	—	3	—	1

простые ремешки с железной или бронзовой пряжкой, но иногда их также украшали небольшим количеством бляшек. Нередки такие украшения пояса находились при женских захоронениях в катакомбах с основным мужским погребением на угольной подстилке. Смысловой роли пояса на таких женщинах не играли, даже если захоронение их иногда сопровождалось и топориком, поскольку все в камере, в том числе и сама женщина, принадлежало мужчине.

Особняком стоит только одно захоронение ребенка (мальчика 10—12 лет) с топориком и остатками пояса в катакомбе, основным погребением которого было женское (катакомба 10). Катакомба относится к первой семье, где, как мы видели, женщины приобрели ведущее значение. Очевидно, мальчик в этой «обезглавленной» семье вынужден был рано становиться воином так же, как и молоденькая девушка из катакомбы 5, бывшая, возможно, его сестрой: катакомбы их расположены рядом, а черепа девушки и мальчика отличаются заметной особенностью — сильно выдающимися верхними зубами.

Итак, распространение в могилах воинских поясов еще раз подчеркивает военизированный быт населения этой далекой окраины каганата. Это население играло в каганате роль своеобразного «казачества». Как и казаки, они не были регулярными пограничными войсками, обязанными охранять земли кагана от вторжений. Вряд ли существовало тогда четкое понятие границ государства, особенно в степных просторах и у полукочевого властителя. В известной мере это население, несомненно, оберегало какие-то наметившиеся рубежи, поскольку естественно, защищало свои личные владения от всевозможных вторжений. Однако основной его функцией была не охрана пограничья, а проведение в жизнь наступательной политики каганата на западных и северо-западных соседей. Недаром вплоть до 80-х годов IX в. радимичи и северяне платили дань хазарам, о чем сообщает нам русский летописец (ПВЛ, 1950. С. 20). Только князь Олег освободил их от этой дани, сказав: «Аз им противен, а вам не чему», т. е. взяв оборону обоих племенных союзов на себя. Однако власть хазар над вятичами продолжалась до 964—965 гг., когда князь Святослав Игоревич разгромил войско кагана и самое сердце государства — город Итиль (ПВЛ, 1950. С. 47). Впрочем к этому времени ясский северный и западный шиты каганата, вероятно, уже рухнули под ударами новых врагов-

печенегов. Печенеги первый раз подошли к русским границам в 915 г. (ПВЛ, 1950. С. 31). Они заключили мир с Игорем и ринулись к Дунаю. До этого они должны были уничтожить или предельно обессилить военизированное и поэтому крайне опасное в их тылу население верховий Северского Донца, Оскола и Дона. Очевидно, цели своей печенеги достигли. Несмотря на находки в Верхне-Салтовском могильнике 23 арабских монет Хв. (*Иченская О. В.*, 1982. С. 145 — 146), а следовательно — существования верхнесалтовского и окрестного населения в X в., основной контингент его в начале этого века был уничтожен или покинул места, ставшие за полтора прошедшие столетия родными. У нас нет пока никаких данных говорить о жизни поселений у с. Дмитриевка в X в. Верхней датой для них является конец IX — первое десятилетие X в. Мы знаем, что часть ясского населения осталась под властью новых кочевников на Северском Донце и до XII в. Однако наиболее свободолюбивые по возможности отступили далее на север — в почти недоступные для печенегов леса. Так появились они среди вятичей, отойдя со среднего Дона в воронежские леса (*Ванников А. З.*, 1984. С. 72—128). То же произошло, видимо, и с «дмитриевцами». Исследование поселения показало, что оно было покинуто населением, хотя и поспешно, но организованно. Вероятно, отошло оно в верховья Корочи. Там Г. Е.Афанасьев вслед за Б. А. Шрамко и В. К. Михеевым обследовал прекрасное Большое городище, укрепленное земляным валом (аналогичным поздним валам на ряде салтовских городищ). Вполне возможно, что некоторое время жизнь продолжалась там, но затем, когда и этот рубеж стал опасен, население отселилось еще дальше на север под защиту русских князей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АОН — Археологические открытия на новостройках
 ГЭ — Государственный Эрмитаж
 ВДИ — Вестник древней истории
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ИАК — Известия Археологической комиссии
 ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
 КВЧ — Книга Большому чертежу.
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 МАК — Материалы по археологии Кавказа
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 ОИПК — Отдел истории первобытной культуры
 СА — Советская археология
 САИ — Свод археологических источников
 СЭ — Советская этнография
 Тр. № АС — Труды № Археологического съезда

- Щапова Ю. Л.*, 1963. Стекланные изделия средневековой Тмутаракани // *Керамика и стекло Тмутаракани*. М.
- Щербак А. М.*, 1959. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела — Пелой Вежи // *МИА*. № 75.
- Якобсон А. Л.*, 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.
- Khalikova E. A., Kazakov E.P.*, 1977. Le oimeliere de Tankevka // *Les anciens Hongrois et les ethnics voisines a l'Est*. Budapest.
- Kiss A.*, 1977. *Avar Cemeteries in County Baranya*. Budapest.
- Kovrig /.*, 1963. *Das awarenzeitliche Iraberfeld von Alattyán*. Budapest.
- Laslo G.*, 1955. *Etudes archeologiques sur l'histoire de la societe des avars* // *Archaeologia Hungarica*. XXXIV. Budapest.
- Laszlo G., Haczi I.*, 1977. *A Nagyszentmiklosi kincs*. Budapest.
- Zakharov A., Arendt W.*, 1934. *Studia Levedica* // *Archaeologia Hungarica*. XIV. Budapest.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

3

ВВЕДЕНИЕ

7

Глава первая

БЕЛОКАМЕННЫЙ ЗАМОК (ГОРОДИЩЕ)

12

Глава вторая

ПОСЕЛЕНИЯ

20

Глава третья

ТИПОЛОГИЯ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ

68

Глава четвертая

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

173

Глава пятая

НА СЛАВЯНО-ХАЗАРСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

(вместо заключения)

268

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

283

ЛИТЕРАТУРА

284

Научное издание

Плетнева Светлана Александровна

На славяно-хазарском
пограничье

Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор издательства Г. В. Моисеенко
Художник А. А. Кушенко
Художественный редактор В. В. Алексеев
Технический редактор Л. Н. Золотухина
Корректор К. П. Лосева

ИВ № 390П2

Сдано в набор 16.11.88
Подписано к печати 18.04.89
Формат 70ХУ0'/|в
Вумага офсетная № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать офсетная
Усл. печ. л. 21.21. Усл. кр. отт. 22,37. Уч.-изд. л. 23,4
Тираж 1700 экз. Тип. зак. 1025
Цена 4 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Паука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12